

Доктор Ги Дзен

Загадка доктора Зака

Москва 2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4
Д 63

Доктор Ги Дзен
Д 63 Загадка доктора Зака. – М.: Издательство
«Спутник +», 2016. – 460 с.

ISBN 978-5-9973-3938-8

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-9973-3938-8

© Доктор Ги Дзен, 2016

*Семь – число, имеющее особое значение
для людей, ищущих смысл в жизни.*

*Эта книга посвящает себя тем,
кто нашел в себе мужество
остановиться на мгновение
и подумать...*

Доктор Зак грустил в ожидании интересной истории. Истории, достойной его гениального писательского пера, не было. Все было банально, тривиально, скучно и наводило на мысль о бренности существования тела и души, мечущейся и скулющей в материальности двадцать первого века.

«Ну, приди, приди, интересный больной», – мечтал доктор, одержимый писательским зудом в области поясницы, распространяющимся на обе ягодицы.

«Тук-тук», – кто-то постучал тихонько в дверь, и доктор интуитивно почувствовал, что сейчас произойдет нечто. Он был подобен охотнику, замершему неподвижно в кустах в ожидании козули, гонимой львицей.

Пациентом оказался мистер Смит, человек средних лет, скромный, интеллигентный, с большими очками, закрывающими от злых взглядов две трети лица. Очки были темными, подбородок – небритым и маленьким, а оба уха изогнуты буквой Г. Он прокашлялся, сел в кресло и снял очки, открыв большие черные испуганные глаза.

«Не знаю, что и сказать, доктор, – тихо и нерешительно выдавил он, приложив ладони к груди, – странно. Я, наверное, сумасшедший, да? – Он встревожено покрутил головой в разные стороны. – Ничего подобного со мной в жизни не случилось», – добавил он, нервно выдирая кусочки материи из ручки кресла.

«Извините, – попросил доктор Зак, – новое кресло».

«Да-да, конечно, – сконфуженно произнес мистер Смит, вырвав достаточно большой кусок ткани, – вы меня, доктор, наверное, отправите в госпиталь, – прошептал он. – Я сошел с ума, понимаете?»

«Конечно, – уверенным тоном ответил доктор Зак, – сумасшествие – моя профессия. Расскажите все по порядку».

Он посидел молча, чихнул, вытер нос салфеткой, посмотрел внимательно на доктора и спросил:

– Доктор Зак, вы когда-нибудь чувствовали себя как белка в колесе?

– Конечно, – без запинки ответил доктор. – Всю жизнь.

– Тогда вы меня поймете, – немного успокоился мистер Смит, – вам ничего не надо объяснять. Хочу вас спросить: что будет, если белка смертельно устанет, а колесо будет продолжать вращаться?

Доктор оценил философскую глубину вопроса. Он живо представил себя, почему-то совершенно голого, с галстуком, бегущего в громадном вращающемся колесе. У него в руках был портфель, на губах – пена, лицо небритое, уставшее и изможденное. Колесо не обращало внимания на доктора Зака и вращалось с бешеной скоростью. Он кричал и просил кого-нибудь колесо остановить. Вокруг не было ни души. И вдруг он понял, что это он, доктор Зак, сам вращает колесо. Доктор с удивлением открыл глаза, обнаружив пациента, с любопытством уставившегося на него двумя маленькими, бегающими туда-сюда мышками-глазками. Доктор Зак сконфузился. Ему показалось, что пациент прочитал его мысли. Это было нехорошо, потому что необходимо сохранять дистанцию между врачом и пациентом для лучшего терапевтического эффекта.

– Доктор, – промямлил мистер Смит взволнованным голосом, – я помню тот день... – он внезапно перестал говорить, вытянул длинную шею вперед, а голову наклонил чуть чуть вбок, как бы прислушиваясь к чему то.

– А здесь что? – он ткнул дрожащим пальцем в дверь.

– Это дверь, через которую вы вошли в кабинет, – объяснил доктор Зак.

– Да-да, конечно. – Он задвигался, пытаясь найти удобную позу, но это было сложно: нервные конечности крутились в своём ритме.

– А это? – мистер Смит указал на другую дверь, нарисованную на стене кабинета.

– Другой кабинет, – продолжал объяснять спокойным тоном доктор Зак. – Коллега ведет прием. Вы чего-то боитесь?

– Нет-нет... я устал бояться.

– Почему бы вам не рассказать, что случилось, – предложил доктор Зак, немного раздраженный тем, что постоянно представлял себе колесо, а себя голым, бегущим в нем.

– Я проснулся однажды, – начал мистер Смит. – Да... все было, как обычно, никаких проблем. Помню, поел, оделся, вышел из квартиры, спустился по лестнице, открыл дверь и... – больной замер, широко раскрыв глаза и смотря в никуда, руки зависли в воздухе, а голова запрокинулась назад.

– Да, – доктор Зак нервно постучал пальцем по столу. – Вы открыли дверь и...

– ...И обнаружил себя снова на кухне. Жена Ксюша готовила кофе, а сын одевался в школу. Помню, что почувствовал легкое головокружение, страх; на мгновение показалось, что это сон. С другой стороны, как же я мог проснуться полностью одетым, стоя на кухне с портфелем в руке? Странно, чрезвычайно странно, я ничего не понимал.

Доктор Зак с интересом слушал, подыскивая объяснение происшедшему в психиатрическом справочнике, который держал в памяти.

«Ты вернулся? – спросила меня Ксюша, кружась по кухне. – Забыл что-нибудь?»

«Нет-нет», – промямлил я растерянно, пытаюсь понять, что к чему.

«Ты немного бледный, – сказала она, мельком взглянув на меня. – Плохо себя чувствуешь?»

«Да ничего, – объяснил я, – голова разболелась. Где тайленол?»

«Посмотри на полке», – бросила Ксюша, выпорхнув.

Голова болела страшно. Я вспомнил, что вчера мы ходили в гости, где я много выпил. «Вот и объяснение», – решил я и немного успокоился. Я принял таблетку, запил водой, вышел из квартиры, спустился по лестнице, открыл дверь и...»

Доктор Зак широко открыл глаза, приготовившись услышать интересное продолжение, но глаза мистера Смита были раскрыты шире.

«...оказался дома, на кухне. Я так испугался, что не смог устоять на дрожащих ногах и упал на стул. Портфель выпал из рук, перед глазами поплыли разноцветные круги, стало тяжело дышать. Ксюша увидела меня, растерянного, дрожащего.

«Я сто раз говорила, чтобы не пил много... Ой! Что я забыла?! – Она покрутилась на месте, вращая головой в разные стороны. – Ах, да! – жена схватила пачку сигарет и пулей вылетела из кухни, опаздывая на работу».

Доктор Зак почувствовал, что увлечен историей. Он предвкушал, что напишет интересный рассказ. Перед богатым воображением доктора прыгал пациент – голый, но в шляпе, бегающий с кухни на улицу и обратно.

– Мне показалось, что я схожу с ума, доктор, – продолжал он. – Что происходит? Рубашка стала мокрой и намертво прилипла к спине. Я сделал попытку встать, – это было тяжело, ноги дрожали.

– Да, – доктор Зак с пониманием кивнул головой, полной творческих идей.

– Я ущипнул себя за ногу и чуть не вскрикнул от боли, убедившись, что это не сон, а жуткая реальность. Перед глазами пронесся сумасшедший дом, где я окончу существование.

Мистер Смит глубоко вздохнул и продолжал:

«Я сбежал вниз по лестнице, толкнул парадную дверь, ведущую на улицу, и через мгновение стоял в гостиной квартиры, где увидел жену. Ксюша накладывала крем на лицо, стоя перед зеркалом.

«Что случилось? – в ее глазах я заметил испуг. – Я думала, ты ушел. Опять что-нибудь забыл?»

«Нет, нет, – повторил я растерянно, – не знаю, что происходит...».

Я закрыл лицо дрожащими руками, пытаюсь понять, что к чему. Но разумные мысли исчезли. Остался страх.

«Послушай, – продолжала она, – ты, наверное, болен, почему бы не измерить температуру?»

«Температуру?» – поинтересовался я, глядя безумным взглядом человека, внезапно заблудившегося в многочисленных реальностях бытия.

– Конечно, – понимающе кивнул головой доктор Зак. Реальности, параллельные и перпендикулярные, были любимой темой доктора Зака для разговора и размышления.

«Да, температуру, – подтвердила Ксюша, подойдя ближе и взглянув с тревогой на моё бледное, красновато-зеленоватое лицо. – У тебя понос? – поинтересовалась она. – Сейчас свирепствует грипп с температурой и поносом».

«Понос?» – переспросил я, чувствуя, что необходимо срочно бежать в туалет, пока не поздно.

«Почему бы тебе не сходить в туалет и не проверить? – резонно предложила она и, мельком взглянув на часы, завопила: – Господи! Опаздываю! Босс убьет!»

Ксюша стала прыскать на себя духи, а я что есть духу побежал в туалет, на ходу расстегивая штаны. Распахнув дверь туалета, я остановился как вкопанный, забыв, что я был без штанов и зачем я туда бежал».

– Интересно, – заметил доктор Зак, с удовольствием почесав затылок.

Пациент широко раскрыл глаза, вытянулся по направлению к доктору Заку и прошептал:

– Прямо передо мной, на стульчаке, со спущенными штанами, сидел президент компании, где я работаю, и читал газету с очень сосредоточенным и озабоченным видом. Он спокойно на меня посмотрел и произнес совершенно невозмутимым тоном: «Вы не могли бы подождать несколько минут? Я сейчас закончу и освобожу место».

«Хорошо», – тихо ответил я, закрывая дверь и чувствуя, что вот-вот потеряю сознание.

«Ну? – крикнула Ксюша издалека. – Понос? Если да, то прими лекарство. Оно на полке. Иди в кровать и пей побольше жидкости».

Я услышал, как хлопнула дверь. Почему-то, не падая в обморок, я решил еще раз открыть дверь туалета, чувствуя сильный позыв. Кишечник сокращался в страшных судорогах, испуганный происходящим. Открыв дверь, я увидел своего лечащего врача. Он стоял в белом халате, ожидая увидеть меня, как только я открою дверь. Врач сделал шаг вперед, приложил стетоскоп к моей взволнованной груди и произнес озабоченно:

«Почему бы нам не проверить сердце более тщательно? Я вас посажу на велосипед».

«Куда?» – спросил я рассеянно, чувствуя, как доктор то удаляется, то приближается, то становится микроскопически маленьким, то громадным.

«На велосипед», – улыбнулся доктор, уже сидя на стульчаке со спущенными штанами. Стетоскоп висел через шею, а в руках он держал рецепты. Протянув их, он добавил: «Три таблетки три раза в день с тремя стаканами воды».

Я застыл в неподвижности, войдя в состояние, подобное шоку.

«А что вы так смотрите?» – удивленно поднял глаза доктор. – «Что-то не то?»

«Нет, всё то, – прошептал я, – всё то».

Внезапно туалет и доктор закружились перед глазами, я попытался шагнуть назад, чтобы сохранить равновесие, но это было тяжело сделать со спущенными штанами. Я пошатнулся и почти упал, как вдруг увидел страхового агента. Он стоял и улыбался, возвышаясь, как гора. Я попытался дернуться влево, вправо, но каждый раз он заграждал дорогу своим мощным телом. Тогда я решил проскочить у него между ног, но был уже пригвожден к стене его круглым животом. Почувствовав удушье, я стал кричать и что есть силы бить его руками и ногами между ног. Однако он, не обращая ни малейшего внимания на удары, продолжал заискивающе улыбаться и затем произнес изысканно вежливо, с приятной интеллигентной улыбкой:

«Пожалуйста, подпишите».

«Где?» – закричал я. Он ткнул жирным пальцем в бумагу, внезапно появившуюся у него в руке.

Поставив подпись неизвестно откуда взявшейся авторучкой, я еще раз ударил его между ног, но агент уже исчез, растворившись в воздухе.

Я спустил штаны, совершенно не имея желания идти в туалет. Сделав три шага влево, я внезапно увидел перед собой мою абсолютно голую секретаршу. Она сидела на полу и печатала на компьютере, грызя яблоко. Бросив на меня уважительный взгляд, она встала и протянула конверт.

«Вам письмо», – произнесла она очаровательным голосом и, плотно прижавшись, обняла мою шею, нежно поцеловав в ухо. Я автоматически окинул комнату быстрым взглядом, надеясь, что жены нет рядом.

«Я могу сегодня уйти в два часа дня?» – прошептала она в ухо, облизнув его шершавым языком. В этот момент я потерял сознание. Организм, по всей видимости, не смог справиться со стрессом и решил отдохнуть, отправив меня в темноту и тишину. Придя в себя, я почувствовал дикую головную боль и нащупал на лбу большую шишку, которую получил, очевидно, от удара об пол. Встав на ноги, я, пошатываясь, пошел в спальню, где увидел свою машину, разобранную на части. Под днищем лежал механик, одетый в грязный, замасленный комбинезон. Увидев меня, он помахал гаечным ключом и крикнул: «Надо бы трансмиссию заменить, шеф».

«Господи», – прошептал я и, рванувшись из спальни назад, побежал к входной двери. Открыл ее, пролетел по лестнице и, моля Бога, толкнул ногой парадную дверь. Через секунду я был на кухне.

«Срочно, нужно срочно вызвать «скорую», – пронеслось у меня в голове. – Пусть забирают и отвозят в психиатрическую больницу. Там лечат. Я на все согласен. Любые таблетки и уколы. Только бы избавили от кошмара».

Доктор Зак слушал мистера Смита, часто мигая от возбуждения.

«Я схватил телефон, – продолжал тот, кусая губы, – и почувствовал, как кто-то дёрнул за руку. Это был почтальон».

«Сэр, – уважительно произнес он. – Вот счета. Это, – он начал протягивать мне их один за другим, – за машину. Это – за дом, школу, мебель, свет, газ, воду. А вот это – за воздух, которым дышите; землю, по которой ходите; ветер, обдувающий усталое лицо; ноги, которыми двигаете; глаза, обзревающие прекрасный мир; голову, помогающую думать. Пожалуйста, оплатите все сейчас и звоните, куда хотите».

Я со всей силы оттолкнул почтальона и услышал шум. Обернувшись, я увидел в квартире множество людей. Они стояли кружком и что-то говорили, размахивая руками и мотая головами. На расстоянии они выглядели миролюбиво, но внезапно

стали приближаться, как бы плотно смыкая кольцо. Теперь они выглядели более злобными и агрессивными, а глаза приобрели красный оттенок. У них удлинились ногти, превращаясь в когти. Лица обросли грязной шерстью, рты превратились в пасти с клыками, готовыми разорвать в клочья.

Я посмотрел вперед и увидел окно, которое жена забыла закрыть, торопясь на работу. Несмотря на то, что мы живем на десятом этаже, я, не раздумывая ни секунды, прыгнул и...

Мистер Смит шмыгнул носом. Доктор Зак с нетерпением ждал продолжения.

– И... – продолжал он, – приземлился здесь, в офисе, доктор Зак.

Они посидели минуту в молчании и, наконец, доктор произнес: «Интересная история».

Мистер Смит с волнением поднял глаза к потолку и тихо сказал: «Вы знаете, доктор Зак, я очень, очень устал...».

– Конечно, – кивнул головой доктор. – Устали, вам необходим отдых.

Доктор Зак приготовился написать рецепт, но внимание снова переключилось на самого себя, бездыханного, голого, с портфелем в руке и галстуком на шее, лежащего под бешено вращающимся колесом.

– Колесо, – задумчиво протянул доктор Зак, выписывая рецепт, – можно остановить.

– Как? – Мистер Смит с удивлением посмотрел на доктора. Но доктор Зак не слышал вопроса, да если бы и слышал, все равно не ответил бы, потому что сам не знал ответа. Все, что он мог, – это помочь бегущему в колесе человеку не чувствовать себя усталым и сумасшедшим.

Я жил под кроватью очень долго. Иногда кажется, что мир еще не был рожден, а я там уже жил. Как я туда попал? Я интересовался у летучих, ходячих и ползучих – никто не знает. Помню, однажды я испугался и лег под кровать, дрожа от страха, не зная, что делать дальше. Родители меня немного поискали, но потом, влекомые насущными делами, исчезли. Папа с мамой старательно откладывали деньги на очередной отпуск, потому что страшно уставали, кидая друг в друга мебель и посуду. Отец лихорадочно терял в весе от подъема тяжестей, а мать совершенно охрипла от истерических криков. Им нужно было восстановить здоровье на пляже, где была бы возможность зарывать головы друг друга в песок.

Первое время я ползал под кроватью, выдувая отовсюду горы пыли.

Там было неплохо: темно, нешумно, никто не швырялся мною об стенку, я мог ползать, стоять в полный рост и даже подпрыгивать. Правда, с прыжками нужно было быть осторожным, поскольку железные пружины накручивались на волосы. Мне нравилось, что я мог смотреть телевизор сколько угодно, выставив из-под кровати глаз.

Я был смысленным и быстро сообразил, что можно добывать питательные вещества из кроватного дерева и простыней. Кровать была древняя, антикварная, сделанная из качественного, высоковитаминного красного дерева. Простыни были хорошие, прекрасно жевались и имели высокую питательную ценность. Ночью, когда родители спали, я выползал и остренькими зубками отгрызал кусочки от простыни, которые бережно складывал стопочкой на черный день.

Со временем мое тело полностью адаптировалось, уменьшилось в размерах. Я мог спокойно подпрыгивать, не ударяясь головой о железную сетку. Единственное, что держало в напряжении, это пружины: когда предки пытались совокупиться, они сильно прогибались и придавливали меня к полу,

но я приспособился к ритму и знал, в какой момент нужно отпрыгнуть, чтобы остаться в живых.

Однажды ночью я выкатился с целью найти побольше хорошего дерева и качественных простыней и страшно испугался, увидев на кухне большое белое ажурное пятно. Но тут же успокоился: это светился экран телевизора, который родители забыли выключить. Присмотревшись к происходящему на экране, я увидел мужчину, который бил женщину столом по голове. Женщина жаловалась на плохую погоду, а мужчина кричал, что у него болит задница. Женщина схватила стул и шлепнула его по голове, после чего он ударил ее люстрой, а она его – кухонным ножом. На крики прибежал ребенок и начал в них стрелять из пистолета. Я так перепугался, что обкакался прямо на пол. Дерущиеся напомнили мне мою жизнь, и неприятные воспоминания испортили аппетит. Я пополз обратно и, совершенно обессиленный, заснул беспокойным сном, вздрагивая при ритмичном покачивании тяжелых металлических пружин.

Однажды я съел кусочек несвежего дерева и давно не стиральной простыни и почувствовал себя больным. Мне стало одиноко, и я решил найти компанию. Это было сложно, поскольку я не мог встретить такого же, как я: маленького, с продолговатой головой, большими ушами, крупными губами для сдувания пыли и сильным, ловким, извивающимся змеиным телом, позволяющим проникать во все дыры. Я утратил ощущение принадлежности к человеческому роду и давно уже не мог определить, кем же являюсь в животном царстве.

Когда то давно отец назвал меня умной свиньёй и зеленым змеем. Помню, мама однажды сказала, что я – перенапряжение для ее нервной системы, а отец, подойдя поближе и надев очки, внес поправку, заметив, что я похож на соседа. Запутавшись во всем этом, я прекратил попытки себя классифицировать и понял, что являюсь уникальным существом, мутантом, приспособившимся к жизни под кроватью.

Я попытался завязать дружбу с мышками, которых встретил в подвале, где наслаждался кусочком вкусного стула. Я подумал, что, может быть, я – мышка, но обнаружил, что пока не имею хвоста, не интересуюсь сыром и не люблю нюхать

воздух, шевеля длинными усиками. Однажды я своим видом так напугал кота, что мышки мне благодарны до гроба.

Короче, я ходил-бродил в поисках общества, однако все безрезультатно. Я решил покинуть кровать и начать искать когонибудь где-нибудь. Я выскользнул из дома ночью и решил больше никогда не возвращаться. Проползая по аллее, я услышал голос мамы.

– Господи, слава Богу, наконец-то ушел! Он уже взрослый.

– Да, – раздался голос отца. – Пусть сам себе на хлеб зарабатывает!

– На дерево, – поправила мама.

– Да, – согласился отец, – и шелковые простыни.

– Но я так боюсь за него, – мать шмыгнула носом. – Посмотри, какой он зеленый, ушастый, шерстяной, пузатый, острозубый...

– Ничего, ничего, – кашлянул с удовольствием папочка. – Скоро оперится, научится самостоятельно летать и даст нам, наконец, возможность отдохнуть.

– Может, нам в старости хорошее дерево с простынями купит, – вздохнула мамочка, и они исчезли, продолжив сильно и ритмично раскачивать кроватные пружины.

Я приполз назад и съел у кровати две ножки. Страшно хотелось, чтобы они свалились туда, где я провел детство.

Я выкатился из дома и вскоре обнаружил себя сидящим на траве, задумчиво жуящим сочный кусочек древесины, захваченный на случай, если проголодаюсь. Я не совсем понимал, что делать дальше, и решил посидеть в кустах до утра, а там уже продолжить приключение.

Настало утро. Я дрожал от страха, опасаясь, что как только выйду из кустов, большие жирные существа, вроде мамы с папой, растерзают меня на части. Я подозревал, что эти создания любят с чавканьем поглощать ядовитый сыр, отвратительное мясо и макароны вместо того, чтобы наслаждаться вкусной древесиной и хлопком. Именно эта гадость делает их такими агрессивными сексуальными маньяками.

Я вышел, едва видимый над высокой травой. Обрюзгшие двуногие бежали в никуда, быстро перебирая корявыми ходулями по асфальту. Их глаза, полные идиотизма, были

перепуганными. Мне хотелось крикнуть: «Кретины!», но я решил не навлекать беду, потому как они были сумасшедшими. Я был убежден в том, что именно спанье на кровати с большим куском мяса во рту может сделать их взгляды такими тупыми и ненавидящими.

Внезапно я оказался у кого то под ногами и понял, что меня будут использовать в качестве футбольного мяча. Мной немного поиграли; придурок с длинным красным носом от переедания жира попытался сбросить меня в речку с моста. Другой, с зелеными ушами от избытка сыра, схватил его за руку и зарорал, что нельзя загрязнять окружающую среду, потому что и так уже всемирное потепление. Тогда красноносый бросил меня в мусорный ящик.

– А ну, уберите это оттуда! – закричал толстозадый дворник. – Контейнер предназначен для нормального мусора. Кладут тут всякое! А потом не вычистить!

Он замахал беспомощными руками, пытаясь выразить эмоции. Эти двое и дворник чуть не подрались, но под конец меня швырнули в кусты, и я повис на ветке, зацепившись шерстью за колючки.

Большая машина остановилась рядом. Оттуда вышел полицейский, подошел поближе и, надев резиновую перчатку, осторожно, закрывая нос ладонью, взял меня за когти левой нижней конечности. Теперь я висел умной продолговатой головой вниз, и мои усики почти доставали до земли.

– Я вам выпишу штраф за кидание вот этого на кусты! – грозно произнес полицейский. – Для этого, – продолжал он, держа меня на вытянутой руке, подальше от погубленного колбасой носа, – есть особые места.

Я молился. Я научился этому, глядя, как мама с папой три раза в день просили Господа ох деньгах. Там, под кроватью, я зачастую умолял Господа, чтобы они прекратили прыгать, так как опасался за свою жизнь, методично ударяющую железом по ушам.

– Вы понимаете, какой вред это может нанести цивилизованному обществу? – прохрипел полицейский.

– Извиняемся, – подобоострастно прошипели человеческие придурки.

Полицейский, продолжая меня держать за нижнюю лапку, подошёл к контейнеру с нарисованным на нём красным крестом, открыл крышку и швырнул меня внутрь.

Я очутился в полной темноте и испугался. Это место напомнило мне жизнь под кроватью, где временами я чувствовал себя одиноко, и я заплакал...

Внезапно я услышал писк, кто-то включил фонарик, и я увидел множество существ, похожих на меня. Некоторые были страшно зубастые, а другие обладали такими большими розовыми ушами, что, казалось, могут летать, как летучие мыши, с которыми я безуспешно пытался подружиться. У других были огромные, влажные, подвижные носы, которыми они, как муравьеды, шевелили в поисках бумажек и букашек. Они не были похожи на жадных двуногих, слонявшихся по асфальту с тоской в выпученных от избытка жира глазах.

– Привет! – сказал я, и тут же кто-то сильно толкнул меня в бок. Я свалился на нечто отвратительно пахнущее – то ли кусок колбасы, то ли хлеба. Несколько существ вспрыгнули на мою спину и стали царапать коготками, щелкая червячными носами. Я попытался встать на лапки, но мне в рот воткнули кусок капусты. Подпрыгнув вверх, я ударился головой о крышку контейнера и отключился.

Очнувшись, я увидел себя лежащим на траве. Я был весь оплётан, обкусан и обжёван. Рядом сидел большой пёс и облизывал мою шкурку шершавым языком. Я попытался встать на лапки, но не устоял и, пошатнувшись, начал падать. Пёс схватил меня зубами за шерстку и побежал сквозь кустарник, через дорогу и, наконец, разжав челюсти, осторожно положил меня возле здания, на котором было написано «Госпиталь». Я умел читать, поскольку выучил алфавит под кроватью, пока папа с мамой занимались по вечерам физкультурой, бросая посуду о стенки.

Толстый тип в белом халате небрежно взял меня за треугольное перепончатое ухо и потащил внутрь здания.

– Эй! Эй! – закричали ему безобразные белые двуногие. – Не сюда! Ты что, спятил? Тащи это в изолятор!

Моё тельце бросили в серую каменную коробку с громадным стеклянным окном, через которое на меня глядели озабоченные,

безразличные лица. На физиономиях было нарисовано смирение с тяжелой судьбой, забросившей их в пространственно-временное измерение на семьдесят лет в наказание за что-то плохое, что они совершили в прошлом.

На зелёные лица были натянуты белые маски, поверх которых выглядывали отсутствующие глаза. Кисти рук были спрятаны в плотные перчатки, дабы, не дай Бог, не коснуться моей нечистой шкурки, в которой прятались армии вирусов, грозящих уничтожить человечество, почти приползшее к вечному счастью.

Существа скрипели от пессимизма и тыкали в меня пальцами и трубками. Я был страшно голоден, поскольку давно не грыз любимое красное дерево и крахмальную простыню. Запах их противной картофельно-мясной еды вызывал у меня тошноту. Отвратительные простыни были жутко пресными на вкус и застревали в глотке. Я потерял в весе и стал еще меньше.

Однажды один из маразматиков взял меня за нос и потащил по бесконечно длинному коридору, а потом положил на стол, сделанный из высоковитаминного красного дерева. При виде существ, сидевших с серыми лицами вдоль стола, мне стало не по себе и захотелось домой, под кровать. Все пытались рассмотреть в деталях мою персону, ползущую по полированной поверхности в попытке ухватить зубками кусочек дерева.

Один из них, с пупырышками на кончике озабоченного монотонными буднями носа, открыл рот, и оттуда донеслось мычание, постепенно перешедшее в полуосмысленную речь.

– Расскажи, как папа с мамой издевались над тобой, – попросил он.

– Не понимаю, – буркнул я в отчаянной попытке отломать щепочку. Она была такая вкусная и свежая, что я закрыл глазки и стал шумно дышать, чувствуя приближение оргазма.

– Вот, – продолжал прыщавый. Он взял лист бумаги и нарисовал на нем человеческий зад. – Ты знаешь, что это такое?

– Конечно, – кивнул я. – Я на этом всю жизнь сидел под кроватью.

– А папа с мамой? Они с этим играли? – спросил он, указав на задницу.

– Нет, – я уже почти проглотил щепочку. – Нет. Честно говоря, мой зад и родители никогда не встречались и друг друга не знали.

– Ты уверен? – Он нагнулся, и я увидел несколько рядов крупных, желтых, кривых клыков.

– Конечно. – Я повернул мордочку в сторону, умирая от запаха перегара, исходящего из его вонючей пасти. – Я был бы рад дать родителям зад, чтобы они с ним поиграли. Но им было не до него.

– Может, ты забыл? – прыщавый приблизил рожу.

Я хотел царапнуть её коготком, но передумал, решив сначала отгрызть еще немного щепочек.

– Я не забыл, – объяснил я. – Такие создания, как я, не забывают счастливых моментов в жизни.

– Но ведь они могли с этим играть в то время, пока ты спал?» – продолжал настаивать клыкастый.

– Нет, – с трудом выговорил я, чмокая. – Они спали ночью, а я днем, когда они работали, старясь оплатить дом, в котором стояла вкусная кровать.

– Но, может, однажды они пробрались в дом днем, когда ты спал? – не отставал он.

Он мне надоел. Я был полностью поглощен процессом отгрызания щепочек, но это было непросто, и я заскулил, чуть не сломав зуб.

– Вот! – воскликнул он. – Вот! Это вполне могло случиться!

Лицо у прыщаво-клыкастого покраснело. Он заблестел от счастья и был похож на лису, наконец-то нашедшую вход в курятник.

– Сколько раз они это с тобой проделывали? – слышались вопросы отовсюду. Все двуногие, до сих пор сидящие с невозмутимыми лицами, обмотанными белыми тряпками, внезапно оживились и начали возбужденно переговариваться, чмокая, кивая обеспокоенными головами, чихая и дергая утомлёнными от бессмысленного бега ногами.

– Кушать... – с трудом выговорил я, чувствуя, что слабею. Затем я отключился. Когда я очнулся, то увидел себя лежащим на невкусной простыне. Рядом сидело существо в белом халате

с выражением обычного идиотизма на перекошенном от усталости лице. Оно тыкало иголкой в мою лапку и чертыхалось.

– А что ты делаешь, кретин? – поинтересовался я.

– Тебе нужно внутривенное вливание питательных веществ, – объяснило существо и показало на мешок с жидкостью, привязанный к палке. Я подумал, что там, наверное, живительный раствор из высококачественного дерева и шелковых простыней.

– Хочешь поиграть с моей жопой? – поинтересовался я.

Существо вздрогнуло и пулей вылетело из палаты.

«Теперь то я знаю, как избавиться от идиотов!» – решил я и, обрадовавшись, слетел на пол и начал кататься вперед-назад в поисках дерева.

В этот момент в палату зашел чудовищного размера бугай и, посадив меня на ладонь, пошёл к выходу. Через некоторое время я очутился на том же столе, вокруг которого сидело несколько озабоченных быстро бегущим временем человеческих обрубков. Они шептались друг с другом и не обращали на меня внимания. Мне стало не по себе, и я попытался слететь под стол.

– Лежать! Не летать! – крикнула женщина с большими грудями, которые угрожающе всколыхнулись в мою сторону.

– Хотите поиграть с моей жопой? – крикнул я в отчаянии, пытаясь избавиться от них, чтобы спокойно спрыгнуть вниз и погрызть ножку стола. Но они, к моему огорчению, даже не вздрогнули. Я увидел несколько пар немигающих бесцветных глаз, упершихся в меня, как гвозди в стенку.

– Мы хотим, – спокойно произнесла грудастая, – чтобы ты чувствовал себя у нас как дома.

– Тогда дайте красного дерева и чистых простыней, – попросил я.

– В нашем доме, – продолжала она, – ты будешь есть, пить, принимать лекарства, ходить в школу, а также посещать различные группы для коррекции поведения.

– Я не люблю ваш дом! – признался я. – Я хочу к себе под кровать, отпустите.

– У меня впечатление, – медленно произнес человек с низким маленьким лбом, – что мы имеем дело с подстоловно-деревянно-крахмальным психозом.

– Может быть, – согласились Большие Груды. – Только почему череп маленького размера и голубая шерстка на плечах?

– Да... – задумчиво протянул Низкий Лоб. – Да... Может быть, деревянно-тепловатое расстройство психики одинокого типа?

– Да, – встрял в разговор Большой Лысый Череп, до сих пор сидевший молча и ковырявший в носу карандашом. – Да. Но посмотрите на уровень возбуждения ушей, на скорость их вращения против часовой стрелки и форму носа... то есть переднего щупальца. Это вполне может быть подкроватно-темное расстройство, крахмальный тип, грубый подтип. Посмотрите на перепончатые пальцы и форму копчика.

– А может быть, хмыкающе-вращающееся расстройство, неопределенный тип? – предложили Большие Груды.

– Хотите поиграть с моей жопой? – крикнул я что есть силы во второй раз и предпринял отчаянную попытку спрыгнуть со стола. Большие Груды вскочили, схватили меня за заднюю лапку и швырнули обратно.

Я взглянул на ее груди и зажмурился от страха.

– В любом случае мы имеем налицо детско-родительское расстройство! – твёрдо произнесла она.

– Анализ крови показал высокую концентрацию пыли, которая часто может быть найдена под кроватью, – продолжил Большой Лысый Череп. – В постановке диагноза необходимо учитывать этот факт. По всей видимости, мы можем предположить деревянно-крахмально-тёмно-подкроватно-одиночное расстройство.

Все согласно закивали.

– Предлагаю, – продолжал он, – в качестве медикаментозного лечения дать несколько препаратов, а именно: Крезак – от жизни под кроватью, Фузак – от пыли, Музак – от дерева, Презак – от простыни, и Пузак – от боязни света.

– А как насчет желания убежать домой под кровать? – заинтересовались Большие Груды.

– Можно половину нормальной дозы Думака, учитывая небольшой размер правого зеленоватого перепончатого ответвления от левой вроде бы... лопатки, – предложил Лысый Большой Череп и, нахмутив лоб, кивнул носом.

– Главная проблема заключается в том, – продолжал Низкий Лоб, – что больной не слушался родителей, делал все наоборот, ни разу не пригласил их к себе под кровать и сам никогда не поднялся к ним, дабы насладиться семейным теплом. Какое безобразное поведение! Как он мог себе позволить сгрызть ножки кровати для того, чтобы они грохнулись в самый интимный момент?

Я представил себе падающих предков и не смог удержаться от смеха.

– Надо бы ему ещё дать пару таблеток Бзака от смеха, – добавили Большие Груды.

– Третья проблема, – Низкий Лоб ещё не закончил, – невнимательность и повышенная активность. Если бы он заметил, сколько пыли скопилось под кроватью, то смог бы привлечь родителей к процессу очистки. В результате совместного труда могло бы возникнуть взаимопонимание между членами семьи. Далее, если бы он был менее активным, то не отвлекал бы родителей, позволяя им зарабатывать достаточное количество денег, чтобы они, наконец, смогли обратить внимание на собственного ребенка.

Я попытался снова прыгнуть со стола, но Лысый Большой Череп оттащил меня назад. Я устал слушать их глупости и был готов заплакать от отчаяния, голода и бессилия. Мне казалось, что ямышь, над которой проводят эксперимент большие хитрые жадные коты.

– Также, – чихнул, брызнув на всех желтоватой слюной, Низкий Лоб, – я осуждаю поведение родителей. Они могли бы чаще убирать под кроватью, чтобы ребенок не так сильно кашлял и покупать ему дерево и простыни лучшего качества. Они были в состоянии сделать ножки кровати железными, чтобы он не смог их перегрызть. Родители обязаны были периодически, хотя бы раз в год, приходить в обед домой и проверять, не отравился ли ребенок мясом и сыром.

– Кроме того, – Низкий Лоб прокашлялся, – они могли бы больше времени уделять процессу образования ребенка и обучить его способам безопасного ползания по ночам в поисках дерева и простыней, дабы он не сталкивался на каждом шагу с хищными котами и прочими вредными для здоровья насекомыми.

Он воткнул маленькие красненькие глазки в Большие Груды и часто задышал.

Меня схватили за хвост и швырнули назад в палату. Они стали мне давать лекарства и каждый раз просили открыть рот, чтобы убедиться, что я их глотаю. Вскоре я почувствовал себя очень счастливым.

Мне было весело, когда я сидел один в темноте и когда, летая перед зеркалом, рассматривал свой длинный нос, зеленоватую кожу, когти на конечностях и безжизненно-бледное лицо.

Я с большим удовольствием разглядывал свое длинное тельце, сплошь покрытое синяками и рубцами. Я вспоминал с наслаждением жизнь под кроватью, как мною играли в мяч, и забавное приключение в контейнере с красным крестом. Однажды я даже громко рассмеялся, вспомнив, как родители чуть не сломали мне шею, сильно прыгнув на матрасе.

Низкий Лоб, Большие Груды и Лысый Череп были очень довольны, глядя на моё постоянно улыбающееся лицо.

На завтрак мне давали немного неплохого качества дерева с противным салатом из капустных листьев. Они сказали, что будут постепенно менять диету в сторону нормальной, человеческой. Сразу дать мне человеческую диету оказалось невозможным, потому что я, как они объяснили, быстро умру от отравления. Я ненавидел их салаты, они напоминали несвежие пресные простыни, которые я жевал в подкроватной жизни.

Однажды, когда я закончил есть, меня привели в группу существ, которые выглядели так же, как и я. Я хотел подлезть под стул и пожевать его ножку, но учитель схватил меня за переднюю лапку и посадил обратно. Он сел в кресло, качнул головой, как бы стряхивая ненужные мысли, высморкался, протер тем же самым носовым платком стёкла очков и, кашлянув, произнес:

– Пожалуйста, пусть каждый скажет, сколько ему лет, чтобы я смог разделить вас на группы согласно возрасту.

«Мне 10... мне 50...» – послышались ответы.

– А мне 92...

Назвал я эту цифру просто так: мне вполне могло быть пять лет – или сто; я был в затруднении, поскольку в темноте под кроватью потерял счет времени.

Наша группа была маленькой: всего пять существ. Учитель попросил нас разделиться на мальчиков и девочек. Это было сложным, почти невыполнимым для меня заданием. Я сделал выбор и решил стать мальчиком. В нашей группе было два мальчика – я и еще один, который все время кашлял. Он рассказывал, что провел целую вечность в подвале, где было холодно. Друзья, приبلудные коты и собаки, согревали его долгими зимними ночами. Мы быстро подружились. Я ему рассказывал историю про жизнь под кроватью, а он мне – про жизнь в подвале. Чем больше времени мы проводили вместе, тем менее я чувствовал себя одиноким. Я стал мечтать о жизни в подвале, а он – о жизни под кроватью. Мы ловко выплевывали таблетки для счастья.

И тут случилось чудо: я начал кушать салат, мясо и сыр и не чувствовал тошноту. Мне больше не хотелось красного дерева, и вид прекрасной шелковой простыни уже не возбуждал. Я начал расти и быстро превратился в молодого человека с прекрасной внешностью. Я был полон энергии, великолепно учился в школе и занимался спортом.

Мой приятель тоже стал меняться. К моему удивлению, он стал превращаться в маленького мальчика. Вскоре его голова уже была не выше моего пояса. Мальчик стал очень капризным и, кроме игры в футбол, ничем не хотел заниматься. Я почувствовал, что мне все трудней и трудней находить с ним общий язык, и вскоре мы разбежались в разные стороны...

К моему величайшему разочарованию, я продолжал меняться, и однажды, взглянув на себя в зеркало, чуть не закричал от ужаса. Оттуда на меня глядел старикан, улыбаясь загадочной улыбкой все в жизни познавшего мудреца.

Случайно в больничном коридоре я наткнулся на бывшего приятеля – он, с соской во рту, ехал на трехколесном велосипеде и махал игрушечной саблей.

Низкий Лоб посмотрел на нас, довольно улыбнулся и заметил, что наконец-то лекарства и нормальный образ жизни вернули нас в общество людей. Я понял, сколько лет сидел под кроватью на пыльном полу в темноте и заплакал. Я страшно завидовал пацану на велосипеде, у которого вся жизнь была впереди. Меня перевели в группу престарелых.

Там меня попросили вспомнить что-нибудь интересное. Я открыл рот, чтобы что-нибудь сказать, но не смог.

– Не помню, – объяснил я, – с памятью плохо.

– Вообще не помните? – спросил Низкий Лоб, начавший подозревать старческий склероз.

– Нет, – объяснил я, – помню. Я был существом.

– Интересно, – в комнату вошли Две Большие Груды, – расскажите нам об этом существе.

– У Существа не было имени, – начал я, но потом замолчал, потому как больше не хотел говорить. Я внезапно почувствовал, что счастлив. Мне стало ясно, что никто не виноват и моя жизнь не могла быть другой. Оставалось только понять, в чём был её смысл.

В раскрытую форточку влетела бабочка и села мне на руку.

Наверное, подумал я, смысл был в том, чтобы я и бабочка встретились сейчас здесь. Я улыбнулся. Мне показалось, что я вплотную приблизился к истине, которую ни мне и никому другому никогда не удастся понять.

Бабочка согласно взмахнула крыльями и исчезла, чтобы снова когда-нибудь появиться в моих удивительно интересных бесконечных жизнях.

– Доктор, – пациент бросил задумчивый взгляд на доктора Зака.

Больной скрючился, изобразив знак вопроса, затем раскрутился в обратную сторону и стал похож на хромосому.

– Доктор, – протянула унылая хромосома, – я... я винил в плохом настроении всех: жену, любовницу, соседей, собаку, погоду, боль в пояснице, пыль под столом, круги под глазами и детство, отравленное коммунистами, гомосексуалистами и пончиками... Но я всегда, доктор, старался найти научное объяснение тоске. Однажды в библиотеке я нашел книжку, в которой было написано, что у меня в голове не хватает молекулы. Там даже был рисунок: загогулина, вся в пупырышках, прыщиках, с кольцами и завитушками, похожая на ошейник для соседской собаки. И обидно стало: вот, думаю, из-за такой, можно сказать, гадости, вши, я не могу быть счастлив. И почему у меня в голове нет этого дерьма? Вот у вас, доктор, оно есть. И у соседа моего тоже. И у его собаки. А у меня нет. Плакать хочется.

Доктор Зак подумал, что, наверное, у него тоже немного этого дерьма, но вида не подал, а сделал заинтересованное лицо, откашлялся и, улыбнувшись, тихо произнес:

– Видите ли, конечно же...

– Ну, так вот, – перебил пациент, внезапно свернувшись в клубок, – в книжке написано: чтобы нужную молекулу вернуть, нужно таблетку проглотить, тоже из молекулы состоящую. Как я эту химию не люблю!.. Как не люблю! Еще в детстве с уроков убежал... Короче, взял я книжку и пошел в парк. Сел на скамеечку, открыл ее, смотрю на эту загогулину, а сердце кровью обливается. Вдруг вижу, рядом со мной на скамейке фигура сидит, в плаще, с длинным носом. И такая она, эта фигура – вогнуто-выпуклая!.. В точности похожа на молекулу. И нос, и уши – всё, как у нее!

Доктор Зак почувствовал, как приближается к диагнозу все ближе и ближе.

– И вот, – продолжал пациент, снова изогнувшись вопросом, – я фигуре этой и говорю: где тебя чёрт носил? Из-за тебя всю жизнь угрюмый хожу! И ничто меня не радует, даже рыбалка со стаканом водки!.. Она ко мне развернулась – наглая такая – смотрит крючками, нос у нее дрожит, плащ раскрылся, а под ним вся молекула видна как на ладони!

– А ну, проваливай отсюда! – прохрипела фигура.

А я ее – хватя за рукав! Пошли, говорю, теперь я тебя не отпущу и всю жизнь с хорошим настроением ходить буду. А она меня как толкнет двумя руками, сильная молекула такая, и говорит:

– Тебе не я нужна, а он.

– Кто это – «он»? – Я с трудом встал с травы, отряхиваясь от грязи.

– Вот, – фигура протянула листок, где был записан адрес.

«Психоз, – подумал доктор Зак, – типичный шизофренический психоз».

– Взял я бумагу, доктор, – продолжал пациент, – нашел дом, позвонил в дверь – и оторопел. Смотрю – а на пороге я сам стою...

Доктор Зак написал рецепт, взглянул на часы и увидел, что до конца разговора у них осталось пять минут.

Пациент продолжал: «Ну, наконец, – этот второй «я» взял меня за руку, провел в комнату, посадил на диван, а сам сел напротив.

– Я, что, рехнулся? – спрашиваю я.

– Да ты давно рехнулся! Что же ты со своей жизнью делаешь? – говорит мой второй «я». – Спешешь, бегаешь, как угорелый, днем и ночью; покупаешь, продаешь; смотришь дурацкие фильмы... Прожигаешь жизнь, делаешь то, что не любишь. Да ты же меня совсем в землю закопал! И задушил! А я так цветочки люблю сажать, стихи писать, с водочкой в лодочке сидеть, марки со значками собирать, путешествовать. А ты меня за горло держишь и ничего делать не даешь!.. Поэтому такой грустный и ходишь. Молекулы какие то все выискиваешь. У тебя же одна жизнь, козел!

– Смотрю я на него, доктор, а у самого в животе булькает, в спине хлопает, в голове трещит, а в заднице колет.

Доктор Зак заметил, что слушает пациента вот уже десять минут, позабыв обо всем на свете, и в горле у него пересохло, в глазах помутилось, а стёкла очков запотели. Он с трудом проглотил слюну, снял очки и начал протирать стёкла большими пальцами, одновременно в некоторой растерянности морща лоб.

– И вот, доктор, – больной подпрыгнул в кресле и сложился крест-накрест, – так мне не по себе стало, что я выбежал из квартиры, даже дверь не захлопнул. Стою на улице, смотрю на машины – и вдруг чувствую, как всё во мне размякло. Пошел я в парк, лег на травку возле куста и в первый раз за много-много лет подставил лицо ветру, закрыл глаза и раскинул руки в стороны.

Доктор Зак увидел, как его рука потянулась к выписанному рецепту, повертела его туда-сюда, а потом выбросила в корзину с мусором.

– А ко мне то вы зачем пришли? – поинтересовался доктор Зак, натянув очки на кончик носа.

– Пообщаться, – объяснил пациент, – я за эти годы ни одного настоящего друга не приобрел, чтобы сокровенным поделиться.

– Ну-у... – протянул доктор, – да...

Доктор Зак твёрдо решил записаться в кружок рисования. Иногда лишние минуты, проведенные с больным, могут изменить жизнь.

Пациент вполз в кабинет доктора Зака с тяжёлым глубоким вздохом. Сев на кушетку, он сложил ручки на коленях, выдохнул и жалобно протянул:

– Меня на той неделе привезли в больницу, но надо было везти не меня, а всю компанию!.

– Успокойтесь, пожалуйста, – попросил доктор Зак, – расскажите по порядку. Что случилось?

Пациент потер вспотевшие ладони друг о друга, о штаны, о спинки кресла, опять тяжело вздохнул и прошептал: «Доктор, они ненормальные! Они могут общаться, лишь чмокая и наполняя прожорливые рты всякой гадостью. Я разочарован, я очень разочарован! Мне так обидно и одиноко!»

Он помолчал немного, а потом продолжал:

– Вы знаете, я люблю экспериментировать. Вот тут у меня день рождения случился, и я, как полагается, пригласил друзей и родственников, но еду не приготовил. Какого чёрта, думаю, я буду им давать еду! Когда они приходят, то жрут, как свиньи, а на меня внимания не обращают! А я хотел, чтобы они со мной поговорили по душам, по родственному, не отвлекаясь на разные глупости. Ведь они же ко мне в гости пришли, а не к еде, верно?

– Верно, – кивнул головой доктор Зак, глядя на верхушки деревьев, раскачиваемые холодным осенним ветром.

– Так вот, они пришли и сразу, как голодные псы, стали бродить в поисках еды. Все полки облазали, в туалете шкафчики пооткрывали, обшарили на кухне помойные ведра, даже в шкаф заглянули. Нигде еды не нашли, но всё равно бегали, как сумасшедшие и скулили. А на лицах у них такое недоумение было нарисовано, как будто я перед ними стоял без штанов, с красным флагом, и пел на древнееврейском про Деда Мороза. Я попытался их успокоить и с трудом усадил за стол, а потом торжественно высказал благодарность за то, что они собрались, пожертвовав драгоценным временем.

Я заметил, что многие сидели с бледными и печальными лицами. Меня окружали грустные глаза, наполненные

безысходностью. В воздухе стояла черная дымка траура – такая обычно царит на похоронах. Некоторые, особенно женщины, были близки к обмороку и сидели с похолодевшими конечностями, сине-зелеными кругами под запавшими от тоски глазами и были готовы вот-вот упасть на пол без чувств. Никто друг с другом не разговаривал. Глаза у всех бешено вращались по часовой стрелке, тщетно пытаясь найти что-то съестное. Они совершенно не понимали, что нужно делать, когда на столе нет никакого угощения.

– Какой замечательный день! – громко произнес я. – Просто великолепный!

Никто не обратил внимания на мои слова. Только где-то вдалеке на кухне звякнуло мусорное ведро. А потом раздался звук падающего тела, измученного голодом.

– Я не понимаю, – рассуждал я, продолжая удивляться, – почему вы должны всегда жевать, чтобы разговаривать о том, о чём? Почему мы не можем просто так посидеть и поговорить?

– Не понимаю, – произнес дядя, с трудом отлепляя язык, присохший к зубам от отсутствия водки.

– Ну, давайте поговорим о жизни, не выделяя желудочный сок, – предложил я.

– Это невозможно, – вздохнула тётя. – Мы не можем говорить о жизни без выделения сока. Нет сока – нет жизни.

Её одухотворённое интеллигентное лицо покрылось красными пятнами, руки затряслись, а губы вытянулись в трубочку, как у младенца в поисках соски.

– Конечно, – согласился брат, – в соке содержатся специфические белки, которые так воздействуют на мозг, что хочется говорить о смысле жизни.

У брата было специальное образование в области биохимии.

– Да, – кивнул курчавым париком приятель-психиатр, – разговор о жизни без желудочного сока может привести к нарушениям процесса мышления, а в тяжелых случаях – к галлюцинациям.

– ...И вообще к язвам, гипертонии и инфарктам, – добавила его жена, специалист по внутренним болезням.

Все молчали, разочарованно покачивая головами. Дядя, высунув язык и шумно дыша, долго и внимательно смотрел

на стол, а потом начал царапать по нему ногтем, что-то отковыривая. После невероятного труда, слегка вспотев, он наконец отковырнул маленькую щепочку и, быстро положив ее в рот, стал жевать, с громким чмоканьем и обильным выделением слюны. Тётя бросила на него взгляд, полный зависти и негодования. Дядя смутился, задрожал, сморщился, как груша, и скрепя сердце дал тётё кусочек щепочки, вынув её изо рта. Тетя блеснула счастливыми глазами, положила деревяшку в широко раскрытый от неистового аппетита рот и тут же сомкнула мощные челюсти, мгновенно раскусив её.

Брат, извинившись, с кряхтеньем сполз со стула, захрипел, зафыркал, заблеял. Когда он высунул голову, все увидели его довольную жующую физиономию, перекошенную от счастья до безобразия. Гости оживленно задвигались на стульях, вытягивая пальчики с коготками по направлению к замечательному столу из красного дерева.

– Вчера смотрел интересный футбол, – дядя вытер рукавом тётинной кофты выпавшие на его щёки сопли психиатра.

– Погода была ужасная, ужасная, – прошипела тетя, выковыривая из-под десен застрявшую деревянную щепку, отломанную от стула.

Друг-психиатр ловко отломил вилкой кусочек стола, понюхал его, полизал и многозначительно заметил:

– Красное дерево хорошо принимать от бессонницы. В нём содержится много серотонина.

– Неужели?! – воскликнули все и бросились на стол, зубами и ногтями сметая всё на пути.

– Господа! – расстроился я. – Я же только хотел поговорить о жизни, а вы мебель портите!.. Как не стыдно!

– Говори, говори о жизни! – тетя ползала, набивая щепки за обе щеки. За ней полз психиатр, пытаясь схватить то, что она не успела отгрызть.

Внезапно раздался грохот, и стол развалился пополам.

– Это лучшее красное дерево, которое я ел в жизни! – крикнул дядя, разрывая зубами ножку стула.

– Конечно, – согласился биохимик, – столько гормонов, аминокислот и белков!

Он настолько увлекся царапанием, что продырявил ногтем снизу дырку в столе, и теперь смотрел на свой палец сверху.

– Мой Бог! – психиатр выпучил глаза. – Я чувствую, как мозг наполнился серотонином.

– Как вы можете жрать дерево! – воскликнул я. – Мы же люди! Мы не можем переваривать хлам!

– Вопросы о смысле жизни нас пугают, – объяснила тетя, тщательно вытирая рот чулком. – А когда человек напуган, то может переварить даже железо.

– Ну, пожалуйста, хватит! – попросил я. – Не надо есть стол! День рождения закончен!

Все встали, отряхнулись и ушли, захватив остатки мебели. Я со страхом смотрел на щепки. Внезапно перед глазами появилась картина, где человекообразные существа, не желая говорить о жизни, ползают вокруг, поедая здания, машины, деревья... Я протянул руку, достал щепку и попробовал её на вкус. Кусок деревяшки впился в язык, и я долго прыгал на одной ноге, поминая добрым словом день рождения.

Пациент замолчал и вопросительно посмотрел на доктора Зака.

– Очень интересный рассказ, – заметил доктор, глядя на часы, – очень интересный... Вы, наверное, чувствуете себя довольно одиноко?

Пациент кивнул головой. Доктор Зак заметил, что больной жуёт. Доктор автоматически посмотрел на письменный стол в поисках царапины.

– Я жую жвачку, доктор, – объяснил пациент. – А вы?

– Я? – удивился доктор Зак и внезапно обнаружил, что-то же жуёт, только не знает что.

– Хотите поговорить о жизни? – поинтересовался больной.

Доктор Зак поймал себя на мысли, что он не знал, чего хотел больше – говорить о смысле жизни или продолжать жевать.

Ночь превратилась в кошмар. Когда я засыпал, кто-то приходил в сон, обливал меня неприятной вонючей и горячей жидкостью и кричал: «Что ты любишь делать?!» Барабанная перепонка трещала от напряжения, голова раскалывалась на миллионы кусочков. Этот «кто-то» не обращал внимания на мои страдания и продолжал орать. Я его жёг, пилил, рубил на части, вешал на крючок, бил ногами, но он вставал, свеженький и целехонький, совершенно невредимый, и продолжал гнусно издеваться над старым человеком. Я пытался воззвать к его здравому смыслу, размахивая руками, ногами и прочими конечностями. Я объяснял, что нелогично, неприлично, ужасно, возмутительно, грустно и недопустимо задавать глупый вопрос человеку, которому девяносто лет. Безобразие! Он не обращал внимания на моё щебетание, размахивание конечностями, и, как огромный чёрный коршун, возвышался, продолжая спрашивать.

Однажды он исчез. Я боялся радоваться. Мне казалось, что как только я обрадуюсь, он опять придет в сон и начнет издеваться. Время шло, а он не появлялся. Наверное, решил я, убежал мучить когонибудь другого. А потом, доктор, стали происходить странные, пугающие события.

Однажды, когда я гулял в парке с собачкой, в голову забежала волнующая, необычная мысль.

«А что я люблю делать?» – подумал я.

Я старался избавиться от мысли, напевая песенку и пиная шишки ногами, однако это было невозможно: как кровожадный комар, она вкручивалась в мозг и назойливо там жужжала, не давая возможности расслабиться и насладиться утренним солнцем.

Однажды я увидел себя лежащим без сна на кровати. От отчаянной борьбы я обессилел и обливался потом. Не зная, что делать, пошел к психиатру, который выписал таблетки, заставившие сидеть на унитазе ночи напролет в попытках выдавить из себя то, что я не хотел есть в дневное время. Мысль выдавливаться не хотела: таблетки сделали её сильной. Я был так зол, что укусил собачку, которая бегала от меня, как сумасшедшая.

Смертельно устав от борьбы с самим собой, я в отчаянии плюнул через стол и попал на стену. Я смотрел на плевок, медленно ползущий вниз, и наконец решил узнать, что же люблю делать в жизни. Не знаю, сколько томительных дней и ночей я провел, ломая голову над этим вопросом, но потом, истощенный, похудевший и посиневший, решил спросить жену, уже несколько лет живущую в доме престарелых. Она с удивлением покачала головой, глядя сквозь меня на стену, по которой полз озадаченный человеческой глупостью паук.

Я позвонил ещё топчущимся на земле знакомым. Они в удивлении чихали, кашляли, сморкались и озабоченно интересовались, как давно я был у врача.

Я измучился от бессмысленных разговоров и однажды обнаружил себя голым, лежащим на полу. Рядом сидел озабоченный пёс, которого я так часто кусал. Я плакал бессильными слезами и смеялся. Я внезапно осознал, что все годы жил в скрученном артрите теле кретина, который всю жизнь бегал, как сумасшедший, по кругу в надежде найти что-то, кого то или нечто, что его осчастливит.

А где был я? Иногда люди выпивают по стаканчику, а потом не помнят, где были часок-другой. Но я не помнил, где я был девяносто лет...

От этой мысли перехватило дыхание, а щеки порозовели от изумления, как у первоклассницы, впервые увидевшей мужскую писюку. Чем дольше я размышлял, тем страшнее становилось и тем больше я себя чувствовал сконфуженным, растерянным, заколдованным. Потерявший терпение пёс царапал когтями дверь, пытаясь позвать на помощь соседей, которые были ещё большими кретинами, чем я.

Я приполз к психиатру, и на всю следующую неделю туалет был забыт. Не выталкивалось из меня практически ничего, хотя заполнялось столько, что собачка совсем помешалась от страха, видя, как я раздулся и заполнил всё пространство в квартире. Мысль еще больше окрепла: она была чрезвычайно энергичной и не оставляла меня в покое ни на мгновение. От таблеток и головной боли поехали мозги, и я начал разыскивать самого себя. Я звонил в полицию, ЦРУ, ФБР, налоговую инспекцию и по всем номерам подряд.

Поиски закончились в приемном покое психиатрического госпиталя. Я продолжал себя разыскивать, бродя в коричневой пижаме по коридорам отделения, а доктор всё прописывал и прописывал пилюли. Я понял, что если не притворюсь нормальным, то встречу в отделении своё столетие. Я заявил, что нашёл самого себя и осознал, что люблю бегать по кругу с высунутым языком, пытаюсь найти счастье на дне кошелька.

Доктор обрадовался и выпихнул меня на улицу.

Я пришел домой, загнал под диван обезумевшего от моего сумасшествия пса, сорвал с себя одежду, отключил телевизор, телефон, радио, выбросил газеты и журналы, лег на пол и замер.

Впервые в жизни я позволил туману тишины окутать меня с ног до головы. Я лежал в страхе, с сильно бьющимся сердцем, не понимая, что сейчас произойдет. Вдруг я услышал тихий стук. Я подумал, что это моя собачка, но она лежала без движения под диваном, напуганная до смерти.

Стук был тихий, но настойчивый. Я понял, кто стучал. Это было так печально, что я стал истерически смеяться. Я смеялся и одновременно дрожал от страха перед встречей с самим собой, которая вот-вот должна была случиться на девяносто первом году моей активной жизни. Собачка отчаянно залаяла при виде незнакомца, приближающегося ко мне с улыбкой на лице.

Ги ходил по отделению с чувством невыносимой скуки и равнодушия. Тоска залезла в душу и надоедливо ныла внутри. Медсестра открыла дверь и выпускала больных на полянку, чтобы те поиграли, покурили и побаловались. Ги встал в очередь. Увидев его, она прокричала учительским тоном:

– Куда? Тебе не разрешено! Есть правило!

«Хотел бы я встретить кретина, который придумал правило и поговорить с ним по душам», – буркнул Ги, отойдя в сторону.

– Иди в палату и сиди там до завтра. Ты нагрубил нам и наказан за это. Так что отправляйся.

– Я не согласен, – возразил Ги, – никому я не грубил. Вы все ничего не понимаете, кроме своих жутких правил...

– Если будешь спорить, – завелась сестра, – будешь еще дольше сидеть в своей палате!

– Нет! – закричал Ги и сжал кулаки.

На крики прибежали два бугая-санитара и уложили маленького, шупленького Ги на кровать, привязав ремнем.

Доктор Зак вошел в палату.

– Что случилось? – спросил он, натянув очки на кончик волосатого носа. – Голоса?

– Ну да, – снова произнес доктор, не давая Ги возможности открыть рот.

Через пару часов Ги сидел за столом в окружении медицинского персонала.

– Ты лишен привилегий в течение двух дней, – твердо сказала медсестра. – Никаких прогулок, никаких игр – ничего.

И тут Ги услышал тоненький голосок, доносившийся откуда-то сверху, с потолка. Голосок всегда давал о себе знать, когда кто-нибудь действовал мальчику на нервы.

«Ты лишен возможности дышать, видеть, нюхать и пробовать на вкус, а также моргать. С этого момента ты абсолютно никто», – произнёс голос.

«Но я Ги!» – громко воскликнул Ги.

Все присутствующие с пониманием переглянулись.

«Ты – никто!» – повторил голос твердо.

«Если я Никто, значит, не могу расстраиваться и огорчаться! Это означает, что я должен находиться в хорошем и бодром состоянии духа», – сделал вывод Ги.

«Верно», – подтвердил голос и исчез.

Ги расслабился. Он снисходительно посмотрел на напряженные лица присутствующих и улыбнулся, как будто знал нечто такое, что им всем по причине узколобости не дано было узнать природой. Сотрудники стали о чём то спорить, но Ги их не слышал. Ему было хорошо, потому что он был Никто.

Он прекрасно себя вёл, и вскоре ему вернули все отнятые привилегии. Однако Ги никуда не хотел выходить из палаты. Ему было так здорово, что он не видел смысла в том, чтобы передвигаться. Желания отсутствовали, блаженство распространялось по всему телу, расслабляя организм, измученный лекарствами и диагнозами.

Доктор Зак зашел в палату и с большим удовольствием посмотрел на Ги. Он чувствовал профессиональную гордость за правильно поставленный диагноз и верно подобранное лекарство в этом сложном психиатрическом случае.

«Ах, как я хорош!» – кричало ликующее лицо доктора. Доктор отражал по стенкам палаты лучи солнца, бьющего по его внезапно посвежевшим щекам. Он не понял, что Ги не хотел больше существовать в мире, полном идиотских запретов и идиотов, их придумывающих.

Доктор Зак никогда не думал, что для такого огромного кайфа, который испытывал Ги, нужно стать Никем, а лучше всего – исчезнуть.

Ги сейчас жалел пациентов, которые постоянно ругались с персоналом больницы и в результате теряли привилегии. Скандалы происходили из-за того, что пациенты считали себя кем-то. Какие наивные!

«Надо поделиться открытием с остальными, – подумал Ги. – Кто же им, несчастным, внушил, что они кем-то являются? Тот, кто это сделал – самый большой злодей на земле! Эх! Вот если бы встретить его! Я бы ему всё сказал, что думаю! Как он мог такому количеству людей поломать жизнь?!»

В палату вошла женщина – социальный работник.

– У нас есть план для тебя в отношении выписки», – сказала она.

– И у меня есть план, – улыбнулся он.

– Ты опять начинаешь! – гневно прошипела социальная работница, но, глядя на успокоенное лицо Ги, размякла и принялась рассказывать что-то. Ги её не слышал. У него не было ушей. Он был Никто.

Доктор Зак не хотел слушать никого, включая больных. Ему лезли в голову разные мысли, и он старался понять, о чем же они были. В воспаленном воображении мелькала женская грудь. Она улыбалась и таинственно манила оптимистическим соском, на котором висел авиабилет на Карибские острова.

Доктор Зак заметил, что вытянул руку, чтобы дотронуться до соска, но внезапно обнаружил, что перед ним в кресле сидит пациент и о чем-то говорит. Доктор Зак отдернул руку, откинулся в кресле и с сожалением взглянул на человека.

– Да... – протянул мужчина в шляпе, веревочка от которой была протянута через два громадных красных уха, – у меня тоска.

– Конечно, – автоматически прошептал доктор Зак, сорвал с пачки бланк для рецептов и начал писать назначение.

– В сущности, это произошло на прошлой неделе, – продолжал пациент.

– Да, – доктор Зак уже написал название лекарства и теперь думал о соске, билете, пальмах и жене, постоянно жалующейся на головную боль.

– Я пришел домой поздно вечером, – продолжал пациент, – надеясь застать жену в постели, – он многозначительно кашлянул.

– Одна таблетка утром, – дал указание доктор Зак и тоже кашлянул, но без смысла, и поправил галстук, который забыл дома.

– И тут я увидел в постели мужчину, – больной сделал паузу.

– Лучше запивать лекарство апельсиновым соком, – посоветовал доктор Зак, протягивая рецепт.

– Я закричал, – продолжал пациент, вставая из кресла и протягивая руку, чтобы взять рецепт. – Оказалось, что зря, потому что это была не жена, а теща, которая лежала вместе с мужчиной.

– И не забудьте: через две недели у нас снова встреча, – напомнил доктор Зак.

– Да-да, – пациент согласно кивнул головой.
– Вот что, – продолжал доктор Зак, – от таблеток могут возникнуть проблемы с оргазмом. Это временное явление. Оргазм вернется.

– Присмотревшись к мужчине, – продолжал пациент, – я увидел, что это были вы, доктор Зак. Вы меня увидели, страшно испугались и хотели убежать, выпрыгнув в окно. Наверное, вы забыли, что это был тринадцатый этаж...

– Мой Бог! – воскликнул доктор Зак, почувствовав жар и дрожь в ягодицах. – Так это были вы! – Доктор убрал назад руку с рецептом, решительно встал, стремительно прошел к двери и убедился, что она плотно закрыта. Затем он подошел к окну и постучал по стеклу, как бы проверяя его на прочность.

– У меня было тяжелое детство, доктор, – пациент сел назад в кресло и приготовился рассказать о детстве, собаке, которая его укусила, и как это решающее событие повлияло на формирование его тяжелейшего характера, а также умственных и физических заболеваний.

– Ваша теща – одинокая женщина, она не замужем, – хрипло прошептал доктор Зак, снимая пиджак и закатывая рукава повлажневшей рубашки.

– Эта собака... и еще кот... они меня эмоционально сильно травмировали, доктор Зак, – начал пациент. – Это были годы всевозможного издевательства с их стороны.

– Ваша теща, собственно, – мигнул доктор Зак, – довольно интересная женщина, – добавил он, словно оправдываясь.

– Ах, доктор, у меня столько проблем, – продолжал пациент, – а у психиатров нет времени выслушать. Я надеюсь, что у вас найдется. Однажды теща была у вас на приеме...

– Пожалуйста, говорите... – хотел сказать доктор Зак, но внезапно обнаружил, что у него исчез голос.

– Так вот, – кашлянул пациент, – я должен рассказать об отвратительной собаке...

Он начал рассказывать о псине... Доктор Зак лихорадочно обдумывал ситуацию, вращая глазами по часовой стрелке, медленно двигающейся в настольных часах. Вечерело. Доктор уже мог бы написать роман о жизни замечательного

четвероногого. Он сожалел, что пес только укусил этого типа, было бы лучше, если бы животное его съело с потрохами. Наконец пациент замолчал. Доктор Зак к тому времени полулежал в трансе.

– Я придумал эту историю, вы уж извините, – подытожил больной. – Мне нужно было выговориться. Знаете, это полезно для здоровья.

«Я мог бы это предвидеть», – подумал доктор Зак, внезапно ощутив гнев и отчаяние.

– Убирайтесь отсюда! – буркнул он. – Ищите себе другого врача!

– Я ненавижу морскую свинку, – пробормотал больной, и в его глазах появились слёзы.

– До свиданья! – доктор Зак надел пиджак, внезапно почувствовав, что замёрз.

– Но кролик был ничего... но только вначале, – продолжал пациент.

У доктора Зака перехватило дыхание от такой наглости.

– Да нет, – улыбнулся пациент, – это были вы, доктор Зак. Точно: вы. Я видел вас там.

– Где? – подпрыгнул психиатр.

– До свиданья, доктор, – больной схватил рецепт со стола и с загадочной улыбкой вылетел из кабинета.

«Чушь какая! Пора в отпуск».

Доктор чихнул и вытер слёзы рукавом рубашки.

Сэм сидел в коридоре возле кабинета врача и страшно скучал. Скука была вечная, космическая и поглощала всё вокруг, отчего погода портилась и целый день шел надоедливый дождь, нагоняя тоску еще больше. Казалось, что время остановилось и в задумчивости смотрит на Сэма, сочувствуя ему.

«Иди-иди!» – хотел сказать времени Сэм, но услышал, как оно, прочитав его мысли, ответило:

«После тебя!»

«А куда мне идти?» – поинтересовался Сэм.

«Иди к черту!» – ответило время и побежало радостно вперед.

Сэм взглянул на часы, глубоко вздохнул и только собрался вздремнуть, как дверь открылась, и оттуда вышел глубоко задумавшийся доктор, бросая жирную перхоть в окружающую среду.

– Проходите! – пригласил врач и первым вошел в кабинет.

Доктор сел в кресло, шмыгнув носом, тщательно протер его пальцем, завернутым в шелковый платок прошлогодней свежести и, развернув платок, стал внимательно разглядывать его содержимое.

Сэму тоже захотелось взглянуть на то, что было внутри платка, он даже вытянул шею, но вскрикнул от боли, забыв про критический мужской возраст.

Доктор тщательно вытер тем же платком чуть скошенный небольшой лоб, открыл рот и тут же его закрыл. Открыв его опять, многозначительно произнес:

– Сэм, вы мертвы!

Сэм поднял брови, думая, что доктор шутит и много ковыряет в носу. Но доктор сидел без улыбки: она не была свойственна измученному ночными звонками лицу эскулапа.

– Да нет! – Сэм махнул рукой и улыбнулся через силу. – Как это – «мертв»? Это невозможно! Вы смеетесь? У меня даже 5% долга за дом не выплачено!

– Вы знаете, – многозначительно прогнусавил доктор, – смерть в принципе возможна. Это со всеми случается время

от времени... Люди по странной причине не могут жить вечно и умирают, игнорируя колоссальные достижения в области медицины. Некоторые умирают по естественным причинам. Хотя это трудно представить: что может быть более неестественным, чем смерть от естественной причины?

– Я понимаю, – доктор вытер вспотевший лоб платком с ценным содержимым внутри. – Вы разочарованы невозможностью выплаты долга за дом. И вообще удивлены неожиданным событием для вас и кредиторов. Но не все люди знают дату смерти заранее...

– Вы уверены? – Сэм почесал затылок слева направо.

У него на глазах выступили слезы от сознания невозможности выплатить долг члена общества. Подбородок задрожал, хотя должен был быть твердым и неподвижным, каким бывает у трупа, согласно науке. Однако известно, что жизнь часто противоречит науке, особенно в денежных вопросах.

– Да, – доктор кивнул, – тесты и анализы подтверждают, что вы сильно мертвы. – Доктор очень долго и задумчиво водил носом по страницам, по привычке тщательно вытирая его шелковым платком. Второй, свободной рукой он растёгивал и застегивал ширинку, что обыкновенно делал, чтобы лучше сосредоточиться на больном. Наконец он тряхнул головой, разбрызгивая пыль хлостяка, и прохрипел: – Да, нет сомнений: вы мертвы.

– А вы уверены, что это моя история болезни? – настороженно спросил Сэм.

– Не ваша? – доктор сделал удивленные глаза и посмотрел на обложку. – Вы – Сэм... так... женаты... да... жена – домохозяйка... вот... экономист... сорок лет. Правильно?

– Да, – вздохнул Сэм и внезапно, как проколотый шарик, стал уменьшаться в размере.

– Между прочим, – заметил доктор, соскабливая что-то со лба, – не думайте много, не забывайте, что вы – труп.

– Спасибо, доктор, – Сэм шевельнул холодными ногами и встал с кресла.

– Вот подтверждение смерти. – Он протянул Сэму лист бумаги. – Если не поверят, предъявите документ.

– Спасибо, – Сэм положил бумагу в карман и медленно выплыл из кабинета.

Доехав до дома, он открыл мертвой рукой дверь и шагнул внутрь, мелькая бледным лицом перед глазами жены Ксюши, погрёбённой в йогу.

– Что случилось? – поинтересовалась Ксюша, закручивая ногу вокруг правой груди. – Ты выглядишь мертвым.

– А я мертв, – глухо выдохнул муж. – Вот бумага. – Он протянул листок.

Ксюша вскочила на одну ногу, схватила листок и начала медленно читать. Она, как всегда, была внимательна к деталям. Сэм смотрел на неё. Ему было интересно узнать, что она чувствует по поводу его неожиданной кончины. Ксюшино лицо оставалось невозмутимым. Вдруг она сделала большие глаза, лицо побледнело, руки задрожали, а кожа на конечностях позеленела.

– Печать! – испуганно прошептала жена. – Где печать?

– Что, нет? – Он взял бумагу. – Забыл попросить секретаршу поставить печать, – извиняющимся тоном произнес Сэм.

– Ты всегда всё забываешь! – недовольным тоном буркнула Ксюша. Она гневно сверкала на мужа красными искорками глаз. – Как ты мог забыть поставить печать на важный документ?! – Она дергала на себе воротничок рубашки с таким остервенением, как будто это была усталая Сэмина писька. – Бумага является основанием для выдачи свидетельства о смерти, – Ксюша чуть не плакала, кусая губы, – без неё ты – никто! Я тут рылась в документах, – продолжала кричать она, – и нашла твое свидетельство о рождении, тоже без печати!.. Может, ты и рожден не был?! Так с кем же я жила все годы, – голос превратился в визг, – если нет подтверждения, что ты родился?! Ты теперь никому не докажешь, что умер! Так родиться, как это сделал ты, мог только ты!

– Так ты думаешь, что я не ещё родился? – неуверенно спросил Сэм, чувствуя себя виноватым в чем-то серьезном.

«Правильно, – промычал он, – если я не родился, то и умереть не могу».

Это было логично. Он понимал, что в этой логике было что-то странное, но что именно, понять не мог из-за эмоционального потрясения по поводу своей неожиданной смерти.

– Иди к доктору. Ставь печать, – предложила Ксюша. – А я пока поставлю курицу в духовку.

Сэм выбежал из дому, сел в машину и уже через полчаса стоял возле кабинета.

– Мне нужна печать, пожалуйста, – он осторожно подошел к секретарше и протянул бумагу.

Та подняла трубку, поговорила о чём то с доктором, потом обратилась к Сэму.

– Доктор хотел бы вас видеть.

– Зачем? – удивился Сэм. – Я же мертв. Ведь у меня же есть его подпись с диагнозом!?

– Пожалуйста! – секретарша указала на дверь.

Сэм втокнул своё безжизненное тело внутрь. Доктор стоял посреди кабинета, обдувая усталое лицо шелковым платком.

– У меня есть ещё одна неприятная новость, – сообщил доктор.

«Что может быть более неприятным, чем известие о собственной смерти?» – удивился Сэм, следя за плавными, гипнотизирующими движениями платка.

– В мире есть множество вещей, которые хуже смерти, – изрек доктор, глядя в потолок задумчивыми неарийскими глазами. – Понимаете, Сэм, пока вы умирали, ваша страховая компания изменила правила, и теперь они отказываются платить за печать.

Сэм почувствовал, что вот-вот зашипит от гнева.

– Как это так?! – закричал он в ярости. – Столько лет плачу такие деньги, а они не хотят даже за печать заплатить!.. Я... да я...

– Понимаю, – согласился доктор. – Вы мертвы, и все это подтверждает! Но для них это не имеет значения. Они утверждают, что вы недостаточно мертвы.

– Как – «недостаточно»? – Сэм чувствовал, как у него от гнева поднимается отсутствующее давление. – Каких ещё доказательств они хотят? – заорал мертвый Сэм.

– Они избегают вопросов, – пояснил доктор, – и уклоняются от ответов. – Но, – продолжал он после некоторого молчания, – вы можете уплатить за печать сами.

– Сколько?

Доктор назвал сумму. Сэм почувствовал головокружение, тошноту и боль в пояснице, ягодице и ключице.

– Мы можем предложить план, по которому вы сможете выплачивать ежемесячно, с процентами, – предложил доктор.

– А что случится, если я не заплачу?

Сэм чувствовал, что пол двигается во всех направлениях.

– Садитесь, – доктор пригласил сесть.

Сэм бросил ненужное тело в кресло, чувствуя себя безумно усталым. Доктор уселся на стул и начал объяснять спокойным тоном.

– Если не заплатите, то останетесь в живых. Следовательно, не сможете забрать деньги за страховку и ещё много лет будете вынуждены работать с утра до вечера, водить машину в жутких пробках, часто просыпаться по ночам, страдая от кошмаров и постоянно ссориться с женой, жалующейся на нерегулярные месячные, головную боль и отсутствие денег.

– Нет! – закричал Сэм. – Я найду способ достать деньги! Найду! Сколько у меня есть времени?

– Не много! Вы понимаете, – продолжал объяснять доктор, – у меня тоже расходы. Вы знаете, сколько времени я потратил, чтобы сделать вашу смерть научно доказанной? Поверьте мне, – он подошел к Сэму и, положив носовой платок ему на плечо, ласково продолжал: – Я тоже хотел бы быть мертвым иногда, но не могу себе этого позволить, слишком много долгов. У меня дорогой дом, молодая, обаятельная жена, двое маленьких детей и страховая компания, которая отказывается платить за пациентов, а если и платит, то вдвое меньше и не вовремя! А запор с поносом и половой слабостью по выходным и будням!

– Но вы не можете умереть только на месяц! – возразил Сэм. – Если вы кончены, то это навсегда!

Доктор потер шелковым платком о плечо Сэма.

– Мне нужно сейчас принять следующего пациента. Мы продолжим после... Желаю успеха...

Сэм выполз из кабинета и потащился обратно к жене, обдумывая сложную жизненную ситуацию.

– У нас нет денег, чтобы заплатить за дурацкую печать, – значительно произнесла Ксюша после некоторого молчания,

выслушав Сэма. – Но зато, – добавила она, прищурившись, – мы можем продать дом, купить печать, похоронить тебя, а потом, получив деньги с твоей страховки на жизнь, купить дом побольше плюс две хорошие машины.

Она начала перечислять Сэму вещи, которые они купят, и он, почувствовав слабость в неживых ногах, присел на ковёр.

«Хорошая идея!» – хотел он согласиться с Ксюшей, но слова застряли во рту – мёртвые губы отказывались шевелиться. Сэм отдохнул, а потом почувствовал прилив сил, поняв, что ситуация не совсем безнадежна. Он съел курицу, выпил бульон, облизал пальцы, походил по комнате и проглотил батон хлеба. Сэм решил, что если он мертв, то, пожалуй, находится в лучшей форме среди всех мертвецов. Он схватил Ксюшу и, прыгнув с ней в постель, почувствовал себя героем.

– Никогда бы не подумала, что ты мертв! – прошептала утром обессиленная Ксюша. – Когда ты был живой, мы никогда столько не веселились! Мне думается, что некоторым людям нужно умереть, чтобы действительно начать наслаждаться жизнью!

– Конечно! – воскликнул Сэм. – У меня настроение намного лучше. Вчера впервые не принял лекарство от депрессии.

Назавтра они выставили дом на продажу. Сэм стоял утром перед зеркалом и брился, когда сбоку подошел сын, Джек, и поинтересовался:

– Папа, я тут узнал от мамы, что ты умер. Это правда?

– Конечно! – Сэм радостно кивнул головой и слегка порезался. Из маленькой ранки брызнула неживая кровь. – Но, – продолжал он, – официально я живой. Мне нужна печать.

– А ты бы не мог её достать побыстрее? Мне срочно нужны наличные, я женюсь.

– Хорошо, – Сэм улыбнулся и стёр кровь. – Постараюсь.

Сын обрадовался и обнял отца.

Сэм пришел на работу, где его тут же попросили зайти к мистеру Хреноверу, который был его начальником. Мистер Хреновер выглядел злым.

– Что случилось? – он поднял на Сэма тяжелый взгляд человека, замученного буднями и болью в копчике. – Почему так часто опаздываете?

– Вы знаете, – начал оправдываться Сэм, – я не очень хорошо себя чувствую. Я умер.

– А где документ?

– У меня его ещё нет, но скоро будет, с печатью, – пообещал Сэм.

– Тогда вы не мертвы и ваше опоздание не имеет оправдания.

– Но у меня нет пульса, – попытался объяснить Сэм.

– Ну и что? – Мистер Хреновер все ещё злился. – И у меня нет ни пульса, ни давления, я вообще уже не дышу много-много лет.

– Правда? – Сэм с сомнением посмотрел на его грудную клетку, пытаясь заметить хоть какое-нибудь движение.

– Так вы тоже мертвы? – удивился Сэм.

Мистер Хреновер кивнул головой.

Сэм попытался объяснить мистеру Хреноверу, что раньше, когда не было страховых компаний, умереть было значительно легче.

– Не надо мне ничего объяснять, – возмутился мистер Хреновер. – Мертвые – ответственные люди. Значит, вы ещё живой.

У мистера Хреновера покраснела шея, и так вздулись вены, что Сэм испугался, как бы он не умер ещё раз.

– Но, – протянул неуверенно Сэм, – вы бы могли забрать деньги со страховки на жизнь и, разбогатев, больше не работать.

Мистер Хреновер внезапно начал смеяться. Он смеялся так громко, что люстра над его головой начала раскачиваться. Сэм со страхом посмотрел вверх и отступил в сторону.

– Я был так же наивен, как и вы, – давясь от смеха, хрипел мистер Хреновер. – Я даже провел несколько дней в могиле. Они, уроды из страховой компании, пришли к могиле, чтобы убедиться, что я там лежал. Но потом сказали, что я был и раньше мертв и скрыл это от них. И теперь моя смерть не подлежит оплате. Эти идиоты наняли толкового юриста, который доказал, что я всю жизнь был мертв и умер задолго до своего рождения.

Сэм удивленно поднял брови.

– И теперь, – продолжал мистер Хреновер, – не имея денег на жизнь, я, покойник, вынужден работать! Вы думаете, – он снова покраснел, как рак, от гнева, – что я наслаждаюсь общением с такими, как вы? Или благодарю Бога за то, что просиживаю часами в пробках в ржавом корыте!? Или с утра до вечера слушаю заплывшую от жира и лени жену, которая вопит мне в ухо о планах на будущее? Вы думаете, я наслаждаюсь каканьем раз в неделю и писаньем понемножку раз в час двадцать четыре часа в сутки? Да если бы были деньги, лучше б я лежал в могиле,! Лежал бы там и отдыхал по-человечески!

– А вы пробовали лекарство от депрессии? – осторожно поинтересовался Сэм.

– Как оно мне может помочь сейчас, когда я мертв, если оно не помогало, когда я был жив?

– Зачем же тогда я продаю дом, – Сэм уставился в пол, – если они такие обманщики?

– Вот именно! – буркнул мистер Хреновер. – Продолжайте существовать, как и все мертвые в нашей компании.

Сэм вышел из кабинета и вскоре уже сидел на рабочем месте, рядом с коллегой, которая сосредоточенно красила губы.

– А ты? – прошептал Сэм, озираясь по сторонам. – Ты тоже мертвая?

– Конечно! – без запинки ответила она. – А тебе, Сэм, нужно к психиатру. Ты в последнее время выглядишь слишком напряженным, взволнованным и... очень наивным...

В конце концов Сэм решил пойти к психиатру. Он никак не мог разобраться с вопросами жизни и смерти и чувствовал себя очень потеряннным.

– Одна таблетка натошак, после еды, – уверенно бросил доктор Зак, протянув рецепт.

Таблетки не помогли Сэму удержать Ксюшу. Она заявила, что больше не в состоянии общаться с мертвецами и нашла кого то живого и пока ещё веселого. Она продала дом, пока Сэм был погружён в задумчивость, и на вырученные деньги наняла хорошего юриста, который вынул из Сэминой страховки на жизнь все деньги. Сэм попросил немного деньжат, чтобы купить зимнее пальто, но ему сказали, что мертвецам одежда

не нужна, но если он настаивает, то можно покрасить ограду на его могиле в нежный розовый цвет.

Так что Сэм по-прежнему живет, как и миллионы таких же, как и он. А что же делать, если просто нет денег, чтобы умереть по-человечески?

Я всё помню ясно, до последних деталей. Мама собиралась меня родить. Я был внутри, это были последние секунды – я в этом не сомневался, – и чувствовал, как меня толкают зачем-то со всех сторон. Толкание раздражало и мешало спокойно насладиться жизнью в тишине и темноте. Плавая в прекрасной питательной среде, внутри мамочки, я часто размышлял о том, какая жизнь меня ожидает. Меня что-то пугало – там, снаружи. Наверное, моя исключительно развитая интуиция постоянно напоминала, что ничего хорошего там нет и нужно, по мере возможности, наслаждаться жизнью уже сейчас; что я и делал.

И наконец момент настал. Я был гибкий и так изогнулся, что увидел стоящих людей, которые с интересом и нетерпением ожидали моего прибытия. Я нервничал, суетился, ворочался туда-сюда и не мог найти себе места. Это была незащищенность маленького птенчика, против которого ополчился весь мир.

Мне хотелось крикнуть:

«Да оставьте меня в покое! Идите своей дорогой! Ну зачем я вам сдался? Мне и так хорошо!»

Я отчаянно не хотел вылезать – что люди могли предложить мне такого, чего я не имел там, в мамочкином чреве? Неужели что-то на свете могло быть лучше, чем спокойное, тихое существование внутри? Я ощущал опасность, хотя лица у людей, которые меня ожидали, были довольные и счастливые. Они выглядели сытыми, ленивыми котами и кошками, однако выражение их глаз и то, как они скрючили пальцы... Всё было ужасно, пугало и заставляло думать, думать и думать...

Процесс обдумывания был для меня вообще чрезвычайно важен и полезен ещё тогда, а сейчас, я полагаю, ещё больше. И хотя это не доставляет радости, зато предохраняет от неожиданностей и излишней наивности.

Я был не так наивен, как те придурки, что выскакивали из мамочек с улыбкой на лице, а потом получали по роже

и заднице. Нет, я был не такой, как они! Более осторожный, я не доверял драгоценную жизнь первому встречному.

Я пытался сделать все возможное, чтобы остаться внутри. Если бы я смог вмешаться и предотвратить зачатие, то с удовольствием бы это сделал, но было уже поздно что либо исправить. Я всеми силами старался зацепиться за мамочку и хватался за всё на своём пути. Я колотил ножками и ручками, тянул пуповину на себя и в конце концов так устал от неравной борьбы, что повис вниз головой.

Люди снаружи начали нервничать. Они никак не могли понять, почему я не хотел покидать жилище.

– Что случилось? – спросила женщина с глупой улыбкой на полуперекошенном от косметики лице. – Почему не хочешь вылезать? Давай, мы ждем!

– Давай-давай! – поддержал её мужик, тучный до такой степени, словно плавал в собственном жире, – Давай, ангелок! Я папочка! Прыгай вниз, сыночек, я о тебе позабочусь!.

Я внимательно посмотрел на эту тушу и так испугался, что повернулся поперек мамочки. А вдруг я унаследую его жирную хромосому? Я наверняка буду страдать от сердечных проблем, высокого давления, идиотизма, отрыжки и импотенции. Он был безобразен. Я дрожал от страха, притягивая к себе пуповину так, что она начала звенеть.

– Пожалуйста, вылезай! – просил мужчина с серьезным лицом, на котором был виден один смешливый глаз. – Вылезай и ничего не бойся! Мы тебе дадим самые лучшие витамины, гормоны и пестициды.

– Нет! – я почти плакал. – Нет! Вы меня не убедили! Почему я должен оставить райский уголок?! Что меня ждет там, в вашем мире? Чушь по радио и телевидению? Вонючие чипсы? Сыр, сделанный из пластилина? Мясо из чугуна? Фрукты, опрысканные таким количеством яда, что мухи падают замертво, только думая о них? Я буду быстро расти на этом удобрении, работать от зари до зари, собирая в кучу зеленую бумагу, чтобы оплатить последние дни в доме престарелых? Вы что, за идиота меня принимаете?!

– У него тоска, – заметил жирный отец, – наверное, я отдал ему депрессивную хромосому.

Я удивлялся тому, что мамочка все время молчала.

– А что, у мамочки нет своего мнения? – поинтересовался я.

– Ты что, сынок? – услышал я её голос. – Я о тебе позабочусь, пока тебе не стукнет восемнадцать. Достану лучшее искусственное молоко. Найду хорошую няньку. Даже дам ей денег на замечательные чипсы и натуральный пластилиновый сыр. Обещаю, что ты будешь меня видеть минут пять перед сном. Если, конечно, не придётся сидеть на работе допоздна, чтобы было чем платить за наш замечательный дом на берегу не очень свежего озера.

– Вот видишь, – гнусаво прогудел жирный папа, – мамочка ради тебя готова пожертвовать всем.

– А ты? – мне было очень интересно.

– Я смогу разок проснуться днем, сыночек, – пообещал он, – и посмотреть на тебя, если будешь сидеть на моем диване. Разве этого недостаточно, чтобы ты сейчас же выполз из мамки со счастливым лицом? Пожалуйста, – папа почти плакал, – вылезай!.. Ты не задержишься здесь долго. Лет семьдесят, а может, и намного меньше, если будешь похож на меня. Когда, сыночек, я узнал, что жизнь не вечная, я так радовался, что оторвал от счастья все колючки на розах у нас перед домом, на который твоя мамочка работает день и ночь...

– Слушай папочку! – подхватила мама, – Он иногда говорит складно, несмотря на то, что дни и ночи умирает от жира и лени...

– Давай-давай, – подталкивал папа. – Я тебя осчастливилу! Будешь по-настоящему наслаждаться жизнью!

– Да, – продолжала женщина с перекошенным лицом; она засмеялась, и я увидел, как из ее разорванного рта посыпалась пудра, – представь себе, что жизнь – это кино, а ты актер. Не относись ни к чему серьезно. Я вижу, ты много думаешь, а это вредно для здоровья. Вот посмотри на меня, – она засунула голову внутрь мамочки, и я перестал видеть что-либо, кроме красной помады. От запаха крема у меня так закружилась голова, что я повернулся по кругу и снова занял исходное горизонтальное положение.

– Я тебе расскажу про витамины и целебные травы, – мрачно сказал мужчина с серьезным лицом. – Ты будешь заниматься

спортом, есть натуральную пищу, не курить, не пить, – и есть шанс, что проживешь на месяц дольше...

– Я все еще не вижу особой причины вылезать, – подытожил я, выслушав эту чушь. – Здесь тепло и безопасно. Мне не холодно и не голодно. Я не должен платить за аренду, у меня нет никаких долгов. Я не хочу быть ни актером, ни режиссером, а хочу быть самим собой.

– Но ты не можешь вечно жить у меня в животе! – мамочка начала нервничать. – Мне тяжело тебя все время носить на работу. А если я не буду работать, нам придется жить на помойке.

– А ты заставь папу работать, – посоветовал я, повернувшись головой вверх.

– Ты что? Ты что, сынок! – замахал папа руками. И все пошатнулись от запаха его пота.

– Там у вас хаос и беспорядок, – заметил я.

– Нет, здесь всё в порядке, – не соглашался папаша.

– Где порядок? – поинтересовался я.

Я высунул маленький пальчик наружу и совершил смертельную ошибку, которая стоила мне пятидесяти лет жизни. Толстый родитель ухватил пальчик и вытащил меня из тепло-го маминого убежища. Я был в такой тоске, что истерически плакал, не останавливаясь ни на мгновение. Я умолял мамочку пустить меня обратно, но... она уже была на работе.

Пациент вздохнул, а потом продолжал:

– Папина мечта свершилась. Год назад он умер от удара, лежа на диване. Человек с серьезным лицом, любивший спорт и витамины, умер во время бега на следующий день после того, как меня вытащили из мамочки. Женщина с обезображенным косметикой лицом всё ещё играет в глупом фильме. Кроме нее, в фильме снимается кот, уставший от всего на свете. Меня, доктор, мучают ночные кошмары. Снится жирный папа, тянущий меня из райского уголка. Я из последних сил играю роль удачливого бизнесмена, заботливого мужа и отца, но у меня уже совсем не осталось энергии. Последние силы отняты громадным количеством витаминов и трав, которые я принимаю ежедневно только для того, чтобы не быть похожим на папочку.

Пациент плакал.

Доктор Зак поискал глазами салфетку, но увидел лишь недоеденное яблоко и сломанный карандаш.

– Сейчас я сужусь с мамой, – продолжал всхлипывать больной. – Подал на нее иск за то, что она не посоветовалась со мной перед тем, как переспать с папочкой.

– Но ведь вас тогда еще не было? – заметил доктор Зак.

– У меня есть хороший юрист, который сможет доказать, что я стоял возле кровати, когда они трахались. Я хочу обратно, туда, – заплакал больной.

– Понимаю, – сказал доктор Зак, перестав грызть яблоко, – но как я могу вам помочь?

– Мой юрист посоветовал мне обратиться к психиатру. Ему нужна справка, что я психически здоров.

Доктор Зак открыл рот, чтобы высказать мнение специалиста в области психиатрии, но обнаружил, что не может подобрать правильные слова.

– Доктор, – пациент сделал жалобное лицо, – вы же верите, что я нормальный, правда?

Доктор Зак продолжал жевать яблоко – вернее, то, что от него осталось.

Был поздний вечер, когда Ги привезли в больницу.

– Почему я здесь? – он обратился к медсестре, которая зашла в палату.

– Потому что, – ответила медсестра и, чихнув, вышла.

Ги не понимал, почему его вытащили из дома, где он прятался от сумасшедшего мира.

«Интересно, где же я могу спрятаться?» – спросил он самого себя и осторожно заглянул под кровать.

Дверь открылась, и в палату вошла медсестра со шприцем в руке. Она сделала ему укол.

– Сейчас нужно спать.

– Не могу, – объяснил он. – Сумасшедший мир лезет в сон. Эти люди, дома, машины, суета... Всё наваливается и душит... Страшно! А на вас мир не наваливается? – он поднял на сестру глаза, полные страха.

– Спи, – она вышла из палаты, на мгновение задержавшись возле двери.

«Я тоже думаю», – Ги посмотрел на закрытую дверь, залез под кровать и долго там лежал, пытаясь бороться со сном. Потом захотелось в туалет. Ги осторожно приоткрыл дверь палаты и увидел доктора Зака, стоящего возле двери.

– Как себя чувствуешь? – доктор Зак улыбнулся свежесбритой левой щекой.

– А кто я? – спросил Ги.

– Ги, – объяснил доктор Зак, переступая с ноги на ногу.

– А вы кто? – снова спросил Ги. – Кто вы?

– Я доктор Зак, – произнес доктор, не сомневаясь ни на мгновение в истинности сказанного.

– Ага, – согласился Ги, – вы доктор, среднего возраста, среднего роста. Зарабатываете деньги, ставя психиатрические диагнозы.

– Ги, – доктор Зак слегка склонил голову вправо и стал похож на довольного жизнью неарийского ворона. – Ты не выплевываешь таблетки, которые я тебе даю?

– Выплюываю, – без запинки ответил Ги. – Они невкусные и ненужные. Все равно никуда от сумасшедшего мира не деться.

– О'кей, – доктор Зак посмотрел на часы, – я с тобой ещё поговорю. А сейчас мне нужно идти на конференцию.

Он растаял в воздухе так же внезапно, как и появился.

Ги подошел к пациенту, одиноко стоящему в углу рядом с цветком.

– Я боюсь, – прошептал пациент, а потом стал внезапно смеяться. Смех перешел в плач, и он начал скакать на одной ноге.

– Почему ты скачешь? – поинтересовался Ги.

– Какая-то сила пытается меня утянуть в центр земли, а я сопротивляюсь, – объяснил больной.

– А почему ты боишься туда попасть?

Пациент внезапно перестал прыгать и с удивлением уставился на Ги.

– Там, – он показал вниз длинным, худым, тонким пальцем, закрученным восьмеркой, – там ад.

– А, по моему, ад здесь, – возразил Ги. – Я уверен в этом.

– Да? – пациент застыл в неподвижности, обдумывая слова мальчика.

– Если тебе удастся там побывать, возвращайся обратно и расскажи, что видел. Если там хорошо, то я туда тоже отправлюсь. Здесь страшно.

– А, по моему, здесь рай, – послышался чей-то бас и, оглянувшись, они увидели мужчину, который полулежал на полу, опершись о стенку спиной. – Самый настоящий рай, – продолжал он, – еда три раза в день, тепло, чистые простыни. И даже душ. Что еще нужно?

Ги внезапно почувствовал, что ему стало скучно. Оба пациента не могли его понять. Они не видели, какое сумасшествие творилось вокруг и были слишком заняты своими проблемами. Ги зашел в туалет и взглянул на себя в зеркало.

– Я – часть Вселенной, – объяснил он своему отражению.

– Самая плохая часть, – донёсся голос из зеркала.

– Но кто-то же должен быть самой худшей частью? – рассудил Ги.

– Ты не заслуживаешь того, чтобы жить! – пригрозил голос. – А заслуживаешь смерти в муках!

– Так я и не живу! – спокойно объяснил Ги. – А раз я не живу, то и умереть не могу!

Ги улыбнулся.

– Ты меня раздражаешь! – сообщил голос, который внезапно обрел истерические нотки. – На всё у тебя есть объяснения. С тобой тяжело общаться. Я никак не могу тебя убедить убить себя или когонибудь ещё.

– Почему ты такой злой? – удивился Ги, продолжая смотреть в зеркало и пытаясь понять, откуда доносится голос.

– Потому что мне одиноко, – Ги услышал в голосе жалобные нотки, и его сердце дрогнуло. – Никто меня не любит, только и делают, что пытаются уничтожить. Вон они сколько лекарств в тебя воткнули...

– Да у тебя депрессия, – поставил диагноз Ги.

– Нет у меня никакой депрессии.

Ги увидел пациента, который стоял рядом перед зеркалом и мыл руки.

– Нет депрессии, – повторил пациент. – Доктор Зак дал таблетки, и мне всё время весело. У меня нет жены, детей, работы, дома, денег – никого и ничего. А мне весело. Вот буду танцевать вальс, – и он радостно закружился по туалету с воображаемой партнершей.

Ги вышел из туалета. Он проголодался. Прямо напротив него стоял пациент, который боялся, что его утащат внутрь земли.

– Я был там, – прошептал пациент, приблизившись к Ги, – я там был, – повторил он и тревожно оглянулся по сторонам, – там очень хорошо – песочек, пальмы, женщины, птички, много-много денег, которые прямо на пальмах растут.

– Я хочу туда! – воскликнул Ги.

– Нет! Пожалуйста, нет! – раздался знакомый голос, доносившийся ранее из зеркала. – Пожалуйста, не оставляй меня здесь! Мне так одиноко!

– Я не могу уйти! – Ги поднял глаза на пациента, вернувшегося из-под земли.

– Почему?

– У меня здесь есть кое кто, о ком я должен позаботиться. Я теперь знаю, кто я, – продолжал Ги. – Я – это тот, кто заботится о нём.

Пациент удивленно смотрел на Ги.

– О ком? – не понял он.

Ги улыбался.

– Доктор Зак! – медсестра подошла к доктору, – Больной Ги постоянно сам с собой разговаривает, улыбается и выплевывает таблетки.

Но доктор Зак не слышал. Он был в своём мире, тоже с кем-то разговаривал и что-то доказывал. Однако делал он это незаметно, поскольку необходимо было оставаться частью сумасшедшего мира. Он должен был как то оплачивать счета, а иначе придется в коричневом халате бродить по больничным коридорам и плевать таблетками в медсестер.

Ги гулял по психиатрическому отделению. Настроение у него было неплохое: он только что поздоровался с солнцем, и оно теперь грело палату, бросая игривые лучики на обшарпанные зеленовато-сероватые стены. К тому же какая-то птица целыми днями сидела на подоконнике и не хотела улетать. Так что ему было не так одиноко просыпаться и смотреть на противный мир, упрятавший его за решетку. Ги увидел девочку, которая сидела с отсутствующим видом на полу в коридоре и тихо нашептывала себе что-то под нос.

– Что ты здесь делаешь? – полюбопытствовал Ги.

– Я ненавижу всех в дерьмовом мире! А они ненавидят меня! – буркнула она сердито, даже не взглянув на мальчика.

– А почему они тебя ненавидят?

– Потому что я ужасно страшная!

Она с ненавистью посмотрела на Ги.

– Ну и что? – удивился мальчик. – Я тоже безобразный и жуткий. Но я никого не ненавижу. Мне кажется, что всем на меня наплевать. Никто на меня не обращает внимания... Я вообще-то ищу друга.

– Ты не можешь найти друга, если ты безобразный! – возразила девочка. – Ты можешь найти только врага!

– А ты сможешь быть моим другом? – Ги посмотрел ей прямо в глаза.

– Безобразные люди, – объяснила она, – не могут быть ничьими друзьями, они всегда одиноки и страдают. Вот так! А я страшная, безобразная! – почти закричала она и дернула себя за нос. – Посмотри на этот нос, уши, щеки, – она стала себя дергать за все выступающие части лица, – разве тебе не противно со мной иметь дело?

Ги не знал, что сказать.

– А где твой дом? – наконец, спросил он.

– Я инопланетянка, – не моргнув глазом, выпалила она. – Я была имплантирована существами с другой планеты в чрево

женщины – моей будущей матери. Но она родила и бросила меня в чужом доме. Я её даже не помню.

Некоторое время они помолчали.

– Не могло ли случиться так, что мы были имплантированы в одну и ту же женщину? – спросил Ги.

– А ты что – тоже инопланетянин?

Ги заметил в её глазах искорки интереса.

– Мне кажется, да, – задумчиво произнес он. – Я странный, никто меня не понимает.

– Да, – она кивнула, – мы вполне могли оказаться в одной матке. Я хочу найти планету, откуда меня привезли, – продолжала она, – и вернуться туда, ведь там мой дом. А здесь, – она с отвращением посмотрела кругом, – здесь мерзкая тюрьма, чужбина. Здесь я никогда не буду чувствовать себя дома.

Девочка посмотрела на Ги внимательней.

– И ты тоже, – добавила она после некоторого молчания.

– Да, и я тоже, – согласился Ги.

– Нам нужно найти эту женщину, – предложила девочка. – Она поможет нам отыскать тех существ, которые принесли нас на Землю в пробирке.

– Я знаю, где она, – Ги присел на пол рядом с девочкой. – Эта женщина живет в комнате, соседней с моей. У нее есть имя и мужчина. Она должна прийти сегодня ко мне.

– Но ведь это может быть не она, – возразила девочка. – Знаешь, сколько женщин живет с нами по соседству? И все они имеют мужиков и имена.

– Ты права, – согласился Ги. – Между прочим, – продолжал он, – я заметил, что вокруг много инопланетян. Может, собраться вместе?»

– Нет, – она отрицательно покачала головой, – я никому не верю. Все обманщики. Скажут, что инопланетяне, а как только ты откроешь рот, положат туда таблетку... А, может, мы с разных планет? – она вопросительно посмотрела на Ги.

– Может, и так, – согласился тот и добавил: – А что ты будешь делать, когда вернешься домой, на свою планету?

– Я буду искать папу с мамой, – ответила девочка.

На глазах у неё были слёзы.

– А потом разорву их на мелкие кусочки за то, что они сделали со мной! – закончила она.

– Но, может, у них была цель? – предположил Ги.

– А мне плевать! – крикнула она. – Какая бы у них ни была цель, они звери!.. А ты что будешь делать? – спросила девочка через некоторое время, немного успокоившись.

– Не знаю ещё, – протянул он задумчиво. – Наверное, буду там искать друга. Я думаю, что-только он сможет меня понять. Может, мы все-таки с одной планеты? – понизив голос, с надеждой прошептал Ги.

Медсестра и доктор Зак шагали по коридору, когда увидели Ги и девочку, сидящих на полу возле окна.

– Вы знаете, доктор Зак, я думаю, что девочка ещё больна и окажет отрицательное влияние на Ги, а ведь он только начал выздоравливать – заметила медсестра.

– Согласен, – доктор Зак задумчиво кивнул курчавой головой. – Мы должны их изолировать.

– Пожалуйста, разойдитесь каждый в свою палату! – твердым голосом приказала медсестра, подойдя к детям ближе.

– Ты видишь, – прошептал Ги, – они не хотят, чтобы мы были вместе. Значит, они знают, что мы с тобой с одной планеты и можем друг друга понять. Мы сильные, когда вместе, а они этого не любят. Им легче нас победить поодиночке.

– Это точно, – кивнула девочка, – ты прав.

Ги ушел к себе. Он был счастлив. Он только что обнаружил, что у него есть друг.

Девочка сидела в соседней палате и плакала. Ей казалось, что теперь, когда она нашла друга, она не будет жёсткой и сильной. Ей было страшно. Она думала, что если другие заметят ее слабость, им легче будет ее уничтожить. Ей хотелось оставаться сильной и ненавидеть всех вокруг.

Доктор Зак и медсестра скрылись в темноте коридора. Они не любили нездоровых отношений в отделении, тем более между различными полами.

Женщина, жившая по соседству с Ги, крепко спала. Ей снилось, что она родила, но не помнит кого. И от этого ей было страшно.

В окно стучал дождь.
Женщине казалось, что с ней разговаривают инопланетяне,
но она не могла разобрать, что они говорят.
Или не хотела. Кто знает?

– Вот так-то, доктор Зак, – пациент сидел в кресле, съезжившись, словно от холода, хотя доктор обливался потом, проклиная горячую батарею.

– Вам холодно? – удивился доктор, развязывая галстук.

– Да, – у пациента зуб на зуб не попадал, – там очень сыро, холодно, мерзко, склизко, противно.

– Где? – доктор Зак чуть поднял брови, что придало ему сходство то ли с китайским императором, то ли с уссурийским тигром.

– Там, – пациент показал синим, дрожащим от холода пальцем на область живота, – внутри. Это всё вы, – он укоризненно взглянул на доктора Зака, и тот почувствовал себя виноватым. Доктор стал лихорадочно в уме перебирать лекарства, которые могли дать такой побочный эффект, но потом вспомнил, что ничего ещё пациенту не назначал.

– Вы мне сказали, что можно найти ответы на вопросы, заглянув внутрь себя... – начал больной.

«Надо было ему сначала лекарство назначить, – с сожалением подумал доктор Зак, – а потом советы всякие давать...»

– Так вот, – больной кашлянул, съезжился еще больше, шмыгнул синеватым носом и начал рассказ.

– Сначала я не понял, доктор Зак, как это – внутрь себя? Сколько живу, а внутрь никогда не смотрел. Все как то снаружи оглядываюсь. То машина поломается, то за квартиру платить надо, то колено заболит, то жена захрапит, то бессонница, то погода плохая... Некогда внутрь заглядывать: живешь, как все, да и всё... Но я вас, доктор Зак, уважаю и решил, несмотря на занятость, все-таки внутрь себя заглянуть. Сидел целый день дома, все собраться не мог. Было страшно. А вдруг там такое... Даже произнести не могу. Собрался я с силами и решил все-таки туда попасть. Хотя, знаете, без заглядывания в себя жить легче. Проще. Короче, набрал я как можно больше воздуха, зажмурился и – прямо туда, в неизвестность. Решительно так, без всякого сожаления. Чувство было такое,

что вот-вот разобьюсь. Ан нет: приземлился! А там на первый взгляд – подвал, что ли. Холодно. Мелкие грызуны, насекомые, вода капает. Кап-кап... И тишина такая, доктор Зак! Пригляделся я и вижу, что оказался в каменном мешке – четыре стены, пол и потолок, все из камня. Свет непонятно откуда сочится. Так страшно стало – не передать!.. Ни одного ответа я там, доктор, не увидел. Одно только расстройство...

– А вы уверены, что вы там, ну... внутри себя были? – Доктор Зак услышал свой голос и тут же понял абсурдность вопроса.

– Конечно! Потому что слышал сквозь стену отдаленные крики жены. «Что ты наделал? – рыдала она. – Зачем внутрь себя забрался? А работать кто будет?! Как же нам теперь за все платить?» Я понял, что оказался в ловушке и теперь, наверное, умру в одиночестве прямо внутри себя. Но потом вспомнил: однажды вы сказали, что нужно верить. И я поверил – и тут же увидел дыру в стене. Полез туда. Полз, полз, все колени ободрал, а ни одного ответа не нашел.

– А вопросы у вас были? – поинтересовался доктор Зак, ища глазами рецептурный бланк, что он всегда делал, когда хотел больному помочь чем-то конкретным.

– Вопросы? – растерянно пробормотал тот. – Нет, не помню...

– Надо было сначала вопросы поставить, – заметил доктор Зак.

– Ну, дыра меня прямо в ваш кабинет и привела. Замерз ужасно, – пациент сжался в комочек и исчез в глубине большого кресла. – Вот, – добавил он, указывая на стенку, – вот оно, отверстие.

Доктор Зак посмотрел на стенку, но ничего не увидел. «Может, его в госпиталь положить? – подумал он. – Случай-то тяжелый, психоз».

– Ну, я обратно поползу, доктор, – продолжал пациент. – У меня уже есть вопрос. Интересно бы узнать, кто там внутри меня всё время разговаривает и жить мне не дает.

«Голоса, – подумал доктор Зак. – Точно, психоз».

– И говорит, и говорит, и говорит..., – протараторил больной и поднял указательный палец вверх. – Он мне шепчет,

что я дурак, потому что надеюсь, что мне будет хорошо! А на самом деле мне уже хорошо! Просто я этого не понимаю...

Доктор Зак задумался.

Больной продолжал рассказывать о том, как будет обратно ползти в поисках говорящего внутри него и обязательно попросит того объяснить смысл сказанного.

Но доктор его не слышал – у него, доктора, что-то внезапно внутри кольнуло. Доктор Зак глубоко вздохнул и зажмурился, в то время, как его рука продолжала писать назначение на рецептурном бланке. Он не заметил, как пациент встал и пытался влезть в дыру в стене.

Доктор Зак был внутри себя. Он даже не представлял, что, двигаясь по загадочным внутренним коридорам и тоннелям, он снова встретит этого же больного, обнимется с ним в темноте и наконец-то перестанет себя ощущать всезнающим психиатром. Они посидят в тишине и покашляют от сырости и холода, зная, что где-то рядом песочек и солнышко, только нужно в это поверить.

– Однажды утром, – начал больной, повернув взволнованное лицо, – я проснулся с незнакомым, волнующим ощущением. Я пытался понять, что же это за чувство, присматривался к нему с разных сторон, и наконец, измучившись, бледный, худой и зелёный от напряжения, вынужден был признать, что это – счастье.

И как только я это осознал, доктор Зак, в душе зародилось непонимание, даже озадаченность. Я ломал себе голову, вспоминал, вглядывался, выпрашивал и прислушивался, пытаюсь понять, почему я счастлив. Но всё было абсолютно безуспешно. Ничего такого в жизни, что могло бы меня сделать хоть немного счастливым, не происходило и никогда не произойдёт. Я так растерялся, что не мог найти себе места и бегал, как ошпаренный, из одного угла комнаты в другой. Кот так испугался, взглянув на мое счастливое лицо, что теперь страдает поносом и доставляет много хлопот.

Так вот, доктор Зак, хожу я, как идиот, счастливый, чем всех настораживаю. Жена пристаёт с вопросами, на каких я таблетках сижу. Вот, мол, она тоже их хочет... Я ей сказал, что ничего не принимаю, а она сцену ревности закатила, из дому выгнала. Сосед считает, что я деньги выиграл. Мне не верят и завидуют. Здороваться перестали. На работе смотрят волком, зубами щелкают. Я всем объясняю, что медитировать начал регулярно, ну, в смысле, чувствую себя единым целым со Вселенной. А они считают, что я работу нашел получше, просто говорить не хочу. Короче, доктор, устал я и понял, что жить так дальше невозможно. Раз я не могу найти объяснения счастью, то, по крайней мере, моя жизнь должна соответствовать тому, что должно быть у счастливого человека. Ну, я развелся и на молодой, красивой и богатой женился. Жить в большом доме стал, красивую машину купил, работу получше нашел.

Со временем оказалось, что жена хоть и молодая, но сварливая, капризная и храпит, как слон в джунглях. Дом что-то начал разваливаться: то крыша течет, то замки ломаются. На новой работе хоть и платят больше, но начальник – такая сволочь – ни

себе, ни людям! А машину угоняли пару раз. Короче, доктор Зак, опять жизнь счастливому состоянию не соответствует. А я, знаете, без объяснения жить не могу!

Однажды я, окончательно измучившись, бродил по книжному магазину, плача от счастья. И там наткнулся на книжку о буддизме. В ней говорилось, что счастье – это состояние души, не зависящее ни от чего. И так мне эта идея понравилась, что я решил стать буддистом, послать к черту суету и просто пребывать в состоянии постоянного блаженства, без поиска причин. Побрил я голову наголо, а парикмахер мне и говорит:

«У вас на голове странное пятно белого цвета. Может, вам к врачу обратиться? Знаете, всякое бывает...»

А я, доктор, понимаете, мнительный, испугался и сразу к кожнику побежал. Кожник посмотрел и предложил на всякий случай пятно удалить. Ну, я согласился. И всё!

Пациент глубоко вздохнул.

– Счастье испарилось, как будто его и не было. Я так, доктор, расстроился, думал, что пятно снова появится, однако ничего подобного... Ни пятна, ни счастья... и так мне плохо стало, а кругом все этому «плохо» соответствует. И я обрадовался, что наконец-то всё хорошо!!! И ничего не нужно в жизни менять, чтобы объяснять другим и самому себе. Однако, доктор, иногда что-то вдруг в душе как кольнет... И хочется чего-то такого – даже не знаю, чего... Вы понимаете, вроде оно так логично получается, а ведь могло бы быть и лучше... В общем, доктор Зак, запутался я совсем. Вроде всё нормально, как у всех, а все-таки я в лучшем месте был и знаю, что бывает и не так. И что мне делать?

– Может, продолжать буддизмом заниматься? – осторожно предложил доктор Зак.

Они молчали. Ветер изо всех сил бросал дождь в стекло, пытаюсь сказать, что думать им не надо, а нужно только прислушаться к шуму осенних листьев, падающих на холодную, влажную землю. И тогда станет всё ясно, независимо от того, кто ты: психиатрический буддист или буддистский психиатр.

Зяма проснулся в середине ночи оттого, что услышал странный звук. Как будто кто-то к нему подкрадывался со злым намерением. Открыв глаза, отключил свет и увидел нечто, одетое в зелёную пижаму, с алой розочкой в мускулистой руке.

– Катя! Катя! – прошептал он внезапно пересохшими губами. – Посмотри! Это...

Катя проснулась и приподнялась на кровати.

– Это смерть, – догадалась она. – Но это невозможно!.. Наверное, она ошиблась адресом. Мы такие молодые, красивые, сексуальные, полные планов на будущее. Хотим путешествовать, иметь много денег...

– Хватит! – прохрипела Смерть. – Я устала слушать халоймес! У меня правильный адрес. Мне нужен Зяма.

– Да нет! Нет! – задрожал он и сжался в комочек под одеялом. – Я здоров. Иди-иди!

– Только с тобой, – Смерть угрожающе двинулась вперед, вероятно, рассчитывая прыгнуть в кровать поближе к Кате.

– Но я все делал правильно!.. – плакал Зяма. – Занимался спортом, лопал витамины, пил лечебные травы, постился... И никогда не ел жирного...

– Ты должен был бы побольше жиру есть! – укоризненно заметила Катя, подтягивая одеяло, чтобы Смерть не смотрела с вожделением на испуганно выступающие из халата розовые соски. – И не надо было так много заниматься спортом! Я тебе говорила! – продолжала Катя укорять мужа, – и витамины, которых ты ел намного больше, чем нужно! Не говоря уже о дурацких травах, способных свести в могилу любого!

– Это не имеет значения, – заметила Смерть, вплотную приблизившись к кровати и вытянувшись в сторону-кати, у которой приятно засосало где-то внизу, в той части тела, на которую Зяма не обращал внимания уже давным-давно по причине плохого настроения.

– Ты, Зяма, задачу выполнил, – продолжала Смерть, – пора собираться в путь. Ты о себе хорошо заботился, теперь позаботись о червях.

– Нет! Нет! – закричал Зяма, дрожа как осиновый лист. – Зачем же я столько времени проводил в спортзале?! Столько энергии потратил зря! Как жаль!

– Я много раз говорила, – подхватила Катя с отчаянием в голосе. – Нужно было больше времени проводить с семьей. А теперь помрешь здоровеньким!

– Пошли! – Смерть внезапно оказалась в постели между ними. – Пойдём-пойдём, – продолжала она, – у меня ещё много работы. Если согласишься пойти по своему желанию, – Смерть прикоснулась губами к Катиному розовому выпрямившемуся обрадованному соску, – то умрешь безболезненно. А если будешь говорить и задавать вопросы – обещаю мучительный конец.

Катя от удовольствия была близка к обмороку.

Зяма никак не мог понять, стоит ли ревновать к Смерти.

– Чего ты боишься, Зяма? – продолжала Смерть, облизывая Катю с ног до головы. – Я за тобой наблюдаю... У меня сложилось впечатление, что ты совершенно не получаешь удовольствия от жизни.

Катя возбужденно металась по кровати, не зная, как ей реагировать на контакт со Смертью.

– Ты даже от жены не получал удовольствия! – продолжала Смерть, как одеяло, натягиваясь на Катю, которая сейчас злила Зяму внезапно появившейся на её лице улыбкой.

– Не получал, – тихо согласился он, чувствуя похолодание в ногах, – я был усталый... знаете, работа... дети... столько обязанностей... – Зяма сделал последнюю попытку оправдать жалкое существование.

– Да? – Катя открыла рот – то ли от оргазма, то ли от высказывания Зямы. – В первый раз слышу про обязанности!

– Пошли! – Смерть как следует отдохнула и теперь сгорала от нетерпения схватить Зяму.

Катя лежала без чувств от удовольствия.

– Пожалуйста! – взмолился он. – Умоляю! Дай ещё один шанс! Брошу чертовы упражнения, витамины, травы, гормоны.

Буду есть много жира, играть с детьми по вечерам, а иногда может быть даже это... ну это, с женой...

– Не надо, – прошептала Катя, лежа с закрытыми глазами. – После Смерти меня никто не сможет удовлетворить!

Катя посмотрела на Смерть с глубокой благодарностью и заметила, что та нервничает.

– Послушай, – Катя обратилась к ней. – Если ты такая нежная, я могу тебе дать таблетки. Доктор Зак дал их мне и Зяме. Называется «Крезак».

– Никогда не пробовала, – Смерть задумалась и покачала чем-то вроде головы. – Почему бы и нет? – она схватила флакон с таблетками, протянутый Катей.

– Сказать по правде, – Смерть уселась на пол, отложив розу в сторону, и стала откручивать крышку, – я вас, людей, не понимаю. Проблемы, боли, несчастья, а вы цепляетесь, как сумасшедшие, за жизнь. Я тоже, кстати, своё жалкое существование терпеть не могу.

Она высыпала в глотку все таблетки.

– Клиенты вечно недовольны моим внезапным появлением. Расходы, связанные с путешествиями, мне не возвращают; совершенно нет времени для физических упражнений. Да что там – даже витамины проглотить нет возможности. Кстати, не припомню, чтобы в последнее время уносила на ту сторону людей, которые любят жир и ненавидят физкультуру. Сплошные спортсмены попадают! И все абсолютно здоровы! Что-то вы, человеки, делаете не так.

Смерть широко и с удовольствием зевнула и, растянувшись на полу, заснула, положив то, что похоже на голову, на розу.

– Бежать! Бежать! – прошептала Катя.

– Никуда я с тобой не побегу, изменница! – прохрипел Зяма.

– Идиот! – продолжала Катя. – Я же ради тебя всё делала, чтобы Смерть отвлек!

– Да-а... – протянул Зяма. – Ты бы на себя посмотрела тогда...

– Но... – Катя пыталась оправдать многочисленные оргазмы.

– Нет! – твердо сказал Зяма. – Нет способа избежать смерти!

– Так что ж ты собираешься делать? – удивилась Катя. – Ждать, когда она проснется и утащит тебя с собой?

– Нет! – Он встал с кровати, пулей выбежал на кухню и съел батон колбасы, три пакета масла, двадцать яиц, закусил ветчиной и выпил несколько литров сверхжирного молока.

И вдруг почувствовал себя так хорошо, что ему показалось, он сейчас взлетит в небо – энергия переполняла порозовевшее от здоровья тело.

Смерть проснулась, оглянулась вокруг и, схватив розочку, сказала: «Ну, всё, я пошла, спасибо за гостеприимство!»

Она посмотрела на взволнованного Зяму и добавила:

– Не пидай от страха! Мне задание дано лишь вегетарианцев и витаминщиков отбирать, и только тех, кто поздоровее и помоложе. Законы, – продолжала Смерть, глядя на довольное после чувственных упражнений лицо Кати, – меняются часто. Шеф эмоциональным стал. То ему жироедящих подавай, то тех, кто на голодовке. Хотя, правда, сейчас он немного стабильнее. Спасибо таблеткам доктора Зака.

Смерть чихнула и мгновенно исчезла.

– Я тебе этого не прощу! – сверкнул глазами Зяма, кусая губы от бессилия.

– Господи! – Катя не могла понять, почему он опять в плохом настроении.

– А чему мне радоваться? – встал в позу Зяма.

– Да ты идиот! – крикнула Катя. – Ты не понял, что был на волосок от смерти!?

– На волосок? – Он задумался. – Теперь опять к доктору Заку идти, – пожаловался он, глядя на пустой флакон.

Смерть внезапно появилась снова перед ними в комнате.

– Я что-то забыла, – она стала летать по всем углам и, наконец, остановилась возле Кати, опять привлеченная розоватостью влажного соска. Зяма схватил со стола лампу и бросился на Смерть.

– Да хватит брыкаться! – услышал он спросонья голос Кати. – Спать не даешь! С тобой помереть можно!

– Помереть можно, но не со мной! – пробурчал он и, повернувшись на другой бок, заснул, больше не ревнуя жену, которая выскользнула из-под одеяла и побежала к алой розочке, завёрнутой в зелёную пижаму.

Доктор Зак сидел в кресле, мечтательно закинув ноги куда-то далеко и сложив ручки крестиком прямо здесь. Он смотрел на жирную муху, лениво ползущую по потолку, и завидовал ей.

«Вот, – думал он, – муха, а ведь может ползти, куда захочет. А я только в офис и обратно домой».

Взгляд его упал на окно, за которым были видны качающиеся верхушки деревьев.

«Ветер, – доктор Зак поймал себя на мысли, что завидует ветру. – Свободен. Куда хочет, туда и дует. А мне можно в одну только сторону: на работу, на пенсию и на кладбище».

Доктор Зак попытался отвлечься от мыслей, переключив внимание на больного, сидящего в кресле напротив. Он что-то рассказывал, отчаянно жестикулируя руками и ногами.

– Я счастлив! – говорил больной. – Я счастлив проснуться в черноте ночи, а потом выйти на лужайку перед домом и смотреть на звезды! Я так счастлив! Так безумно счастлив! – Больной запрокинул голову и посмотрел мечтательно-возбужденным взглядом на давно не беленый потолок.

Доктор Зак посмотрел туда же и ничего особенного не увидел, кроме той же мухи, которой страшно завидовал. Теперь он завидовал и мухе, и больному, которого ночные звезды делали счастливым. Он тоже вышел бы с удовольствием на лужайку, если бы знал, что зрелище звезд может повергнуть в состояние экстаза.

– Я сижу на лужайке, – продолжал больной, – и часто слышу отдаленный голос, доносящийся от яркой звезды. «Ты дерьмо! – шепчет голос. – Ты не достоин вставать утром и есть завтрак! Ты самое противное существо на земле!»

Доктор Зак заметил, что больше не завидует пациенту.

– Но я не обращаю внимания на голос, – продолжал больной, – подумаешь, какой-то идиот хочет испортить настроение! Ерунда! Я наслаждаюсь прохладой, трескотней сверчков, свежим воздухом и волнующей темнотой. Так прекрасно!

Доктор Зак поймал себя на мысли, что опять завидует. Он был бы рад выскользнуть из дома ночью и насладиться прохладой, раскинувшись на свежей весенней траве, однако не мог этого сделать. Он не знал, почему, и от этого переживал.

– Я посижу немного, а потом вижу, – рассказывал больной, – как из темноты выходит фигура – громадная, волосатая, с руками до земли. Чудовище орет страшным голосом, размахивает топором и хочет меня замариновать, посыпать перцем и солью и съесть, запив водочкой. Я бегу, а оно догоняет... – пациент вскрикнул, вскочил, замахал руками и бессильно свалился в кресло.

Доктор Зак обнаружил, что снова не завидует.

– Но, – продолжал больной, дико вращая глазами яблоками, – чудовище внезапно исчезает. Я долго ишу в траве свою отрубленную негодяем голову. А потом, – рассказчик вытер взмокшее лицо рукавом рубашки, – появляется прекрасная девушка. Она так красива, – он зажмурился и простер руки, пытаясь обнять невидимое, так прекрасна – грудь, бедра, живот – она обнимает, обволакивая с ног до головы. Целует, знаете, страстно так...

Доктор Зак проглотил слюну и ощутил зависть.

– Я занимаюсь сексом, и в последний момент, когда чувствую, что кончу, она внезапно исчезает. И я кончаю в траву.

Больной внезапно заплакал.

Доктор Зак больше не завидовал. Он ясно представил, как тот кончает в траву, – завидовать было нечему.

– Вчера, – больной оглянулся вокруг и прошептал, – она впервые осталась со мной на всю ночь. А ближе к утру заявила, что беременна, и если я на ней не женюсь, она меня будет судить за изнасилование. Теперь, доктор, я не знаю, что делать, – пациент продолжал всхлипывать, отчаянно теребя нос длинными худыми зеленоватыми пальцами.

– Я, знаете ли, не готов для женитьбы – дети там, всякое, но ведь я влюблен... И я попросил её прийти к вам, чтобы вы нам помогли найти выход из сложной ситуации. Вы нам поможете? – больной сделал такое умоляюще-жалостливое лицо, что доктор Зак был вынужден согласиться.

Больной открыл дверь, и в кабинет вошла низенькая полная пожилая женщина, одетая в высокие резиновые сапоги для рыбалки и длинный белый плащ, поверх которого был накинут громадный красный шерстяной платок.

Доктор Зак больше не чувствовал зависти к пациенту.

Женщина быстро подскочила к доктору Заку и прохрипела басом, склонив голову набок, как ворона.

– Я люблю его, доктор! Но он такой хлипкий, нестабильный, психованный... дайте ему побольше лекарств, чтобы ко мне не так сильно по ночам приставал!.. Пожалуйста!

Пациент стремительно бросился к женщине и начал ее целовать.

– Я так счастлив! – кричал он в восторге, сидя на коленях у женщины, погруженной в кресло.

– Я – социальный работник, а он – мой подопечный, – объяснила она. – Всё в жизни случается, доктор, сердцу не прикажешь, вы же психиатр, вы знаете... Помогите ему, доктор Зак. Он должен помочь мне вырастить ребёночка.

– Понял, – вырвалось у доктора Зака. – Понял.

Они сидели с совершенно блаженным лицами, и доктор поймал себя на том, что завидует этой парочке, несмотря на все их сложности.

– Вот рецепт, – он протянул женщине рецептурный бланк. – Но если ему станет совсем плохо, то необходима госпитализация.

– Конечно! – социальная работница поднялась, чтобы взять рецепт, и пациент соскользнул на пол.

– Я люблю ее! – кричал больной. – Но ребеночка не хочу! У меня пенсия по инвалидности маленькая... самому не хватает!

Социальная работница схватила его за руку и потащила по направлению к двери. На полу оставались глубокие царапины, поскольку больной отчаянно упирался когтями.

Они исчезли. Доктор Зак больше не чувствовал зависти.

Муха замерла на потолке, пытаясь разобраться в том, что только что происходило в кабинете.

«Осторожно надо с женщинами! – подумал доктор Зак. – Осторожно!»

Муха пошевелила усиками.

– А тебя не спрашивают! – заметил ей доктор.

Доктор Зак подумал о том, что ему наверняка тоже кто-то завидует. Только кто?

Ветер истерически бился о крышу, вот уже пятьдесят лет пытаюсь донести до сознания доктора, что завидовать никому не надо – у каждого в жизни своя радость.

Доктор Зак пришел в отделение и увидел пациента, который стоял неподвижно в коридоре, уставившись на большого жука, а тот, в свою очередь, лениво и безразлично смотрел на пациента. Жук как бы говорил, шевеля усиками: «Ну, что? Рехнулся? Лекарства не помогают? Чего уставился? Иди в столовую и ешь манную кашу с молоком».

Доктор Зак остановился, внимательно посмотрел на пациента, на жука, на пациента, на жука, в абстрактную точку между жуком и пациентом, а затем – снова на жука. Мыслительный процесс в голове доктора замер. Так было всегда, когда он чувствовал, что находится на пороге открытия чего-то интересного. Внезапно доктор почувствовал, что завидует больному. Зависть так сдавила горло, что он приоткрыл рот, чтобы вдохнуть воздух, насыщенный запахом успокоительных лекарств. Чувство зависти было неожиданным, но в психиатрии неожиданность – норма жизни. Поэтому, ничуть не удивившись, он расслабил галстук, который забыл дома. Внезапно пациент посмотрел на доктора глазами, полными бесконечности, и прошептал:

– Это жук.

– Вижу, – признался доктор Зак. Он кашлянул, чтобы прочистить сдавленное от зависти горло, и, натянув маску заинтересованности, прохрипел:

– Как самочувствие?

Маску натянуть было тяжело. Она то и дело сползала на кончик носа, а оттуда стремилась упасть вниз. Поэтому доктор Зак морщился, чтобы ее удержать.

– Жук имеет три ноги, – медленно, задумчиво и с выражением произнес пациент, – три ноги – и больше ничего.

Доктор Зак напряг остатки необыкновенно острого психиатрического зрения, чтобы разглядеть в темноте ножки жука. От напряжения глаза заслезились, и доктор стал похож на одного из своих пациентов. Тот всегда плакал от счастья, когда видел жену, несущую в отделение вареную курицу, чтобы уговорить мужа начать принимать лекарство от чрезмерного счастья.

При всем напрягшемся зрении доктор не мог различить жучьих ног, но видел двигающиеся усики и открывающийся рот, как бы говорящий ему, доктору:

«Ну, оставь больного в покое. Дай мне с ним пообщаться»

– Как спалось? – автоматически поинтересовался доктор, продолжая в темноте выискивать жучьи ноги. Две были видны отчетливо, а две – нет. Они исчезали позади жука, скручиваясь на спине в хвостик. Доктор Зак поймал себя на мысли, что жуки не имеют психиатрических проблем, если могут так скручивать ножки за спиной. Мысль была странной, но только необычные сумасшедшие мысли могут двигать человечество вперед, по пути прогресса, к пропасти.

Так считал доктор Зак, не сомневаясь ни на мгновение, хотя сомнения были сутью доктора, что позволяло никогда не ставить точного диагноза, а говорить пациентам, что психиатрия – не наука, а искусство, близкое к сюрреализму.

– Жук толстый, – продолжал пациент, глубже впивая взгляд в загнипнотизированного от чрезмерного внимания жука.

Доктор Зак увидел третью ногу жука, и это событие улучшило его настроение, неизвестно по какой причине. Это часто с ним происходило: то он вдруг обрадуется, то опечалится внезапно. Он и психиатром то стал, чтобы в этом разобраться. Однако, не разобравшись в себе и запутавшись в других, погряз в психиатрическом болоте под тяжестью сомнений и раздумий.

Доктор Зак внезапно почувствовал сильное желание. Он стоял в растерянности, пытаясь понять, что хочет. Желание распирало грудную клетку, пытаясь вырваться наружу. Он внезапно осознал, что хочет стать больным, этим типом с длинным красным носом и оцепенелым взглядом. Доктор желал быть таким же расслабленным, ничего в мире не видящим, кроме трехногого жука. Доктор мечтал, чтобы жук увел его в сторону от надоедливой будничности, навязчивой рутины, застрявшей между давно не видевшими дантиста зубами. Он хотел стоять в больничном халате, в темноте, смотреть на жука и чувствовать себя свободным от проблем, забот и тяжелых дум, падающих на усталую голову острыми краями. Доктор Зак мечтал, чтобы приносили пищу три раза в день, пусть даже манную кашу с маслом, только не пересоленную; давали лекарства,

чтобы забыться. Он хотел выбросить мысли в корзину для мусора, сидеть с пустой головой и смотреть на жену, свою или чужую, несущую вареную курочку, желательно с бутылочкой вина, и хорошо бы – полусладкого.

Желание было сильным, он даже на мгновение перестал дышать и, почувствовав головокружение, схватился за рукав больного. Но тот не обратил на доктора внимания, да и какой доктор может быть интереснее трехногого жука? На мгновение в глазах доктора Зака потемнело, и внезапно он увидел себя, одетого в больничный халат и смотрящего с искренним интересом на пузатого жука. Жук покрутил в разные стороны головой, полной бесчисленных вопросов о смысле существования на стене психиатрического отделения, а потом, открыв большой зубастый рот, мило улыбнулся и интеллигентно протрещал:

«Привет, Зак. Ну, как самочувствие? Нашел себя в вихре бесконечных будней?»

Доктор Зак почувствовал, как его тело, хрупкое и слабое от бесконечного сидения в кресле и слушания жалоб, вдруг похолодело от страха. Ужас сковал ноги, с трудом потащившие тело и приклеенную к нему беспокойную голову в сторону от говорящего с умным видом жука.

– Доктор, доктор, – внезапно он услышал женский голос, – вы так бледны, что с вами, вам плохо?

Доктор Зак тряхнул испуганной головой и увидел медсестру. Она была взволнована его возбужденным видом, поскольку привыкла видеть доктора в тихом задумчивом состоянии, из которого его могли вывести обеденный перерыв или окончание рабочего дня. Доктор Зак обратил внимание на то, что от чрезмерной заботы о нем у сестры взволнованно двигались большие груди, что привело его в земное состояние. Он увидел, что одет в костюм, а в стороне стоит больной, очарованный жуком.

– Ничего, ничего, – смущенно промямлил доктор, – всё в порядке.

Он что-то поискал в кармане, чихнул, почесал пальцем лоб и, покрутив головой, заметил:

– Плохо завидовать людям. – И добавил, глубокомысленно помолчав: – Особенно больным. У каждого в жизни свои проблемы.

– Ну, слава Богу, все в порядке, – выдохнула медсестра, видя, что доктор вернулся в обычное состояние переменной задумчивости, в котором периодически говорил о чем-то, не имеющем отношения к реальности. Доктор Зак заметил, что с утроенной скоростью спешит на врачебную конференцию. Потом он рванет на амбулаторный прием, а ночью его разбудят больные с жалобами на плохой сон.

Он чувствовал себя хорошо, легко, свободно, почти счастливо. Ведь так приятно иметь столько забот, работать до изнеможения.

Хуже всего стоять в коридоре и смотреть на жука. В конце концов, он же не энтомолог!

– Мама, мама! – воскликнул Ги, – посмотри на птичку. Какая у нее красивая голова – красная.

Мама остервенело мыла на кухне посуду, уперши отекие от усталости ноги в пожелтевший от старости линолеум.

– Мама, – кричал Ги, – посмотри!

Он открыл окно и увидел, как громадная розово-голубая птица влетела в комнату, села на телевизор и стала петь песенку о любви на испанском языке.

– Ты не видел тайленол? – угрюмо спросила мать, войдя в комнату. – Раскалывается голова.

Ги взглянул на маму и увидел, как ее голова раскалывается на миллионы маленьких кусочков, каждый из которых превращается в еще одну маму, ругающую непонятно за что.

– Эй! – восторгался Ги, – птица, – он указал на красноголовую на телевизоре, – здорово поет, послушай.

– Вот он! – мама увидела банку, лежащую на полу. Поднимая, она тяжело вздохнула.

Птица внезапно перестала петь, и превратилась в прекрасную девочку.

– Эй! Эй! – Ги подбежал к маме и дернул за рукав платья. – Посмотри, девочка.

– Я хочу спать, – буркнула мама, – и ты иди. Хватит на сегодня. Уже поздно.

– I love you so much, – признался Ги, подойдя к девочке близко. Он попытался коснуться ее руки, однако она растворилась в воздухе, оставив запах фиалок.

Ги чувствовал, что сейчас заплачет. Мир был несправедлив. Он посидел в одиночестве, а потом, рассердившись на всех, пошел будить маму, чтобы все рассказать и пожаловаться.

Утром мама повела его на прием к доктору Заку.

– Доктор, – прохрипела мать усталым голосом, – я, конечно, не врач, но мне кажется, что он принимает недостаточное количество лекарств. Всю ночь с кем-то разговаривал, плакал, смеялся, спать не давал. А я столько днем работаю! Мне сон,

как воздух, необходим. Вот вчера вообразил, что разговаривает с девочкой, – мама огорченно чихнула.

Внезапно прекрасная девочка появилась в офисе.

– Девочка, девочка! – радостно воскликнул Ги. Она была одета в розовое платьице с золотыми пуговками, но кругленькое личико было тревожным и крайне озабоченным.

– Доктор Зак, – обратилась она к доктору, серьезно обдумывающему план лечения мальчика, – ему не нужны лекарства, они не помогут. Ему нужен друг, вот и все.

– А я тебя, между прочим, не спрашиваю, – ответил доктор раздраженным голосом: он не любил, чтобы его внезапно выводили из состояния крайней задумчивости.

– Что? – изумленно спросила мать, взглянув на доктора.

– Я разговариваю с девочкой, – ответил доктор Зак.

– Понимаю, – спокойно кивнула мама. Она сообразила, что доктор не хочет спорить с сыном, доказывая, что девочка – плод больного воображения.

– Вы не правы, – продолжала девочка, укоризненно глядя на доктора. – Не давайте ему лекарств. У него от них живот болит.

– Я прав, – твердо возразил доктор Зак и дал матери мальчика рецепт.

– Спасибо, доктор, – мама схватила сына и вытащила из офиса. «Жди здесь, – обратилась она к Ги, – я сейчас приду». Мать зашла в туалет и неожиданно услышала за спиной шорох. Она обернулась и увидела девочку. Девочка смотрела на мать недоуменным взглядом.

– Почему вы не хотите, чтобы у него был друг? Ведь ему так одиноко. А я могла бы быть другом, и очень хорошим.

– Оставь меня в покое, – буркнула женщина, – от этой жизни у меня голова болит. – Она открыла сумку и принялась искать таблетки.

Ги, доктор Зак, мама и девочка вышли из госпиталя одновременно. Ги держал девочку за руку. Он улыбался и явно был счастлив.

«Интересно, – думал доктор Зак. – Может, мальчику действительно не нужны лекарства? Ведь ему так хорошо с ней».

– Ничего не понимаю, – внезапно сказала мать, – если эта девочка – галлюцинация моего сына, то как мы с вами, доктор, ее видим?

– Вы знаете, – заметил доктор Зак, – я столько лет работаю психиатром, что запутался во всем и давно не отличаю реальность от воображаемого.

– Я тоже, – согласилась мать, – лишь бы быстрее домой прийти и отдохнуть.

Ги с девочкой бежали впереди и хохотали.

– Да и какая разница где реальность, а где нет? – продолжал доктор Зак. – Лишь бы нам хорошо было.

– Не говорите, доктор Зак, – согласилась та, – вчера был дождь, а сегодня – солнце. Так надоело. Скорее бы в отпуск. Дома полежать, телевизор посмотреть.

– Да, – хмыкнул доктор Зак. – Не говорите. Отдых нам нужен.

«Доктор, – с отчаянием прохрипел пациент. – Что-то со мной не в порядке. Временами страшно. Каждый раз, когда смотрю на часы, кажется, что я придвинулся намного ближе к смерти, чем раньше. Говорю с вами пять минут и чувствую, что на пять минут ближе к бесчувственному холодному телу, в котором пребывает моя душа. Ужасно! Как оставлю своё тело, оберегаемое витаминами, гормонами и ласкаемое восхитительными женщинами? Не могу спокойно смотреть, как оно превращается в пепел и труху».

Доктор Зак сделал максимальное усилие, чтобы посмотреть на часы. После вкусного обеда это было невозможно. Хотелось откинуться в кресле и, улетев в мечтательную дрему, забыться на пару часиков. Однако жестокая реальность держала прочно в тисках, не давая улететь. Поднятая рука показывала часы, на которых доктор Зак заметил движение стрелки вперед. Он понимал, что оставалось пообщаться с пациентом минут пять, и, даже если он был готов говорить с ним вечно, страховка все равно ни черта не заплатит.

Для доктора Зака время приобретало иной смысл. Было, безусловно, интересно узнать для общего развития, что он подполз на минуту ближе к тому, чтобы оставить своё остывающее тело. Еще важнее было узнать, что минута в необъятном будущем будет переведена в доллар, который доктор Зак осторожно положит в баночку, дабы почувствовать душевный покой в виде тонкой паутинки, натянутой навстречу всем штормам мира.

Пациент свесил вниз и без того длинный не китайский нос, так что тот доставал до давно не мытого пола. Вдохнув пыль широкими волосатыми ноздрями, он чихнул и продолжил скучным, обиженным голосом.

«Работать не могу, есть и спать не могу, заниматься сексом не могу, даже не могу водить машину – ничего не могу, доктор Зак. Сижу целыми днями на кровати, смотрю, как секундная стрелка стремительно крутится по циферблату, и переживаю, что я ничего не могу сделать. Я бессилён. Ведь не остановится

же время, если я разобью стекло и остановлю стрелку, придавлю ее вот этим пальцем». Пациент показал доктору Заку большой палец на ноге, предварительно почистив его носовым платочком.

Доктор Зак поймал себя на мысли, что с интересом рассматривает большой палец пациента, думая при этом о чем-то интересном, хотя и не совсем понимал, о чем. В мозгу промелькнул образ вареной курицы, голой женщины, пальмы, моря, бутылочки вина и еще чего-то. Пациент посмотрел на палец, на ногу, поднятую в воздух, на высоту психиатрического стола, на доктора, застывшего в задумчивой позе, а потом тихо произнес: «Есть ли у вас лекарство от этого, доктор?»

Доктор Зак поймал вопрос пациента какой-то частью погруженного в грезы мозга, покрутил, пожевал и попытался выплюнуть в виде психиатрического диагноза. Больной внезапно опустил ногу на пол и, подняв нос к потолку, гневно произнес:

– А сейчас, доктор, я чувствую, что разобью большие часы на вашем столе. Действуют на нервы.

– Успокойтесь, пожалуйста, – попросил доктор Зак. – Я попытаюсь подобрать хорошее лекарство, и вам не нужно будет все время думать о часах, времени и приближающейся смерти.

– Пожалуйста, доктор, – взмолился пациент, – любые таблетки, в любом количестве.

Врач уверенным движением схватил пачку рецептов, оторвал один и размашистым, абсолютно непонятым почерком, написал название лекарства, убивающего способность человека волноваться по поводу таких мелочей, как жизнь и смерть.

– Я думаю, – тихо добавил больной, следя за пишущим доктором, – я знаю, как остановить время.

Доктор Зак перестал писать и внимательно посмотрел на говорящего.

– Посмотрите, – пациент внезапно взмахнул руками, странно дернул головой, закрутил тело восьмеркой и воспарил в воздух. Он висел прямо у потолка над задумчивой головой доктора. – Я могу летать, – спокойно объяснил больной.

Доктор Зак дернул кончиком носа и чихнул.

– И, – продолжал пациент, – если полечу со скоростью света, то время замедлится. Я вернусь на землю, когда не только

вы, но и все психиатры исчезнут, и в мире будут одни счастливые люди, не замечающие времени.

– Я могу полететь с вами? – неожиданно для себя спросил доктор улыбающегося пациента, который лежал на потолке. Доктор Зак подумал, что, может быть, к его возвращению все страховочные компании исчезнут, и пациенты снова начнут платить наличными.

– Конечно, – подбодрил пациент, – давайте сюда. Поверьте, доктор, если во что-то искренне верить, то это обязательно сбудется.

– Неужели? – удивился психиатр и через мгновение увидел себя на потолке.

– Полетели, – пациент чувствовал себя очень комфортабельно.

– Я боюсь, – осторожно сказал доктор Зак, – вдруг прилечу обратно, а здесь ни у кого не будет депрессии. Как же я смогу заработать на жизнь?

– Да бросьте, – рассмеялся тот, – вы ее снова изобретете.

Он схватил доктора за рукав пиджака, и они исчезли в хитросплетениях пространства и времени. Вернувшись через час, обнаружили себя в пустоте, поглотившей их болтающие головами тела.

– Здесь был ваш офис, я точно помню, – растерянно произнес пациент. – А сейчас – пустота.

– Так что же теперь мы... то есть я, буду делать? – заплакал психиатр.

– Не грустите, доктор, – успокаивал больной, оптимистично похлопывая доктора по поникшему плечу. – У меня есть пара ваших таблеток от депрессии. Могу поделиться, если хотите.

– Нет, спасибо, – быстро ответил доктор Зак, испугавшись.

– А, может, попробуете? – спросил больной, пытаясь заглянуть доктору в глаза, расширенные от ужаса перед космическим одиночеством.

– У меня была жизнь! – истерично воскликнул доктор Зак. Он попытался вспомнить свою жизнь, но не смог. То ли от растерянности, то ли от отсутствия чего-то значительного, что можно вспомнить. Пациент скептически улыбался, зависнув между временем и пространством в довольно удобной позе вниз головой. Наконец он буркнул:

– А знаете, доктор, я становлюсь раздражительным. Мне не хочется висеть здесь, в совершенной непонятности, рядом с единственным психиатром во Вселенной.

– А мне, – прохрипел доктор Зак, – не очень то весело висеть с пациентом и не получать ни цента.

Доктор Зак напряг психиатрический интеллект до максимального предела и стал размышлять.

«Никогда не разрешал себе входить в мир пациентов, – думал он. – Ведь я знаю, как это опасно. Засосёт, как в трясиину, откуда живым не выбраться. И вот случилось. Что же делать? Что делать?»

– Отпусти, отпусти домой, будь другом, – доктор ронял слезы в параллельные миры, наполненные бесконечным количеством существ, собравшихся, чтобы взглянуть на растерянного психиатра. – Пусти, – повторял он. – Ты запер меня в нездоровом воображении. Отпусти.

Слеза доктора Зака прыгнула из одного мира в другой, принося свежесть не обдуманых до конца идей о смысле человеческого существования.

– Нет, доктор, не пущу, – улыбнулся пациент, – не пущу до тех пор, пока не проглотите таблетки, которые я специально собирал – для вас. Я хочу, чтобы вы, наконец, почувствовали, что это такое».

Грустный от безысходности, доктор проглотил пригоршню таблеток и в следующее мгновение неожиданно обнаружил, что сидит на холодном мраморном стульчаке, несущемся в бесконечности космоса.

– Вот так я себя чувствовал все время! – крик пациента исчез вдали.

Доктор Зак затрясся от ужаса, вздрогнул и, открыв глаза, внезапно обнаружил себя на стуле за столом.

– Доктор, – напротив сидел новый пациент с печальным видом, – не знаю, что и делать. Время тянется медленно. А я не хочу жить вечно. Помогите.

Он плакал. Доктор Зак тоже.

Доктор Зак сидел в обычной задумчивости, уткнув взгляд в только ему видимую точку в пространстве. Точка двигалась взад-вперед, и поэтому его мысли, хотя и гениальные, никак не могли достаточно сфокусироваться, чтобы прийти к какому-нибудь открытию, которое могло бы изменить ход истории человечества. Или хотя бы повлиять на погоду.

Доктор Зак был немного раздражен шатанием точки и поэтому часто сморкался и чихал, заставляя вздрагивать мелких насекомых, нашедших приют в письменном столе. Он поднял глаза и увидел больного, который пытался что-то рассказать. Доктор сосредоточился на больном, что стоило невероятных усилий, и вскоре до него донеслось бормотание:

– Доктор Зак, – пожалуйста, умоляю, отдайте мой мир обратно.

– Мир? – удивился тот. – Ваш мир?

Разговор принимал интересный оборот, поскольку в глубине души доктор считал свой мир настолько богатым, великолепным, красочным и таким бесконечно огромным, что просто не оставлял места для других миров, менее значительных и пустых.

– Да, – твердил пациент, – мой мир. Вы его отняли. Даже не спросили. Это нехорошо. Что же я теперь буду делать, как жить?

Вначале он пытался понять слова, вращая их в уме, однако картинка не складывалась. Поэтому доктор решил задать прямой вопрос, как он это делал, когда его мощный интеллект по странной причине не мог понять проблему моментально.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался доктор и прищурясь уставился на собеседника, пытаясь проникнуть в суть болезненного мышления.

– Я был счастлив в своём маленьком мире, – начал больной, тоже уткнувшись взглядом в точку прямо под столом доктора Зака, где по идее должна была стоять мусорная корзина. – У меня было все, о чем можно мечтать. Множество прекрасных женщин, океан, белоснежные пляжи, пальмы. А сколько сказочно красивых птиц! – он глубоко вздохнул

и скорчил такую мину, что казалось, вот-вот расплачется. Доктор Зак тоже почувствовал, что хочет плакать, хотя и не понял, почему. – Я был так счастлив там, доктор, – выдохнул больной и уронил на пол маленькую слезу.

Врач посмотрел на влажное маленькое пятнышко, поправил очки на носу и произнес учительским тоном: «Это было лишь воспаленное воображение, а в реальной жизни вас нашли кричащим и прыгающим, как кенгуру, по улицам города. А вдобавок ко всему вы были полностью раздеты зимой. Скажите полицейским спасибо. Если бы они вас вовремя не увидели, вы могли бы замерзнуть».

Больной слушал с растерянным видом, двигая руками и ногами в разных направлениях, пытаясь собрать мысли, чтобы высказаться ясно.

– Лучше бы замерз, – тихо произнес он. – Замерз бы этак на пару столетий. Я надеюсь, что к тому времени психиатрия будет более гуманной, чем сейчас.

Доктор Зак сидел в задумчивости. Последняя фраза пациента показалась интересной, и теперь он крутил её в голове со всех сторон.

– Почему я должен жить в жуткой реальности? – продолжал пациент. – Кошмарные, толстые, сумасшедшие женщины. Они окружают меня со всех сторон. А как плюются, когда разговаривают, – ведь большинство из них беззубые! А эти шизофреники, орущие день и ночь? А еда? Вы хоть раз пробовали еду, доктор Зак, в нашем доме? От лекарств у меня тошнота. Я не хочу жить в вашем мире, доктор, и не хочу, чтобы мне больше делали уколы. Пусть прекратят. Немедленно. – Лицо больного побледнело, затем порозовело, мышцы напряглись, он заиграл желваками, а глаза сузились, как у готовящейся к прыжку пантеры. Доктор Зак тоже напрягся, но прыгать на больного не собирался. Он напрягся оттого, что вдруг почувствовал боль в пояснице. И тут же мысленно ухватился за идею о теплом, белоснежном песочке, солнышке и всяком таком.

– Я не могу отменить, – прохрипел доктор, потирая поясницу правой рукой. – Лекарство назначил судья. Вы не до конца понимаете, что может случиться, если мы перестанем давать лекарство.

– Болит, – ухмыльнулся пациент и показал длинным пальцем на доктора. – А вот у меня душа болит.

Он вздохнул, а затем громко сказал, глядя на доктора в упор: «Я вас там видел, доктор Зак». Он сделал паузу, а доктор Зак внезапно перестал тереть больную поясницу. «Я видел вас на острове, – продолжал пациент. – Вы были счастливы, раскованны и прыгали от восторга с пальмы на пальму в окружении сотни красавиц».

Доктор Зак смотрел на пациента очень внимательно. Его внутренний взгляд был решительно перемещен из блуждающей в неизвестности точки на замечательный остров, где он уже представил себя в качестве, описанном пациентом.

– Доктор Зак, – продолжал пациент. – вы были счастливы, поверьте; намного счастливее, чем сейчас. Помню, что когда я видел вас в последний раз, вы плавали в океане с маской и трубкой, в обществе самой красивой в мире мулатки. Она вас обнимала за плечо и целовала.

Доктор Зак чихнул.

– Неужели? – полушутя – полусерьезно поинтересовался он, уже совершенно безболезненно ерзая в кресле.

– Конечно! – воскликнул пациент. – Ах, как замечательно вы пели! А как танцевали!

– Неужели? – переспросил доктор Зак, почувствовав, что что-то в жизни упустил.

– Ах, доктор! Ах! – улыбнулся тот. – А какой вы были богатырь! Высокий, мускулистый, такой... молодежавый. Женщины сходили с ума. Они в вас влюблялись как сумасшедшие.

Доктор Зак незаметно для себя сел ровно и распрямил плечи.

– Может, это был не я? – немножко ехидно спросил он, чувствуя тяжесть живота, пытающегося упасть на пол.

– Не сомневайтесь! Это были вы! Мы вместе ели бананы... а какой ели хлеб! Доктор Зак, какой хлеб мы ели!

– Надо же! – неожиданно для себя воскликнул доктор. – Нет, вряд ли это могло происходить со мной.

– Вы так говорите, доктор, потому что не знаете и не понимаете ничего другого, кроме жизни в неприятной, отвратительной реальности. Вы даже представить не можете, что есть что-то лучшее.

Доктор Зак задумался. У него испортилось настроение.

Он постучал авторучкой по столу, как бы спрашивая у него: «Ну, а ты, стол, что думаешь?» Но стол молчал. Он не имел мнения. Он лишь отражал мнение сидящего за ним доктора, который был весьма сконфужен.

– Вы живете здесь, доктор Зак, – с подчёркнутой назидательностью заметил пациент, – и других заставляете жить в этом свиарнике. Это нехорошо, несправедливо. Ведь вы врач. В конце концов, дайте возможность другим, то есть мне, обрести потерянную свободу.

Психиатр взглянул на часы: больной задержался слишком долго. Достаточно долго, чтобы не только испортить настроение на целый день, но еще и заставить думать, что в его, доктора Зака, жизни, что-то не так. А он устал думать. Нужно было действовать, но для этого чего-то не хватало. А чего, он еще не знал.

– Спасибо, – подытожил доктор, – увидимся через несколько недель.

– Да, да, – глубоко вздохнул пациент и, сгорбившись, медленно вышел.

Доктор Зак откинулся в кресле, закрыл глаза и попытался расслабиться. Перед мысленным взором открылся остров, но в следующее мгновение исчез, а вместо него появилось четкое изображение мерзкой физиономии, показывающей кукиш. Тут же вспомнил о неоплаченных счетах, болях в пояснице, дорожных пробках и о том, как стремительно дорожает жизнь.

Он почувствовал себя разочарованным. Встал, чихнул пару раз, почесал в носу и за левым ухом и, накинув плащ, вышел из офиса. И тут же увидел себя на замечательном острове, а вокруг вились прекрасные нагие мулатки, раскачивались пальмы с бананами и попугаями, порхали разноцветные бабочки, а из воды выскакивали рыбы и кричали:

– Зак, Зак, попробуй нас. Мы такие вкусные.

– Ой! – завопил доктор. – Что это?

От страха затряслись поджилки, а язык, привыкший рассуждать о философии, намертво приклеился к нёбу, отняв способность высказывать гениальные мысли.

– Нет! – крикнул он и побежал по белоснежному песочку. Прекрасные женщины пытались его догнать, крича от восторга и сексуального возбуждения.

– Зак, Зак! – вопили они. – Мы хотим тебя расцеловать. Ты наш самый лучший, молодой, красивый, мускулистый психиатр. Почему ты убегаешь?

– Господи, помоги, – помолился доктор еврейскому Богу и быстро взбежал на вершушку холма. Взглянув вниз, он увидел изумрудного цвета океан, и океан тоже простирал к нему руки и говорил:

– Иди сюда, Зак. Я сниму с тебя усталость.

Тем временем, женщины, как кузнечики, прыгали на доктора. Но он уже падал вниз, цепляясь большим волосатым носом за колючие растения.

– Эй, идиот, – вдруг услышал он низкий грубый голос, – ты не видишь, что зеленый свет горит?

Зак открыл глаза и обнаружил, что сидит в машине. Мужик с мерзкой рожей кричал, брызгая ядовитой слюной. Ни острова, ни прекрасных женщин не было.

– Спасибо, Господи, – прошептал доктор и со всей силой нажал педаль газа.

Он чувствовал себя счастливейшим психиатром в мире, однако не знал, почему. И это портило настроение. С этим нужно было разобраться позже, хотя и не знал, когда.

Доктор Бам умер неожиданно. Коллеги его ждали-ждали, а он не пришел, потому что умер. Случается такое временами. Не может человек прийти на работу, потому что мертвый. Это у всех бывает, как правило, один раз в жизни – и не больше. Но когда случается, то приводит умершего не то что в отчаяние, но в состояние неудовлетворенности. Что другие про него подумают? Не позвонил, не предупредил. Не красиво. Ведь люди могли бы и подготовиться. Например, собрать по доллару на обед в китайском ресторане по поводу смерти коллеги, где спокойно бы поговорили о ценах на товары, о политике, жуя пересоленную курицу, залитую отвратительно пахнущим коричневого цвета отваром, напоминающим собравшимся, что не надо особенно радоваться: смерть придет и за ними. И не даст возможности полностью выплатить взятые кредиты на оплату дома, что будет тяжчайшим наказанием для тихо живущего законопослушного налогоплательщика.

Коллеги доктора Бама по работе в психиатрическом госпитале были злы: на головную боль, отсутствие денег, на непослушных детей, на самих себя... И, конечно же, доктор Бам был последней каплей, переполнившей громадную кастрюлю со злостью. Злость выплеснулась через край и облила всех с ног до головы, придавая лицам выражение, которое можно видеть у быка, заколотого тореадором на забаву публики. Тела скрючились, свернулись в клубочки, готовые вот-вот раскрутиться в обратную сторону.

Стоя в коридоре, они беседовали, пытаясь казаться спокойными, хотя если взять их общее кровяное давление, то его хватило бы на один большой взрыв для образования параллельной Вселенной.

– Я не могу представить, просто не могу, – начала сестра с длинным фиолетовым носом, большим чувством собственного достоинства и маленькой грудью, вызывающе смотрящей в потолок. – Как так? Он был молод. Не понимаю.

– Ему было сорок, – возразил социальный работник, забывший надеть левый носок, отчего испытывал стыд, проявившийся на лице маленькими угрями.

– Мужчина в сорок лет очень молод, – возразила медсестра с маленькой грудью. – Он мог бы ещё работать лет семьдесят, по меньшей мере.

– Конечно, – согласился социальный работник без носка, – и платить налоги. Он ведь купил дом.

На его лице было написано жуткое разочарование, которое окрасило угри в зеленоватый цвет. Доктор Бам умудрился ускользнуть от священных обязанностей с такой легкостью! Социальный работник умирал от зависти и чувства собственной неполноценности. Как так? Он, образованный, умный, симпатичный, оказался не в состоянии сделать это с такой же легкостью.

– Между прочим, он выглядел довольно здоровым, – выразила мнение медсестра и так повернулась, что ее грудь выпрямилась, увеличилась в размере и посмотрела в лицо социального работника, отчего тот сделал чмокающее движение губами, немного покраснел – и замер на мгновение, как кролик, очарованный удавом.

– Насколько я знаю, – к ним приблизился медбрат с суровым лицом уголовника, не брившегося несколько лет, – насколько мне известно, он принимал громадное количество витаминов, трав и прочего хлама.

– Да, да, – согласился социальный работник, – и ходил в спортивный клуб. Не употреблял алкоголя, не курил. Он всё еще выглядел разочарованным.

– Я помню, – задумчиво продолжала медсестра, – доктор Бам однажды сказал, что никогда не ест жир, только биологически чистые фрукты и овощи. Может быть, у него были плохие гены? – спросила она кого-то невидимого, переведя взгляд на окно, за которым взволнованно качались клены. Казалось, они тоже переживали за внезапно ушедшего в лучший мир доктора Бама.

– Не думаю, – кашлянул социальный работник, внезапно ощутив отсутствие носка и на правой ноге. Он чихнул и добавил: – Доктор Бам однажды заметил, что его родители живы-

здоровы, и им далеко за девяносто. А дедушки и бабушки бегают по горам, как козочки, радуясь хорошим пенсионным планам.

Все немного помолчали. Тишина была наполнена разными эмоциями, отчего в воздухе время от времени раздавались щелчки и появлялись вспышки света.

– Может, у него было слишком много стресса? – предложил объяснение медбрат, почесав небритую щетину.

– Сомневаюсь, – ответила медсестра. – В последний раз, когда я с ним разговаривала, он выглядел спокойным, расслабленным, счастливым.

Все пытались решить загадку, превосходящую по сложности китайскую головоломку.

– А может, его убили? – спросил медбрат, сжав со всей силой кулаки. Лицо его приобрело такое выражение, что две лениво летающие мухи быстро устремились к окну. Оно было закрыто, и мухи, потеряв сознание, упали на пол.

– Да нет, – растерянно пробормотала медсестра, глядя на лежащих мух, – я разговаривала с женой, и она сказала, что у доктора Бама был сердечный приступ.

– Я ежедневно хожу в спортивный клуб и принимаю тонны витаминов, – вдруг неожиданно, ни к селу, ни к городу, выпалил медбрат, гордо подняв уголовный нос к потолку.

– А у меня родственники долгожители, – продолжал тему социальный работник.

– Что на роду написано, то и сбудется, – высказалась медсестра, по-прежнему не отрывая взгляда от мух. Одна из них почти очухалась и, открыв правый глаз, с опаской посмотривала на медбрата.

– Я думаю, – продолжала твердым мужским голосом медсестра... – Она внезапно замолчала и о чём-то задумалась. – Доктор Бам не курил, не пил, – продолжила после пятиминутного молчания, – регулярно занимался спортом, не ел жира; генетика у него хорошая. Стресса не было. Да он просто не мог умереть, – внезапно воскликнула она: – Чушь. Не мог.

Дверь в психиатрическое отделение внезапно открылась – и вошел доктор Бам.

– Доктор Бам, вы опоздали, – гневно воскликнула медсестра.

– Я извиняюсь, – тихо произнес доктор Бам, – я думал, что я умер.

Доктор Зак стоял в коридоре квартиры, думая о том, о сём. Потом подумал о том, что он думал о том, о сём, и попытался сосредоточиться на чемнибудь важном, но в голову лезли пациенты с их бесконечными проблемами, которые доктор Зак ощущал где-то в низу живота, под пупком. Там что-то постоянно крутило и сжималось, вызывая позывы. Обычно он подавлял их, стараясь сосредоточиться на насущных ежедневных вещах, требующих немедленного разрешения. Таких, например, как смысл жизни и его, доктора Зака, место во Вселенной. Он стоял в темной прихожей, пытаясь сообразить, что делать, и наконец вспомнил: нужно бежать на прием больных. Резким движением открыл входную дверь, но почему-то застыл в проходе, пытаясь что-то вспомнить, но не мог. Единственное, что он помнил, было что-то из практики духовного переживания в глубокой медитации.

Однако эта тема требовала дальнейшего размышления и углубленной сосредоточенности, что сейчас было нереально из-за спешки, которую он ненавидел, но смирялся, хотя и не понимал, почему. Закрыв дверь квартиры, удовлетворённо чихнул, быстро вошёл в лифт и нажал кнопку.

Доктор Зак обратил внимание на стоящую рядом молодую женщину с черными прекрасными вьющимися волосами, длинными до головокружения ногами и большими голубыми глазами, в которых он сразу утонул, захлебнувшись не без удовольствия. Пуская пузыри и быстро опускаясь на дно, он испытывал двойственное чувство удовольствия и разочарованности. Последнее было связано с тем, что, будучи утопленником, он не мог с ясностью размышлять о загадке существования параллельных миров. Доктор Зак сделал отчаянную попытку вырваться наружу, ближе к воздуху.

Вынырнув, он расстроился. Доктор вспомнил, что не молод, однако выпрямил спину, подтянул подбородок и попытался встать на цыпочки. Заболела поясница, отчего он сморщился и на мгновение подумал о бессмысленности суеты.

Внезапно лифт остановился.

– Ха! – сказал доктор Зак. – Интересно. – Он нажал кнопку первого этажа, но ничего не случилось. В полной тишине он нажал кнопку второй раз, однако лифт не подавал признаков жизни, что привело доктора в состояние крайнего волнения и возбуждения: он страшно боялся оказаться запертым в лифте.

Доктор Зак как психиатр пытался проанализировать страх и пришел к выводу, что боится, когда рядом никого нет, кто может оказать помощь. Он не понимал, почему ему всегда нужна помощь, отчего он сам не способен справиться с проблемами.

На этот вопрос он ответа не имел, хотя в принципе давно понял причину возникновения Вселенной.

– Мы остановились, – спокойно сказала девушка и легко улыбнулась кому-то невидимому, присутствующему в лифте.

Доктор начал лихорадочно нажимать кнопку первого этажа, а также аварийной сирены. Но лифт не трогался, сирена не работала.

– Черт, – ругнулся доктор и дернул покрасневшей шеей, отчего голова так сверкнула лысиной, что на мгновение ослепила девушку.

– Спокойно, – ровным голосом произнесла она. – Успокойтесь, к чему волноваться? Ведь мы ничего не можем сделать.

Она улыбнулась доктору, и он почувствовал, как нечто ниже пупка на мгновение перестало сжиматься.

– Я вижу, вы не торопитесь, – раздраженно ответил он, продолжая нажимать кнопки. – Я уже опоздал на работу, – доктор чихнул, вытер нос рукавом рубашки и, переступив с одной ноги на другую, открыл рот, чтобы что-то сказать. Но быстро закрыл, так как от волнения стал терять мысли. Девушка села на пол, скрестив ноги, закрыла глаза и повернула к доктору Заку умиротворенное лицо. Оно излучало расслабленность и чистоту, и доктору захотелось на мгновение сесть рядом, положить голову на ее высокую теплую грудь, забыть хлопоты и наслаждаться моментом, который он уже многие годы пытался поймать, но, по непонятной причине, не мог: то ли момент ловко убегал, то ли доктор Зак двигался медленно и неумело. Скорее всего, и то и другое.

Приблизившись немного к отрешенно сидящей в позе лотоса девушке, он шёпотом спросил, словно боясь нарушить воцарившийся в лифте странный покой:

– Вы спите?

– Я медитирую, – тоже шепотом ответила она. – Пожалуйста, не шумите. Сядьте и ждите.

– Ждать? – изумился доктор Зак. – Чего? – Он почувствовал, как начинает раздражаться. Обе ладони внезапно сильно вспотели, и быстро забилося сердце. Стало тяжело дышать и совершенно невозможно думать о бесконечности Вселенной, что удручало его больше всего.

– Я не могу здесь стоять вечно, – раздраженно объяснил доктор Зак, вытирая взмокшие ладони о брюки.

– Ничто не вечно под солнцем, – задумчиво произнесла девушка, все глубже погружаясь в нирвану, оставляя доктора Зака страдать одного.

«Да, – подумал он. – Это ж надо, такое невезение: умудрился застрять в лифте с психически неуравновешенной женщиной. А если у нее шизофрения? А если ей голос скажет, что она должна меня убить, и только тогда лифт тронется с места?»

В богатом воображении доктора возникла девушка, достающая из сумочки охотничий нож и бросающаяся на него со словами: «Смерть ничего не понимающим психиатрам!»

Он почувствовал, как у него по спине поползли мурашки и, исчезнув где-то в области левой ягодицы, вскоре оказались в правой. Однако девушка сидела со спокойным выражением лица, не выказывая признаков буйного помешательства. Доктор Зак начал лихорадочно нажимать кнопки, одновременно бегая по лифту.

– Не волнуйтесь, – спокойно произнесла она. – Расслабьтесь, сядьте на пол, прошу; лучше будет.

– Я не могу сидеть на полу и ждать неизвестно чего, – с возмущением возразил доктор, быстро переступая с одной ноги на другую. – Мы должны что-нибудь сделать, чтобы эта чертовщина (он стукнул кулаком по стенке лифта), наконец, сдвинулась с места.

– Хорошо, – согласилась девушка. – Только делайте все без шума.

– Как я могу делать без шума? – От изумления в голосе врача послышались писклявые истерические нотки, – как я могу не шуметь?

Доктор увидел, как его нога с размаху ударила в дверь лифта. Голова потянулась в том же направлении, и доктору Заку пришлось сделать невероятное усилие, чтобы удержать ее от сотрясения.

Девушка открыла глаза.

– Как тебя зовут? – ласково спросила она, продолжая мило улыбаться. – Меня зовут Фрося Смит. – Доктор Зак не слышал вопроса, он лихорадочно обдумывал план побега из лифта, пытаясь на стенках найти что-нибудь такое, о чем он не имел ни малейшего представления.

– А куда вы направляетесь? – продолжала Фрося Смит, глядя на мечущееся в отчаянии тело психиатра.

– На работу, – наконец услышала она, – на работу, – доктор сверкнул скорбными восточными глазами.

– Почему вы так спешите?

Доктор Зак повернулся к девушке лицом:

– Как это почему? А кто будет оплачивать счета? Дядя?

– А ты счастлив? – интонации её голоса заставили доктора остановиться, и теперь он стоял как вкопанный, плотно прижав горбатый нос к стенке лифта. Он устал от происшедшего и теперь не двигался, от волнения покусывая губы.

– Счастлив ли я? – доктор повернул к девушке удивлённое лицо.

– Садись, расслабься, – попросила она, приглашая сестру рядом грациозным движением кисти.

«Да», – подумал Зак, поняв, что у него нет выбора. По крайней мере, он не один, и можно ей поплакаться, а вдруг пожалеет? С тяжелым вздохом он опустился на пол далеко от девушки, сомневаясь, не кусается ли она.

– Да, – ответил он, скептически посмотрев на нее, – я счастлив. Счастье переполняет меня до краев и даже переливается. Так что приходится время от времени ползать с тряпкой и вытирать.

– Если ты счастлив, почему же ты хочешь отсюда выбраться? – поинтересовалась Фрося Смит, игнорируя скептицизм.

– Вы серьезно спрашиваете? – доктор Зак изумленно поднял брови. – Вы что, действительно счастливы? Сидеть здесь, в этом, извините, вонючем лифте?

– Я счастлива везде, – объяснила девушка и, закрыв глаза, улыбнулась, растопив улыбкой накаленную атмосферу.

Доктор Зак поймал себя на том, что мысленно рыщет в психиатрической энциклопедии, пытаясь найти подходящий диагноз для Фроси. После долгих размышлений он понял, что это не просто: диагноз не укладывался ни в одну из известных схем.

– Вы не выглядите счастливым, – заметила она, открыв глаза. Доктору Заку показалось, что еще секунда – и он снова утонет в них без всякой надежды на спасение.

– Вы выглядите несчастным, – подытожила наблюдательная Фрося Смит.

– Я – несчастный? – удивился доктор.

– Да, – подтвердила та, – скажите, почему?

Она посмотрела доктору в два выпукло-вогнутых психиатрических глаза. Он потупил взгляд, обнаружив на полу пару счастливо спаривающихся муравьев.

– Я могу помочь, – предложила Фрося Смит. – Могу научить быть счастливым.

Она с любовью посмотрела на доктора, и он почувствовал, что начинает захлебываться, и необходимо что-то предпринять, иначе... Он сам толком не понимал, что именно будет иначе, но боялся, как бы не стало хуже. Хотя осознавал, что хуже вряд ли бывает.

– Вы? – доктор скорчил удивлённую гримасу.

– Остановитесь, просто остановитесь, – прошептала девушка.

– Не понял, – растерялся доктор, осознав, что, оказывается, есть в жизни вещи, которых он не понимает до конца, хотя в это сложно поверить.

– Сядьте и не двигайтесь, дайте возможность голове и телу следовать тем курсом, который для них заготовлен изначально.

– Я не могу сидеть, – начал оправдываться доктор Зак. – У меня клиенты. Деловые встречи, разные проблемы. Запланировано так много.

– Сидите, – прошептала она. – Сидеть и не двигаться!

Доктор Зак попытался проглотить слюну, чтобы смочить смятение взволнованной души. Но внезапно почувствовал раздражение и злость, подступившие к горлу. Он глубоко вздохнул, быстро вскочил на дрожащие от возбуждения ноги, стукнул в дверь кулаком и выругался. Потом снова стукнул, но, вскрикнув от боли, прекратил глупое занятие и просто свалился на пол рядом с Фросей, даже не подумав о том, что она может укусить.

Девушка по-прежнему сидела с таким необычайно умиротворенным выражением лица, что доктор Зак почувствовал непреодолимое желание спать. Внезапно она открыла глаза:

– Вот видите! – в голосе появились поучительные интонации, – вы считали, что нужно бежать, выполнять грандиозные планы, а на самом деле тело и мозг хотят отдохнуть.

Доктор Зак посмотрел на девушку.

«Нет, она ненормальная, – подумал он, – с дефектом, причем серьезным».

Дверь внезапно открылась. Психиатр стремительно вскочил на ноги и был готов вылететь из лифта, как вдруг почувствовал сильное желание еще раз взглянуть на девушку. Она сидела в той же позе и смотрела на доктора громадными синими озерами глаз, в которых он заметил что-то такое, чего не мог объяснить. Доктор Зак подошел к девушке и сел рядом. Дверь лифта тихо закрылась.

Доктор Зак любил вспоминать пациентов, особенно тех, кого помнил, а помнил он немногих. У тех, кого он не забыл, были необыкновенно интересные истории, поражавшие блуждающее в поисках смысла жизни воображение доктора. Одну такую историю он часто рассказывал знакомым, чтобы хоть кто-то из них раз в жизни задумался над бренностью человеческого существования и одиночеством.

Одиночество доктор любил не очень сильно, но достаточно для того, чтобы сделать пару гениальных открытий в неизвестных областях непонятно чего.

Один из его больных страдал от постоянных запоров. Он обошел всех врачей и наконец переступил порог доктора Зака, который, не задумываясь ни на секунду, дал таблетку: принимать натощак после еды. Доктор Зак давно заметил, что физические проблемы имеют психический характер, а если они «психически бесхарактерные», то это уже не проблемы, а иллюзии больного. Доктор никогда не мог объяснить своё мнение, однако считал его истинным. Обычно истины, понятные ему, были такими глубокими, что ни один ум в мире не мог до них докопаться.

Пациент принимал таблетки, но чувствовал себя все хуже и хуже, несмотря на то, что доктор Зак пытался с ним говорить о смысле жизни в потоке бесконечных будней.

Однажды пациент, страдающий непонятно чем в желудке (а, впрочем, может быть и в голове), сидел на собрании у себя на работе. Вернее было бы сказать, что он полусидел, полулежал, а то и повисал в воздухе от мучений, которые причиняли газы, стремящиеся наружу. Пациент чувствовал, что вот-вот будет не в состоянии сдерживать стремящиеся в воздух газовые массы, и сильно испугался. От испуга газов стало больше, и он почувствовал, что сейчас начнет подниматься в воздух, как воздушный шар. Ему совсем не хотелось улыбаться с глупым видом, зависнув в горизонтальном положении над собравшимися непонятно о чем говорить сотрудниками. Внезапно он почувствовал

странное и необъяснимое желание выпустить газы, назло всем сидящим в полусне людям. Желание было настолько сильным, что он не мог сопротивляться. Больной так испугался, что его кожа покрылась мурашками, от которых у сидящей рядом сотрудницы началась аллергия, и она стала безостановочно чихать крупными каплями ему на брюки. Страх возрастал с каждой минутой, соответственно с увеличением давления газов.

«А почему бы и нет?» – возникла непривычная, странная мысль. Он посмотрел вокруг. Никто не догадывался о том, что у него творилось в верхней и нижней частях тела. Он подумал, что если бы они знали, то наверняка побежали бы в бомбоубежище. Ему стало смешно. Смех расслабил мышцы промежности и высвободил газы, которые немного приподняли его над сидящими, так что было очевидно, что все глубоко спят. Те, кто не спал, были настолько безразличны к окружающему, что давным-давно ничего не воспринимали, кроме мыслей о нескором отпуске, сэндвиче с куском мяса, отравленным цивилизацией, и мягкой постели, в которой смогут забыться хотя бы на драгоценный час.

«Выстрел, – думал он, – может быть и наверняка будет такой силы, что разбудит не только сидящих, но и всё наяву спящее человечество, обеспокоенное грядущей старостью и половой слабостью».

– Чего ты боишься? – с интересом спросил он самого себя, съездившись в комочек от невероятных усилий.

– Ты сумасшедший, – ответила другая часть его самого. – Почему ты не думаешь о последствиях? Ты стрельнешь в воздух, люди начнут питать к тебе отвращение и неприязнь, в том числе и начальник, который станет делать гадости. На работе возникнет невозможная обстановка, и тебе придется уйти. Куда? Ты же знаешь, как трудно найти работу. А у тебя, дорогой друг, дом, машины, жена с запросами, капризные дети. Жена бросит. Будешь жить в долгах в подвале.

– Хорошо, – согласилась первая половина. – А ты счастлив? Разве ты с удовольствием просыпаешься и благодаришь судьбу за работу, где мотают нервы, за сварливую жену и проблемы со здоровьем и финансами? Ответ правдиво хоть раз в жизни. А ведь жизнь может повернуться к лучшему, если покинешь

противную работу, оставишь сварливую жену и уедешь далеко. Может быть, ты не будешь богатым, зато станешь свободным. В конце концов, найдешь другую работу, купишь маленький домик на берегу озера, в горах и, наконец-то сможешь писать стихи и рассказы. Разве не об этом ты мечтаешь? Наконец, после стольких лет, ты сможешь стать самим собой и делать то, что захочешь.

– Допустим, – возразила другая половина, – но ты долгое время будешь один. Без друзей. Может быть, без женщины. Кому ты нужен без денег и с тремя детьми?

– Да брось, – закричала первая половина, – не говори глупости. Женщину, если захочешь, всегда найдёшь.

– Кругом инфекция. Ты что, слепой? Один неосторожный шаг – и конец творчеству.

– Да, да, ты прав. А что я буду делать, когда устану писать книжки, и захочется нормальной жизни?

– Чушь.

– Нет, не чушь.

Обе половины кричали друг на друга, каждая отстаивала свою правоту и от злости готова была разорвать оппонента.

– Эй, идиот! – кричала одна, схватив другую за горло, отчего пациенту стало трудно дышать, и он весь посинел. – Эй, идиот! – продолжала кричать она, – Будь мужчиной, давай, стреляй, что есть силы. Хватит быть сосунком, ребенком. Пора взрослеть. Собери последние силы и измени жизнь к лучшему. Вперед!

– Нет! – отбивалась другая половина. – Я боюсь, мне есть что терять. Я не уверен.

Они намертво сцепились, готовые разорвать друг друга в клочья. От их борьбы пациента согнуло вдвое, еще вдвое, выгнуло голову назад, а ноги закрутило вокруг поясницы. Он вдруг вспомнил, что у него через пятнадцать минут встреча с величайшим психиатром всех времен и народов, доктором Заком. Он вскочил, пулей вылетел из комнаты, влетел в офис доктора Зака, получил рецепт, проглотил таблетки, побежал на собрание, опустился на стул, а потом так сильно пукнул, что не только разбудил всех сразу, но и заставил читающего лекцию начальника качаться из стороны в сторону минут двадцать. Ему

показалось, что множество сонных голов хохочет, высунув змеиные язычки, с трудом поддерживая мешковатые животы, готовые разорваться от напряжения. Злые глаза, казалось, слились в один, с ненавистью смотрящий на него. Толстые скрюченные пальцы тыкали, как бы говоря:

«Неряха, пошел вон».

– Пошли к черту! – истерически выкрикнул он и вылетел из комнаты.

Никто не знал, куда он исчез. Люди говорили, что когда они в последний раз его видели на собрании, он выглядел взволнованным, все время крутился на стуле, и один раз почти неслышно пукнул.

Доктор Зак расстроился: у пациента была замечательная страховка. Он взял историю болезни и написал окончательный диагноз:

«Депрессия. Лечение: одна таблетка натошак после еды. Результат: пациент исчез».

Он отложил в сторону историю болезни, оглянулся и с большим удовольствием пукнул. Только сейчас доктор Зак понял, чего ему не доставало для полного счастья в конце рабочего дня.

«Я работаю очень много», – подумал он, встал и открыл форточку.

Несколько лет спустя пациент появился в офисе доктора Зака. Он стал довольно известным писателем. Доктор Зак посмотрел на него, усмехнулся, напряг весь свой интеллект и значительно произнес:

– Я же говорил, что лекарства в психиатрии действуют не сразу: иногда требуется неделя, иногда – месяц, а иногда, – доктор Зак проницательно посмотрел на больного и после многозначительного молчания добавил, – несколько лет.

Доктор Зак сидел в кабинете, пытаясь разобраться в сути жизни и причине головной боли, когда его внимание было отвлечено пациентом, вдруг появившимся перед ним. Доктор понял, что есть нечто, помимо жизни в большом, полном суеты городе, с чем периодически нужно мириться, например, общение с пациентами. То есть, нельзя сказать, что он их не любил или они были неинтересны. Просто доктор, благодаря гениальной интуиции, мог заранее сказать, чем они больны, еще до того, как те зайдут в офис.

Больной, внезапно возникший перед очами доктора Зака, был еще почему-то не на все сто процентов понятен. То ли головная боль мешала, то ли мысли о смысле жизни не давали сосредоточиться.

– Садитесь, – предложил доктор Зак, не заметив, что пациент уже сидел, взволнованно кусая ногти на ногах.

– Я болен, доктор Зак, – почти шепотом произнес он. – Я болен.

– Хорошо, – не зная почему, ответил доктор, – очень хорошо. Расскажите вкратце, в чем проблема.

Доктор Зак любил, когда пациенты всё делали быстро. Ну, правда, чего сидеть и размазывать сопли по стенам, когда можно в двух-трех словах объяснить проблему, взять рецепт и две недели ждать, когда лекарство начнет действовать. Поэтому он перебивал больных, пытаясь направить их запутавшийся в пространстве и времени поток мыслей в правильное русло. Доктор ценил драгоценное время для обдумывания всякой философской всячины.

– Мне плохо, – пациент покачал головой, так что доктор увидел длинный, с горбинкой, неукраинский нос, изогнутый под углом в сорок пять градусов, по которому текла слеза. Он обратил внимание на то, что слеза отливала всеми красками радуги. Радуга навела на мысль о природе, о Боге, о смысле существования, и к тому времени, как слеза упала на пол, доктор мысленно плывал в психиатрическом океане планеты созвездия Большой Медведицы.

– Да, – продолжал пациент, всхлипывая, – я боюсь всего на свете, всего.

Он сжался в комочек, выставил маленькие кулачки вперед и стал похож на жука-рогача. В детстве доктор коллекционировал жуков, и пациент напоминал одного из них, вытасченного маленьким Заком из муравьиной кучи.

– Я боюсь, – больной шмыгнул носом. – Боюсь быть счастливым и несчастным, боюсь себя, смерти, собак, кошек, темноты, высоты, холода, тепла, плохой погоды, грозы и женщин. Недавно я поймал себя на мысли о том, что боюсь дышать, кушать, писать и даже какать. Я не знаю, как жить, и чувствую, что схожу с ума. – Пациент стал быстро ерзать в кресле, чихать и сморкаться. Доктору стало скучно. Он уже знал диагноз. Лекарство было выбрано, а пациент все еще сидел, пытаясь изложить проблему, уже давным-давно известную доктору.

– Мне кажется, доктор, – больной сделал минутную паузу. – Мне кажется, что недавно... мне казалось, что неделю назад я был счастлив, но... – он опять замолчал, уткнув взгляд в центр земли, где, по мнению доктора Зака, существовала инопланетная цивилизация.

– Хотите, я расскажу историю? – осторожно поинтересовался он, глядя на доктора Зака, погруженного в себя до такой степени, что на поверхности оставалась лишь одна миллионная часть мозга, но её было достаточно для сбора и переработки информации.

– Конечно, – буркнул врач, быстро взглянув на часы.

– Однажды утром я проснулся, смотрю, – а рядом лежит женщина. Клянусь, я видел ее в первый раз в жизни.

– Вы часто употребляете алкоголь? – насторожился доктор.

– Нет, нет, что вы, доктор. Не пью. Не курю. У меня слабый организм. Чуть-чуть ветерок – и уже грипп, насморк. Я нежный.

Доктор Зак окинул его скептическим взглядом, но не нашел нежности в давно не бритом, щетинистом лице с приклеенными по обеим сторонам выпуклыми блюдцеобразными ушами, шевелящимися в разных направлениях.

– Нет-нет, доктор, – продолжал пациент. – Я не был пьян. Женщина была симпатичная, с красивыми длинными черными

волосами. Она спала, нежно посапывая, безмятежно, как будто была у себя дома. Мне стало страшно. Сначала я подумал, что я не у себя. Но, оглянувшись, понял, что это мой дом. Все было привычным – мебель, занавески, телевизор.

Доктор Зак кашлянул, что являлось признаком заинтересованности рассказом. Кашлял он редко, обычно чихал.

– Она спала так крепко и спокойно, как только может спать человек в собственном доме. Это было странно.

– Действительно, – согласился доктор, напрягая мощь нейронного психиатрического интеллекта, чтобы проанализировать и понять историю с точки зрения патологии. В мозгу пролетали миллионы диагнозов и лекарств. Но прямого попадания не было. Поэтому, как обычно в таких случаях, он решил расслабиться и послушать.

– Я решил попробовать ее разбудить, – продолжал пациент, – и осторожно дотронулся до плеча. Оно было прекрасным: мягким, теплым, нежным.

Он высунул язык и шумно задышал. Доктор Зак внимательно смотрел на желтовато-зеленоватый язык, ещё не понимая, почему. Больной напоминал изголодавшегося по сучке кобеля. «Потом, – он засунул громадный язык обратно в маленький рот, – она открыла глаза, повернула ко мне лицо, улыбнулась и сказала: “Привет”».

– Я был в состоянии шока, доктор. Такое лицо, такое лицо, такое лицо! Нос, глаза, нет, это не глаза, это не глаза, – пациент снова высунул язык, а доктор Зак вспомнил про отсутствие личной жизни и загрустил.

– Не грустите, доктор, – попросил пациент, – сейчас я расскажу самое интересное».

– А я и не грущу, – быстро заметил доктор (как будто психиатры – не люди и не имеют права на человеческие эмоции), – я просто не выспался сегодня.

– Ах, доктор Зак! Если бы вы ее видели! Ах! Как жалко, что вас не было с нами в постели.

Врач согласился: он представил себя с ними в постели и чихнул от возбуждения.

– Затем, – продолжал пациент, – она, быстро поцеловав меня сюда (он указал на вращающуюся против часовой стрелки левое

ухо), повернулась на бок и заснула таким же благословенным спокойным сном, как и раньше. Я потрогал ее плечо, но бесполезно. Она не реагировала ни на что и спала глубоко-глубоко, как ребенок. Мы так с вами в детстве спали, доктор Зак.

Доктор попытался вспомнить, как он спал в детстве, и в уме возникла картинка, где пьяный папа бил маму по голове новогодней елкой, а он прятался под столом, писаясь от страха. Зак поморщился.

– Я взмок от пота, доктор, – прошептал пациент, – пытаюсь вспомнить, что же такого случилось в жизни вчера, что сегодня я проснулся рядом с очаровательной женщиной. Я думал, думал, но, кроме яичницы с сосиской, ничего вспомнить не мог. Мне стало страшно. Ведь она могла быть кем угодно. Я мог не проснуться и лежал бы с перерезанным горлом. Ох. – У пациента был такой вид, как будто его сейчас вырвет.

Доктор Зак заволновался и стал искать глазами ведро для мусора. Однако больной продолжал:

– Меня бросило в жар и выкинуло из постели, и я голышом подбежал к телефону, – пациент замолчал, расширив глаза, в которых светился ужас. Доктор представил его, голого, бегущего по комнате, и ему стало смешно. Он попытался скрыть смех кашлем. Однако смех оказался сильнее. Пациент был настолько поглощен рассказом, что ничего не видел и не слышал.

– Но женщина, – он сделал в воздухе плавное движение левой кистью, – внезапно повернула ко мне очаровательное лицо и сказала: «Не делай этого, не звони никуда».

– Что? Что? – испуганно бормотал я, чувствуя себя несчастным, внезапно растерявшимся козленком. – Как это? Как это? – я был близок к истерике, – кто вы? Кто вы? Это мой дом, мебель. Это все мое, а вы, а вы?

– А какое это имеет значение – кто я, кто вы, дом, мебель? – она полулежала на боку, грациозно выставив вперед бедро, смотрела на меня, прищурившись, и улыбалась.

– Нет, нет, – продолжал лепетать я. – Я звоню в полицию.

– Звоните, – предложила она. – Они приедут, наденут на меня наручники и уведут. Но вы то снова будете один. Вы считаете, это сделает вас счастливее?

В это мгновение я понял, что имею дело с сумасшедшей. Вот и вся разгадка. Как это мне раньше в голову не приходило? Я хлопнул себя взмокшей от возбуждения ладошкой по лбу. Рот стал таким сухим, что я едва мог крутить языком. «Ну, так что?» – она продолжала ласково улыбаться.

Помню, что у нее оголилась нога, и я почувствовал легкое головокружение: у меня давно никого не было.

Доктор Зак с пониманием кивнул головой.

– Чем ты будешь заниматься, когда меня уведут? – продолжала женщина. – Звонить друзьям и часами болтать ни о чем?

Я смотрел на нее, как замороженный, совершенно потеряв чувство времени и пространства. Она придвинулась вплотную, и я почувствовал движение ее пальчика вверх по моему волосатому бедру. Это движение, доктор, было таким приятным.

Доктор Зак кивнул головой с пониманием и кашлянул еще раз.

– Мечтай, мечтай, – говорила она. – Время летит быстро – не заметишь, как состаришься.

– В это мгновение, доктор, я понял, что сошёл с ума.

– Да, – еще раз кивнул доктор Зак, почему-то вздрогнув при мысли о старости, хотя считал ее прекрасной.

– Внезапно я ощутил ее влажное, горячее дыхание вот здесь, – он указал длинным пальцем на кончик носа. Она словно впитывала меня в себя, как губка мыло. Это было приятно и страшновато, доктор.

Психиатр вздрогнул, заметив, что из его открытого рта на стол капнула слюна. Он облизнулся и обнаружил, что приятно возбужден. Доктор так увлекся рассказом, что даже забыл о времени. Пациент продолжал:

– Нет, нет! – помню, закричал я. – Нет, нет, мне нужно встать. – Я сделал тщетное усилие встать с кровати, но услышал ее снова: «Бедный мальчик, ну, успокойся, расслабься, хоть раз в жизни постарайся ни о чем не думать. Наслаждайся тем, что я у тебя есть».

– Доктор Зак, – пациент протянул к нему необычайно длинные руки, – она меня проглотила. Это было как вихрь, как буря. Я потерял контроль, ползая по её белоснежным, теплым

грудям с большими чувственными розовыми сосками, полными желания.

Доктор Зак почувствовал, как возбуждается, и снова вздрогнул, пытаясь поймать слюну, капающую на письменный стол.

– В последний момент я собрал силы, – продолжал больной, – выскользнул из ее объятий, выбежал из дома и очнулся в полицейском участке, взволнованный, мокрый от пота, дрожащий от возбуждения, как будто кто-то за мной гнался с топором. «Там, там, – истерически кричал я, – женщина в постели, незнакомая».

– Через несколько минут мы приехали, но, доктор Зак, она как будто испарилась: чистая и аккуратно убранная постель, и вроде пыли меньше, чем обычно. Все было на месте. Я даже залез на шкаф, однако, кроме пачки неиспользованных презервативов, пролежавших там лет десять, ничего не нашел.

Полицейский подозрительно посмотрел на меня, задал пару вопросов и ушел. Весь вечер я был сам не свой. Вы не поверите, доктор Зак, я поймал себя на мысли, что мне не хватает незнакомой женщины. И тут я явственно услышал ее голос: «Ну, дорогой мой, ты соскучился без меня?»

Быстро повернувшись на голос, я не увидел никого. Все остальное помню отрывочно. Помню, что прибежал в полицейский участок, где долго уговаривал их помочь мне найти женщину. Они спрашивали имя, возраст и остальное, но я ничего не знал. Я не понимал, зачем я хочу ее найти. Я хотел ее и боялся одновременно.

Пациент замолчал, снова наклонив голову вниз, так что по длинному носу скатилась большая слеза.

– Да, – попытожил доктор Зак, нервно постучав карандашом по столу. – И что же дальше?

– Больше она не появилась, доктор, – плакал он. – Я просыпаюсь каждую ночь и ищу ее в постели, но там, – пациент шмыгнул носом, – там темно, холодно и одиноко.

– Да, – снова кивнул доктор и подумал, что во время рассказа пациента он совсем не отвлекался на богатый внутренний мир. Наоборот, он настолько вжился в роль слушателя, что уже чувствовал близость женщины с очаровательной белой грудью. Он только сейчас понял, что перед ним все-таки пациент, а сам

он – психиатр. И весь рассказ не что иное, как плод воображения, галлюцинация. Однако когда он стал думать о предполагаемом диагнозе и курсе лечения, то обнаружил, что у него портится настроение.

Вручив больному рецепт и отпустив его, доктор Зак сел в кресло и задумался. Он поймал себя на мысли, что завидует пациенту. Какая разница, была женщина реальной или нет. Важна острота ощущений. Он неторопливо сварил кофе, потом улыбнулся и обратился к вороне, сидящей на ветке за окном:

– Ну, и что ты по этому поводу думаешь?

– Кар-р-р, – крикнула ворона, наклонила голову и посмотрела на психиатра мистическим взглядом мудрой, все понимающей птицы.

– Я всю жизнь много работал, – объявил отец сыну. Сын был ленивым и не хотел учиться. Он хотел играть в футбол, есть варенье и смотреть телевизор.

– Я всю жизнь много работал», – гнусаво повторил отец, посадив сына в кресло и посмотрев на него усталым, потухшим взглядом.

Сын смотрел в пол, чувствуя себя виноватым.

– Очень, очень много я работал, – снова и снова повторял отец. – Никогда не был в отпуске, не ел хорошей, полезной еды, пытался сохранить каждый лишний цент. Не пил хорошего пива. Спал мало и никогда не проводил время с друзьями.

Отец замолчал. Видно было, что он прищурился, пытаясь собрать расплывающиеся мысли в единый пучок.

– У меня никогда не было времени, чтобы провести его с твоей матерью.

«А как же я родился?» – хотел спросить мальчик, но побоялся взглянуть в красные от злости глаза отца. Он стоял, возвышаясь над ним горой, плотно сжав челюсть и два кулака, как бы собираясь вступить в бой с кем-то, кто методически делал его жизнь ужасной.

– Я очень, очень, очень много, много, много работал, – снова и снова повторял отец. – А ты, а ты, а ты...

У мальчика было ощущение, что отец сейчас ударит, поэтому он зажмурился, сжался в комок и закрыл голову руками. Однако удара не последовало, и отец замолчал. Мальчик опустил руки и посмотрел перед собой. Он увидел старую, едва стоящую на ногах, шатающуюся из стороны в сторону, брызгающую слюной лошадь. Она фыркала, укоризненно мотая головой, и с негодованием смотрела на мальчика.

Мальчик перепугался до смерти. Он никогда не думал, что папа может превратиться в старую лошадь. В комнату вошла мама мальчика, посмотрела на лошадь и поинтересовалась: «Ты уже кончил говорить, дорогой? Обед уже на столе».

Лошадь кивнула головой с довольным видом, стукнула копытами по полу и даже, как показалось мальчику, улыбнулась, обнажив длинный ряд полусломанных кривых желтых зубов. Она махнула тем, что осталось от хвоста, и, с трудом волоча ноги, поплелась вслед за мамой, державшей ее за поводья.

Мальчик поплелся за ними; ноги у него дрожали от страха.

– Ты выглядишь усталым, – обратилась мать к лошади.

Мальчик и мама сели за стол и начали есть суп. Папа стоял возле стола, жуя сено с большим удовольствием. Мальчик в первый раз видел его таким довольным: сено было отменным.

Мальчик оторвался от супа, немного подумал и обратился к маме:

– Мама, а ты тоже много работала всю жизнь?

– Я очень много работала всю жизнь, – ответила она, строго посмотрев на сына. – Я не ходила ни в кино, ни в театр, никогда не брала отпуск. Я работала очень тяжело, стараясь не потратить лишний цент.

Мальчик почувствовал, что не может находиться в комнате, и ему необходимо выйти на свежий воздух.

– Ты должен много работать, – вдруг послышался голос за спиной, но, обернувшись, он никого не увидел.

– Работать, работать, много, много, много... – кричали голоса, – не брать отпуск, не ходить в кино, не спать, работать, работать, работать, копить деньги, зарабатывать деньги. Я работаю много, он работает много, они работают много. – Голоса продолжали кричать на мальчика, он попытался закрыть уши руками, но они пробились в голову и кричали изнутри: «Работай много, будешь отдыхать после восьмидесяти».

– Нет, – закричал мальчик.

– Купи место на кладбище, купи место в доме престарелых заранее. Купи, купи, купи, купи. Работать, работать, работать, – кричали голоса.

Мальчику казалось, что он бежал минут десять, но когда остановился, то понял, что давно уже не мальчик. Он стоял в той же комнате, где отец превратился в лошадь, и разговаривал с маленьким мальчиком, похожим на него. Он хотел спросить мальчика: «Где я?», но услышал свой голос:

– Я всю жизнь много работал.

«Где моя жизнь?» – хотел он закричать, но вместо этого произнёс:

– Я всю жизнь откладывал деньги на черный день.

Ему стало страшно. Он взглянул на свои ноги, тело и обнаружил с ужасом, что превратился в лошадь. Женщина, выглядевшая знакомой, вошла в комнату, взяла его за поводья, а мальчика за руку, и повела обоих к обеденному столу. Он стоял на старых пошатывающихся ногах и жевал сено, отупело смотря на женщину и мальчика.

– Если начнешь много работать, – обратилась мама учительским тоном к мальчику, – то будешь, как папа, вдоволь есть отменное сено. А пока ты его не заслужил.

– Но я хочу сейчас, – обиделся мальчик и заплакал.

– Нет, – твердо отрезала мама. – Ты должен много работать, чтобы заслужить.

Утро отчаянно билось в окно, пытаюсь пробудить их к жизни. Это было не просто – добудиться до людей, усыпленных буднями. Попытка оказалась успешной, и солнечный свет, упавший на бледное лицо Розы, пошевелил волосы в ее чувствительном ко всему съедобному носу.

– Сэм, Сэм, – прошептала Роза, толкая мужа кулаком в пах что есть силы, – просыпайся, пора на работу.

– Не люблю работу, – буркнул Сэм и, резко развернувшись, хлопнул Розу рукой по щеке. Затем чихнул и заснул глубоким сном.

– Тебе надо принимать три таблетки вместо одной, – изо всех сил прокричала Роза ему в ухо, приподнимаясь на кровати.

– Не ори, – заорал проснувшийся Сэм. – Я уже принимаю пять.

– Тогда беги к доктору Заку, – продолжала вопить Роза. – Пусть сменит лекарство.

Он открыл глаза, отпихнул навалившуюся всем телом Розу и посмотрел отсутствующим взглядом в потолок.

– Что опять? – поинтересовалась она, отыскивая глазами многочисленные баночки с таблетками, обычно разбросанные на полу возле кровати.

– Не могу найти смысл в жизни, – пожаловался Сэм. Роза увидела, как из его правого глаза выкатилась большая слеза, окрашенная во все цвета радуги.

Последний раз она видела радугу, когда была маленькой девочкой. Тогда папа взял ее с собой на рыбалку. Воспоминание было приятным: Роза улыбнулась в первый раз за много лет.

– Тебе на меня наплевать, – выразил Сэм категоричное мнение, смотря на ее улыбку. Но она не слышала: мысленно она пребывала в прошлом.

Наконец Роза обратила внимание на его озлобленную физиономию, и улыбка исчезла с ее лица.

– Попробуй большие красные таблетки, – посоветовала она. – Разломай на половинки, чтобы легче проглотить, и запей соком.

– Жизнь – бессмысленна, – продолжал Сэм, из его глаз капали крупные слёзы.

– Тогда прими зеленые, – предложила она, – вот, – протянув руку вниз к полу, Роза достала баночку. – Я в прошлом году принимала, и все было хорошо. – Она посмотрела на часы: «Сэм, вставай, опоздаешь на работу».

Сэм медленно встал, согнувшись от непонимания смысла жизни. Он подошел к окну, взглянул на него потухшим взглядом, облизнул зеленым языком желтые зубы и прошептал: «А почему небо синее?»

Роза испугалась. Она не могла представить, какие таблетки могут помочь человеку, задающему подобные вопросы. Вскочила с кровати и, схватив телефон, лихорадочно набрала номер доктора Зака.

Он поднял трубку.

– Доктор Зак, доктор, – в отчаянии быстро заговорила Роза. – Я не знаю, что делать, он совсем плох. Только что спросил, почему небо синее.

– Удвойте дозу крезака, – посоветовал доктор. – Возможен запор, так что посоветуйте пить больше воды.

– Я уже утроила дозу, доктор Зак. Не действует, – она плакала. – Я боюсь, что он бросит работу и будет делать, что хочет.

– А что он хочет? – поинтересовался доктор Зак, жуя бутерброд с ветчиной.

– Думать о смысле жизни. Днем и ночью.

– Приведите его ко мне, – доктор с жадностью питона проглотил громадный кусок ветчины.

Роза потащила Сэма к доктору Заку, который в это время сидел в кресле и обдумывал новую технику астральных путешествий.

– М-да, – начал доктор Зак, вежливо указав на два кресла перед письменным столом. – Итак, – продолжил он, глядя на бледного, задумчиво ковыряющего пальцем в носу Сэма, – все не имеет смысла, верно?

– Верно, – согласился Сэм и стал нервно кусать ногти на правой ноге.

– Мир вокруг, – доктор Зак сделал паузу, как будто обдумывал что-то, – мир абсолютно бессмысленный, правда?

– Конечно, – подтвердил Сэм.

– По крайней мере, вы не можете найти смысла в происходящем. Все – хаос, – заключил доктор Зак.

– Да, – кивнул головой Сэм. – Вы меня хорошо понимаете, доктор Зак.

Роза заплакала. Она посмотрела на часы и увидела, что Сэм опоздал на работу на несколько часов. Было ощущение, что кто-то безжалостно вынимает деньги у неё из кармана.

– Всё – дерьмо, – доктор Зак смотрел на Сэма ясными проницательными глазами понимающего психиатра и знатока человеческих душ.

– Конечно, – Сэм обронил слезу на копошащегося на полу муравья.

– Сумасшедший мир, – доктор Зак глубоко вздохнул, встал и, подойдя к окну, открыл форточку. Свежий воздух ворвался в офис, принеся оптимизм. Роза перестала плакать и с надеждой посмотрела на доктора.

– Мы попробовали все лекарства, – доктор поправил на носу очки, лежащие на столе. – Но, по моему, проблема смысла жизни настолько неразрешима, что можно применить электрошоковую терапию.

– Доктор, – Роза кинулась ему в ноги, – что угодно, только помогите.

Сэм безучастно смотрел перед собой, где ясно видел бессмысленность жизни. Ему несколько раз стукнули электричеством по голове, и прямо из больницы он побежал на работу. Он опоздал всего лишь на два дня. Роза была довольна, потому что Сэм сможет остаться в один из дней подольше и вернуть потерянные деньги. Сэм с удовольствием сидел за рабочим столом, пытаясь понять, чем же он доволен. Но потом махнул рукой.

«Это работа доктора Зака, – подумал он. – Пусть он с этими эмоциями и разбирается».

Джек проснулся глубокой ночью и долго лежал в темноте, что-то высматривая. С большим энтузиазмом вскочив с кровати, натянул на ноги приготовленные с вечера резиновые сапоги, схватил удочку, лежащую рядом, нащупал червячка в кармане пиджака и побежал в ванную. Она уже была доверху наполнена водой. Пробегая по комнате, он прихватил стул и вихрем вернулся, одержимый желанием поймать рыбу. Сев на стул, он быстро забросил удочку дрожащими от нетерпения руками и уставился на поплавок, спокойно плавающий на поверхности воды. Поплавок слегка качнулся вправо, потом – влево, но оставался на месте. Джек нервно дергал ногами, чихал и вытирал сопли руками. От волнения его лицо и шея покрылись красными пятнами, что делало его похожим на недоваренного рака.

Жена Джека Лиля внезапно проснулась и почувствовала себя хорошо. Она попыталась понять, почему ей так хорошо и увидела, что Джека нет в постели. Лили вскочила и стала бегать по комнате с криком: «Джек, Джек! Почему не спишь? Надо спать. Я волнуюсь».

Она была страшно удивлена и взволнована, что его нет в кровати. Джек спал всегда как убитый, утомленный бесчеловечным капиталистическим трудом и высокими моральными требованиями Лили. Наконец она добралась до ванны, открыла дверь и увидела на стуле перевозбужденного Джека в резиновых сапогах до бёдер. Из открытого от азарта рта на пол капала слюна, настолько Джек был поглощен поплавком, лениво двигающимся на гладкой поверхности воды. Очарованный рыбной ловлей, он не заметил жену.

Внезапно поплавок задвигался быстрее, еще быстрее, отчето Джек стал вращаться на стуле. Руки у него задрожали, напряглись, и он приготовился дернуть леску. Лили укоризненно посмотрела на Джека, на удочку, снова на Джека и на удочку, на быстро движущийся и временами уходящий под воду поплавок, и прохрипела суровым голосом, в котором вибрировало осуждение:

– Джек, ты сумасшедший. Чем ты занимаешься в два часа ночи? Ты не понимаешь, что, если не пойдешь спать, то не сможешь завтра функционировать на работе.

Джек внезапно подскочил на стуле и сделал быстрое, нервное движение, как будто собирался выдернуть крючок из воды. Он был похож на голодного медведя, пытающегося поймать лосося в горной речке.

– И начальник, – продолжала Лиля невозмутимым тоном, – будет зол, что ты заспанный.

Она помолчала с минуту, глядя то на Джека, бегающего взад-вперед вдоль ванны, то на утонувший в воде поплавок, а потом добавила:

– Ты ведь знаешь, Джек, как нехорошо, когда начальник недоволен. Тебя не повысят.

Джек вскрикнул и что есть силы потянул за удочку. Лиля смотрела внимательно, как Джек отчаянно пытался что-то вытащить, и продолжала монотонным усталым голосом, пытаясь воззвать к его здравому смыслу:

– Они бы платили больше, если бы ты приходил на работу выспавшимся и хорошо выполнял обязанности; мы бы отложили немного денег и поехали в отпуск, где ты мог бы наслаждаться рыбалкой.

Джек фыркнул и стал отчаянно брыкаться, пытаясь вытащить сильную рыбу, тащившую его в воду. Вода плескалась через край, и Лиля, мокрая от брызг, плакала:

– Я боюсь, тебя уволят. Пожалуйста, иди в постель.

Рыба оказалась больше и сильнее, чем разум мог предположить. Джек тяжело дышал, стараясь не захлебнуться водой, стремившейся проникнуть в нос, рот и уши. Лицо стало жутко красным, вены на шее вздулись. Казалось, он вот-вот взорвется.

– У тебя давление, – продолжала Лиля, – иди в постель. Ты должен быть свежим на работе. Твой приятель, Изя, был выдвинут на руководящую должность, потому что приходил утром выспавшимся. Он идет спать рано и просыпается свежим и энергичным, чтобы работать больше и продуктивнее.

Джек вскрикнул истерически в последний раз и полностью исчез. Лиля посмотрела на поверхность воды и в глубине увидела лицо. Оно было бледным и испуганным. Джек пускал

пузыри и, выпучив глаза, мотал головой из стороны в сторону, пытаясь что-то сказать жене, но только проглатывал воду, которая большими волнами выплескивалась через край. Лиля с печалью в глазах смотрела, как Джек боролся за жизнь.

– Джек, – плакала она, – иди в постель. Тебе надо выспаться. У нас долг за дом, двое детей в колледже, две машины. Пожалуйста, иди в постель.

Джек лежал на дне ванной, примирившийся с судьбой, со спокойным выражением лица. Мокрая Лиля продолжала считать вещи, которые они имели, хотели бы иметь, если бы были деньги и не хотели бы иметь, если бы не было денег.

– Джек! – истерически крикнула она, внезапно поняв, что муж утонул. – Джек! Где страховка на жизнь? Скажи немедленно. Ты ее никогда не показывал. Господи! – она взволнованно забегала по ванной, – как ты мог? – Как мог уйти и ничего не сказать?! – Она упала на кафельный пол и стала истерически биться в конвульсиях, не забывая рвать на ногах волосы.

Внезапно Джек выскочил из воды, посмотрел на часы и закричал, выплёвывая рыбку чешую:

– Господи, уже три часа ночи, а я не сплю. Я же не высплюсь. Как я смогу работать? Они не дадут повышения. Нет. В постель. Завтра я должен быть свежим.

Он пулей выбежал из ванной и с разбега, прямо с удочкой и в резиновых сапогах, прыгнул в постель.

– Спасибо, Господи, – поблагодарила Всевышнего Лиля.

Внезапно громадная рыба вынырнула из ванной и, взглянув на Лилю, плюнула хлоркой:

– Дай ему снотворное, а то он так перевозбужден, что не заснет. А если не заснет и придет невыспавшимся, то не получит повышения.

Лиля вместе со снотворным прыгнула в постель, прижалась к резиновым сапогам Джека, поцеловала удочку и погладила красноватую щеку в рыбьей чешуе. Она заметила, что он беспокойно дергает ногами.

– Что случилось, Джек?

– Тоска! Так мечтаю об отпуске! Вот тогда, наконец, порыбачу.

– Для этого, – учительским тоном сказала Лиля, – ты должен больше работать и лучше спать.

Доктор Зак сидел за письменным столом и писал что-то, интенсивно пытаясь понять, что же он пишет. Попытки были безуспешными, мысли ускользали, стремясь убежать на природу, в глубину рек и гор, в долины, где можно освежиться, улыбнуться, сбросить пыль надоедливой цивилизации и вздохнуть полной грудью, готовой к приключениям.

Дверь тихо открылась, пациент подбежал к креслу, прыгнул в него и чихнув, устался в пол. Чих вернул доктора Зака к реальности, воткнув его умные не монгольские глаза в сидящего напротив больного.

– Здравствуйте, – поприветствовал доктор, – что вас привело ко мне?

Пациент посмотрел на врача, на пол, на потолок, на врача, потом закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул и, открыв их снова, устался в пол.

– Извините, – кашлянул доктор Зак. – Вы не могли бы сказать, что вас привело?

Пациент молчал, не двигаясь. На его лице появилась улыбка и внезапно исчезла. Затем лицо приняло плачущее выражение, снова сменившееся улыбкой.

– Извините, – доктор продолжал кашлять, – у меня очередь. Там больные ждут. Если вы не чувствуете, что можете говорить, то я вас с радостью выслушаю в следующий раз.

Пациент, казалось, не обратил внимание на замечание доктора, а, возможно, даже его не слышал. Он продолжал сидеть неподвижно в кресле, ковыряясь в носу двумя руками одновременно, уставившись в какую-то точку в пространстве прямо перед носом у доктора Зака.

– Та-ак, – протянул доктор Зак.

Он провел еще минут пять с пациентом, уговаривая его то начать говорить, то покинуть офис. Но тот не обращал на доктора внимания. Наконец доктор Зак решил вызвать полицию.

– Вот, – он взволнованно указал художественно вылепленным пальцем на сидящего в кресле. – Ничего не говорит и не хочет уходить. А у меня, знаете, больные...

– Где? – удивился полицейский, подозрительно крутя головой.

– Да вот же! – доктор продолжал тыкать пальцем в кресло.

Полицейский посмотрел на кресло, на доктора Зака, на кресло, опять на доктора, затем почесал нос, и прошептал:

– Никого не вижу, доктор.

Врач внимательно посмотрел на полицейского, думая, что тот шутит. Однако полицейский выглядел вполне серьезным и, в свою очередь, посматривал подозрительно на него. Доктору показалось, что служитель закона не очень хорошо себя чувствует.

– Вы уверены, что вам не нужны очки? – спросил он.

– Нет, – уверенно ответил полицейский. – А вам?

– Мои очень хорошие. – Доктор поправил их, подняв с кончика носа немного повыше.

– Вот он, – доктор Зак кивнул курчавой длинноносой головой в сторону кресла, – вот он, спит.

– Ничего не вижу, доктор Зак, – возразил полицейский. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Хорошо, – уверил его доктор. – Я хочу вас попросить увести его из офиса, чтобы я смог принимать других пациентов.

– Ладно, – кашлянул полицейский, убедившись, что с доктором происходят странные вещи. – Но мне нужна помощь. Я не могу сделать это сам.

– Я могу помочь, – с готовностью согласился тот.

– Вы отдохайте, – полицейский позвонил куда-то.

Доктор Зак заподозрил, что тот все еще никого в офисе не видит, и ему, доктору Заку, не верит.

– Вы в самом деле никого не видите? – доктор Зак стал сомневаться в его здравом уме.

– Что вы, что вы, конечно, вижу, – соврал полицейский, пытаясь успокоить взволнованного, явно нервнобольного доктора.

Дверь открылась, и в комнату вошли два санитара. Полицейский подошел к одному из них и тихо произнес:

– Доктор не очень хорошо себя чувствует. Ему кажется, что в кресле напротив письменного стола сидит пациент.

– Вот этот? – спросил санитар, показывая рукой в сторону кресла.

– Где? Кто? – поинтересовался другой санитар, тоже посмотрев в направлении кресла.

Доктор Зак глубоко вздохнул, задумчиво пошевелил левым ухом и с выражением произнес:

– Все в мире относительно. Некоторые люди видят некоторые вещи, а некоторые люди их не видят.

Он прислушался к своей фразе и остался доволен ее философской глубиной.

– Почему? – любопытствовал полицейский, только что осознавший, что находится в психиатрическом офисе.

– Потому что у всех – разный опыт в раннем детстве, – задумчиво пояснил доктор Зак. – К тому же, – продолжал он, – наше подсознание временами прорывается в сознание и совершает там революционный переворот, окрашивая реальность в нереальные тона, и наоборот.

– Я устал, – тихо сказал один из санитаров и лег на психоаналитический диван. Он расслабился, глубоко вздохнул и приготовился заснуть.

– Расскажите мне, пожалуйста, о вашем сне вчера ночью, – попросил его доктор Зак, подойдя ближе к кушетке.

– Вы знаете, – ответил санитар, – у меня исчезли сны с тех пор, как я начал принимать антидепрессанты.

Он достал из кармана баночку с таблетками, высыпал на ладонь пригоршню и проглотил все сразу, запив слюной.

– А что вы принимаете? – поинтересовался полицейский, тоже глотая таблетки.

– Я вам еще нужен? – внезапно спросил пациент, молча и неподвижно сидевший до сих пор в кресле.

– Это хорошие лекарства, – объяснил доктор Зак санитару и полицейскому, которые прислушивались к продвижению таблеток вниз по пищеводу.

– Вчера ночью, – стал рассказывать санитар, лежащий на кушетке, – я видел акулу, которая хотела меня съесть.

– А я часто хожу в туалет, – пожаловался доктору первый санитар, – и все от этих таблеток.

– А я от них чешусь, – тоже пожаловался полицейский.

– А что вы думаете по поводу вашего сна про акулу? – поинтересовался доктор Зак у лежащего.

– Вы меня извините, – попытался вмешаться в разговор пациент в кресле, – но если я вам не нужен, тогда я пойду.

Пациент чувствовал, что его игнорируют, и обижался.

– Прими какуюнибудь таблетку – и больше не будешь видеть акул, – посоветовал полицейский лежащему на кушетке санитару.

– Я ничего не понимаю, – признался пациент и встал с кресла. – Что здесь происходит?

Доктор Зак проснулся и посмотрел на больного, сидящего перед ним.

– Я не понимаю, что происходит, – говорил тот. – Все бегут, бегут, бегут... Глодают таблетки, от которых бегут еще быстрее. А куда они все бегут?

Доктор Зак задумался. Он не знал ответа, но знал психиатрию, а точнее – лекарства, а еще точнее – лекарство. Он не знал, как оно действует, но знал, что действует, а это самое главное. Он даже не мог себе представить, что было бы, если бы оно не помогало. Мир, наверное, остановился бы.

Было великолепное утро – замечательное, неповторимое, прекрасное. Сэм проснулся в теплой, мягкой постельке, от которой давным-давно не получал удовольствия. Тихо встав, он подошел к окну, открыл его, выглянул наружу и вдруг почувствовал, как у него перехватило дыхание. Внезапно открылся потрясающей красоты восход солнца. Малиново-красный шар забрасывал голубое небо чудесной краской, от которой на душе у Сэма стало так тепло, что перестали болеть ноги, уставшие от бессмысленного бега по лабиринтам однообразных будней.

Сэм стоял, не мигая, без единой мысли в голове, чувствуя, что полностью растворился в свежести, подаренной счастливым случаем. Он простоял долго, совершенно забыв про время, долбящее голову мыслью, что жизнь продолжается, что ждут заботы, тревоги и волнения, уже построившиеся возле кровати, как взвод солдат, ожидающих приказа: «За мной. В атаку».

Жена Сэма Бася подошла сзади в сильном волнении, почувствовав, что с ним что-то не в порядке. Вместо того, чтобы решить, какой дом следует купить, чтобы сдавать жильцам, он стоял и смотрел непонятно куда, думая непонятно о чем.

– Сэм! Сэм! – взволнованно протрещала Бася. – Ты не заболел? Куда ты смотришь?

Но Сэм не слышал. Он внезапно понял, что видит восход солнца в первый раз за пятьдесят пять лет. Он был шокирован, растерян, подавлен. И теперь, сам не свой, с трудом стоял на пошатывающихся от возбуждения ногах, не понимая, как это могло случиться. Бася заметила у него на глазах слезы и, рванувшись к телефону, стала лихорадочно набирать номер доктора Зака.

Доктор потребовал немедленно привезти Сэма в офис. Через пять минут они сидели в кабинете. Бася с надеждой и подбострастным восхищением смотрела на доктора, который в задумчивости почесывал нос искусанным карандашом.

– Ничего страшного, – обратился доктор Зак к Басе. – Он заметил, что в первый раз в жизни видит восход солнца.

На лице Сэма застыло выражение изумления, наводящее ужас на Басю. Как будто открыв неведомую истину, он уверенно смотрел перед собой, что приводило Басю в еще больший ужас, потому что она не могла вообразить, что Сэм способен что-то делать уверенно. А зачем-тогда нужна она, Бася?

– Доктор Зак, – заволновалась она, – пожалуйста, дайте ему таблетку, чтобы он вернулся в нормальное состояние, ведь у нас запланировано столько дел: и машину починить, и в магазин съездить...

Она стала перечислять миллионы дел, и доктор почувствовал, что засыпает. Доктор прервал:

– Вчера, – сказал он, – у меня была столетняя женщина, которая поняла вдруг, что никогда не нюхала цветы. Она их в первый раз понюхала, когда из-за потери памяти заблудилась в лесу и оказалась на полянке с лютиками и ромашками.

– Я никогда раньше не видел заката, – Сэм внезапно погрузился и глубоко вздохнул. – Я думаю, что прожил жизнь бессмысленно.

– Одну таблетку на пустой желудок после еды, – доктор стал что-то писать на рецептурном бланке.

– Я бы хотел повернуть жизнь назад, – Сэм с надеждой взглянул на врача.

Бася покрылась красными пятнами. Казалось, что она вот-вот разрыдается.

– Я бы хотел прожить другую жизнь, – продолжал Сэм депрессивным тоном.

– Нет, – психиатр разорвал первый рецепт и стал писать второй, – две таблетки натошак.

– Спасибо, доктор Зак, – тихо всхлипывала Бася, кусая ногти.

– Вы когда-нибудь видели восход солнца? – пациент внезапно поднял глаза на доктора.

– Если у вас будет расстройство желудка, не обращайтесь внимания, – доктор Зак протянул рецепты. – Это побочный эффект.

Следующие несколько дней жена кормила Сэма таблетками. Он перестал просыпаться рано и вскоре забыл про восход.

По какой-то странной причине история с восходом солнца задела в голове у доктора Зака и мучила его в те редкие моменты,

когда он позволял себе остаться наедине с самим собой. Поэтому он решил перестать принимать лекарство и однажды, проснувшись рано утром, увидел восход. Доктор стоял перед окном, высунув язык, и дышал шумно и часто. Он ощутил, как неприятное, вязкое чувство, похожее на страх, поднимается снизу, пытаясь пробраться в мозг, очарованный красочным светом. Доктор почувствовал страшное беспокойство оттого, что вот-вот потеряет то, к чему привык за долгие годы, что было ему знакомо, хотя временами плохо пахло, и приобретет нечто абсолютно прекрасное, но готовое поставить жизнь с ног на голову и внести в неё изменения, к которым он не готов.

Рванувшись на кухню, он проглотил двойную дозу лекарства, быстро оделся, выпил кофе, послушал новости обо всех убийствах в мире, и, сев в машину, поехал на работу. Солнце слепило глаза. Он опустил козырек, чтобы его не видеть. По крайней мере, на время.

У мальчика по имени Ги не было друзей. Кто-то давно сказал ему, что каждый человек должен иметь друга, но этот кто-то забыл объяснить, как друг должен выглядеть. Высокий или низкий, умный или глупый, откровенный или нет, добрый или злой. Ему не сказали, придет ли друг на помощь, когда тебе плохо, и будет ли он тебе другом, когда тебе намного лучше, чем ему. Ги не мог найти ответа. По ночам он фантазировал, представляя, каким должен быть друг.

В его воображении возникали образы: смешные, забавные, кружащиеся, танцующие фигурки с добрыми лицами. Фигурки звали поиграть с ними. Он мысленно протягивал руки, но они все время убегали вдаль, в темноту – только затем, чтобы прибежать назад и, словно дразня, уговаривать поиграть с ними.

Ги пытался найти друга и приставал к людям, говоря: «Хочешь быть моим другом? Будем вместе играть».

Но ни дети, ни взрослые по странной причине не хотели с ним дружить. И он чувствовал себя одиноко.

Однажды он поклялся себе, что найдет человека, который сказал, что у него должен быть друг. И расспросит подробно, как друг выглядит, чтобы не тратить времени на пустые поиски. Он помнил о человеке, что у того было две руки, две ноги, голова и что-то еще, что делало его особенным. Ги потратил долгие дни и ночи, пытаясь вспомнить, кто же это был, и, наконец, вспомнил: этот некто был его отцом. Это немного облегчало задачу: необходимо было разыскать женщину, которая его, Ги, родила. Она, может быть, догадывалась, где находится отец. Ги знал, что женщина живет в соседней комнате, готовит еду и иногда гладит его по голове со словами: «Бедный мальчик».

Ги решил непременно зайти в соседнюю комнату и разыскать женщину, которая его родила. Он открыл дверь, переступил порог – и увидел ее. Она стояла спиной к нему, возле окна и чихала на солнце.

– Я хочу видеть папу, – произнес мальчик с надеждой в голосе. Женщина повернула к мальчику лицо, подошла ближе, наклонилась и внимательно взглянула ему в глаза.

Он посмотрел вокруг и увидел перевешенные через спинку стула мужские трусы, галстук, валяющийся на ковре, и пачку сигарет на кровати. Ги услышал, как вдалеке кто-то пукнул, а затем раздался звук спускаемой воды.

Женщина взяла его за руку и повела вниз по лестнице, на улицу, где он увидел множество людей,двигающихся в разных направлениях. Мимо них быстро прошла молодая женщина; она улыбалась. Ги спросил у нее, почему она улыбается. Он точно знал, что она ненавидит работу и мужа. Женщина остановилась на мгновение, бросив быстрый взгляд на мальчика, и по этому взгляду Ги понял, что он прав.

– Простите, – извинилась женщина, родившая Ги, – сын немножко болен. Мы торопимся.

Она быстро и сильно потянула его за руку в сторону. В отделении было шумно, пахло лекарствами, медсестры шныряли туда-сюда между больными, бродившими по коридору в серых халатах и черных тапочках.

Доктор Зак подошел к женщине, державшей Ги за руку.

– Снова? – поинтересовался он

– Да, – женщина смотрела на доктора с надеждой. Медсестра взяла Ги за руку и привела в небольшую комнату с решеткой на окне. Он сел на кровать, аккуратно застланную шершавым серым одеялом. Сестра сделала укол в руку, и он уснул. Когда Ги проснулся, было темно, и он уснул опять. Когда Ги открыл глаза, то увидел, что все еще темно. Он стал наблюдать за часами и выяснил, что темно двадцать четыре часа в сутки.

Доктор Зак вошел в палату и улыбнулся.

– Как вы можете улыбаться, – спросил Ги, – когда вокруг темнота. Разве вам не страшно?

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался доктор, размышляя о нарушении восприятия при шизофрении.

– Всюду темнота, доктор Зак, – объяснил Ги, сидя на кровати, по турецки поджав ноги.

– Тебе страшно? – полюбопытствовал доктор.

– Конечно, – подтвердил мальчик. – Страшно, что кроме меня никто темноту не видит.

«Очень, очень типично для болезни», – подумал доктор Зак.

– Я за вас беспокоюсь, – прошептал Ги, озираясь по сторонам.

– Почему? – наивно удивился доктор.

– Вы считаете, что кругом свет, и поэтому можете споткнуться и упасть.

– Не беспокойся, – уверил доктор Зак с улыбкой на лице. – Я буду в порядке.

У доктора было хорошее настроение. Сегодня он должен был получить недельный чек.

– А почему у вас, доктор, тоска в глазах и сухая кожа?

– Это не тоска, – доктор Зак открыл правый глаз пошире. – Я ношу оптические линзы. А насчет кожи ты прав. Я должен пить больше воды.

Внезапно Ги увидел за спиной доктора женщину с грязными седыми волосами. Она пахла ржавчиной, а пальцы на руках были скрючены, как рыболовные крючки. Доктор Зак обратил внимание, что мальчик увидел что-то у него за спиной, резко обернулся, но ничего не заметил.

Ги внезапно стало скучно разговаривать с доктором, и он уснул.

«Да, – подумал доктор Зак. – Типичный психоз». Он пощупал кожу и решил немедленно пойти к врачу. Доктор Зак помнил, что у отца, перед тем, как тот умер в сто два года, кожа была суховатая.

Когда Ги проснулся, он увидел, что темноты больше нет. Проникнув сквозь решетку, солнечный луч бил в пол, играя тенями на зеленоватой стене. Медсестра зашла в палату, окинула мальчика оценивающим взглядом и наконец поинтересовалась:

– Все хорошо?

– А что это такое, когда все хорошо? – спросил Ги.

Он сполз на пол, поставил оловянных солдатиков, которых захватил из дома, и стал кидать в них хлебными корочками, которые носил в карманах.

В обед он оказался за одним столом с молодым и пожилым пациентами.

– Тебе надо жениться, – посоветовал молодой пациент пожилому. – Тогда старые проблемы исчезнут.

Пожилой пациент подумал немного, а потом проямлил:

– Я думаю, что старые проблемы останутся, а новые прибавятся.

– А что это такое – жениться? – поинтересовался Ги. Двое пациентов уставились на него.

– Это когда ты любишь когонибудь, а этот кто-нибудь любит тебя, и вам дают бумагу, что вы муж и жена, – объяснила девочка за соседним столом. Она засмеялась. Ги слышал, как медсестра сказала кому-то, что девочка была умственно недоразвитой.

– А если ты когонибудь любишь, но бумаги у тебя нет? – продолжал любопытствовать Ги.

– Тогда тот, кого ты любишь, называется подружкой, – продолжала улыбаться девочка, обсасывая куриную косточку.

– А если ты имеешь бумагу, но никого не любишь? – продолжал сыпать вопросами мальчик.

– Это брак по расчету, – объяснила девочка и, с хрустом расколов косточку, принялась ее жевать.

– А если ты никого не любишь, и у тебя нет бумаги? – не отставал Ги.

– Я думаю, это эгоизм, – с серьезным видом заключила девочка и принялась пить компот.

– А это что такое?

– Это когда ты любишь только себя, – девочка выпила компот и чихнула.

– А если тебя никто не любит? – продолжал допытываться Ги. – Это имеет название?

Все молчали. Кто-то заплакал за столом возле окна.

– А если ты не любишь себя потому, что никто не любит тебя? – Ги продолжал бомбардировку вопросами, одновременно хлебая суп.

– Это называется депрессия, – ответил пожилой пациент. – Можешь спросить доктора Зака.

– Хорошо, – согласился Ги. – А правда, что для того, чтобы не было депрессии, ты не должен никого любить и не должен иметь никакой бумаги?

– Я хочу, чтобы он убрался из моей жизни, – крикнула женщина в белом платье за соседним столом, глядя на ложку для супа.

– А что будет, если он исчезнет? – поинтересовался Ги.

Женщина пристально посмотрела на мальчика, а затем стала громко чавкать.

После обеда Ги отправился в палату. Только он прилег, как появилась женщина, которая его родила. Она села на кровать, посмотрела на свой обвисший живот, затем глубоко и печально вздохнула.

– Доктор Зак объяснил, что тебе необходим отдых.

– А что такое отдых? – поинтересовался мальчик.

– Господи, – прошептала она, шмыгнула носом и вышла из комнаты, увидев, что Ги засыпает.

Доктор Зак заглянул в палату на секунду, убедился, что Ги дышит, и пошел дальше диагностировать пациентов. Мальчик не спал. Он внезапно ощутил, что находится на пороге открытия. Это открытие позволяло ответить на волнующие вопросы. Но ощущение быстро пропало. Ги лежал разочарованный. Он встал, подошел к окну и стал смотреть вниз. Люди спешили...

«Мужчина, женщина. Двое мужчин, трое женщин. Пять женщин и один мужчина, – считал Ги. – Почему они шагают в таком порядке?» – никак не мог он понять.

Птица, похожая на ворону, села на подоконник с другой стороны окна. Она была одна; Ги тоже был один.

«Может быть, она и есть друг? – с надеждой и тревогой подумал Ги. – Может быть, папа имел в виду птицу? У нее нет рук, но зато есть голова с крыльями. И даже две длинные ноги».

Птица внимательно посмотрела на Ги, склонив голову сначала направо, потом – налево, а затем изо всей силы ударила клювом по стеклу. Ги ударил по окну рукой. Птица взмахнула крыльями и, помахав ими, подпрыгнула в воздухе. Медсестра зашла в палату, чтобы сделать укол. Но, к радости Ги, не смогла его там обнаружить. Никто его не мог найти несколько лет.

Женщина, родившая Ги, уехала далеко и родила там кого то еще. Доктор Зак сделал пару научных открытий в психиатрии и теперь работал в двадцати местах, зарабатывая большие деньги, диагностируя всех подряд и раздавая лекарства

мешками направо и налево. Он чуть не женился на женщине с пальцами-крючками, от которой пахло ржавчиной. Пожилой пациент из столовой женился. Молодая жена забрала деньги, а его устроила в дом престарелых, где он поливал цветочки и ел куриный суп с вермишелью.

Молодой пациент тоже женился, и его проблемы удвоились. Ги и птица подружились и проводили вместе много времени, веселясь и играя в разные игры, но однажды птица улетела и не вернулась. Вскоре он увидел ее во сне, где она призналась, что нашла друга, который не задает такого количества глупых вопросов. Мальчик ждал ее долго, надеясь, что она разочаруется в новом друге и тогда вернется к нему. Но время бежало, а ее не было. Наконец, Ги устал ждать и отправился на поиски нового друга. Одновременно он стал искать отца. И однажды увидел его. Это был маленький мальчик, который играл с машинкой в песочнице. Ги точно знал, что это отец.

– Папа, папа, – позвал он, – это я, Ги.

– Давай сюда, – пригласил мальчик, прыгая в песочнице. Ги сидел рядом некоторое время и наблюдал, как тот играет, а потом сказал:

– Я ищу друга всю жизнь.

– Не хочешь поиграть в футбол? – поинтересовался мальчик, взглянув на Ги.

– Конечно, – согласился Ги, – но сначала скажи, кто мой друг?

– А ну-ка, иди сюда! – послышался истерический женский вопль за спиной. Женщина подбежала к мальчику и схватила его за руку:

– Я тебя целый час ищу, – продолжала она кричать. – Я была уже готова в полицию звонить. Пошли, – она потянула ребёнка за собой. Мальчик упирался, что есть силы, пытаясь остановиться. В его глазах стояли слезы.

– Подождите! – крикнул Ги. – Я его искал всю жизнь, а вы собираетесь его сейчас вот так увести.

Он схватил мальчика за другую руку и потянул к себе. Женщина на мгновение растерялась.

– Кто ты такой? Где твои родители? – прохрипела она и потянула сына к себе.

– Он мой отец, – крикнул Ги что есть силы. – Отдайте! – Ги продолжал тянуть мальчика.

Ребенок заплакал. Ги подбежал к женщине и толкнул ее обеими руками. Она пошатнулась и упала на траву. Ги с мальчиком долго бежали. По снегу, по смятым осенним листьям, по журчащей весенней речке, по зеленой сочной траве. Казалось, их бег длился вечность. Ги был счастлив, что, наконец, нашел отца, который и есть его лучший друг.

Вдруг он почувствовал, как кто-то тянет его назад, не давая возможности бежать. Он обернулся и увидел женщину, которая его родила. Он заметил, что у нее появилось больше седых волос. Она стояла в больничном коридоре и разговаривала с доктором Заком, который выглядел вечно молодым.

– Я хотела бы забрать Ги на пару дней, чтобы он посетил бабушку. Она тяжело больна и не может двигаться, – говорила женщина.

– Не рекомендую вам это делать, – тихо произнес доктор, не желая, чтобы Ги услышал. – У него сейчас галлюцинации. Лекарство еще не начало действовать в полную силу.

Ги подошел к ним и, посмотрев в оптические линзы доктора, заинтересовался:

– Доктор Зак, а у вас есть друг?

– Конечно, – ответил тот, – есть люди, с которыми я учился в школе, в колледже; с которыми я работаю.

– Нет, – поправил его мальчик, – друг. У вас есть друг?

Доктор Зак улыбнулся широкой улыбкой психиатра.

– Ги, – попросила женщина, которая его родила, – дай поговорить с доктором.

– Если все они ваши друзья, – продолжал Ги, – то вы должны быть счастливы.

– Я счастлив, – уверенно произнес доктор Зак. – Я очень счастлив. – Его линзы блеснули.

– Может быть, вы мой друг? – мальчик с надеждой посмотрел на доктора.

– Ги, – попыталась одернуть его женщина.

– Конечно, – заверил его доктор Зак. – Я – твой друг.

Он взял мальчика за руку. Доктор выглядел дружелюбным и откровенным. Ги хотелось ему верить.

Он вернулся в палату и постарался заснуть. Доктор Зак вскоре расстался с женщиной, которая родила Ги, подошел к сестре и сказал:

– Я увеличиваю дозу для Ги. Пожалуйста, дайте ему полдозы сейчас, а все остальное – перед сном. Надо что-то делать. Эти галлюцинации! А навязчивое желание иметь друга?!

Женщина, родившая Ги, шла домой. На душе у нее было спокойно. Она знала, что Ги не пропадет в надежных руках доктора Зака.

Доктор Зак задумчиво сидел в кабинете, мечтая об интересном пациенте. Хотелось услышать что-то новенькое, остренькое, из ряда вон выходящее; такое, что он еще никогда в жизни не слышал.

Кто-то осторожно постучал в дверь, и доктор интуитивно понял, что сейчас произойдет что-то необыкновенное. Дверь тихо отворилась, и в офис бесшумно и медленно ввалилось нечто, что доктор с большой осторожностью мог отнести к представителям человеческого рода. Конечно, за годы психиатрической практики он многое повидал, но такого еще не встречал. И это так обострило его интерес, что он вдруг почувствовал запах роз. Это было у доктора с детства. Любое из ряда вон выходящее событие сопровождалось каким-то запахом. Пациент пахнул розами. Хотя доктор Зак догадывался, что запах присутствовал только в его, доктора Зака, голове, а не исходил от грязного, обмазанного глиной с прилипшими кленовыми листьями, пациента.

Больной был довольно круглой формы, в которой виднелось едва различимое лицо с двумя маленькими человеческими глазками, большими ушами, прижатыми с двух сторон, как утюгом, к тому, что с натяжкой можно назвать головой. Туловище представляло выпукло-вогнутую структуру с двумя мешками жира по бокам. Нос был похож на картошку с двумя дырочками. Коротенькие ножки с большим напряжением держали на себе не известную науке биомассу.

Пациент подполз к креслу, кряхтя и фыркая, вкатился внутрь и уставился на доктора Зака глазками, в которых были видны страх, испуг, удивление, тоска, непонимание и разочарованность.

– Я убежал, – тихо прошептал он и со страхом оглянулся по сторонам, вращая абсолютно лысой головой, от которой солнечные лучи отлетали, как мячики от пола. Луч света попал в глаз доктора Зака. Тот прослезился, чихнул, вытер лицо носовым платком и повторил:

– Убежали?

– Да-да, – присвистнул пациент. – Они будут меня искать, искать, искать...

Он стал крутиться в кресле, которое затрещало, готовое вот-вот развалиться.

– Откуда вы убежали? Кто за вами гонится? Расслабьтесь. Расскажите все по порядку, – попытался его успокоить доктор Зак. – Чувствуйте себя здесь в безопасности, – он старался придать своему неуверенному голосу убедительный характер.

– Они, они, – пациент протянул толстенную маленькую ручку с коготком на конце и указал на окно. – Они хотели, чтобы я плясал там, в клетке.

С него начали вдруг падать на пол глина, сено и осенние листья; бумажки, осколки стекла и тряпки; окурки, поломанные спички и пустые сигаретные пачки; веревки и куски проволоки, небольшие заржавленные замки и пуговицы; поломанные ножницы, открывалки для пива, отгрызки яблок, несколько долларов, гусиное перо и даже две авторучки.

Доктор Зак посмотрел на все это немигающим взглядом и, с трудом проглотив слюну, протянул:

– Э-э...

– В цирке, – попытался объяснить ситуацию больной, – в цирке, в клетке, я там жил.

– Э-э, – снова протянул доктор, представляя себе, что история больного превзойдет все ожидания. Он заметил, что перед ним сидит пациент с серьезным психическим расстройством, но пока не мог ещё приклеить ему подобающий психиатрический ярлык.

– Расскажите все по порядку, – попросил доктор и вытер ладонью внезапно взмокший лоб.

– Это длинная история, – депрессивным тоном предупредил больной.

– Ничего, – ободрил врач, – у нас есть время.

Пациент внезапно оживился, подпрыгнул в кресле и пробормотал:

– Пожалуйста, не посылайте меня обратно в цирк, в клетку.

Он опять протянул крохотный коготок в сторону окна, за которым, по его мнению, находился громадный опасный мир, грозящий только несчастьем.

– Если они меня поймают, – продолжал больной, роня на пол остатки глины и окурки, – то заставят опять плясать в грязной клетке.

– Конечно, конечно, – доктор Зак старался говорить как можно более спокойным тоном, однако нетерпение и предчувствие необычной истории делали голос неустойчивым. В свою очередь, пациент испытывал к доктору недоверие и постоянно косился то на дверь, то на окно, то на потолок.

– Я Ник, или Ники, – начал пациент. Он немного помолчал, а потом добавил: – Доктор, доктор, мы... мы сумасшедшие. Что происходит? Все давным-давно сошли с ума, но совершенно не замечают, и думают, что нормальные.

Доктор Зак подумал над сказанным и пришел к выводу, что согласен.

– Я жил, – продолжал Ник, – как обычный нормальный сумасшедший. То есть, как человек. Ходил на работу, платил налоги, имел жену, дом, детей, машины. По вечерам любил лежать на диване, есть бутерброды с сыром и смотреть телевизор. В общем, обыкновенная жизнь среднестатистического американского идиота.

Доктор Зак понял, что и здесь разделяет мнение больного. История начиналась довольно интересно. Говорил Ник складно, и доктор вскоре забыл, что тот пациент, а он психиатр. Теперь ему казалось, что перед ним умное существо, рассуждающее о жизни примерно в той же манере, что и он сам. Существо, правда, выглядело странновато. Однако это не умаляло его интеллектуальных способностей.

– Итак, – продолжал Ник, в то время как доктор Зак удобно устроился на стуле, – мы, моя дорогая семья, сидели за обеденным столом часов в шесть вечера, как вдруг я почувствовал, что мои ноги, медленно, но верно отделились от туловища и быстро зашагали по направлению к двери, явно собираясь покинуть комнату как можно быстрее. Это было так неожиданно, что я случайно проглотил вилочку с наколотым на ней куском жирного торта.

«Ноги, мои ноги!» – закричал я что есть силы. Шокированное семейство с открытыми ртами провожало мои ноги, уверенно шагающие к выходу. «Ноги!» – продолжал кричать я, стараясь сползти вниз. Неудачно повернувшись, я упал на пол, ударившись носом о стул, на котором сидела замершая от ужаса жена. Не обращая внимания на боль, я пополз на животе, стараясь поймать наглые ноги, но они уже стояли возле открытых дверей, готовые вот-вот перепрыгнуть через порог и исчезнуть из моей серой будничной жизни навсегда.

Старший сын Боб вошел в комнату, и в то же мгновение ноги юркнули через порог и исчезли в темноте коридора. Все присутствующие сидели с выпученными от недоумения глазами. Младший сын Том первым нарушил тишину, которая, как казалось, будет длиться вечно.

– Папа проглотил мою любимую вилочку! – заплакал он, роняя слезы на пол.

– Не плачь, идиот, – крикнула на него старшая сестра Нора. – Посмотри, – она наклонила его голову, чтобы он увидел мокрое пятно там, куда падали слезы, – ты и твой папочка совершенно не уважаешь мой труд. Я чистила пол целый день, – она взглянула на меня с осуждением, – чтобы ты и твой отец пачкали его. Какая жалость. Только время потеряла! – Она хлопнула себя ладонью по лбу и состроила такое жалостливое лицо, что, казалось, вот-вот заплачет еще сильнее, чем младший брат.

– Я перестал беспорядочно крутиться на животе, – продолжал Ник, – попытался приподняться, но неудачно, и сильно ударился носом о ножку стола. Нора осуждающе продолжала на меня смотреть и, наконец, сказала:

– Мы должны что-то такое придумать, на колесиках, чтобы он не так сильно пачкал паркет.

– Папа, – вмешался в разговор старший сын, – я, – он закашлялся, – конечно, понимаю, что ты не в лучшей физической и умственной форме, но мне необходимо с тобой переговорить с глазу на глаз об одном неотложном деле.

Я открыл рот, чтобы выразить гамму чувств по поводу происходящего, но вместо этого издал странный хлюпающе-

фыркающий звук, потрясший любимую семью до глубины души. Первой бросилась в атаку до сих пор молчавшая любимая жена Фанечка, с которой мы прожили бок о бок столько лет.

– Что? – вскрикнула она истерически. – Что это? Как это? Почему? Отчего? Да как ты мог себе позволить? – Она вскочила со стула и встала надо мной, уперев руки в бока.

Я старался удержать равновесие, поддерживая талию руками, которые соскальзывали вниз, и я падал на пол, каждый раз ударяясь разбитым носом в начищенный паркет.

– Как ты мог позволить им убежать? – продолжала Фанечка на высоких тонах. – Кто теперь будет платить за это? – Она обвела рукой всё, что было приобретено за долгие годы счастливой жизни двух сумасшедших. Жена согнулась пополам и стала плакать навзрыд. Слезы падали ручьем на пол, что приводило Нору в состояние ужаса. Она побледнела, потом посинела и была близка к обмороку.

– Мама, – спокойно произнес Боб, всегда отличавшийся невозмутимостью и хорошо отточенной логикой, – я могу возить папу на работу. Туда и обратно. За десять процентов от его чека.

Боб улыбнулся: ему понравилась эта гениальная идея.

– И я могу, – тихо проговорила Нора, всё ещё на пороге обморока, – если никто не будет пачкать пол.

– А я могу папку возить на велосипеде, – громко воскликнул Том, наш младший. – Если Боб поможет его привязать проволочкой к сидению, чтобы он не соскользнул на повороте. Но только за мороженое!

– Ха, – с сомнением произнес Боб, – а если полиция увидит? Наверняка оштрафуют.

– Почему? – резонно спросили все одновременно. Боб не знал ответа.

Я пыхтел и кряхтел, пытаюсь сохранить равновесие.

– Знаете, что я думаю? – сказал Боб, когда я в очередной раз ударился носом об пол. – Может быть, имеет смысл поискать ноги?

– Позор! Позор! – возмущенно кричала Фанечка, услышав слово «ноги». – Что, если их увидят соседи? Что они про нас подумают? Даже представить себе не могу.

Жена упала и стала биться в истерических конвульсиях нечистой головой о стерильный пол. Я почувствовал, что теряю сознание от страха, и все оставшиеся на моей голове волосы поднялись дыбом. Прямо из копчика, разорвав штаны, торчал маленький симпатичный розовенький хвостик. Хвостик заканчивался спиралькой и выглядел наглым и вызывающим, как бы говоря: «Вот и я, не ждали? Нате, получите!»

– Эй, эй, – закричал младший сыночек, – как забавно! – он стал смеяться и бегать вокруг, издавая ликующие звуки.

– Не волнуйся, мама, – Боб наклонился к жене, у которой рот был забит истерической пеной. – Я знаю хорошего ветеринара. Он позаботится об этой небольшой проблеме.

– А сколько он берет? – Фанечка внезапно перестала биться в истерике, открыла левый глаз и серьезно посмотрела на сына.

– Какая разница, мама? – возмутилась Нора. – Сколько бы ни стоило, хвост нужно удалить. Я не хочу, чтобы люди говорили, что у отца не только нет ног, но еще и хвост. Если нужно, то возьмём деньги в банке, в долг.

– Врача! Врача! – кричал я пронзительно высоким голосом, продолжая фыркать и отдуваться, крутясь туловищем под столом. – Звоните в полицию. Пусть напишут бумагу, что ноги убежали сами, без моего согласия. Это важно для страховки. Иначе не заплатят компенсацию. Что же я буду делать без денег? Жить в доме престарелых? – Я переваливался с боку на бок, уже почти добравшись до двери.

– А разве страховая компания не платит деньги в случае внезапного превращения человека в свинью? – поинтересовался Боб.

– Мы найдем хороший дом престарелых, – попыталась меня успокоить Нора, – специально для людей без ног и с хвостами. Положись на меня. Я обязательно найду, – добавила она, – ты же знаешь, я деловая девушка, и все могу организовать так, чтобы всем было хорошо и спокойно.

– Сколько этот дом будет стоить? – спросила жена, с трудом вставая на ноги и отряхивая юбку от пыли со стерильного пола.

– Какая разница? – снова возмутилась Нора. – Я хочу, чтобы отец чувствовал себя там своим среди своих. И не беспокоился бы о том, что с ним что-то неправильно.

– Спасибо, дочка, – это было единственное, что я мог сказать, чувствуя, что превращение в свинью ускорится.

Вскоре оформились ушки, удлинилось тело, появился большой, плоский, с двумя дырочками носик, я хрюкнул и понюхал Фанечкину ногу, отчего та вскрикнула и, отпрыгнув в сторону, часто и взволнованно задышала.

Было очевидно, что в таком состоянии я больше не смогу вести нормальный разговор с членами любимой семьи, заниматься делами, связанными с бизнесом и выполнять супружеские обязанности.

– Мой Бог! – снова вскрикнула жена, – мы кончены, разорены!

– Черт! – ругнулся Боб. – Так и не успел с ним поговорить о деле.

– Опять хотел денег? – возмутилась Нора, с ненавистью смотря на брата – Мало тебе того, что отец в прошлый раз дал?

– Не твое дело, – огрызнулся Боб. – И вообще заткнись, дура.

– Что? – Нора взмахнула рукой, чтобы ударить его.

Я постарался вмешаться, подкатился поближе к Норе и со всей силы крикнул: «Хрю-хрю».

Жена схватила Нору за руку.

– Достаточно! Нужно получить на него государственное пособие по болезни! – крикнула Фанечка.

– Я слышал, – развивал тему Боб, – что государство не дает пособие по болезни, даже если превратишься в свинью или слона. Но могут дать, если мы сможем доказать, что у него депрессия.

Все посмотрели на меня оценивающим взглядом.

– Я думаю, что у папы наверняка плохое настроение, – сделал он логический вывод.

Я, действительно, был смущен и встревожен случившимся, отчего постоянно хрюкал, фыркал и крутился на месте, нюхая все подряд. Я помню, что даже ощущал голод и пытался погрызть ножку стола.

– Эй! Поглядите! – вскричал Боб. – Он понимает человеческий язык. Давайте отдадим его в цирк!

– Не говори так, – осуждающе заметила жена, – он отец как никак.

Я сконфуженно хрюкнул.

– Эге, – задумчиво произнес Боб. – А, может, переговорить о деле? – Боб схватил меня за ухо и стал тащить по направлению к двери.

– Папа! – закричала Нора. – Не давай ему денег. Лучше мне дай. – Она схватила меня за свободное второе, широкое и плоское розоватое ушко и потащила в обратном направлении. Я пищал, отчаянно дергая всем телом, пытаюсь обрести свободу.

– А ну, отпустите! – закричала жена и, схватив двумя руками за нежный хвостик, со всех сил потянула на себя.

Мой младший сын стоял посреди комнаты, расстроенный и разочарованный.

– Было бы лучше, – плакал он, – если бы мы это отвезли в цирк. А то вы разорвете это на части, и все. А в цирке, – продолжал он, всхлипывая, – нам бы дали за это немного наличных денег, и я бы купил новый велосипед.

Боб был самым сильным в счастливой семье. Он умудрился выхватить меня у остальных, почти оторвав ухо.

Он выбежал из дома и теперь несся по улице, стараясь убежать от остальных, которые с криком пытались его догнать. Я что есть силы затряс головой и вдруг, к своему удивлению и ужасу, почувствовал, что лечу вниз. Мне показалось, что я сейчас умру или уже умер, но еще не осознал. Крики замечательной семьи были уже не слышны, и тут я ощутил сильный толчок в спину. Сделав отчаянное движение всем телом, я открыл глаза и обнаружил, что сижу на кровати в спальне.

– Что случилось, дорогой? Ты так долго спишь, – Фанечка вошла в спальню, подошла ко мне и поцеловала. – Вставай. Мы ждем тебя к завтраку. – Она выплыла из комнаты, не затворив дверь.

Я быстро встал, повинуясь непонятной силе, начавшей руководить мною. Потом, помню, оделся, вышел из дома и сел в машину.

«Что это я делаю?» – спрашивал я себя снова и снова, но не мог ответить. Я медленно ехал вдоль дома и через окно видел любимую сумасшедшую семью, сидящую на кухне и завтракающую утренними макаронами с сыром и маслом. Новый велосипед младшего сына стоял во дворе возле забора, готовый отправить меня в путешествие.

– И тут, доктор... – Ник на секунду замолчал, и его глаза наполнились счастьем, – тут я почувствовал, что мне очень неудобно. Как будто я сидел на яблоке или на большом грецком орехе. Потрогав зад, я задохнулся от удовольствия, потому что явственно нащупал маленький твердый хвостик. Я обнаружил, что машина двигается сама по себе, и вскоре увидел вывеску «Цирк». Вы себе не представляете, доктор, с каким наслаждением я хрюкнул, как это было приятно и естественно!

Я вспомнил маму, которая сказала, когда я был маленьким, еще не полностью сумасшедшим: «Ешь здоровую и полезную пищу. И тогда вырастешь, будешь сильным, у тебя будет замечательная работа, прекрасная жена, великолепный дом и чудные дети. Однажды ты поведешь их в цирк, где они увидят необычных животных».

– Я, доктор, был как в раю. Мне хотелось прыгать, хрюкать, нюхать все подряд, тереться о забор и всех целовать. Я помню, что к машине подошли люди в грязно-серых комбинезонах, вытащили меня наружу, а потом долго несли по темному коридору и наконец посадили на пол пустой клетки. Я оглянулся и увидел множество других клеток, в которых сидели симпатичные поросята, смотрящие на меня с восторгом. Я прилег на сено и, когда уже засыпал, краем глаза увидел младшего сына, получающего деньги от одного из работников цирка.

Я провалился в самый глубокий и спокойный сон в жизни. Помню, что не спал так хорошо, даже будучи ребенком, когда мамочка пела колыбельные песни про светлое будущее. Я никогда не думал, что смогу, наконец, расслабиться, только став свинкой.

Ник замолчал.

Доктор Зак вдруг почувствовал, что ему не хватает свежего воздуха. Он встал, подошел к окну и, открыв его, вдохнул полной грудью. Когда он повернулся, то увидел, что клиент

исчез. Доктор вытер пот со лба, сел на стул и глубоко задумался. Он заметил, что его руки сплошь покрыты черными волосами.

«Обезьяна, – подумал он, – настоящая обезьяна».

Доктор Зак чихнул, почесал ухо, макушку, потом вытащил из кармана яблоко, надкусил его и пошевелил ушами.

«Знакомая история», – думал он, грызя яблоко. В коридоре ждал последний больной. Но доктор Зак не торопился. Ему хотелось побыть одному. В своей клетке.

Доктор Зак, необычно задумчивый для прекрасного солнечного утра, ходил по офису.

«Давай, давай, развейся», – кричало утро доктору, бросая лучики солнечного света в его изучающие, грустные глаза с волококой. Они смотрели на внешний мир, но были повернуты внутрь, где искали ответы на вопросы, которые ставила беспокойная голова. Она вертелась в разных направлениях, таская тело, которое жалобно пищало, жаловалось на боли в пояснице и хронический интеллигентский насморк.

«Эх, – думал доктор, – хорошо бы в баньку, с веничком, водочкой и девочками». Он поймал себя на мысли, что не хочет работать. Мысль была не новой, потрепанной, обсосанной, заезженной, но нереализованной. Мысль считала, что у нее большое будущее. Это рождало надежду, но оставляло тревогу.

Дверь медленно, тихо открылась, и некто-то ли вошел, то ли скакнул, то ли вполз, то ли влетел или вбежал. Некто вроде был человеком, но что-то было необыкновенное во внешности, что отличало его от других двуногих, одноголовых, двуруких пациентов, в последнее время наполнявших жалобами кабинет доктора Зака. Он попытался сосредоточить рассеянное внимание на пациенте и так скорчил рожицу, что его немаленький нос приподнялся по-славянски, а уши, забежав вперед за глаза, сложились в трубочку.

Больной был необычен: зеленые волосы, красноватое лицо, синеватый нос с горбинкой на кончике. Маленькие ушки вращались в разные стороны. Глаза посажены так глубоко, что, кажется, начинаются от затылка. Лицо в волосах, подбородок узкий, острый и чисто выбритый. Из-под длинного чёрного плаща выглядывали белые резиновые сапоги чудовищного размера. Можно было догадаться о наличии двух больших грудей, а может быть, и трех, уверенно поднимающих плащ на высоту подбородка. Ручки маленькие, постояннодвигающиеся, так что складывалось впечатление, что он хочет взлететь.

Доктор Зак чихнул от пыли, которую это нечто внесло внутрь.

– Будь здоров, – вежливо произнес доктор Зак и жестом пригласил вошедшего сесть. Тот прыгнул в кресло, как большой кузнечик и стал быстро тереть нос двумя руками.

– Я могу помочь? – поинтересовался доктор Зак и склонил голову набок подобно умной семитской вороне.

– Меня зовут... – пациент замолчал, – да это не важно. Что важно, доктор, – продолжил он, воткнув три пальца в правую ноздрю и ковыряя там, – важно, что я не знаю, кто я.

Пациент вынул пальцы из носа и с тоской и надеждой посмотрел на доктора, который пытался разобраться в происходящем.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался доктор.

– Да вот, – начал объяснять больной, – я не знаю, мужчина я или женщина. Временами ощущаю себя мужчиной, то есть хочу нянчить детей, готовить еду, стирать белье, а временами кажется, что я женщина, и тогда хочется быть агрессивным, добиваться повышения на службе, зарабатывать хорошие деньги, заниматься боксом и поднятием тяжестей. А иногда тянет и тяжести поднимать, и детей нянчить, и деньги зарабатывать, и белье стирать да обед готовить. Я, доктор, менял пол столько раз, что совершенно запутался, и теперь не знаю, кто я такой.

– Да! – многозначительно покрутил головой психиатр, понимая, что пациент имеет в виду. Временами доктор сам не знал, кто он. Приходилось и деньги зарабатывать, и белье постирывать, и обеды варить.

– Вы знаете, – продолжал больной, – с тех пор, как я поменял пол в первый раз, я уже никогда не чувствовал себя счастливым. И зачем я это сделал?

– Но-о, – неуверенно произнес доктор Зак, – вы, наверное, помните, кем были, когда родились?

– Я спрашивал маму много раз, доктор. Но она говорила, что была мужчиной, и ничего не помнит.

– Вы имеете в виду, что мама была мужчиной? – доктор Зак куснул ноготь на левом мизинце.

– Да, самым настоящим.

– А кто вас родил? – Доктор почувствовал, что начинает запутываться.

– Она, конечно, доктор, – объяснил больной. – Только сначала была женщиной – перед тем, как стать мужчиной. Вы знаете, мама с папой все время спорят. Папа считает, что был женщиной, и вполне мог родить.

– Ваш отец? – Доктор почувствовал, что у него вспотел лоб и зачесалось в носу. Он укусил ноготь на другом мизинце, наммурил лоб, откашлялся и постучал авторучкой по столу. Все это он делал механически, пытаясь помочь внезапно остановившемуся мыслительному процессу.

– Да, – продолжал пациент, – у нас это семейное. Брат Джон стал сестрой два года назад, после того, как был дядей, после того, как был тетей и – позже – тещей. Пару лет назад он был племянником. Сейчас он живет в Калифорнии с тремя детьми от приятеля и четырьмя – от подруги. Родители тоже по-разному развлекаются. В прошлом году вроде были лесбиянки, а в этом тоже что-то делают, я просто не знаю в деталях, что именно. Знаете, доктор... – он помолчал, нервно щелкая пальцами, – временами кажется, что я могу сам от себя забеременеть. Я один раз пытался.

Доктор Зак представил, как он это пытается сделать, и почувствовал, что мурашки побежали вниз по позвоночнику к ягодицам.

– Я все время в депрессии, доктор. Не могу найти счастье. Ищу, ищу... Можно, я расскажу историю с самого начала?

– Конечно, конечно, – доктор мельком взглянул на часы.

– Был ли я женщиной в мужчине или мужчиной в женщине – всегда чувствовал, что что-то не в порядке. Тела, в которых я находился, не были моими. Я посетил специалиста. Тот отрезал все, что я считал ненужным, и поместил туда, где, как мне казалось, оно может понадобиться. Однако всё было не то. Я обошел всех докторов. Они мне отрезали, пришивали, приклеивали... Чего-только не делали с разными членами! Однако все напрасно. Короче, мне надоело, и я решил стать лошадкой. Точнее, жеребенком, а еще точнее – пони. Почему пони – не помню. Но заплатил большие деньги. Пони получился маленький, с коротким хвостиком, торчащими ушками и половым органом, заслуживающим восхищения. Я прыгнул в самолет и прилетел в Африку, где в экстазе прыгал по саванне и успешно осеменял

всех подряд. У меня появилось много друзей. Одним из них был Джек, гиппопотам, владелец овощного ларька в Бруклине. Я встретил парочку симпатичных слонов. Хорошие ребята, но садисты. Получали удовольствие оттого, что давили все и всех, и я решил держаться подальше.

Я влюбился в белую медведицу из косметического салона в Манхэттене. Мы встретились, когда я спустился в пещеру под горой, чтобы справить нужду. Я предложил дружбу, но она, скептически на меня взглянув, сказала, что ей нужен друг такого же размера. Я был не белым, а грязно-серым и маленьким, но пару раз доказал, что могу быть большим другом. Она не обращала на меня внимания и все время искала принца среди львов, которые ее игнорировали.

Меня совершенно не интересовали зебры-лесбиянки. Я чувствовал отвращение к извращенцам-гиенам. Сексуальные игры с львицей были эмоционально напряженными. Она легко возбуждалась и в дикой страсти кусала где попало и царапала когтями, как сумасшедшая. Я зализывал раны, скуля от боли холодными африканскими ночами. Однажды львица так возбудилась, что чуть не разорвала меня на части. Пора было делать ноги, и я удрал. От испуга я заблудился в страшных болотах, где обитали громадные голодные голубые крокодилы. Они меня ненавидели. Я для них был тощим и глупым. Мне они нравились. Большие, стройные, зубастые. Короче, доктор, я уехал обратно к специалисту и сказал, что нужны большие крылья, крепкий, как камень, клюв и острые, как рыболовные крючки, ногти. Он назвал приемлемую цену, и я взлетел в небо, захлебываясь от высоты, отсутствия кислорода и ожидания приключения.

Я облетел полземли, когда вдруг, пролетая сквозь шторм над Атлантикой, вспомнил, что забыл спросить, какого я пола. Возвращаться было лень, и я решил разобраться с этим позже. Если, конечно, позволят птичьи интеллектуальные способности. Однажды, устав от бесконечного размахивания крыльями, я приземлился на крыше одного из зданий в России. Кто-то сверху на меня прыгнул с явным желанием совокупиться. Я повернул клюв и увидел голубя с наглым взглядом, зеленой головой и красным телом, что говорило о его принадлежности

к коммунистам. Зеленая голова наводила на размышления об инфекции, так что, ударив каменным клювом по его тупой голове, я поднялся в воздух и полетел дальше, размышляя о своей сексуальной принадлежности.

Устав от жары, холода и природных катаклизмов, я решил подыскать спокойное местечко на островке в Тихом океане, приземлиться, сесть под пальму и спокойно жить, ловя рыбу. Я упал на песок возле высоченной пальмы, прыгнул в тень и увидел птиц громадного размера – что-то среднее между пеликаном и страусом. Они окружили меня и стали требовать, чтобы я снес пару яиц. Птицы вели себя агрессивно, подпрыгивали на месте и угрожающе шипели. Они объяснили, что их вид практически исчез с лица земли, потому что самцы стали импотентами в результате глубокой хронической депрессии.

– За кого вы меня принимаете? Сами несите яйца, – бросил я им и ощутил сильный удар по голове. Несколько тварей шипели рядом, держа в когтях толстые большие палки.

– Ребята, – стал я объяснять, выдерживая спокойный тон, – как я могу снести яйца, когда не знаю, кто я: самец или самка?»

– Никаких проблем! – крикнула интеллигентного вида птица с крючковатым клювом и грустными выпуклыми глазами. Она разбежалась, чтобы прыгнуть на меня. Я взмахнул крыльями, чтобы улететь от кошмара. Кто-то схватил меня за ноги. Я почувствовал, что меня заставят снести яйцо.

– Я самец! – крикнул я из последних сил. – Отпустите, я что-то покажу.

– Он самка! – орала птица. – Самка! А ну, давай яйцо. Давай яйцо!

– Как же я могу снести яйцо, если вы импотенты, – возмущенно хрипел я, пытаюсь освободить ноги.

– Мы тебе покажем импотентов!!! – птицы прыгнули, готовые меня растерзать, и стали махать палками. Из последних сил орудуя каменным клювом и крючками-ногтями, я расцарапал рожи паре самцов-импотентов и взмыл в небо. Никогда в жизни я не летал так быстро, разрывая облака, стремясь к солнцу. Эти уроды ринулись вслед, но не смогли догнать. Они действительно были импотентами.

Кружа над океаном, я размышлял о том, что нет сексуального покоя в мире, и сожалел, что не родился рыбой. Но у них, наверно, тоже масса проблем. Кто знает! Устав от бесплодных размышлений, я опустил на мачту одного из кораблей и зашнул. Когда проснулся, доктор, то обнаружил себя в клетке, лежащим на грязной соломе. Японцы, маленькие и вонючие, просовывали грязные пальцы сквозь прутья, пытаясь меня пощупать. Они смеялись, показывая желтые кривые ломаные зубы, и я понял, что приключение не закончилось.

Пациент молчал, поскребывая коготком по ручке кресла.

– А знаете, доктор, – он вздохнул, – я оттуда умудрился убежать и с тех пор лечу, бегу, скачу, прыгаю, пытаюсь найти счастье, но так устал от бесплодных поисков, что иногда хочется взмыть вверх, сложить крылья и упасть вниз.

«Депрессия, – подумал психиатр, – надо бы его в больницу».

– Между прочим, доктор, – пациент вдруг вскочил с места и распрямился, – хотите посмотреть на крылья?

Он прыгнул к окну, ударом носа распахнул его, взлетел на подоконник и, взмахнув руками, исчез.

В больнице он провел месяц, залечивая сломанные ребра. Лекарства подействовали, но не сразу. Он понял, что является мужчиной, всегда им был, и, вероятно, им и останется. Доктор Зак не видел его около года.

Однажды телефон зазвонил, и доктор Зак, подняв трубку, услышал мягкий мелодичный женский голос: «Я бы хотела вас увидеть».

В назначенный день открылась дверь, и в комнату вошла элегантная молодая особа. Она уселась в кресло, закинула ногу на ногу и улыбнулась:

– Доктор Зак, вы меня узнаете?

Доктор Зак посмотрел ей в глаза и заметил знакомую тоску и грусть. Вздохнув, он открыл новую историю болезни старого пациента.

Доктор Зак наполовину отсутствовал, предаваясь послеобеденным размышлениям ни о чем. Размышления ни к чему не вели, что и являлось целью. В результате доктор Зак чувствовал себя посвежевшим, полным сил и энергии делать неизвестно что. Это радовало. Хотя одновременно и расстраивало, непонятно почему.

Его ничегонеделание было прервано пациентом, который бесшумно вполз в офис и прошептал:

– Можно?

– Конечно, – доктор Зак принял сидячее положение, забыв голову вниз. Вскоре голова была посажена на место, а рука уверенно показала на кресло прямо перед головой, точнее, глазами, упертыми в маленького и щупленького, похожего на подравшегося с котом цыпленка, пациента.

– Я разбит, доктор, – начал больной, – изувечен, покалечен, разрублен, скручен, выверчен, – он замолчал, подыскивая слова. – У меня депрессия. Не знаю, как жить. Не могу есть, пить, дышать, ходить в туалет и размножаться. Никакого желания, полная беспомощность... Ничего не могу добиться... Ничего, ничего, ничего....

Доктор Зак закашлялся.

– Доктор, – продолжал пациент, утирая ладонями слезы, стекающими по лицу с гладкой жирной кожей, – я знаю, – он оживился, – знаю, почему я такой. Нет сомнений. Это было... – больной покрутил головой по сторонам, опасаясь, что кто-то подслушивает; сложил ладони трубочкой и прошептал: – Мне было шесть месяцев... – он задумался, – нет, пять... нет, шесть... – и замолчал, стараясь вспомнить.

– Это, в принципе, не имеет значения... – начал доктор Зак, нетерпеливо постукивая пальцем по столу.

– Да-да. Шесть с половиной.

– В таком возрасте люди, как правило, не помнят... – попытался возразить доктор.

– Что вы, что вы! – замахал руками пациент, – у меня великолепная, прекрасная память. Помню все. Даже мельчайшие детали процесса маминых родов. Длинный неприятный нос у медсестры и ножницы в руках у хирурга, лысого и с бородой до колен!

Доктор Зак растерянно почесал ногтем горбинку носа, пытаясь проникнуть в суть психиатрической проблемы, сидящей в кресле.

– Так вот, – продолжал больной, – я лежал в кровати, почему-то, по какой-то странной причине голенький, знаете, маленький такой, с голой попкой... – он облизнулся и покраснел.

– Да-а, – понимающе произнёс доктор Зак, хотя не все четко понял, явно оставались неясности.

– Я лежал голенький, – повторил больной, – и играл с игрушками, и в это время... – у него появилось выражение ужаса на лице, – дверь открылась, и в комнату вошла бабушка. – Он внезапно замолчал и стал нервно двигать пальцами, кусать губы, хлюпать носом и морщиться. – Да... бабушка вошла...

– Бабушка, – повторил доктор Зак, думая о предстоящем курсе лекарственной терапии.

Лицо больного побелело, потом покраснело, а затем вообще потеряло цвет и на мгновение исчезло из поля зрения доктора. Он протер слезящиеся от напряжения глаза и снова увидел обезображенное страхом лицо пациента. Тот сидел с открытым ртом, не в силах выдать ни слова из хилого организма.

– Очень, очень тяжело говорить... – наконец он выплюнул фразу, – знаете, когда я рассказываю историю, то переживаю ее снова и снова... ужасно, чудовищно, невыносимо. – Он начал нервно тереть подбородок коленом. – Кажется... – он уставился в потолок, – что я схожу с ума...

«Правильно кажется», – подумал доктор Зак, чихнул и вытер нос рукой.

– Не знаю, что делать, – продолжал он, – жизнь кончена, кончена, кончена...

Доктор Зак икнул, чем прервал пациента. Он ждал, пока тот снова начнет говорить. Больной облизал сухим языком синие губы и промямлил:

– Вымыв пол, бабушка стала чистить ковер, затем поправила занавески, вытерла пыль, поговорила по телефону, подмела пол, вытерла пыль с подоконника, стула и стола...

Доктор Зак чувствовал, что засыпает. Он зевнул, откинулся на стуле и скучно произнес:

– Я извиняюсь, но у нас десять минут.

– Да-да, конечно, – всполошился пациент и стал, как юла, крутиться в кресле, – я понимаю, но вы тоже поймите, мне так тяжело говорить об этом.

– О чем? – доктор начал терять терпение.

– Да-да, – кивнул головой больной, – бабушка вошла в комнату...

– Послушайте, – оборвал доктор Зак, сильно занервничав, – вы уже рассказывали, как бабушка...

– Извините, извините, – засуетился собеседник, продолжая нервно крутить пальцами. Он помолчал немного, а потом спросил:

– А что я рассказывал сейчас?

– Вы говорили, – доктор вспотел, – что...

– Ах, да, – перебил пациент, – ах, да; ах, да. Она осталась возле меня, – он замолчал, и доктор Зак заметил, как у него в глазах появился нечеловеческий ужас, как будто он упал в гнездо громадной кобры. – Она..., – он с трудом проглотил остатки слюны, – сняла лифчик и надела ночную рубашку...

Доктор Зак с нетерпением ждал продолжения:

– И-и, – протянул доктор Зак, – дальше?

Пациент бросил на доктора страшно удивленный взгляд:

– Это всё, доктор. Всё!

«Еще один американский сумасшедший, считающий, что проблемы связаны с тем, что его в детстве сексуально обижали родственники. Что за нация идиотов! Ведь если рассказать, никто не поверит. Сумасшедшие», – он с удовольствием отметил, что ему хватит работы до конца дней.

– Ужасно, доктор; вы не можете представить, что я испытал. Не забудьте, мне было несколько месяцев от роду.

– Я не забыл, – уверил доктор Зак, чувствуя, что пришло время перекусить.

– Вы не можете вообразить, что я ощутил, увидев лифчик и голые бабушкины сиськи.

– Что же? – поинтересовался врач.

– Страх. Желание плакать, кричать и бежать... Я чувствовал себя беспомощным, нерешительным, сомневающимся, грустным, взволнованным, опечаленным. Мне не хотелось жить, есть, пить, какать, писать, играть с игрушками, лежать с открытыми глазами и двигать ручками и ножками. Хотелось дергаться, биться в конвульсиях.

Доктор Зак почувствовал, что хочется спать. Он зевнул, не прикрыв рот ладошкой.

– Я испытал желание!!! – крикнул больной.

– Да? Какое? – сонный доктор нервничал.

– Вы знаете, – пытался объяснить пациент, – оно было здесь. – Он указал трясущимся тоненьким пальчиком на область живота, – сексуальное желание. Это случилось во второй раз в жизни.

– А когда в первый? – доктор Зак пытался найти рецептурный бланк, чтобы прописать лекарство.

– Когда обнаглевшая до неприличия медсестра, вытащив меня из мамочки, начала хлопать по заднице. Как будто это был пыльный ковер.

– Понимаю, – кивнул доктор.

– Да, – продолжал тот, – но это никак не сравнимо с тем, что я испытал в смятенной, ранимой, чувственной душе, когда увидел лифчик. Вы понимаете?!

– Конечно, – согласился доктор Зак, выписывая рецепт.

– Теперь я понимаю, почему я вырос застенчивым, всего боящимся, нерешительным, страдающим депрессией и маниакальным психозом, расстройством аппетита, внимания, чрезвычайно нервным, возбудимым, больным шизофренией и синдромом Дауна.

– Доктор... – больной схватился за голову и начал ее качать из стороны в сторону, оплакивая собственную несчастную, потерянную жизнь, – я не могу иметь интимных отношений с женщиной. Мне кажется, что если она снимет одежду, то я увижу лифчик. Тот самый, бабушкин. – Пациент плакал, роняя соленые слезы на деревянный пол.

– А бабушка еще жива? – поинтересовался доктор Зак, выписывая второй рецепт. Он понимал, что лучше всего дать несколько лекарств одновременно.

– Жива, – продолжал больной, – жива, и я люблю и ненавижу её. Часто вижу сон: я крадусь по темному дому, злой, с большим кухонным ножом. Бабушка спит и страшно храпит. Я срываю одеяло, лифчик и начинаю колоть его ножом, так, знаете, часто и сильно...

Пациент начал размахивать в воздухе руками. У него было такое лицо, что доктор Зак невольно откинулся на спинку стула.

– Это ужасно, доктор! – кричал он. – Она просыпается и пытается отнять лифчик. Я убегаю. Она догоняет. У меня перехватывает дыхание. Поворачиваю голову и вижу крокодила с громадной челюстью, который вот-вот откусит мне член. Я просыпаюсь и лежу холодный, мокрый, сам не свой и дрожу от страха. Лежу так до утра, боясь заснуть.

Он стал истерически плакать.

– Не знаю, как жить... – доносилось до доктора Зака сквозь плач.

Доктор протянул стакан воды.

– Что делать? – стучал зубами по стакану пациент.

– А почему бы вам не поговорить с бабушкой? – неожиданно для себя предложил доктор Зак, – расскажите ей про ваши чувства.

– Что вы! Что вы! – закричал пациент и сильно прикусил стакан зубами, – она вызовет скорую и запихнёт меня в психушку!

Доктор Зак посмотрел на плачущего пациента, дал ему несколько рецептов и определил к психотерапевту для дальнейшего лечения.

Через несколько месяцев больной снова появился в офисе.

– Доктор, – он опять плакал, вытирая сопли рукавом рубашки.

– Что случилось? – доктор помнил историю в деталях и даже описал её в одном из своих знаменитых коротких рассказов.

– Я разговаривал с бабушкой, – он потупил взгляд и принял вид провинившегося школьника.

– И? – с интересом спросил доктор Зак, зная, что у рассказа теперь будет продолжение.

– Она сказала, что никогда не носила такого лифчика... – жалобно протянул пациент. – Я беседовал со всеми родственниками женского пола. Никто не имел подобного лифчика. Я навел справки об умерших и обнаружил, что один родственник в прошлом столетии был трансвеститом и любил надевать женские штучки. Я добился разрешения порыться в одежде. А вдруг...

Доктор Зак почувствовал легкое головокружение.

– Сложность в том, что они живут в Австралии, но это уже не проблема.

Он достал из кармана авиабилет, улыбнулся и потряс им в воздухе.

– Вы знаете, – выпалил он, – я чувствую себя великолепно, замечательно, прекрасно, так хорошо, что голова кружится от счастья.

Он вскочил на ноги, подпрыгнул несколько раз в воздухе и, покружившись на месте, вылетел из кабинета.

Впоследствии доктор Зак узнал, что пациент снял со счета семейные сбережения и улетел в Австралию. Семья получала электронную почту, где он сообщал: «Я в Стокгольме. Лифчика нет. Я в Риме. Лифчика нет...»

Его поймали в аэропорту в Москве, где он пытался стянуть лифчик со столетней бабушки, пока та спала, ожидая самолета в Израиль. В конце концов, он попал в психиатрическую больницу с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз».

Больной пришел к доктору Заку по выписке, чтобы продолжать лечение.

– Как дела? – живо поинтересовался доктор, воспринимая его как героя рассказа. Пациент выхватил из кармана пиджака оранжевый лифчик с зелеными пятнышками и помахал им в воздухе.

– Нашли? – доктор Зак умирал от нетерпения.

– Купил! – он вытащил из кармана громадного размера кухонный нож. Психиатр почувствовал, что его ноги онемели. Пациент бросил лифчик на пол и стал методично, сильно и с ненавистью на лице колоть его ножом. Доктор Зак со слезами на глазах смотрел на дырки в деревянном полу.

– Всё, – наконец выдохнул он и исчез, как сквозь землю провалился. Мать больного позвонила доктору Заку и в истерике прокричала, что он выбросил лекарства на помойку.

Прошел целый год, а доктор его еще не видел, что было хорошим признаком.

Доктор Зак наслаждался одиночеством и писал абстрактно-сюрреалистический рассказ. Больше всего на свете он не хотел, чтобы его тревожили. Несмотря на это, в дверь тихо постучались. Доктор понял, что придётся примириться с судьбой. В глубине души он надеялся, что больной принесет интересный рассказ, и это было единственным утешением.

Пациент, средних лет мужчина, с длинным, крючковатым носом и маленькими ушами красноватого цвета, ступил в кабинет, осторожно сделал два шага вперед, задумался, сделал шаг влево, два шага вправо, несколько шагов назад и остановился в задумчивости.

Доктор Зак внимательно смотрел на своеобразный танец, прикидывая в голове, что бы это значило с психиатрической точки зрения. Ничего в голову не приходило, и он решил продолжать наблюдение. Больной походил туда-сюда, зажмурился, подошел к креслу, упал в него и тяжело выдохнул воздух.

– Доктор, – начал он и заговорил нервно и быстро, без пауз, часто моргая и облизывая пересохшие губы зеленоватым маленьким язычком, – я сомневаюсь все время и ничего не могу сделать. Мне кажется, что мое тело, душа – все соткано из сомнений. Мама однажды сказала, что я начал сомневаться еще у нее в животе, и врачи потратили много времени, уговаривая меня вылезти, потому что я сильно сомневался, что здесь, – он окинул взглядом офис, – будет лучше, чем там, внутри у мамы.

– Да, – вставил доктор Зак, обрадовавшись, что есть интересная история для короткого рассказа.

– Я сомневаюсь во всем, – продолжал пациент. – Например, встать мне за три минуты до пяти утра или за две минуты до пяти утра, или в шесть минут шестого. Это звучит странно и для многих смешно, но поверьте, мне грустно, и, бывает, я часами лежу в постели, пытаюсь решить, когда встать, поэтому опаздываю на работу. Один раз я пролежал

несколько дней, не в состоянии встать с постели даже в туалет, представляете?

Доктор Зак кивнул головой, пытаясь представить. Перед глазами встала картина: пациент лежит под громадным одеялом, из-под которого торчит большой нос, один глаз смотрит на часы. Нос небритый, шершавый, с горбинкой. Из него торчат волосы и обертка от конфеты. Доктор улыбнулся.

– Вот видите, – продолжал пациент, – улыбаетесь. Все надо мной смеются.

– Нет-нет, – попытался его разубедить психиатр, – Я предпочитаю отпуск.

– Иногда иду по улице, вижу фонарный столб и не могу решить, с какой стороны его обойти: справа или слева. Могу часами стоять на месте, пытаюсь понять, куда надо двигаться. Однажды холодной зимой я поздно вечером застрял возле фонаря, простоял двое суток и полностью примерз к столбу и к земле. Пожарники долго трудились, чтобы оторвать меня ото льда.

– Понимаю, – кивнул доктор Зак, уже придумав интересный рассказ. Он будет сопровождаться картинкой: пациент в сосульках обнимает фонарный столб.

– Если я голоден, то часто не могу решить, когда нужно поесть. Сейчас или через пять минут, а может, и через полчаса. Или вообще не есть. Однажды я не спал несколько ночей потому, что не мог понять, когда нужно идти в кровать.

– Понимаю... – задумчиво, но уверенным голосом произнес доктор Зак, – существует много способов помочь.

Он уже собрался произнести речь про лекарства и психотерапию, когда больной, внезапно оживившись, перебил его: «Доктор, я не знаю, нужно ли избавляться от привычки во всем сомневаться, потому что она мне спасла жизнь».

– Интересно, – заметил доктор. – Расскажите подробнее.

– Однажды, – начал тот, – в Карибском море я заплыл далеко-далеко, когда вдруг увидел акулу, приближающуюся с большой скоростью с явным намерением меня съесть. Было время обеда, что-то около полудня. Акула была полна энергии и, по всей видимости, голодна. Вид у нее был решительный. У меня сложилось впечатление, что она не

сомневалась в правильности принятого решения в отношении меня. Я, помню, ей позавидовал: вот, думаю, акула, с менее развитым мозгом, а никаких сомнений не испытывает. Я пожалел, что имею интеллигентный, нежный и деликатный мозг. Было бы проще жить с двумя нервными клетками. Я в этом уверен. Как вы думаете, доктор?

– Несомненно, – согласился доктор Зак, даже не думая, что он как психиатр должен уважать человеческий мозг.

– Вот! – сказал я себе, – продолжал пациент, – не имеет никакого смысла уплывать. Она плавает быстрее и непременно меня съест. Однако стоять на месте глупо, потому что она меня всё равно съест. Быть съеденным большого смысла не имеет. С другой стороны, а зачем мне жить?

Я раздумывал обо всем, не понимая, что предпринять. Акула приближалась. Меня настолько одолели сомнения, что я застыл на месте, предоставляя случаю распорядиться судьбой.

Акула внезапно остановилась, щелкнула пару раз челюстями и стала кружиться. Я размышлял: а почему она двигается кругами, а не треугольниками или четырехугольниками? Отчего не хочет съесть сразу? Зачем нужен цирк с кружением? Хотя, с другой стороны, имеет ли для неё смысл меня есть? Не мясо, а сплошные кости да жир; много плохого холестерина: можно помереть от сердечного приступа. А печень, желудок, кишечник!? А мозг!? Самый больной орган. Понимаю, что ей необходимо съесть что-нибудь, чтобы были силы размножаться, но мой разрушенный сомнениями организм может сильно повредить акульему здоровью, и в результате она может родить неполноценное потомство.

С другой стороны, почему бы ей и не съесть меня сразу? Хотя, с третьей стороны, если покружится подольше, то она выделит больше слюны, я переварюсь в ее желудке лучше и буду вкуснее. Я критически посмотрел на ее хребет: вытянутый, неровный, в буграх. Поэтому она так медлит меня съесть: просто для последнего рывка сил не хватает. Но если она больная, почему бы ей не опуститься на дно и не попоститься несколько дней для улучшения состояния здоровья?

Когда вы нездоровы, то такая пища, как я, может вас если не убить, то наверняка покалечить. Да, было очевидно, что

у нее не хватает сил. Но почему же она не уплывает, а продолжает кружиться? С другой стороны, а почему бы ей и не покружиться...

Акула продолжала нарезать круги. Я пытался найти логику в ее или в моем поведении. Акула интуитивно понимала, что со мной (а может быть, и с ней) что-то не в порядке. Она, вероятно, догадывалась, что не нужно торопиться, но она также понимала, что нельзя вечно кружиться.

Я, доктор, чувствовал, что у акулы было столько сомнений, что она больше и акулой то не выглядела, а была похожа на обыкновенную рыбу, например, карпа. Интересно, думал я, она совершенно не похожа на акулу, но у нее, тем не менее, громадная зубастая челюсть и наглый вид. Я поплыл к берегу. А почему я плыву к берегу? Если она не акула, то я могу еще немного полежать на воде, на спине.

У меня было столько сомнений, что я заразил ими акулу. Я никогда не думал, что болезнь заразна и смертельно опасна для акул. Я заметил сомнение у нее в глазах. Они стали грустными, задумчивыми и нерешительными. Энтузиазм и хищный задор был безвозвратно потерян. Она стала увеличиваться в размере, раздуваясь от раздумий. Внезапно, со страшным грохотом она разорвалась на миллионы мельчайших кусочков. Мне стало смешно. Я громко рассмеялся, напугав летящих над головой пеликанов.

«Отчего я смеюсь? – спросил я себя. – С другой стороны, почему бы и нет? Но ведь, смеясь, я могу наглотаться соленой воды, захлебнуться и утонуть. Хотя кого это волнует?

Я плыл на север, но потом, не поняв, почему плыву на север, повернул на юг. Я застрял в неподвижности недалеко от берега, не понимая, в каком направлении плыть. И там пробыл бы вечность, если бы на вторые сутки меня не выловили из воды спасатели.

– Любопытно, – подытожил доктор Зак, с большим удовольствием отметив, что появился прекрасный материал для рассказа.

Пациент сидел в кресле, задумчиво теребя правой рукой галстук, очевидно сомневаясь в чем-то. Доктор Зак выпил лекарства, дал рекомендации. Больной встал с кресла,

подошел к доктору, протянул руку, чтобы взять рецепты, но тут же ее отдернул.

– Возьмите, – решительным тоном сказал доктор, – возьмите рецепты. Это вам поможет.

– Вы не сомневаетесь? – тихо поинтересовался пациент.

– Нет, – соврал доктор Зак и уверенно посмотрел ему в глаза.

Философер проснулся глубокой ночью, чувствуя, что в жизни происходит что-то не то. Маразм крутился, вертелся, разбрасывая вокруг бессмысленность. Внезапно захотелось все поменять, сделать более понятным и осмысленным.

Он встал, походил по спальне, снова прилег и несколько минут лежал с открытыми глазами, провожая взглядом мысли, быстро поднимающиеся к потолку. Встал, пошел на кухню, затем в туалет, где просидел остаток ночи, думая о том, что в жизни неправильно и нужно изменить, чтобы все встало на свои места.

В конце ночи Философер смертельно устал и, едва дойдя до кровати, упал почти бездыханным, уткнувшись носом в плечо жены. Посмотрел на нее скептически и подумал, не является ли она причиной маразма и абсурда. Не спалось.

Философер вышел из дома, подошел к забору, посмотрел на огни машин, несущихся по магистрали.

«Куда люди в машинах едут?» – внезапно возник странный вопрос. «Да какая разница, – подумал он, – едут и едут, мне-то что».

Вопрос назойливо торчал в сознании, вызывая беспокойство, от которого хотелось убежать. Он попытался успокоиться, но, как назло, вопрос колом встал в горле: стало тяжело дышать.

«Что за ерунда! – думал он, – глупости. Какое мне дело до толпы, спешащей по делам».

Возникло ощущение, что всё и все с ним связаны против его желания, и чем больше он старается разорвать связь, тем сильнее она становится и значительнее воздействует. Он осознал, что двигается вместе с толпой: когда спит, ест, пьет и дышит. Он – часть колоссального движения, кажущегося бессмысленным, но, безусловно, имеющего цель, невидимую и непонятную. Ему показалось, что движется громадная гусеница, а он заперт внутри неё. Будучи её частью, он не жаловался, не спорил, не задавал вопросов – словом, не делал ничего, что отвлекло бы её внимание.

Философер чувствовал себя потерянным, понимая, что настало, наконец, время спросить гусеницу, куда она движется,

в чем заключается цель движения, и почему он, Философер, должен быть ее частью.

Оставаться частью гусеницы без ответов на вопросы было невозможно. Философер подошел к окну, посмотрел на розовое покрывало рассвета и взглянул на часы: пора зарабатывать деньги, чтобы можно было питаться. Пища нужна для энергии, позволяющей передвигаться по команде мозга гусеницы. Мозга, о котором он не знал ничего. Философер не мог понять, чем его мозг хуже мозга гусеницы, и почему он должен верить её мозгу. Какие силы заставляют его это делать? Неужели у него не может быть собственного мнения? Он почувствовал, что нуждается в немедленном ответе. Надев плащ, Философер вышел из дома и пошёл вдоль автомобильной магистрали, пытаясь безуспешно остановить машины. Он не знал, почему ему хочется их остановить, как и не знал, что он будет делать, когда одна из них остановится. Наконец, остановился грузовик.

– Эй! – водитель высунул голову из окна. Он посмотрел на рассеянного, озабоченного Философера, с трудом волочащего ноги. Философер взглянул на него, поняв, что водитель, конечно же, является неотъемлемой частью гусеницы и, может быть, ответит хотя бы на некоторые вопросы. Он прошептал:

– Не могли бы вы объяснить, в чем цель вашего передвижения по шоссе?

– Что? – водитель удивленно поднял брови. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Не очень, – объяснил Философер. – Потому что не знаю причину вашего передвижения. И своего тоже.

Водитель испарился вместе со своим грузовиком в мгновение ока. Философер решил действовать более решительно. Он нашел большое, длинное дерево на обочине и положил его поперек дороги, чтобы приостановить беспокойное движение гусеницы: тогда у нее не будет выхода, и ей придется, наконец, рассказать, куда она двигается.

Через пять минут к месту происшествия подъехала полицейская машина. Спустя час он сидел в участке. Философер вяло висел на стуле, смотрел надвигающихся туда-сюда людей, слушал их беспорядочную болтовню и не понимал, как они могут жить, двигаться, дышать без понимания цели. Он

осознал, что какая-то сила выкидывает его из гусеницы для независимого существования.

С одной стороны, было страшновато, но с другой – интересно: впереди ждала новая жизнь, где он будет ответствен за направление движения. Где все, что будет происходить в жизни, будет результатом его, Философера, удачных или неудачных расчетов. И никакая гусеница больше не сможет диктовать свою волю и тащить его, как барана на веревочке, в неизвестность.

Философер и не думал отвечать на глупые вопросы полицейских. Он чувствовал, что у него нет ни жилья, ни семьи, ни работы – никого на целом свете, кроме гусеницы, которая отобрала у него даже имя, сделав частью себя.

Следующим утром Философер был отправлен в психиатрический госпиталь, чтобы врачи смогли разобраться в его проблеме. Он совершенно не хотел отвечать на идиотские вопросы психиатров о сне, аппетите, настроении и голосах. Философер, конечно же, не соглашался принимать лекарства. Он не мог понять, как наивные доктора могут жить в гусенице, не зная, куда она их тащит. Ведь они же, психиатры, должны временами задумываться над глобальными вопросами, а не только бегать с утра до вечера, раздавая пилюли направо и налево.

Доктор чувствовал, что Философеру необходимо принудительное лечение, потому что он стал опасен для самого себя. С медицинской точки зрения, Философер был настолько поглощен идеей гусеницы, что мог умереть от голода и холода. Доктор назначил ему уколы, и вскоре у Философера стала дергаться правая рука и левая нога. Он испытывал беспокойство и бегал по психиатрическому отделению, спрашивая у всех, к какой части гусеницы они принадлежат.

Доктор поменял лекарство, отчего Философер стал чесаться; у него появился понос и побелели уши. Он лежал на кровати совершенно больной, не способный думать о гусенице. Он был уверен, что она тащится в ад, и все там окажутся вместе с ней. Однажды он попытался встать с кровати, но упал на пол, потеряв сознание. У него обнаружили опухоль в мозгу, прооперировали и, к удивлению врачей, Философер перестал думать о гусенице. Она полностью исчезла из его жизни.

Однажды, когда Философер копался в огороде, сажая розы, он заметил большую гусеницу, ползущую по зеленому листу. Философер посадил ее на ладонь. Она напоминала ему что-то или кого то, но он не мог вспомнить, что именно. Философер осторожно положил гусеницу на лист, отложил лопату в сторону и, повинуясь непонятному импульсу, шедшему из глубины существа, вышел за калитку. Через несколько минут он уже шел вдоль шоссе.

Было поздно и темно, когда Философер увидел стоящую на обочине легковую машину с мигающими огнями. Он подошел поближе, заглянул в окно и увидел мужчину, сидящего за рулем. Мужчина был бледен, задыхался и держал руку у груди.

– Помогите, – прохрипел он, увидев Философера. – Помогите. Сердце.

– Скажите, – тихо спросил тот, приблизив к нему лицо, – куда двигается гусеница?

– Домой, – ответил мужчина, теряя сознание, – домой.

Философер улыбнулся. Ему показалось, что мужчина, которого он вытянет из железной банки, не будет больше частью гусеницы, и у него перестанет болеть сердце.

Водитель приближающейся машины увидел Философера в последний момент. Удар был неизбежен. Философер умер в госпитале. Мужчина, у которого было плохо с сердцем, выжил. Однако все заметили, что он стал другим человеком и, конечно же, приписали это сердечному приступу.

Мужчине нравилось быть одному. Он стал задумчив и все время проводил в саду, сажая розы. Однажды ночью, в самый разгар грозы, он вышел из дому и, стоя под дождем, стал любоваться цветами. Молния внезапно осветила большой куст, и он увидел на зеленом листе большую гусеницу. Она ему что-то напоминала, но он никак не мог вспомнить, что именно.

Счастливая семья радостно встречала утро. Все размахивали руками перед носом друг у друга. Муж и жена, как белки, прыгали в лихорадке по комнате, спотыкаясь о мебель.

– Нет, нет, – кричала Петрова, – я не хочу, чтобы папа жил в доме престарелых.

– Нет, – не соглашался Макс, – он потерял память, не помнит ни хрена. Невозможно подойти – укусит.

– Нет, – Петрова прыгнула в противоположную сторону. – Я не хочу.

– У него болезнь Альцгеймера, – крикнул Макс, прыгнув кузнечиком вслед. – Надо что-то делать. Невозможно так жить дальше.

– Мама, мама, – в комнату вбежала девочка, их дочка Сэлли. – Мама, я хочу мороженое.

Она стала в нетерпении скакать, как ещё один кузнечик, вокруг стола. Но родители, казалось, ее не видели и не слышали.

– Нет, – отрезала Петрова, – не отдам.

– Чёрт! – гневно крикнул Кузьма, отец Петровой, въехав в комнату на инвалидной коляске. – Что происходит? Опять против меня что-то замышляете?!

– Нет, что ты, папа. Как это возможно!? – Петрова подбежала к папе. – Разве мы на это способны? Мы тебя любим.

Она попыталась положить руку на его плечо, но отец гневно оттолкнул её.

– Не верю, – прохрипел он, – у вас недобрые лица. Я знаю, что-то здесь не так.

– Мороженое! Мороженое! – скакала на месте Сэлли. – Хочу, хочу.

– Нет, – крикнул Кузьма, – мороженое не разрешаю, – он дернулся в инвалидной коляске, чихнул и взмахнул руками.

– Почему? – Сэлли обиженно заплакала.

– Ты безобразно себя ведешь. Ты нехорошая девочка. – Кузьма от злости позеленел, на шее выступили вены. Лицо покраснело. Казалось, он вот-вот лопнет от натуги.

- Я хорошо себя веду, – рыдала Сэлли.
- Нет, очень плохо, – ответил Кузьма, – просто возмутительно.
- Папа, – вмешалась Петрова, – как ты себя чувствуешь?
- Плохо. Очень плохо, – крикнул он, отворачивая от всех лицо. – Кости болят, в животе крутит, не сплю. Где лекарство для сна?
- Я положила на тумбочку перед кроватью, вчера вечером, помнишь?
- Разве? – удивился Кузьма. – Не было такого. Обманываешь, ты всегда обманываешь. – Он указал длинным, тощим, костлявым пальцем на Макса, стоящего в стороне.
- Мороженое, – опять крикнула Сэлли, – хочу мороженое.
- Замолчи! – заорала Петрова. – Замолчи сейчас же. Голова раскалывается. Тайленол не помогает.
- Хрен с вами, – недовольно буркнул Кузьма и выехал из комнаты.
- Ты видишь? – обратился Макс к Петровой. – Он стал агрессивным, злым; совсем невозможным. Мы должны с ним поговорить о доме престарелых.
- Нет, – Петрова держалась руками за виски. – Это мой отец, я его люблю. В доме престарелых его убьют. Я знаю, что больным и старым людям там не уделяют внимания. Помнишь, какие истории рассказывал сосед, когда работал там?
- Да, – вынужден был согласиться Макс. – Но мне кажется, он преувеличивал. Я видел дом престарелых, когда навещал дядю. Там было чисто – цветочки, травка.
- Мама, – Сэлли перестала плакать, – почитай книжку, мне скучно.
- Ты что, не видишь, что мы с папой обсуждаем важные дела? – возмутилась Петрова.
- Девочка понуро вышла из комнаты.
- Нет, мы должны что-то срочно предпринять, – Макс прыгнул к окну и взмахнул руками. – За ним некому ухаживать, мы оба работаем, чтобы оплатить все это. – Он еще раз взмахнул руками.
- Я могу быть дома с дедушкой, – крикнула Сэлли из соседней комнаты, – дайте мороженое.

– Ты меня не любишь, – вскрикнула Петрова и отошла к двери. – Тебе безразличны мои чувства. Ты хочешь сделать меня несчастной. – Она бросилась на паркет и стала истерически плакать.

Макс сел на корточки рядом с ней:

– Это неправда, я тебя люблю.

– Нет, – продолжала кричать Петрова, – оставь меня, я устала от всех, от работы, от суеты.

Сэлли вбежала обратно в комнату: «Не плачь, мама, я тебя люблю».

– Наша дочь не должна быть свидетелем... – Макс попытался обнять Петрову, но она раздраженно оттолкнула его.

Он взял Сэлли за руку, отвёл её в соседнюю комнату и закрыл дверь, чтобы та ничего не слышала. Сэлли сидела на диване, ей было грустно и одиноко.

«Нет... нет...» – Сэлли слышала ругань родителей за стеной. Раздался звук разбиваемой посуды, и воцарилась тишина. Дверь открылась; в комнату вошел Макс:

– Сэлли, – произнес он, стараясь казаться спокойным, – мне и маме нужно на работу. Сегодня ты не в школе, так что присматривай за бабушкой. Хорошо?

– Хорошо, – девочка немного успокоилась, она всегда боялась, что родители разобьют друг другу головы летающими тарелками и кастрюлями, она останется сиротой, и никто не купит мороженое.

Макс закрыл дверь, но вскоре она снова открылась, и в комнату въехал Кузьма.

– Бабушка, – Сэлли показала пальчиком на детей, играющих в песочнице за окном, – я хочу туда.

– Нет, – гневно оборвал ее Кузьма, – не разрешаю. Опасно. Там плохие люди. Они желают зла.

– Тогда я пойду на кухню. Там шоколадный торт, – продолжала девочка.

– Нет. Плохие люди отравили торт. Ты его съешь, а кто будет тогда за мной присматривать? Останешься здесь.

– Я хочу посмотреть телевизор, – Сэлли опять заплакала.

– Нет, – грозно прохрипел Кузьма. – По телевизору гадости про меня рассказывают. Не хочу, чтобы ты слушала.

Сэлли увидела садовника. Он распылял над цветами жидкость, набирая её из красной банки.

– А что он делает? – поинтересовалась Сэлли.

– Цветы поливает, чтобы избавиться от противных жуков, которые их портят.

Садовник перестал поливать цветы и пошел к машине за забором.

– Хочу пить! – прокричал со злобой Кузьма. – Принеси воды.

Сэлли побежала на кухню, схватила стакан, выскочила из дома, подбежала к красному контейнеру и наполнила его наполовину жидкостью. Затем, забежав обратно в кухню, добавила воды, сахара, меда и, подойдя к бабушке, радостно воскликнула:

– Сок, бабушка. Пей!

Пока он с наслаждением пил, внучка крикнула:

– Я иду к детям, играть!

– Нет, нет! – Кузьма с трудом выдавил два слова перед тем, как бессильно откинуться в кресле.

– Да! – Сэлли радостно бежала к ребятам, совершенно забыв о том, что хотела мороженое.

Ги ходил по больничному коридору и улыбался. Он слышал голоса: они были мягкие, приятные, доброжелательные и шептали ненавязчиво, что он хороший, и ему в жизни будет сопутствовать успех, если он начнет в себя верить и перестанет бояться всех и вся. Ги казалось, что голоса возникают в голове, как бы рождаясь там, а потом, как волны от брошенного камня, распространяются повсюду, исчезая в бесконечности Вселенной. Они были незнакомые, но иногда казалось, что он их слышал давным-давно.

Вначале, год назад, когда приятные голоса впервые ворвались в его жизнь, он испугался, залез под стол и не хотел вылезать. Ночью он выскочил из дома, но был пойман полицией, когда бежал голый по шоссе, спасаясь от голосов. Они тогда кричали, что у Ги прекрасное тело, которое стыдно скрывать под слоем неуклюжей одежды, и он должен гордиться мускулами.

По приезде в госпиталь его осмотрел доктор Зак.

Доктор стал давать горькие оранжевые таблетки, которые должны были прогнать голоса и превратить Ги в нормального мальчика, который каждый день ходит в школу и слушает родителей и учителей.

Время шло, и Ги перестал бояться. Он больше не прятался и заметил, что голоса ему начали нравиться. Они не называли его непослушным, ленивым, глуповатым, грубым, невыносимым. Голоса часто уходили по делам. К счастью, ненадолго. Вскоре лекарства их почти прогнали. Мальчик сильно переживал. По ночам он сидел на кровати и плакал, страдая от одиночества. В конце концов он начал выплёвывать таблетки.

Женщина, которая родила Ги, пришла к доктору Заку поинтересоваться, как идет лечение. Доктор вышел из кабинета и взглянул на неё усталым, озабоченным, но внимательным взглядом. Толстый слой пудры маскировал сероватую кожу на её лице, испорченном волнениями о собственном благополучии.

– Знаете, – начал доктор Зак, поправив на носу очки, которые забыл в кабинете, – Ги слышит голоса и не хочет говорить

о том, что они рассказывают. У больного не должно быть секретов от психиатра.

Он чувствовал, что обделен вниманием.

– И еще, – доктор поправил галстук, который забыл дома, – он выплевывает лекарства.

– Боже мой! – женщина, которая родила Ги, взмахнула руками и подпрыгнула в воздухе, как будто собиралась родить еще раз.

– Я думаю, – доктор Зак старался придать носу задумчивый вид, – мы начнем делать уколы.

– Понимаю, – женщина кивнула головой, и парик сполз на нос. Это вызвало у доктора улыбку, и с его лица сошло напряжение. Расслабленное лицо так повлияло на атмосферу коридора психиатрического госпиталя, что парочка пауков выползла из дырки в стене.

– Боже мой! – воскликнула женщина, увидев пауков. Насекомые насторожились.

– Что такое? – удивленно поднял брови доктор Зак.

– Они, – женщина указала пальцем на пауков, задвигала руками и ногами, что-то пробормотала и мгновенно скрылась из виду, подтвердив предположение доктора о том, что психические болезни передаются по наследству.

Ги стал получать уколы, и голоса исчезли. Он сидел и слушал, стараясь уловить хотя бы шепот, но слышал лишь крики медсестер и больных, скрип дверей и стук дождя, ударяющего осенью по стеклу.

Мальчик расстроился. Он не хотел выходить из палаты, отказывался от еды, грубил и не желал разговаривать.

– Понимаете... – доктор Зак объяснил женщине, родившей Ги, наткнувшись на нее в коридоре, – он не слышит голосов. Это хорошо. Однако... – доктор глубокомысленно замолчал, – у него депрессия, и это плохо.

– Да, – сказала женщина, – хорошо. – Она едва расслышала, что сказал доктор, потому что представляла, какими сексуальными станут её груди после косметической операции.

– Мы о нем позаботимся, – уверил доктор Зак и вдруг вспомнил, что не выключил дома чайник. – Ой! – он хлопнул себя по высокому задумчивому лбу.

– Что случилось? – женщина нервно водила усталым взглядом по стене.

– Ничего, ничего, – пролепетал он и направился к кабинету, чтобы найти ключи от машины, лежащие в кармане брюк.

«Чтобы стать хорошим психиатром, – подумала женщина, родившая Ги, – нужно сначала самому полечиться». Она глубоко вздохнула и поправила лифчик.

Ги сидел возле окна, когда ему пришла в голову идея попробовать имитировать голоса.

«Ты хороший, – сказал он себе. – Сильный, умный, высокий, красивый. Ты ничем не болен и уже сегодня пойдешь в кино смотреть интересный фильм. Ты такой хороший, что будешь все время есть мороженое и играть в войну».

Он повторял это снова и снова и заметил, что стал себя чувствовать лучше. Появились силы, вернулся аппетит. Ги начал выходить из палаты и бродил с улыбкой на лице, разговаривая сам с собой. Иногда он смеялся, что-то выкрикивал и жестикулировал, как будто играл с кем-то невидимым.

В коридоре доктор Зак упёрся в нечто большое, тёплое и сексуальное; оно прижало его прямо к стенке. Из темноты выплыло лицо женщины, родившей Ги, неся теплое дыхание нечищенных зубов.

– Непростой случай... – пробормотал доктор, стараясь смотреть в сторону. – Может быть, придётся его выписать. На время. Будем искать ему место в институте для психических больных. Нужен длительный курс лечения.

– Выписать! – вскрикнула женщина, – меня дома мужчина ждёт!

– Но, – попытался объяснить доктор Зак, – у нас ограниченное количество коек... Страховые компании отказываются платить...

– Невыносимо... – прошептала женщина и побежала в сторону туалета.

Доктор Зак посмотрел ей вслед и подумал, что лучше бы он был археологом. Копаешь, копаешь, а потом найдешь что-нибудь интересное, пролежавшее в земле тысячи лет. Или исследователем глубоководных рыб. Опускаешься в скафандре под воду и видишь нечто такое, что даже представить сложно.

– Доктор, – он оглянулся и увидел Ги. У мальчика было счастливое лицо, и он смотрел на доктора. – Доктор Зак, – уверенно сказал Ги, – я хочу быть летчиком.

Доктор улыбнулся. Он тоже хотел в детстве быть летчиком.

– Тогда у меня будет самолет, в который я смогу посадить ее, – он указал на женский туалет, – и увезти в Африку.

– А почему в Африку? – улыбнулся доктор.

– Не знаю, – мальчик пожал плечами. – Там крокодилы, гиены, кобры, пантеры. Ей будет хорошо. Я ее оставлю, а сам полечу домой.

– Домой? – заинтересовался доктор Зак. – А где твой дом?

Ги посмотрел на него и показал пальцем на свою голову. Доктор Зак пытался понять, что Ги имеет в виду.

– Ура! – закричал Ги и, как солдат на лошади, умчался вглубь коридора.

Доктор Зак задумался:

«Дом, дом», – пытался понять он и незаметно для себя постучал пальцем по своей голове.

Ги был беспокойным ребенком. Он пытался понять, что происходит в мире, и задавал вопросы. Они, как иголки, кололи женщину, которая родила Ги, не оставляя времени для увеличения груди и шлифования морщин. Ги мелькал перед её глазами, занятыми усовершенствованием тела. Однажды, устав от возбуждения, женщина привела мальчика к доктору Заку, надеясь, что тот даст таблетки, которые уменьшат количество вопросов.

– Вопросов? – доктор Зак вежливо улыбнулся, рассматривая Ги и женщину, сидевших в креслах.

– А вы счастливы, доктор Зак? – внезапно спросил Ги и дернул ногой, будто играя в мяч.

– Вот, – раздраженно тряхнула головой женщина, – это как раз то, о чем я говорила.

Мальчик смотрел на деревья, раскачиваемые ветром за окном. У него было счастливое лицо.

– А ты? – поинтересовался доктор Зак, удивляясь своему неуклюжему вопросу.

– Конечно, – улыбнулся мальчик.

– А почему? – продолжал интересоваться доктор, углубляясь в психиатрию счастья, которое пытался препарировать пронизательным умом. Доктору всегда было интересно, почему люди счастливы. Для него это была большая загадка.

– Дерево, – мальчик показал рукой на клен за окном.

– Дерево? – доктор пытался как следует рассмотреть клен, но очки сползли на кончик носа, в который женщина уставилась неподвижным, тяжелым взглядом пантеры, внезапно увидевшей овцу.

– Я обожаю его, – мальчик показал на дерево, с которого охапками падали листья.

Доктор Зак посмотрел на дерево и не почувствовал себя счастливым. Дерево как дерево, оценил он его. Обычный клен. Весь ободранный поздней осенью. Кора шелушится. Ему стало завидно. Мальчик в клене что-то видел, а он, умудренный опытом интеллектуал-психиатр, ничего не замечает.

Ги посмотрел на доктора:

– Почему дерево зеленое?

Доктор Зак, к стыду и удивлению, обнаружил, что не помнит, почему деревья зеленые.

– Хлорофилл, – задумчиво произнес он, извлекая из памяти знания средней школы.

– Что – хлорофилл? – спросил Ги.

Доктор Зак взглянул с надеждой на женщину, однако она знала не больше.

– Вот видите, – возмутилась она и покрылась красными пятнами поверх пудры.

– А почему небо голубое? – мальчик указал пальцем вверх.

Доктор Зак кашлянул, стараясь скрыть смущение.

– Пожалуйста, – женщина умоляюще взглянула на доктора, – дайте ему что-нибудь.

– А как эта птица называется? – мальчик указал на большую птицу, сидящую с другой стороны окна; птица с интересом смотрела на доктора Зака. Доктор никогда не видел таких птиц раньше. Он мало обращал внимания на природу, увлеченный своим внутренним миром. Птица смотрела на доктора внимательно, не мигая. Он почувствовал беспокойство, встал, подошел к окну и постучал пальцем в то место, где сидела птица, пытаясь ее спугнуть. Однако та продолжала смотреть в задумчивые глаза психиатра, а затем внезапно ударила по стеклу так сильно, что доктор Зак невольно отпрыгнул назад. Он постучал сильнее, и птица, в свою очередь, стукнула с удвоенной силой. Он открыл окно и помахал руками, снова пытаясь ее спугнуть. Птица взмахнула крыльями, да так широко, что доктор почувствовал испарину на задумчивом лбу.

– Она не уйдет, пока вы не ответите на вопросы, – объяснил мальчик. – Эта птица – мой друг.

На мгновение доктору показалось, что все происходящее – сон. Он чихнул и почесал лоб, пытаясь вернуться к действительности.

– Окно. Птица, – смущенно пробормотал доктор Зак, наморщившись и зажмурив глаза.

– Что? – удивилась женщина.

– Нет-нет, – психиатр потер виски.

Временами он переносился в другую реальность, живя в то же время в обычном мире. В психиатрии не было объяснения такому состоянию. Доктор пытался принимать разные таблетки, но тщетно. Помогало спокойствие, однако его было мало, так как отвлекали пациенты.

– Понимаете, доктор Зак, – продолжала женщина, – он играет с ужасными птицами. Где он их находит?! – Она взмахнула руками, будто падала в обморок.

– Хорошо, – начал доктор Зак, обращаясь к женщине, родившей Ги, – я дам ему лекарство.

В этот момент что-то громадное упало ему на голову, вцепившись в волосы. Он в ужасе потрогал это нечто рукой и почувствовал ногу птицы.

«Опять нахожусь в другой реальности, – расстроился доктор. – Сколько это будет продолжаться? То в одном мире, то в другом. Так ведь совершенно невозможно жить. Нет, надо принимать таблетки».

Он чувствовал, как птица копошилась в волосах, что-то там выискивая. Доктор Зак схватил ее двумя руками и попытался стряхнуть. Птица вцепилась изо всех сил, и оторвать ее можно было только с головой.

– Видите, – с сочувствием произнесла женщина и указала пальцем на птицу. – То же самое происходит и со мной. Прыгает на голову в самый неподходящий момент.

Доктор Зак увидел, что у нее на глаза навернулись слезы.

– Птица думает, что ваша голова – орех, – улыбнулся мальчик.

– Голова не орех, – с раздражением бросил доктор Зак, яростно борясь с птицей, которая, зажав в клюве кусок волос, тянула их к себе.

– Если вы скажете, доктор, что находится внутри вашей головы, – сказал мальчик, – то я попрошу её оставить вас на время в покое.

Доктор Зак попытался ответить на вопрос, но не смог. Он удивился тому, что, будучи грамотным, интеллигентным человеком, не знал, что находится у него в голове.

«И как такое могло случиться?» – в расстройстве подумал доктор Зак.

– А зачем вам нужна голова? – мальчик продолжал сыпать вопросами.

– Чтобы думать! – крикнул доктор Зак птице, которая ожесточенно пыталась вырвать последние волосы на большой и умной голове психиатра.

– Дайте ему таблетку, умоляю, – попросила женщина, обронив слезу. Та упала на деревянный пол, который тут же задымился, и в нём образовалась маленькая дырочка. Птица с интересом посмотрела на нее. Из дырочки вылез таракан и, оглядев всех внимательно, пошевелил усиками и поинтересовался, спросив тоненьким голоском:

– Что случилось? Кто звал?

Доктор Зак понял, что необходимо сделать мощное, отчаянное усилие, чтобы вернуться в трехмерную реальность.

– А в чем смысл жизни? – внезапно спросил мальчик.

– Не знаю еще, – отфыркивался доктор Зак, пытаясь снять прилипшие к лицу перья.

– Давайте, помогу, – женщина схватила птицу за хвост и потянула на себя.

Мальчик засмеялся.

Доктор Зак судорожно дернулся всем телом и вскрикнул от боли в пояснице.

Птица исчезла. Женщины и мальчика тоже не было.

Доктор обнаружил, что сидит за столом и пишет рассказ.

«И что дальше? – подумал он, – непонятно, как закончить эту историю».

Дождь разбрасывал остатки лета по крыше.

Творческий процесс остановился.

Доктор Зак вздохнул и начал снова скрипеть авторучкой, пытаясь поймать ускользающую мысль.

Доктор Зак был настолько занят, что не заметил женщину, которая вошла в кабинет и тихонько села в кресло.

Он дописывал сюрреалистический рассказ про психиатра, который мечтал летать, но не осознавал, что у него есть крылья, и он давно летает.

Его внимание отвлекло всхлипывание, чихание и кашель. Он нехотя поднял глаза и увидел пациентку, с беспомощным видом уставившуюся на муху, которая прилипла к конфетке, оброненной доктором.

– Да, – пробубнил доктор Зак и, с сожалением отложив недописанный рассказ, наклонил голову вперед и налево, выставив ухо по направлению к пациентке.

– Грустно, – вздохнула она, – так грустно!

– Конечно, – доктор Зак подтянул поближе рецептурные бланки.

– Я хочу вам рассказать историю, – продолжала женщина. – Можно?

– Конечно, – оживился доктор. Любая история была пищей для творчества. – Извините, – он икнул, – эта история случилась с вами?

– С нами, – пациентка нервно теребила платье руками.

Доктор обдумывал сказанное, а муха безуспешно пыталась слезть с конфетки.

– Я слушаю.

– Однажды, – начала рассказывать женщина, – я увидела мальчика, который гулял в парке с папой.

– Папа! Папа! – закричал мальчик, показывая ручкой на кусты. – Какие красивые крылья у бабочки!

Папа подошел к кусту, схватил бабочку и оторвал ей крылья. «Возьми, – он протянул крылья мальчику, – но мороженое уже не проси».

– Варварство! – раздался возмущенный женский голос.

Женщина в сером костюме лежала на траве и щелкала крепкие орехи каменными зубами.

– Теперь, – продолжала она, – бабочка будет ползать и мять траву.

– Вы абсолютно правы, – согласился отец, бросив на траву огрызок недоеденного червивого яблока. – Я должен был ей ноги оторвать.

– Тебе нужно ноги оторвать, – донесся хриплый голос снизу. Посмотрев туда, папа и сын увидели маленького старичка с добрыми голубыми, удивительно чистыми глазами.

– Зачем природу загрязняешь? – прохрипел старичок, улыбнулся милой улыбкой и, подойдя к папе, ловко оторвал ему ноги.

– Хорошо! Хорошо! – мальчик запрыгал возле папы, летая от радости по воздуху. – Я побегу за мороженым, и ты меня не сможешь догнать.

– Зачем ты, старый пердун, это сделал? – возмутилась женщина в сером и с хрустом расколола несколько орехов передними зубами. – Теперь он будет ползать и траву мять.

– Не волнуйтесь, – успокоил ее старичок и, подняв папу на руки, посадил в мусорный бачок.

– Я буду жаловаться в Организацию Объединенных Наций, – пригрозил папа. – Письмо напишу.

– Напишешь письмо? – моргнул добрыми глазами старичок. – Руки оторву.

– Ты только угрозишься, – женщина укоризненно сплюнула шелуху на старичка. – Иди и оторви.

Старичок подошел к бачку и, аккуратно закатав рукава, чтобы не испачкаться, оторвал папе руки.

Мальчик прибежал назад с мороженым. Он радостно его лизал и смотрел на папу, который с плохим настроением сидел в бачке с мусором.

– Ура! – воскликнул мальчик. – Теперь ты меня не сможешь ударить!

Папа стал быстро моргать и скалить зубы. «Придем домой, – пригрозил он, – я тебя укушу».

– Ха! – усмехнулся мальчик и со всей силой хлопнул ладошкой по жуку, который полз по папиной полысевшей от проблем голове.

Женщина в сером ползала по траве, пытаясь отыскать бабочку без крыльев, чтобы стереть её в порошок.

Старичок ползал на четвереньках с подобострастным видом позади, уткнувшись глазами в её зад. Он ронял из карманов грязные бумажки, отрывки хлеба, использованные презервативы и окурки сигарет. Старичок сморкался в траву и гнусаво повторял женщине, что хочет познакомиться с ней поближе. Женщина в сером, плечом прижав ствол столетнего дуба к траве, не соглашалась, говоря, что у него плохие зубы. Старичок запустил руку в трусы и, вытащив оттуда сломанную золотую челюсть, стал размахивать ею в воздухе.

Мальчик облизывал мороженое, с большим интересом наблюдая происходящее и поставив ногу в ботинке на голову папе. Папа недовольно шипел и ругал сына за то, что тот его не вынимает из плохо пахнущего бачка.

– Я проснулась, доктор, – продолжала пациентка после некоторого молчания, – и вышла на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

«Папа, папа!» – внезапно услышала я детский голосок сзади. Обернулась и увидела мальчика, шагающего с папой за ручку. «Посмотри, какая красивая собачка! – закричал мальчик и, подбежав к ней, со всего маху ударил пса ногой в живот. – Папа, – воскликнул мальчик, – давай снимем шкуру и повесим у меня в комнате. Она похожа на волчью, которую мы видели в музее».

Внезапно солнце исчезло. Сильный ветер пригнул деревья к асфальту. Из-за горизонта поднялось пламя, охватившее все небо. Это был ядерный взрыв грусти.

Доктор Зак заметил, что история была интересной, довольно поэтично заканчивалась, но в целом оказалась грустной. А грустить не хотелось. Необходимо было сохранять бодрость духа, как его учил гуру, преподававший йогу и восточные философии.

– Плохое, – задумчиво произнес доктор, – необходимо, чтобы родилось хорошее.

– Вы думаете? – женщина с надеждой взглянула на доктора Зака, но тот уже спал. Он очень устал, дописывая рассказ

о летающем психиатре. А история с бабочкой совсем его усыпила. Слишком много впечатлений за один день. Женщина тихо обняла слабую надежду и бесшумно выплыла из офиса, предоставив доктору желанный покой.

Исаак Васильев любил спать голым, на деревянном полу, а в остальном был совершенно нормальным. Об него спотыкались ночью члены семьи. Один раз таким его увидела соседка. Деревянные половицы портились от пота, и Исаака отвели к психиатру.

Психиатр, ничего не поняв, дал таблетки, от которых Васильев перестал спать на полу и начал спать в кровати. «Лучше бы он спал на полу», – подумала жена, проведя с ним пару ночей в одной кровати.

«А где мой мужчина?» – спросила себя соседка, заглянув в чужое окно и внимательно осмотрев пол. Не найдя его, она страшно расстроилась и не могла долго уснуть.

Лекарство со временем начало терять силу, и Исаак спал то на полу, то в кровати, а потом опять, в конце концов, оказался на полу.

Однажды соседка влезла через окно и легла на пол рядом с ним. Жена, увидев их, начала ругаться и кричать, что это ее пол, и соседка не имеет права на нем лежать.

– Но вы же не лежите? – возразила соседка. – Поэтому я и легла.

Жена легла по другую сторону.

Исаака Васильева, жену и соседку увезли в больницу люди, которые считали, что те сошли с ума. Психиатр осмотрел троих и растерялся, но таблетки дал, и всем разные, хотя лежали на одном полу. Таблетки на них так повлияли, что они перестали заботиться о том, где спали. То Исаак в соседской кровати спит с женой, то один на полу, а жена с соседкой в одной кровати, то спят втроем все вместе, и настроение у всех хорошее. Ведь не важно, где спать – на кровати, на полу или на крыше. Главное, правильно подобрать таблетки, чтобы молекулы в голове встали на нужное место, или легли – это уж как получится.

Больной посмотрел на доктора Зака и спросил:

– Вы понимаете, что со мной происходит, доктор?

– Я постараюсь... – начал доктор, но пациент его перебил:

– Не старайтесь, лучше расскажите сказку.

– Что?

– Мама сказки рассказывала. Мне легче на душе становилось.

– Но я не мама, – попытался объяснить доктор.

– Ну, папа, – буркнул пациент, – какая разница? – Расскажите, мне легче станет.

– Я не рассказываю сказок, – он пытался разъяснить работу психиатра.

– А что вы делаете? – серьезно спросил больной.

Доктор Зак задумался. Часы тихо тикали в полутемном кабинете. Вечерело. Доктор хотел кушать, целовать нежное женское тело и думать о смысле жизни. Но не мог встать с кресла, пока не ответит на вопрос.

– Я? – уточнил он.

– Да, – кивнул пациент. – Почему вы, взрослый мужчина, врач, образованный и интеллигентный человек, не в состоянии рассказать сказку, чтобы мне, больному, стало легче?

– Я бы... – пытался объяснить доктор, но больной махнул рукой, вздохнул и выполз из кабинета.

– Ты почему такой? – спросила доктора Зака вечером жена.

– Какой? – поинтересовался доктор.

– Жеваный, – объяснила она.

Он посмотрел в зеркало и попросил: «Расскажи сказку».

– Что рассказать? – удивилась она.

– Сказку, – громко сказал доктор Зак, а потом что есть силы крикнул: – Сказку!

Жена вздрогнула, и, закрыв рот ладошкой, убежала.

«Ч-черт! – ругнулся доктор. – Сказки забыли! – сказал он самому себе в зеркале, – так что же осталось?»

Психиатр лег на диван, закрыл глаза и представил себе Серого Волка. Вот он, Волк, с кривой и тоскливой рожей, вползает к нему в кабинет. Его на поводке ведет Красная Шапочка, уже семь лет принимающая антидепрессанты, а замыкает процессию Бабушка, глотая на ходу тонны снотворного. Жена доктора идет с Дедом Морозом под ручку, вид у нее довольный, а Дед Мороз похож на больного, который просил сказку.

Доктор Зак увидел себя в кресле, извиняющегося за то, что он пока не понял, кто чем болен.

– Не нужны мне извинения, – сказал Волк, – сейчас я тебя съем.

– Съешь его! – крикнула Бабушка, глотнув очередную порцию снотворного.

– Беги, песик, беги, – ласково сказала Красная Шапочка и спустила Волка с поводка.

– Нет! – страшно закричал доктор, – не надо меня есть. Я любые таблетки дам.

– Сказку расскажи, – прохрипел Дед Мороз и схватил бешеного Волка за ошейник. Волк рвался вперед, сверкал красными от злости глазами и щелкал челюстью.

– Жил-был Мышонок, – прошептал психиатр и, заплакав от страха, описался. Мокрые штаны напомнили вкус малинового варенья, которое бабушка клала в манную кашу, чтобы он, доктор Зак, кушал. А доктор взамен требовал от бабушки сказку.

Хотелось спать, но он не мог. За стеной тихо плакала жена. Психиатр чувствовал себя виноватым. Он подошел к полке, достал книжку «Иванушка-дурачок» и пошел к жене, но она уже спала. Он присел на край кровати, глубоко вздохнул и начал читать.

Дверь открылась и впустила пациента. Офис доктора Зака проглотил его, бросив в помятое проблемами кресло. Больной глубоко вдохнул, выдохнул, вздохнул и задержал воздух, будто собирался нырнуть.

Доктор Зак тоже задержал воздух.

– Вот! – выдохнул пациент и ловким движением вынул из кармана стеклянную банку, в которой летала муха и отчаянно билась головой о стекло. Доктор Зак выдохнул воздух и, напрыгши мощь психиатрического интеллекта, попытался поставить диагноз. Это было сложно. Стеклянная банка с мухой не упоминалась ни в одном учебнике.

– Муха, – задумчиво произнес пациент и заплакал.

– Извините, – кашлянул доктор. – Что случилось?

– Я ее поймал, – донеслось сквозь рыдания, – а она, она... – больной сжался в комок и протянул банку. Рука у него оказалась неожиданно длинной, и доктор Зак мог отчетливо видеть взволнованную муху.

Он лихорадочно перебирал в уме всевозможные таблетки, помогающие в ситуациях, когда больной сидит в кресле с мухой в руках и плачет.

– Да! – пациент перестал рыдать и стал серьезным. – Я ее поймал, потому что не мог вынести, что она вот так летает: туда-сюда, туда-сюда... Я ей говорю, – продолжал он, вытирая ладонью слезы, – куда летишь? С какой целью? А она ничего не объясняет – и все тут. – Он прищурился и с ненавистью посмотрел на муху, устало сидящую на дне банки. – Не хочет отвечать. Не желает говорить!

– Вы считаете, что муха может объяснить, куда летит? – осторожно поинтересовался доктор, почти подобравшись к диагнозу.

– Конечно! – воскликнул пациент. – Мухи говорят на мушином языке.

– Да? – наивно удивился доктор. Он подыскал нужный диагноз и теперь рылся в архивах памяти, пытаясь подобрать лекарство, способное убрать муху из психики.

– Конечно, – улыбнулся больной, – вот так говорят: «з-з-з-з-з...» Я понимаю. Короче, я ее поймал, посадил в банку и сказал: пока толком не объяснишь цель полета, никуда не отпущу, так и будешь сидеть, ни пить не дам, ни есть.

Доктор Зак чихнул. Он уже подобрал лекарство и стал искать глазами авторучку и рецептурные бланки.

– Вот вы, – пациент пристально посмотрел на Зака. – Вы знаете, почему ходите туда-сюда, туда-сюда?

Доктор впервые за последние несколько месяцев глубоко и серьёзно задумался.

– Знаю, – соврал он.

– И я знаю, – соврал больной. – А она, муха, либо не знает, либо знает, а говорить не хочет.

– И давно вы мушиный язык понимаете?

– Ой, давно. И не только мушиный.

«Нужно большую дозу дать», – подумал доктор.

– И не только их, – прошептал пациент и подозрительно посмотрел по сторонам. – Я и растения понимаю, и с камнями разговариваю.

«Нет, – решил доктор Зак, – нужно ещё большую дозу дать. И, наверное, диагноз поменять».

– И не только с камнями, – совсем тихо произнес больной. – Я их, невидимых, вижу и пытаюсь узнать, куда они бегут.

Доктор глубокомысленно постучал карандашом по столу.

– Не могли бы вы, – заискивающим тоном попросил пациент, указав на муху, – с ней поговорить. Я, собственно, за этим и пришел. Жена сказала, что психиатры могут с мухами общаться и все про них знают.

– Я? – удивился доктор и посмотрел на муху. Она внезапно увеличилась в размерах и внимательно посмотрела на доктора, почесывая одной лапкой другую.

– Я не умею с мухами разговаривать, – объяснил он, – но могу посоветовать хорошее лекарство.

– Нет. Нет! – воскликнул больной. – Это не мне лекарство нужно, а ей, мухе.

У доктора Зака запершило в горле.

«Тяжелый случай, – подумал он. – Может, его госпитализировать?»

Он задумчиво взглянул на пациента, который разговаривал с мухой и грозил ей пальцем.

– Куда летишь? – кричал он. – Зачем летишь?

У доктора началась головная боль.

– Вот. – Пациент решительно встал и поставил банку на стол, перед носом у доктора Зака. – Поговорите с ней, а я отдохну. Сил нет. – Больной резко повернулся и выбежал.

Доктор Зак смотрел на муху. Внезапно ему стало грустно. Он подошел к окну и взглянул вниз. Люди сновали туда-сюда...

«Интересно, – подумал он. – А знают ли они, куда бегут? А главное, зачем?»

Он открыл окно, высунул голову наружу и неожиданно для себя крикнул: «Эй, вы! Куда бежите?»

Крик, подхваченный ветром, унесся к деревьям, где разбудил пару сонных белок. Доктор Зак закрыл окно, вернулся к столу и увидел, что банка пустая. Крышка на банке, а мухи нет.

«Чушь какая-то, – подумал он. – Как она могла выбраться из плотно закрытой стеклянной банки?»

– Я тут, – внезапно он услышал тоненький пискливый голосок и, присмотревшись, увидел муху, ползающую по потолку.

«М-да, – подумал доктор Зак, – если долго бежишь, не зная, куда и зачем, то в конце концов начинаешь слышать мух».

Он положил банку в ящик письменного стола, подошел к двери, открыл ее и пригласил следующего пациента.

Изя встал утром, побрился, помылся, поел, вышел на улицу, а потом, вместо того, чтобы поехать на работу, влез на верхушку дерева и стал смеяться. Сидит Изя на дереве, смеется и не понимает, что делает. То есть понимает, что все – бред, но ничего сделать не может.

Первой прибежала к Изе жена. Стоит внизу с испуганным лицом и кричит:

– Изя, Изя, что случилось? Ты уже пятнадцать минут, как должен быть на работе.

А Изя ничего не отвечает. Смотрит отсутствующим взглядом и смеется.

– Изечка, – плачет она, – слезь немедленно.

Не выдержали нервы у жены, и она побежала звонить в «скорую помощь». Соседи со всех сторон сбежались. Собрались вокруг дерева, показывают на него пальцем и говорят между собой.

– Изя с ума сошел, – сказала высокая блондинка с маленькой правой грудью и большим левым ухом. – Что он там сидит? – продолжала она. – Кто может объяснить, что он там сидит и смеется?

– А тебе что, завидно? – пробормотал маленький старичок. – Сидит себе, смеется, никому не мешает. Весело человеку, и все тут.

Изя вдруг почувствовал, что хочет летать, и начал размахивать руками, как крыльями.

– Он еще и улететь хочет, – добавила блондинка. – А мы, значит, здесь оставаться должны.

Полицейские приехали вместе со «скорой». Изя спрыгнул с дерева, сел в свою машину и исчез. Никто его не видел несколько лет. Везде искали, но он как сквозь землю провалился.

Однажды жена просыпается после кошмарного сна и видит: Изя лежит рядом с ней и храпит.

– Изя! – закричала она. – Где ты был? – Она даже мужика разбудила, что с другого боку с ней лежал. Мужик проснулся, смотрит на Изю и удивляется.

– Да никуда я не уходил, – объяснил Изя, – чего орешь? Я здесь всегда был. Ты что, спятила?

– Нет, – прошептала испуганно жена, – мы тебя не видели, правда?

– Правда, – подтвердил мужик, лежащий рядом с женой, – не видел я тебя.

– А я вас каждую ночь видел, – объяснил Изя.

– А что ж ты мне в морду не дал? – изумилась жена.

– Да, чего ты ей в морду не дал? – переспросил мужик.

– А в чем, собственно, проблема? – спросил Изя. – Что случилось?

– Да он чокнутый, – сделал вывод мужик.

– Где ты был? Отвечай! – возмущенно крикнула жена.

– Да вы все рехнулись. Нигде я не был. Живу я здесь.

– Ничего не понимаю, – изумился мужик, – а я где живу?

– Ты с женой моей живешь, – объяснил Изя.

– А ты? – поинтересовался мужик, окончательно проснувшись.

– Где ты прятался? – настаивала жена. – Какого черта тебя где-то носило? К врачу тебе надо, лечиться, к психиатру.

– Ой! – крикнул мужик. – У меня же сегодня прием у психиатра в восемь часов утра. Ч-черт! Проспал. – Мужик вскочил и стал лихорадочно собираться.

– Скажи ему, что я вместо часа дня в три приду, – попросила жена.

– Хорошо, – буркнул мужик, на ходу застегивая ширинку.

– Да он уже ушел, психиатр ваш, – объяснил Изя. – Я на приём пришёл, а его нет. Сегодня больше не принимает. Заболел.

– Чем? – спросили жена и мужик одновременно.

– Что-то с психикой, говорят, – объяснил Изя, а затем резко встал, вышел из дома, влез на дерево и стал истерически смеяться. Мужик повернулся на правый бок и сразу заснул, захрапев. Жена тихо плакала: «Как же я теперь буду жить: вчера последнюю таблетку приняла».

– Хорошо. Хорошо, – внезапно услышал Изя голос гипнотизера. Он открыл глаза и обнаружил себя в кресле.

– Давайте разберемся, – глубокомысленно произнес гипнотизер Кузьма Рабинович, крепко воткнув два пронизательных глаза в середину Изиноного лба. – Вы на верхушке дерева – это стремление к свободе. Жена с мужиком – страх одиночества. Стремление к свободе сильнее. Оно побеждает. Я рекомендую взять отпуск и отдохнуть.

– Но я... но мы... – начал Изя.

– Что? – Рабинович поднял очки на нос.

– Мы все сумасшедшие, – тихо сказал Изя.

– Естественно, – согласился Рабинович, – поэтому я никогда не останусь без работы.

– А вас кто лечит? – осторожно спросил Изя.

Сильный дождь яростно ударил холодными каплями по оконным стеклам.

– Природа, – уверенно сказал Кузьма Рабинович и, чихнув, подтянул падающие брюки.

Я – маленький задумчивый мышонок. Меня никто не любит. Потому что я люблю думать. Это в нашей стае считается пороком, потому что думание вызывает состояние, в котором находишься в оцепенении и не можешь двигаться, а быстро двигаться надо, чтобы копать тоннели. Я, правда, не совсем понял, для чего нужны эти бесчисленные ходы. Но, как объяснили, они нужны, чтобы по ним бегать и строить норки.

Лучшими считаются норы, которые находятся ближе к земле, потому что они лучше проветриваются. Правда, ты в этой норе почти не бываешь, потому что все время работаешь, но главное не в этом. Важно, что другие мыши знают, что у тебя хорошо проветриваемая норка, и завидуют. От их зависти у тебя на душе должно быть приятно, что, в свою очередь, должно стимулировать быстрый бег по тоннелям для приобретения еще одной замечательной норки.

Часто от быстрого движения и бессонницы мышки падают. И тогда по ним бегут собратья, достраивая норки, а тех, упавших, засыпает землей, которая сыплется отовсюду. Засыпанных быстро забывают, потому нет времени помнить. Время уходит на рытьё, бег и строительство.

Я считаю, что лучше всего сидеть на земле, в хорошо проветриваемом месте, под деревом, и думать. Поэтому меня называют странным и стараются избегать. Врач объяснил моей маме-мышке, что я стал не таким, как все, в результате падения на меня в раннем детстве сосновой шишки, которая повредила много мозговых клеток. И теперь у меня нет друзей и подружки, которая занята поиском мышек, имеющих большое количество хорошо проветриваемых норок. По этой же причине я страдаю от колючего ветра, снега, палящего солнца, и приходится быть начеку все время, потому что кругом много хищных птиц, змей и прочей дряни.

Больше всего на свете я люблю думать о смысле жизни. Ложусь на травку, закрываю глазки и думаю: в чем же смысл? Размышление на эту тему приносит наслаждение. Смысл все

еще непонятен, но, по крайней мере, я точно знаю, что он за-
ключается не в быстром беге под землей.

Однажды я проснулся от шороха, открыл глаза и увидел
перед собой громадного змея, который внимательно меня рас-
сматривал.

«До свиданья», – мысленно обратился я к маме, которая
сейчас с папой, глубоко под землей, в полной темноте отчаян-
но раскапывала новый тоннель.

Вся моя маленькая жизнь на полянке, под солнцем, промель-
кнула перед глазами, и я пожалел, что так и не узнал, в чем же
был её смысл. Я закрыл глаза, затрясся от страха и приготовил-
ся к смерти, как вдруг услышал:

– Я за тобой давно наблюдаю здесь, мышка, – прошипел
змей. – Давай дружить. Меня тоже не понимают в моей стае,
потому что я люблю думать.

– Неужели? – радостно воскликнул я, не веря своему спасе-
нию. – О чем же ты думаешь?

– Я думаю о том, зачем нужно все время ползать, шипеть,
откладывать яйца и есть мышей, когда можно на мгновение
остановиться и задуматься, откуда ты пришел в этот мир и ку-
да идешь.

Змей помолчал, а потом добавил:

– Я одинок, целыми днями торчу здесь, в траве, и думаю
о том, о сём.

– Давай думать вместе, – предложил я.

– Давай, – согласился он, – вместе веселей.

Целый вечер мы вместе думали, и мне впервые в жизни не
было одиноко. Вечером змей уполз. Ему, вероятно, стало скучно,
и он отправился на поиски другого приятеля. Я понял, что нас,
странных, в лесном мире, наверное, много, и от этого на душе
стало приятно, и даже появилась уверенность в себе. Я видел, что
многие мышкы, обладающие хорошо проветриваемыми норками,
всегда находятся в плохом настроении. Было очевидно, что заме-
чательных норок еще недостаточно для счастья. Я решил посвя-
тить себя тому, чтобы в их зубастых головках появилось неболь-
шое количество мыслей, которых они так страшно боялись.

Змей вернулся обратно, и я обрадовался встрече. Мы немного
вместе подумали, и я ему рассказал о своей цели. Он поддержал

идею, исчез и вскоре вернулся с планом, где в точности были указаны места, которые змеи использовали для поиска мышей в качестве деликатесов на завтрак, обед и ужин. План был детальным, на нем были видны абсолютно все тоннели и подходы к ним, и стало понятно, как и куда подчас исчезали мышки.

Саму идею о быстром беге под землей и строительстве нор мышкам дали змеи для того, чтобы мыши стали мясистыми, усталыми, замученными и глупыми. Так их было легче ловить. А мышки думали, что они самые умные и удачливые. Они как будто умирали от усталости: сердце не выдерживало, а на самом деле змеи их гипнотизировали, а потом тихо, без шипения, утаскивали наверх и кушали. А сородичи мышек даже не замечали исчезнувших собратьев, потому что надо было быстро бежать, рыть и строить.

Считалось, что исчезнувшие мышки попадали в рай, потому что много и хорошо работали, а их дети занимали просторные, проветриваемые норки, и, расширяя их до бесконечности, выходили на поверхность, где их терпеливо ждали змеи.

– Это надо же, как ловко! – сказал я другу-змею, – а что будет, если они узнают, что ты украл план?

– Ерунда! – он мотнул головой, – на меня уже давно не обращают внимания. Считают, что если я много думаю, значит, я ненормальный и неудачник. И ничего от меня ожидать нельзя, кроме глупых вопросов.

– Хорошо, – предложил я, – давай посмотрим на план.

Мы весь вечер просидели над ним, думая, как и где устроить мышкам западню, чтобы в их головах возникла сначала одна, потом вторая, а, может быть, и третья мысль о смысле мышиноного существования.

Змей выразил мнение, что его родственникам тоже не мешает на мгновение перестать спариваться, откладывать яйца и пожирать мышей.

Разговаривая, мы не заметили, как стемнело. Вдруг мы оба вздрогнули и обмерли от страха: сильный молодой ястреб с интересом смотрел на нас сверху вниз.

– Ой! – зашипел змей и от страха свернулся в маленький клубочек, едва различимый на траве. Но я, привыкший к такого рода стрессам, не потерял самообладания и успел заметить,

что у ястреба были большие задумчивые глаза, по-доброму смотрящие на мир. Ястреб взмахнул крыльями и исчез. По всему чувствовалось, что он обязательно вернется.

Мы еще долго сидели в темноте, дрожа от страха и осеннего колючего ветра, так внезапно подувшего, чтобы рассеять наши случайные мысли о жизни и смерти.

Через некоторое время, выбрав на полянке место, хорошо освещаемое полной луной, мы сели и обдумывать план дальше. Нужно было всё устроить так, чтобы мыши оказались замурованными поодиночке. Мы задумались о том, как им обеспечить доставку воздуха и пищи, жучков, паучков, чтобы они не погибли от голода, думая о смысле брэнного существования.

К утру план был готов, и мы решили его привести в исполнение с наступлением темноты. Мы разметили маленькими веточками места, где вызовем обвалы земли и пророем дыры для дополнительного притока воздуха. Змей работал с большим энтузиазмом. Он решил, что если нам удастся увеличить количество думающих мышей, которые перестанут бессмысленно бегать, то тогда можно будет попробовать сделать подобное с его собратьями и вернуть их в более осознанное и спокойное существование.

Работа продвигалась успешно. Змеиный план был настолько точен, что в течение короткого времени мы практически заблокировали все основные входы и выходы из главных нор, а потом начали делить тоннели на короткие отрезки, в каждом из которых могла поместиться только одна мышка.

Чувствовалось, как внизу, в мышинном городе, началась большая паника. Мы со змеем были довольны совершенной работой и сидели под деревом, ощущая приятную усталость. Из-под земли доносился жуткий мышиный визг, словно их резали ножом на части, хотя на самом деле им представилась возможность подумать.

Змею стало вдруг весело, и он меня обнял, обернувшись кольцом вокруг моего нежного хрупкого тельца. Я на секунду растерялся и испугался, потому что никогда до конца не знал, что у него было на уме. Видя мой испуг, он немного расслабил могучее мускулистое кольцо и заметил с улыбкой:

– В первый раз в жизни чувствую, что сделал что-то осмысленное.

– Я тоже, – согласился я и положил в знак дружбы свою лапку на его голову.

– Есть еще один ход, – продолжил змей, показав на план, – его можно использовать, чтобы смотреть на вас, мышей, со стороны. Змеи любят делать это время от времени. Если опуститься сюда, – он указал головой на точку на плане, – то можно увидеть весь мышинный город.

– Как здорово! – воскликнул я, – пойдём посмотрим на результат нашей работы.

Я последовал за змеем, который вполз в едва заметную дырку в траве, а потом пополз в полной темноте по низким извилистым коридорам подземелья. Наконец мы выползли на странно освещенное место вроде площадки, с которой весь мышинный город был виден как на ладони. Я с опаской посмотрел по сторонам, но змей, прочитав мои мысли, успокоил:

– Не бойся, – сказал он, – пока ты со мной, тебя никто не тронет. Они будут думать, что чокнутый змей завел себе такого же приятеля.

«Интересно», – я начал мысленно сожалеть, что плох на вкус.

Видно было, что весь мышинный город сошел с ума. Большинство мышек, как и полагалось по гениальному плану, оказались замурованными. Они бегали быстро взад и вперед, пытаясь найти выход, чтобы продолжить сумасшедший бег в никуда. В глазах выражалось безумие. Лапки тряслись в невообразимом страхе оттого, что им некуда бежать, и они могут умереть. Они испытывали настоящий, животный, пронизывающий все их мышинное существо, ужас от сознания, что к ним вот-вот придет мысль. Неважно, какая.

Любая мысль вызывала у них страх, потому что могла изменить их мечущуюся жизнь и заставить делать что-то новое: страшное, непонятное, безумное. Стоял громкий писк. Грунт во многих местах продолжал обваливаться, как и предполагалось. Всё больше мышек оказывались изолированными от других и лишились возможности быстро двигаться и строить.

Я смотрел и ужасно радовался, что наступил переломный момент во всеобщем идиотизме. Я надеялся, что вскоре у меня

появится много друзей среди сейчас мечущихся от страха грызунов. Пусть только пройдет немного времени, они отдохнут, и их пустые головы наполнятся чем-то значимым.

Змей, казалось, тоже был доволен зрелищем. Несколько раз, правда, я видел его облизывающимся. Это навело меня на мысль, что, наверное, мы не сможем быть полными единомышленниками. Такова уж наша природа. Но сейчас мы были нужны друг другу для спасения, обновления и полнейшего интеллектуально-духовного развития мышино-змеиной цивилизации.

Из воспоминаний усталой мышки

«Сначала всё было нормально: обыкновенная тоска, чувство идиотизма, незаполненности жизни и бессилие от невозможности найти выход из тупика – иными словами, обычные эмоции, которые мы испытывали долгие месяцы, когда мчались по лабиринтам подземелья и копали тоннели. При приближении мыслей мы ощущали сильное беспокойство и начинали копать быстрее. В этом дурацком состоянии я, подобно всем, мчалась по лабиринту, ища возможность прорыть новую веточку в сторону от большого тоннеля. Вдруг я услышала грохот, потом визг, и мои глаза, нос и рот наполнились пылью. На секунду показалось, что наступил конец света, и даже стало легко на душе, потому что я осознала, что мне больше не нужно будет притворяться, что все замечательно, и бегать взад-вперед с улыбкой на лице. Но страх смерти взял свое: отчаянно забились сердце, стало трудно дышать, я вся задрожала, закрыла глазки, и мне показалось, что вот-вот умру.

Спустя минуту писк, раздававшийся со всех сторон, утих, пыль улеглась, и воцарилась тишина. Я открыла глаза и обнаружила, что впервые за всю жизнь стою на месте. Правда, все еще дрожу от страха. Отсутствие движения было таким незнакомым и жутким ощущением, что я, страшно испугавшись, бросилась сломя голову вперед, в темноту, но ударились о стенку из грунта, преградившую дорогу. В ужасе я побежала назад, но опять ударились и упала на дно тоннеля, корчась от боли.

Страх был сильнее; я вскочила и бросилась в сторону в надежде разрыть ход и выбраться туда, где можно бежать. Но стенка оказалась твёрдой, и я свалилась вниз, обломив два зуба.

Снова вскочив, я опять стала искать выход из западни, в бес-
силлии царапая лапками твердую поверхность, ломая остатки
зубов, пока не свалилась вниз. Я крикнула от отчаяния. Крик
быстро растворился, исчезнув в подземелье. Я была одна, заму-
рованная со всех сторон, предоставленная самой себе, и только
струя свежего воздуха падала сверху, подавая слабую надежду.

Мне казалось, что я схожу с ума. Было совершенно непон-
ятно, что нужно делать: лапки двигались автоматически, сами
по себе, как заведенные. В голове шумело. Я вскочила и стала
быстро бегать от одной стенки к другой, но скорость движения
была недостаточной, и вскоре я почувствовала, как надвигает-
ся волна непонятных, жутких эмоций, которые я раньше могла
контролировать с помощью быстрого бега.

Я внезапно увидела себя, лежащую на дне маленького заку-
точка и плачущую непонятно от чего. Я не могла остановить ры-
дания, исходящие изнутри моего существа, они были настолько
сильными, что сотрясали тело наподобие судорог. Не помню,
сколько времени я плакала. Сознание здорово помутилось из-
за возникших образов детства, когда мама с папой учили меня
быстро бегать, строить норки и ни о чем не думать. Наверное,
я уснула, потому что, очнувшись, обнаружила, что сижу в пол-
ной неподвижности, уставившись в одну точку. Страх ощущал-
ся в области желудка, вызывая в душе страшное смятение.

Я почувствовала, что сейчас произойдет непонятное, пуга-
ющее, кошмарное событие в моей жизни, которого я всеми си-
лами старалась избежать, как и все мои соратники и родствен-
ники. Я увидела, как медленно, но абсолютно неотвратимо на
меня надвигается мысль. Она была неоформленная, непонятно
о чем, но быстро приближалась и, наконец, набрав бешеную
скорость, поглотила меня, проникнув в каждую клеточку мы-
шиного мозга. Я почувствовала, что теряю сознание, и прова-
лилась в темноту.

Когда я очнулась, то вдруг осознала, что думаю. Я поймала
себя на мысли, что в первый раз за всю жизнь пытаюсь понять,
кто я, откуда пришла и куда иду. Бежать не хотелось. Появи-
лось желание найти выход из лабиринта, по которому я безум-
но носилась столько времени, убегая непонятно от кого. От
этого сделалось грустно.

Плач доносился отовсюду – сверху, снизу, со всех сторон. Сначала он был слабым, потом начал набирать силу и, наконец, стал таким громким, что стены тоннеля, где я сидела, задрожали. Затем рыдания постепенно успокоились. Стало тихо, и я снова испугалась, потому что я никогда раньше не была в полной тишине: бег и царапание лапками по стенкам тоннеля создавали постоянные звуки. Тишина была опасна, потому что привлекала мысли, которые как бы кормились ею, становились сильными и могли проникнуть в мышинный мозг. Это было недопустимо, поэтому мышки координировали движения для того, чтобы шуметь как можно сильнее.

Я испугалась отсутствия звуков и попыталась поскрести лапками по стенкам, чтобы создать шум, однако лапки не слушались: некоторые мысли уже завладели мозгом. Я сидела в полной темноте и чувствовала, как тишина овладевает телом, не оставляя ни малейшей надежды на спасение бегом и царапанием о стенки.

Я была полностью побеждена: не осталось никакой возможности сопротивляться, и я застыла в недоумении. Затем наступила тоска, к горлу подступили жалость и одновременно ненависть к самой себе за то, что я потеряла столько драгоценного времени. Вскочив на лапки, я бросилась вперёд, но больно ударилась и упала.

Потом, обессилев, я уснула, впервые погрузившись в глубокий и удивительно спокойный сон без сновидений».

Мне и змею вскоре надоело наблюдать над обезумевшими мышками, которые истерически смеялись, плакали, скакали на месте, бились всем телом о стенки тоннеля, падали вниз – и там застывали в полной неподвижности. Мы решили повернуть назад и выползти на поверхность, чтобы согреться в солнечных лучах.

Взволнованный эмоциональными переживаниями за братьев и сестёр, я расслаблялся, лежа на травке и думая о том, что же теперь дальше делать с соплеменниками. Вдруг мы увидели громадное количество змей, окруживших нас кольцом. Вид у них был угрожающий, и было очевидно, что настал последний момент если не нашей, то моей жизни точно.

– Прощай, мой брат! – пискнул я, заикаясь и дрожа от страха. Змей тоже был испуган и, вероятно, приготовился если не к смерти, то по меньшей мере к хорошей взбучке. Кольцо угрожающе шипящих змей медленно сужалось. Вид у них был жутко злой, поскольку наши действия помешали им удовлетворять аппетит в любое время суток. В шипении явно различались голодные нотки. Они уже были готовы проглотить меня и разодрать в клочья моего друга, как вдруг необъяснимая сила внезапно подняла нас высоко в воздух.

Взглянув в ужасе наверх, я увидел знакомые глаза, полные вопросов о смысле существования в ястребином мире. В это мгновение я понял, что моя история имеет продолжение, как и судьба друга.

– Летим? – спросил я змея, который от страха свернулся маленьким клубком на ноге ястреба.

– Летим, – подтвердил он, – в ястребиное царство.

Мы прилетели на вершину скалы, возвышающейся над морем, и ястреб, раскрыв когти, стал нас внимательно разглядывать. Его глубокие, умные неарийские глаза выражали сожаление, сочувствие, интерес и желание поговорить о жизни.

– Спасибо, что вы нас спасли, – сказал я.

– Рано благодарите, – заметил ястреб глубоким низким басом. Я ведь могу и съесть вас. Не забывайте.

– Мне кажется, – осмелился я, – вы больше заинтересованы в общении на философские темы.

– Совершенно верно, – согласился ястреб после некоторого молчания. – Вы правы. У меня сейчас хорошее настроение для разговора с такими чудаками, как вы.

– Вы тоже чудак, – змей внезапно осмелел.

– Верно, – кивнул ястреб. Он расслабился и присел на камень, явно не собираясь нас атаковать. Мы немного успокоились и даже настроились на длительную философскую беседу.

– Ты одинок и презираем в своей стае, потому что любишь сидеть на скале, смотреть в бесконечность океана и думать о смысле жизни, – начал я.

– И поэтому, – подхватил змей, чувствуя себя в безопасности, – тебя никто не может понять в твоей стае, которая сутками летает над полями, высматривая змей и мышей.

– А ты ищешь себе подобных, чтобы можно было поговорить о смысле жизни и одновременно насладиться тишиной, – вставил я.

– А вообще, – продолжал змей, – я подозреваю, что это вы, ястребы, виноваты, что мы, змеи, постоянно ползаем по земле в поисках мышей. Нам кажется, что, как только мы остановимся и о чемнибудь подумаем, то не сможем больше быстро ползать и умрём от голода.

– Конечно, – засмеялся ястреб, – это мы вам внушили. Нам необходимо, чтобы вы постоянно двигались, ибо только тогда мы можем вас сверху увидеть, чтобы не остаться голодными. А если бы вы лежали и размышляли, то мы бы вас не видели и питались бы камнями, обламывая когти и клювы.

Мы замолчали, обдумывая таинственность мироздания и наше непосредственное участие во всем происходящем. Уже смеркалось, солнце вот-вот собиралось скатиться за горизонт, а мы продолжали молчать, пытаясь понять замысловатость загадочных ходов природы.

Из дневника змея из стаи:

«Проблемы начались с того момента, как дрянной коршун утащил предателя-змея и его глупую мышь в небо. Мы были готовы растерзать их в клочья: ведь в результате того, что они сделали, мыши оказались замурованными и совершенно недоступными. Переползать в другой лес для нас было неудобно. И кто мог гарантировать, что там будут мыши? Со злости мы набросились на парочку наших, которые должны были хранить план, и здорово их потрепали, а потом стали думать, что же делать, чтобы не умереть голодной смертью.

Лежим мы, лежим, и вдруг видим, что прямо из-под земли вылезает стайка мышей, штук так пять. Мы прямо обомлели. Пять штук! Очень аппетитных, кругленьких таких, и бегут прямо на нас. Я, конечно же, испугался и спрятался под кустом, как и многие другие. Только двое самых смелых и все видавших змей остались на месте, хотя было видно, что они тоже сдрейфили: свернулись кольцами и спрятались в траве, прижав головы к земле.

Мышки подбежали и встали так близко, что мы могли их хорошо рассмотреть. Вроде это были те же самые грызуны, а может,

и нет, – они выглядели успокоенными, довольными и бесстрашными. Мы даже на секунду дураками себя почувствовали. Вот, мол, маленькие безмозглые мышки, а, в отличие от нас, знают нечто такое, что придает им спокойствие. А мы, придурки, беспокойно исползали весь лес и целыми сутками прислушиваемся к каждому писку, как будто нам делать больше нечего.

И вот вроде бы стоит перед нами самая что ни на есть настоящая еда, а мы одеревели и не знаем, что делать. И тут одна из мышей говорит:

– Жалко мне на вас, змей, смотреть. Снуете туда-сюда, и покоя вам нет, и радости тоже. И думать вам некогда, оттого что вы нас, мышей, постоянно выслеживаете, будто бы более интересного занятия на свете нет.

– И вот пройдет ваша жизнь, змей, – продолжала другая мышь совершенно спокойным и уверенным тоном, – в полном маразме. И когда вы будете старыми и больными, то на пороге смерти придете в ужас, оглянувшись на жизненный путь, потому что ничего, кроме травы и нас, мышей, в жизни не видели. И как вам тогда будет жаль, что вы так и не реализовали себя как личности, не делали того, что нравилось, от чего смогли бы получить настоящее удовольствие, несравнимое с заглатыванием маленького птенца или мышки.

Мы, змей, внимательно их слушали, не шевелясь, что было исключительной редкостью. Мы замираем только тогда, когда появляются ястребы, чтобы не выдать себя шуршанием и мельканием зеленой чешуи.

– Вам повезло, – подхватила еще одна мышка, – вы встретили нас, и мы вам это всё говорим, потому что нам тяжело смотреть на ваши полуразрушенные суетой и беспокойством жизни; а ведь вы могли бы нас и не встретить. Что бы тогда с вами, змеями, было? Мы даже представить себе не можем.

Она сделала глубокомысленную паузу.

– Не впадайте в отчаяние, – продолжила та же самая мышь, услышав, как один из наших змеев-братьев стал плакать от жалости к самому себе, – у вас еще есть время все исправить. Мы, собственно, в таком же положении, как и вы. И собираемся нашу жизнь менять в корне, чтобы не возвращаться в бессмысленность суеты.

– Как? – прошептал один из наших главарей, и я не поверил своим ушам, – как нам поменять нашу жизнь?

– Да, – раздалось вокруг много змеиных голосов, – как?

– Надо остановиться, – предложила мышь, – и тогда к вам придут мысли.

– Нам нельзя думать, – возразил один из наших. – Пока мы будем думать, вы, мыши, убежите.

– Я голоден, – воскликнул другой, – хватит болтать, пора делом заниматься, – и он угрожающе двинулся к мышам.

Но они в мгновение ока скрылись в дырки – только мы их и видели.

– А эти чертовы крысы правы, – выразил мнение наш главарь, – хватит жизнь прожигать. Давайте поживем со смыслом.

– Как? – все заинтересовались.

– Назначаю день отдыха, – приказал он.

– А как это?

– Всем расслабиться и лежать на полянке в полной тишине.

– А кушать мы что будем? – крикнул кто-то.

– А ничего, – грозно прошипел главарь. – Назначаю день без еды, для очистки ваших неполноценных мозгов.

– Да мы умрем! – раздался голоса.

– Не умрете, – возразил главарь, – а только поумнеете. Всем марш отсюда и лежать до моих дальнейших указаний, – крикнул он и тихо пополз в сторону леса. – А кто двинется, – добавил он, обернувшись, – того намотаю на семь суток на дерево. Хватит дурака валять. Будем все вместе в жизни смысл искать.

Я, конечно, тоже пристроился сбоку, расслабился, и тут меня охватил ужас. Он сковал все тело, и мне показалось, что я умираю.

«Проклятые мыши, – подумал я, – они нас заколдовали».

Я посмотрел вверх и увидел большую стаю коршунов. Стая беспокойно летала над лесом, пытаюсь понять, куда вдруг делись дурные змеи, которые минуту назад, как обычно, в беспокойстве и бессмысленности сновали в поисках глупых мышей, тратя на это драгоценную жизнь».

Я, змей и ястреб думали о смысле происходящего, когда пошел сильный дождь, и нам пришлось спрятаться под скалу.

Внезапно мы увидели человека в большой шляпе, который сидел, ел бутерброд и плакал. Второй двуногий, вначале незаметный, в плаще, стоял немного поодаль и тоже что-то ел.

– Хватит плакать, – буркнул тот, что в плаще, тому, что в шляпе, – в жизни нет никакого смысла. Живи просто, работай, спи, наслаждайся и ни о чем не думай.

– А я не могу ни о чем не думать, – со слезами возразил человек в шляпе, давясь бутербродом, – по моему, вся моя жизнь просто бессмысленна.

– Ну-у-у... опять начинается, – ответил раздраженно тот, что в плаще, – приехали отдохнуть, а ты опять за свое. Погляди вокруг – красота! Небо, солнце, деревья – это и есть смысл, наверное.

– Ты же сказал, что нет в жизни смысла, – удивился двуногий в шляпе.

– А я и не знаю, – бросил тот, – живу – и всё, и думать ни о чем не хочу.

– Надо думать! – вдруг заметил мой приятель змей.

– Надо, надо, – поддержал его ястреб.

Двуногие схватили ружья и начали стрелять. Коршуна убили сразу, змея подстрелили позже, а я убежал. Много дней скитался я по лесу, пока наконец не нашел своих братьев-мышек. Мало кто из них остался в живых. В конечном итоге все прорыли ходы наверх, и коршуны со змеями их перетаскали, пока они с улыбками на лицах лежали на травке и размышляли о жизни. Оставшиеся в живых опять быстро бегали, рыли туннели, пытаясь заглушить душевную боль о погибших братьях и убежать от змей, многих из которых заклевали птицы, пока те в задумчивости вяло ползали по травке.

Остановился я посреди луга и подумал: что же лучше – прожить всю жизнь дураком, но зато остаться в живых, или наоборот? Я посмотрел на осенний кленовый лист, медленно падающий с неба, и мне показалось, что ответ был спрятан между его прожилками. Ответ нужно было просто оттуда достать. Я схватил лист, но вдруг увидел маленькую мышку, играющую с травинкой возле камня. И, позабыв все на свете, я помчался к ней, понимая, что ничто не заменит прекрасного чувства ожидания чего-то замечательного, что вот-вот должно было произойти

в моей жизни. А все остальное – бред, возникший от отсутствия маленькой мышшки, которая сейчас заполнила для меня всю Вселенную, и от этого сама Вселенная обрела смысл.

Я бежал к очаровательной мышке, чувствуя, как жизнь переполняет грудь нежностью, открывая ворота в счастливый город, в котором я еще никогда не был. Я подбежал к камню, у которого всего мгновение назад стояла мышка, играющая с травинкой, но ее уже не было. Я оглянулся – и вдруг увидел ее за собой. Она внимательно смотрела, словно изучая меня с ног до головы, потом хитро улыбнулась и сказала:

– Ворота в счастливый город будут открыты только несколько часов, а то и меньше. Войдя туда, ты будешь наслаждаться моим телом, речами, запахом и мечтами обо мне. Потом однажды, когда мы будем спать, крепко обнявшись, усталые и утомленные от любви (как нам будет казаться, на всю жизнь), к нам подойдут стражники счастливого города. Они вынесут нас за городские ворота и бросят возле леса, на берегу большого болота, где летает много комаров и ворон. И ты проснешься, дрожа от холода, и увидишь, что я толстая с одного боку и худая с другого, что у меня большая и отвислая нижняя губа, что я храплю, а уши у меня не такие, какие тебе хотелось бы видеть. От этого у тебя заболит живот, а глаза устремятся на запертые ворота счастливого города, за которыми ты увидишь очаровательного мышонка, он будет играть с травинкой и загадочно улыбаться. А я, тряся обвислой губой, сморкаясь от тоски в траву, увижу твой большой живот, впалые грустные глаза, полные тоски и разочарования, услышу скрежетание зубами по ночам. И от этого у меня заболит голова, а глаза в надежде устремятся на запертые ворота города, за которыми я явственно увижу его, сильного телом и духом, романтического, способного меня, маленькую и беззащитную мышку, защитить от змей, коршунов и прочих опасностей.

Она улыбнулась, продолжая пристально на меня смотреть.

– Разве это не так? – помолчав, спросила мышка, – ты не согласен?

Моя бесконечная радость, сильно распиравшая грудку, замерла маленьким комочком, сжавшись от нахлынувшего ветра трезвости.

– М-да, – у меня был комок в горле, – конечно же, ты, мышка, права. Это я – безграничный мечтатель, романтик, снова создал себе коня, на котором хочу въехать в город счастья.

Мышка улыбнулась, подошла ко мне ближе и тихо сказала: «Хочешь, мы их обманем?»

Она хитро улыбнулась, быстро вильнула привлекательным хвостиком, и я почувствовал шевеление в своей нижней части тела. Это было приятное, давно забытое ощущение, постоянно подавляемое долгими раздумьями о смысле лесной жизни. Увидев мою реакцию, мышка сказала, что у меня еще не все потеряно, и я могу ей пригодиться как сообщник.

– А что ты хочешь сделать? – заинтересовался я, присев на камешек.

– Мы можем обмануть охранников и задержаться в городе подольше, – предложила она.

– А как можно это сделать?

Я заинтересовался идеей вечного безраздельного счастья в наполненной смыслом Вселенной.

– Я тебе всё расскажу в процессе, – пискнула она и, бросившись ко мне в объятия, полностью завладела моим духом и особенно телом, которое стало послушным инструментом в ее нежных лапках, медленно царапающих мою шерстяную грудку вверх и вниз. Впервые за многие месяцы я остался совершенно без мыслей, и все мое существо наполнилось очень приятным заменителем, бурлящим и кипящим в моих возбуждённых лапках.

И в этот момент, когда я решил размножиться во Вселенной множеством гениальных копий, мы с мышкой прошли через сияющие ворота внутрь города, полного удовольствий и всяческих развлечений. Было приятно двигаться в сумасшедшем очаровательном танце с моей малышкой. Мы пролетали над прекрасными полями, вдыхая замечательные запахи лесной Вселенной.

Казалось, ликование нет предела, мы слились в один непрерывный оргазм, заполнивший все вокруг. Стало смеркаться, и мы, плавно опустившись на пуховые одеяла, бережно растеленные гигантскими перламутровыми бабочками, уже стали засыпать, как вдруг очаровательная мышка прошептала:

– Не спи. Внимательно вслушивайся в каждый шорох. Скоро должны прийти стражники.

Немного помолчав, она продолжила:

– Как только услышим их шаги, мы должны сделать так, чтобы они нас не заметили.

– А как они вообще узнают, где мы? – поинтересовался я, постепенно трезвея от переполняющего душу счастья.

– Они идут на ощущение радости, счастья и безмятежности, которые концентрируются в одной точке пространства, – объяснила мышка.

– Да? – удивился я, – откуда ты это знаешь?

– У меня развита интуиция, – прошептала она. – У нас это наследственное. Моя бабушка не только знала, когда у змей появляется аппетит на нас, мышшей, но даже их местонахождение. Поэтому весь наш род уцелел.

– Ценное качество, – заметил я, с печалью вспомнив о съеденных собратях.

– Поэтому, – продолжала она, – мы можем сделать логическое заключение, что как только услышим шаги охранников, мы сразу должны начать ненавидеть друг друга. Тогда они нас не заметят, потому что у них нет глаз, и они, как я тебе объяснила, реагируют только на любовь.

– Как – ненавидеть? – я почувствовал, что меня словно ошпарили кипятком, – как я могу ненавидеть тебя, когда я тебя люблю?

– Нужно постараться, дорогой, – ласково и нежно прошептала она, легонько проведя ноготком по моему нежно-розовому брюшку, и вдруг застыла: – Шш-ш...

И действительно, я услышал тихие шаги. Шаги приближались и становились все громче и громче, слышались все ближе и ближе. Казалось, что идут охотники за нашей любовью, которую они вот-вот убьют.

– Ненавижу тебя!!! Ненавижу!!! – внезапно крикнула маленькая мышка, – пошел вон, дрянь! Пошел вон! Ты грязная вонючая крыса, которая только и думает о том, как бы удовлетворить похоть. Никогда в жизни не видела такого подлеца, ты даже не умеешь говорить комплименты маленькой мышке. Да ты полное ничтожество! Ты за свою жизнь не построил ни

одной норы, не прорыл ни одного тоннеля, а все время лежал на траве под солнышком и думал о своей идиотской Вселенной и дурацком смысле жизни. Да какой же ты мужчина, если у тебя нет ни одной, пусть даже самой маленькой, плохо проветриваемой норки?.. Ты и не мужчина в прямом смысле, разве ты способен удовлетворить такого ласкового мышонка, как я? Пошел вон из моей жизни!

Я стоял и ошарашенно смотрел на то, что еще минуту назад было очаровательной и хрупкой мышкой. Теперь она стала большой, красной и толстой от гнева. Она топала задними лапками о землю и брызгала слюной во все стороны. В гневе она была ужасна и вызвала у меня состояние, подобное шоку. Она говорила настолько естественно, что я засомневался, было ли это игрой для того, чтобы обмануть охранников. И как только я это понял, в моей душе всколыхнулась волна возмущения и негодования. В то же время я заметил, что шаги стали совершенно не слышны, а потом стихли, но через некоторое время послышались снова.

– Я тебя ненавижу! – тут же закричал я, пытаюсь войти в роль, – ты просто негодяйка. Бессовестная, невоспитанная, грубая и жестокая.

Я прислушался. Шаги почти исчезли.

– Ты просто тварь, – громко продолжал я, чувствуя ненависть.

О любви и речи не могло быть вообще. Я смотрел на ее красную физиономию, выпученные от злости глаза, длинный прямой уродливый хвост и не понимал, как я вообще мог влюбиться в это чудовище.

Она подскочила и со всего размаху царапнула острым коготком по моей мордочке. Кровь полилась на нежно-голубые божественные розы, придавая им красный оттенок. Я разбежался, прыгнул на неё и стал изо всех сил молотить по ней передними и задними лапками.

Внезапно я почувствовал резкую боль, и мое тело оказалось в чём-то липком и вязком. Стало нечем дышать. Глаза застилала пелена, и я закричал от ужаса, одновременно услышав ее пронзительный крик о помощи. Я оглянулся вокруг и обнаружил, что мы с ней барахтаемся в болоте. Вокруг был лес. Нас здорово кусали комары. Это был кошмар. Я ощущал душевную

боль, поскольку в памяти были сильны воспоминания о грандиозном городе счастья, покатавшем нас немного на радужных крыльях.

– Перестарались, – глухо прохрипела мышка-подружка, выбравшись из болота на вязкий и неприятный глиняный берег. Она чертыхалась и плевалась болотной тиной во все стороны. Я обратил внимание на то, что она была сейчас намного менее привлекательной, чем прежде.

– Как – «перестарались»? – я с трудом вытаскивал лапки из глины и смахивал вонючую тину с глаз, – как это – «перестарались»?

– Ты козел! – бросила она резко, с явной ненавистью посмотрев на мое мокрое, дрожащее от холодного ветра тело, – зачем на меня набросился? Вот за это нас и выкинули. Город не терпит такой грубости.

– Но ведь ты же сама меня первая царапнула! – воскликнул я.

Я весь закипел от негодования и подумал о том, что она начинает меня раздражать по-настоящему.

– Свинья! – подытожила она. – Ты настоящая, неблагодарная свинья, а никакая не мышшь. У нас был шанс остаться незамеченными и насладиться прелестями города. Ты все испортил своей тупостью и глупостью.

Она села на глину, поджав лапки, и заплакала. Я попытался приблизиться к ней и извиниться. Но она вдруг резко выпрямилась и крикнула:

– Ты десятый идиот, которого я использую, чтобы остаться в городе счастья. Десятый! Сколько же ещё кретинов я должна встретить на пути, пока, наконец, не увижу его, любимого, дорогого, единственного и неповторимого, ласкового и заботливого, богатого и здорового, молодого сексуального мышшонка, который помог бы мне пробраться в город и остаться там навсегда... Негодяй!

Она плюнула в мою сторону и быстро побежала вдоль берега, но потом поскользнулась, и, отлетев в сторону, упала в болото. Страшно закричав, она стала погружаться вниз, засасываемая тиной. Я побежал к ней, до боли царапая ноги об острые камни, там и сям разбросанные по берегу болота. Когда я, наконец, достиг того места, то увидел, что ее голова исчезла под водой,

и маленькие пузыри быстро расходились во все стороны. От ужаса у меня окаменели ноги. Я стал истерически кричать о помощи, как будто кроме нас там еще кто-то находился. Рядом не было ни одной палочки, чтобы ей протянуть. Да и протягивать было уже поздно. Она была давным-давно под водой. Я сел на берег и стал плакать.

Стемнело. Я перестал рыдать и теперь сидел в одиночестве возле воды, думая, почему же я не прыгнул за ней. Может быть, я смог бы ее спасти, а может, утонул бы. Я поймал себя на том, что думаю о смысле жизни, бесконечности лесной Вселенной и своем месте в ней. О любви, предательстве и холодном осеннем ветре, злобно дующем в мордочку, словно насмехаясь над моей наивной, романтической душой, находящейся в состоянии поиска. Только я начал погружаться в сон, как вдруг услышал странный шорох и потрескивание маленьких веточек за спиной. Я обернулся – и от удивления и испуга вскочил на задние лапки, совершенно онемев: передо мной стояла моя мышка, только что на моих глазах утонувшая в болоте.

– Скотина! – она укоризненно смотрела мне в глаза, – ты даже не попытался меня спасти.

– Я... я... – пытался я что-то объяснить, чувствуя себя полным идиотом и негодяем.

– Я притворилась, что-тону, а на самом деле проплыла под водой и выплыла в камышах. Решила на всякий случай проверить, действительно ли ты меня любишь. А ты...

Она помолчала, а затем быстро исчезла в темноте. Униженный, я стоял, чуть не плача, не зная, куда деться от стыда, готовый провалиться сквозь землю.

«А я ведь ее люблю, наверное», – сказал я громко, словно пытаюсь себя убедить в этом. Я подумал, что мышат женского рода тяжело понять. Вздохнул глубоко и понял, что самого себя понять еще сложнее. Я медленно шел вдоль болота, на душе было тоскливо, и непонятное будущее смутно вырисовывалось в сумерках. И так я набрел на опушку, откуда доносились странные звуки.

Звуки были манящие, возвышенные и напоминали о бесконечности Вселенной. Я с удовольствием на них пошел, чтобы посмотреть, что же там такое творится.

Когда я подошел поближе, моему взору открылась интересная картина. Прямо посреди чудесной полянки, освещенной таинственным светом, стоял празднично накрытый стол, за которым с обеих сторон сидели жуки. Во главе стола сидел самый главный из них, с громадным колпаком из листьев на голове, и что-то то ли шипел, то ли сопел, во всяком случае, я совершенно не понимал, что он пытается сказать или спеть. Он медленно раскачивался из стороны в сторону, и остальные жуки раскачивались ему в такт, тоже шипя и шевеля усиками в разные стороны. Чего-только не было на столе! И маленькие кузнечики под соусом, паучки, букашки, божьи коровки и червячки разных мастей. Всего было помногу, наряду с водой из разных горных ручьев и озер.

И вдруг я обмер от удивления: за этим же столом сидели мои собратья-мышки, которых я уже давно не видел вследствие любовных приключений. Они тоже носили колпаки из листьев и раскачивались в такт жукам, что-то пища себе под нос. Вид у них был довольный, сытый и отдохнувший. И тут я чуть не упал: моя маленькая мышка сидела тут же, кушая паучков и тихо напевая приятно звучащую песенку.

Я вышел на освещенное место, и несколько жуков под колпаками сразу меня заметили. Было видно, что они были счастливы, просто безумно довольны, что я пришёл в гости. Я даже опешил от такого отношения. Мне было приятно до такой степени, что теплая волна блаженства окатила меня с ног до головы. Я не помню, чтобы кто-нибудь когда-нибудь меня так радушно встречал. Видимо, жуки были настолько умны и проныцательны, что с первого взгляда смогли оценить величину моего интеллекта и хороший характер.

Было приятно осознавать, что все-таки есть кто-то, кто может меня оценить по заслугам. Моя маленькая мышка тоже меня заметила, но сделала вид, что я совершенно ее не интересую. Она сидела близко к одному из жуков и раскачивалась в такт с ним, нежно царапая его коготком по одной из многочисленных лапок. Это явно был следующий кандидат для попадания в город счастья. Двое насекомых, которые были так счастливы меня видеть, уже бежали на максимальной скорости, чтобы меня обнять. Мне даже на мгновение стало страшно от угрожающего

вида их щупальцев – нечто среднее между лопатой и пилой. Я сделал шаг назад, чтобы сохранить равновесие, если они на меня прыгнут, что и случилось. В результате я почувствовал, что падаю, но они меня ловко подхватили и начали водить усиками по мордочке, выражая высшую форму любви и заботы, возможную в загадочной лесной Вселенной.

Я попытался освободиться, но не тут-то было. Плотно зажатый с двух сторон любящими насекомыми, я несся по воздуху по направлению к праздничному столу, где все уже встали, включая маленькую мышку, и дружно меня приветствовали. Меня осторожно посадили на траву рядом с главным большим жуком, который обнял меня всеми тремя щупальцами, поцеловал в лобик и прижал плотно к панцирю, торжественно сказав:

– Дорогие наши жуки и мышки, мне необыкновенно приятно представить нового гостя, который зашёл к нам на огонёк.

Он разжал многочисленные ножки, и я упал на траву.

– Пожалуйста, угощайтесь, чем можете, почувствуйте себя как дома, не стесняйтесь. Попробуйте паучков, букашек, червячков. Садитесь поближе к нам, – раздавалось отовсюду.

Я внезапно почувствовал себя хорошо и спокойно. Мне показалось, что я наконец-то, впервые за много-много лет, приобрел дом и друзей, которые меня любят и ценят. Я был на вершине счастья, кушая червячков и запивая родниковой водой из изумительного источника. Моя бывшая подруга уже лежала на четырех лапках одного из жуков, ритмично раскачивающегося из стороны в сторону, напевая что-то странное, мистически трогательное душу.

Я заметил, что неподалеку от главного жука на веточке кустарника висела шишка красноватого цвета, и все жуки, ритмически покачиваясь, с восхищением и чувством глубокого обожания смотрели на неё. Она казалась им, наверное, волшебной и полной загадок.

– А что это за шишка? – спросил я у одного жука, который по товарищески любовно положил мне на плечо ножку.

– Это наш великий Он, – объяснил жук. – Он соединяет нас с хозяином леса, а тот – с хозяином всех лесов. Наш великий Он – учитель, который объясняет нам, когда, в каком ритме и в какой последовательности нужно качаться. Правильно качаться – это

целая наука, и чтобы её постичь, нам, послушным жукам, нужно еще учиться и учиться долгие годы.

– А зачем вы качаетесь? – поинтересовался я, обнаружив свою наивность и необразованность.

– Мы качаемся, чтобы понять суть, – глубокомысленно протрещал главный жук, плотно прижав меня к панцирю. Он дотронулся усиком до моего носа и добавил:

– А суть надо знать, чтобы правильно жить.

Я заметил краем глаза, как собратья-мышки, поев и попив вдоволь, почти спят, осоловело глядя на мою маленькую симпатичную мышку, висящую на шее одного из жуков.

– Кушай, кушай, – попросили меня несколько жуков одновременно. – Хорошей мышке нужно правильно питаться, чтобы качаться, как положено, и жить по правилам. Тогда шишке будет приятно, и хозяин леса останется доволен, а всем нам будет здорово весело.

Я кушал, ощущал себя на вершине счастья и вскоре начал качаться, с уважением и почтением глядя на красивую красную шишку. Я просил хозяина леса и всех лесов о помощи и, попив родниковой воды, прилег на травку и заснул безмятежным сном. Впервые за долгое время я почувствовал себя в безопасности, среди друзей, готовых помочь в любой момент.

Проснувшись, я ощутил холодок. Он начинался возле шеи и бежал вниз по спинке, по направлению к хвостику. Холодок был внутренним, метафизическим, странным и непонятным.

Я осмотрелся и заметил, что праздничного стола уже нет, букашки-червячки унесены. Жуки перестали качаться, уползли в сторону, стоят маленькими кучками и шепчутся. Мышки вместе сгрудились в стороне, вид у них был довольно потрепанный, полностью противоположный тому, что я видел несколько часов назад. Неподалеку я заметил большого жука, ползущего в кусты, на его спинке сидела моя мышка-подружка, все ещё сохраняющая довольный вид, хотя сам жук выглядел усталым и озабоченным. Я побежал к одной группе шепчущихся жуков и с восторгом воскликнул:

– Здравствуйте, друзья-жуки, с добрым и чудесным утром!

К моему величайшему удивлению, они не обратили внимания на приветствие. Правда, один из них повернул голову, нервно пошевелил усиком и демонстративно повернулся задом.

– Друзья! – повторил я, решив, что они меня не слышат, занятые важным делом.

– Иди своей дорогой, – вдруг услышал я бас главного жука, который тащил по травке красную шишку в кусты. – Разве ты не знаешь, что сегодня день желтого кленового листа? Приходи снова в день красной шишки – и ты будешь желанным гостем.

Внезапно я услышал за спиной громкий мышиный смех со злорадным оттенком. Я оглянулся и увидел собратьев-мышек, показывающих на меня пальцем; они поддерживали лапками трясущиеся от смеха животы.

– Ну, каким же нужно быть наивным, чтобы просить жуков обратить на себя внимание не в день красной шишки! – пищал мышонок, хохочущий громче всех. – Он так ничему и не научился в жизни, – продолжал смеяться мышонок, – а чему можно научиться, если целыми днями лежать на траве и думать, вместо того, чтобы работать в поте лица, как мы.

Мышки постояли еще немного, похохотали, а потом быстро убежали в сторону поля, всё еще храня злорадные улыбки на мордочках и показывая коготками в мою сторону. Маленькая бывшая подруга быстро выглянула из-под куста и, увидев мою одинокую задумчивую фигуру, прошептала с презрением:

– И как только я могла связаться с такой мышью? Будто с вершины сосны свалилась; ужас!

Она опять скрылась в кусты. Практически все жуки уже покинули поляну. Они даже не смотрели в мою сторону. Для них я был чем-то вроде неодушевленного предмета. Мне стало снова одиноко и захотелось плакать. Вот вроде бы нашёл друзей, а они меня признавать не хотят. Как будто я сделал что-то плохое, что их возмутило, и они решили не дружить со мной больше. Я пытался вспомнить, что я сделал плохого, однако в голову ничего не приходило, и я решил, что у меня, наверное, проблемы с памятью. Нужно было сделать нечто отвратительное, чтобы от меня все отвернулись.

– Иди, иди домой, – услышал я бормотание старого жука, едва ползущего по траве. – И приходи обратно в день красной шишки.

– А у меня нет дома, – пропищал я жалобно. Но старый меня уже не слышал, либо сделал вид, что не слышал.

Подул холодный ветер, пошел дождь. Мокрый, озябший, совершенно расстроенный, я спрятался под большим кленовым листом. Я вновь задумался о бесконечности, смысле жизни и о моем месте в громадном, опасном, но интересном лесу. Я почувствовал, что замерзаю, и решил пробежаться. Выскочив из-под куста, я помчался к лесу: там было много растений, под которыми можно было спрятаться. А в некоторых деревьях даже были небольшие углубления, где можно пересидеть плохую погоду. И тут я услышал ужасный вопль. Это был вопль живого существа, которого резали на части острым ножом. Крик проник в самую, казалось, сердцевину моей души, и я решил разобраться, в чем дело.

Я побежал на крик, совершенно не замечая, как противные колючки царапают мое хрупкое мышинное тельце. Я бежал сквозь колючки, дождь и холодный ветер, дующий прямо в мордочку. Подбежав ближе, я увидел зрелище, потрясшее до глубины души. В капкане, поставленном прожорливым человеком, сидела лиса, обливаясь кровью.

Капкан зажал ей хвост у самого основания. Судя по тому, как лисица кричала, заливаясь слезами, боль была невыносима. Я сразу её узнал. Это была та самая лиса, что прошлой зимой наведывалась на нашу площадку и часами выкапывала моих братьев из их просторных, хорошо проветриваемых норок, расположенных близко к земле. Аппетит у нее тогда был хороший. Она и к змеям наведывалась, но однажды убежала, напуганная коршунами, которых в наши края пригнали люди, забавлявшиеся охотой. Я не мог спокойно смотреть на её страдания, и мое мышинное сердце сжималось от сострадания.

– Подожди, – сказал я, неблагоразумно подойдя прямо к ее носу, – я тебе сейчас травки принесу, чтобы было не так больно.

Лежа всю жизнь на траве, я часто прислушивался к разговорам пчел и бабочек о травках и точно знал их целебные свойства. Нужная лисице травка росла совсем неподалеку, за

пригорком, прямо из-под камней. Откусив немного стебельков у самого корня, я собрал их лапками в пучок, который окунул в лужицу ключевой воды под корягой. Прибежав к лисе, я положил пучок на то место, где капкан зажал ей хвост, и через некоторое время ей стало легче. Она перестала скакать, как безумная, и бессильно упала на землю.

– Да... – произнес я задумчиво, присев рядом на камешек.

– Помоги мне, – на хитрой мордочке лисы появилось жалкое выражение, – пожалуйста!

– Да как же я помогу тебе, – удивился я, – капкан вон какой большой, а я всего лишь маленький мышонок.

– Но у тебя острые зубки, – подметила лиса, – перегрызи мне хвост. Я бы сама это сделала, но мне не достать.

– Перегрызть хвост? – удивился я.

– Конечно, ну что тебе стоит! Он и так уже капканом наполовину перерублен.

Я с сомнением посмотрел на её хвост. В моем мышином воображении живо возникла картинка: лиса без хвоста набрасывается на меня и в благодарность отправляет к себе в желудок.

– Не бойся, – лиса прочитала мои мысли, – я тебя есть не буду. Я вообще с недавних пор изменилась до неузнаваемости.

Я посмотрел на нее внимательно, но никаких кардинальных изменений не обнаружил.

– Не внешне, – пояснила она, увидев тень сомнения на моей откровенной и наивной мордочке, – Я духовно изменилась. У меня теперь и философия жизни другая.

– Да? – удивился я. Мне всегда было интересно поговорить и обсудить философские проблемы, особенно связанные со смыслом лесной жизни.

– Мы можем поговорить, – прошептала лиса, – после того, как ты мне перегрызешь хвост. Боюсь, что сейчас придут охотники. Ты ведь не хочешь меня увидеть мертвой, мышонок, ты такой добрый, славный, у тебя мягкое, почти лисье, сердце. Ты благороден и честен, ты самый, самый, самый...

Лисица улыбнулась, показав длинный ряд острых зубов, я отпрянул в страхе и, зацепившись за деревяшку, упал.

– Пожалуйста, – снова взмолилась лиса, – у меня хороший нюх. Я чувствую, что охотники рядом.

Мне стало жалко эту негодяйку, и вскоре я увидел свои лапки бегущими по направлению к лисьему хвосту. Остренькие зубки уже были готовы перегрызть остаток лисьего хвоста, как вдруг я подумал, что лисица может меня съесть. Я остановился. Однако желание помочь попавшему в беду и надежда на беседу о смысле лесной жизни все-таки победили.

– Быстрее, быстрее, – шептала лиса, – пожалуйста, поторопись. Я чувствую их запах. Они уже недалеко и скоро будут здесь. Поторопись. Очень тебя прошу, мой маленький хороший мышонок.

От ласковых слов я растаял и стал грызть с удвоенной силой, хотя понимал, что говорил эти слова заклятый враг мышиноного рода.

«Погибну из-за глупости и наивности, – подумал я. – Либо лиса съест, либо охотник сапогом раздавит, но ведь должен же быть в жизни толк больший, чем размышления о смысле. А вдруг он как раз в том, чтобы спасти мучающееся существо, пусть даже оно и враг. Ведь никто не знает, в чем наше предназначение, правда?»

От этих мыслей у меня на душе стало хорошо и спокойно, и я подумал, что, в принципе, готов к самому печальному исходу лесного приключения. Я грыз остаток хвоста врага и плакал от жалости к себе и чувства собственного достоинства, получившего столь парадоксальное выражение. Я ощутил, как под остренькими зубками разорвалась последняя ниточка хвоста, и я внезапно увидел громадную лису, приблизившую ко мне хищную морду.

«Все! – подумал я. – Идиот! Поверил, глупый... Вот она, расплата».

Я съежился в комок, зажмурил глазки и приготовился к жуткой смерти. Но в это мгновение почувствовал на всем теле теплый шершавый лисий язык. Она облизнула меня от хвостика до макушки головы, по доброму улыбнулась и с благодарностью сказала:

– Спасибо, милый мышонок, я тебе обязана жизнью.

Она присела на задние лапки, потом легла на траву так, что ее морда с хитрыми глазами была напротив меня.

– С философской точки зрения, – начала лиса, – жизнь многогранна, и совершенно непонятно, где причина, где следствие,

и как в бесконечной Вселенной эволюционируют души. Каждый раз души стремятся воплотиться в такие тела, которые ей послужат удобным инструментом для исследования лесной Вселенной. В этом воплощении, например, твоя душа решила использовать мышинное тело, а моя – тело лисички, – она с гордостью подняла морду кверху.

Было очевидно, что лисе хочется поговорить на философские темы, особенно о перевоплощении, и теперь, забыв об опасности, она упорно продолжала рассказывать мышонку об эволюции душ.

– Но сейчас, – лиса приблизила свою мордочку ко мне, – я чисто интуитивно чувствую, что эволюция заинтересована в освобождении твоей души для переселения её в более живую, осмысленную и одухотворенную форму. И само провидение выбрало меня, чтобы я помогла твоей душе покинуть маленькое, изношенное и совсем уже ненужное тело.

Лиса открыла пасть, и в это мгновение раздался громкий выстрел, у меня из глаз посыпались искры, а уши заложило так, что я перестал слышать. Голова закружилась, и я, упав на землю, скатился вниз, под корягу, не успев даже понять, что произошло. Через некоторое время, корчась от головной боли, я увидел, что к мертвой лисе подходят двое людей. Я их сразу узнал, один был в шляпе, а другой – в плаще. От страха я зарылся в листья и затаился. Маленьким мышинным глазом я подглядывал за происходящим. Тот, в шляпе, подошел совсем близко, нагнулся и, взяв лису в руки, сказал:

– Хорошая попалась, только жаль, без хвоста. Ну, да ничего. Шкура все равно добротная будет.

Голова лисы беспомощно свисала вниз. Я с ужасом глядел в ее остекленелые глаза, еще недавно старающиеся выразить бесконечность Вселенной.

«Интересно, – подумал я, – в какое новое тело вселится ее душа для повышения своего духовного уровня? Неужели в мышь? Это будет, наверное, грызун, полный хитрости и злобы, несмотря на глубину знаний о строении и эволюции душ». Этот, в плаще, стоящий рядом со мной, начал истерически смеяться, а потом, обернувшись к сидящему, сказал:

– Гляди-ка, поганый мышенок думает, что мы его не видим.

Он резко нагнулся, и через мгновение я уже сидел в его теплой противно-влажной ладони. Перед глазами у меня помутнело, и я понял, что это, пожалуй, настоящий конец длинного философского поиска. Наверняка либо деревяшкой по голове хлопнут, заживо в кипятке сварят, либо просто шею свернут. Он взял меня за кончик хвоста и поднял высоко в воздух. От страха у меня закружилась голова, затошнило и перехватило дыхание.

– Есть идея! – предложил двуногий в шляпе, бросив окурков на землю.

Он подошел к первому, держащему меня за хвостик, и засмеялся:

– Давай его привяжем к палке и еще одну лисицу поймаем.

– О! – оживился напарник, – конечно!

Было очевидно, что предложение понравилось, и они уже предвкушали удовольствие, которое получают от предстоящего спектакля, где мне была выделена роль жертвы. Злодей в шляпе воткнул в землю длинную палку и, вынув из кармана рыболовную леску, один конец привязал к ней, а второй – к моей задней ноге. Они громко смеялись в то время, как я, обезумев от отчаяния и боли, метался из стороны в сторону, пытаюсь спасти жалкую жизнь мышиноного философа.

От их громкого смеха с дерева стали падать красные шишки. Одна из них, большая и похожая на ту, которая почиталась жуками, упала совсем рядом. Я бросился к ней и стал её просить, чтобы она совершила чудо, и я смог бы освободиться и убежать от мучителей. Но шишка лежала неподвижно, и никаких чудес не происходило. Эти двое сидели неподалеку в кустах, наведя на меня ружья и выжидая момент, когда появится другая лиса. Никогда в жизни я не оказывался в подобном положении. Обессилев, я упал на траву и от отчаяния заплакал.

– Доигрался? – вдруг я услышал знакомый писклявый голос. Я застыл от неожиданности, мне показалось, что это была слуховая галлюцинация. Я оглянулся и увидел собратьев мышек, которые смотрели на меня из-за небольшого пригорка. На их лицах было выражение явного сожаления вперемежку с укором.

– Говорили мы тебе, – пищали мышки, – меньше думай, больше норок строй, приобретай жизненный опыт, который помогает понять, где враг, а где друг. А ты нас не слушал.

И поэтому ты сейчас там и скоро будешь съеден. А мы стоим здесь, в безопасности.

– Ну, как, нашел смысл? – спросил кто-то ехидно, и все тихо рассмеялись.

– Не бойся, – услышал я вдруг знакомый голос и, повернув голову, увидел неподалеку убитых змея и коршуна. Они были абсолютно живыми и хорошо выглядели.

– Вот это да! – воскликнул я. Лапки у меня подкосились, голова закружилась снова, и я свалился в траву.

– Как, вы живы? – прохрипел я с трудом.

– Конечно, – засмеялись они, – конечно же, живы; а мы и не умирали.

– Как это? – удивился я, – я же видел, как вас убили.

– Никто не исчезает... – одновременно произнесли змей и коршун. Они смотрели на меня с таким видом, как будто я не понимал чего-то очень простого, понятного любому только что родившемуся мышонку.

– Не понял, – задумчиво произнес я, – ничего не понял.

И вдруг произошло что-то необычное: я отчетливо увидел большую палку, воткнутую в землю, и себя, привязанного к ней за лапки, бледного, усталого, грязного и замученного. У меня была удивленная мордочка, как будто я заметил что-то совершенно необычное и загадочное. Я перевел взгляд вниз и обнаружил свои руки, держащие ружье: человек в плаще лежал возле меня. Потом я увидел у себя два больших крыла и острые когти на ногах.

В следующее мгновение я заметил, что у меня длинное зеленое змеиное тело, клубком свернувшееся на земле. Я здорово перепугался и понял, что сошёл с ума: нервы не выдержали. Что-то произошло, и я снова увидел себя маленьким мышонком на длинной леске, кровь у меня застыла от ужаса, а коварная лиса открыла зубастую пасть и прыгнула. И вдруг я ощутил, как мой палец нажал на курок, чтобы убить лису, крутящуюся возле маленького мышонка, привязанного к палке.

– Идиот! Рано! – закричал мой напарник и от злости стукнул кулаком о землю.

Я взмахнул двумя крыльями, поднимаясь в небо, но потом меня почему-то потянуло вниз, и я от испуга свернулся

в клубочек. Я рванулся вперёд, но леска болезненно вонзилась в лапку, отбросив меня на землю. Я услышал бормотание, которое быстро перешло в грубую речь, доносящуюся отовсюду, а потом раздался хохот. Я внезапно осознал, что это смеюсь я – через рот охотника, в отчаянии бросившего ружье на землю, через клюв коршуна, через ядовитые зубы змея, укравшего план мышиноного царства, через пасть лисы и маленькие ротики соратников-мышек.

Я совершенно явственно почувствовал, как мое тело расширяется, вбирая в себя ястреба, змея, коршуна, охотников, мышей и лису. Они все были частями меня, громадного и одновременно маленького, желающего, с одной стороны, рыть тоннели и строить норки, а с другой – понимающего бессмысленность всего этого.

Я понял, что окончательно сошел с ума, но решил предпринять последнюю попытку и узнать, что же все-таки со мной происходит. Я быстро потряс головой изо всей силы. К моему удивлению из нее посыпались мысли, но ни одной стоящей я не заметил. И когда, наконец, голова совсем опустела, я вдруг испугался, что никогда больше не смогу думать, и закричал, проснувшись в своей постели в середине ночи.

Я лежал, обливаясь холодным потом, думая о кошмаре, который только что приснился. Я заметил, что жена странно ворочается под одеялом.

– Слушай... – начал я и замер: на месте жены лежала лисица – та самая, без хвоста, и смотрела на меня хитрыми глазками. Я закричал от ужаса, вскочил и выбежал на улицу, где натолкнулся на двух охотников, которые стояли с ружьями наготове.

– Ну что, мышонок? – усмехнулся один из них, – доигрался? Дальше помню все обрывками. Скорая помощь, психиатрическая больница и голоса, голоса отовсюду – смеются, ругают, то сверху коршун кричит, то в ухо змея шипит.

– Но я же сам психиатр! – кричу я.

– Нет, доктор, – говорят мне, – вы пока еще мышь. А вот думать перестанете, отдохнете – тогда и на работу выйдете. Вас давно уже пациенты ждут.

– Я нормальный! – кричу я.

– Друг, – я слышу тихий змеиный голос, – в нашем лесу нормальным быть нельзя. Надо быть, как все: рыть тоннели, строить норки и ждать, пока мы вас всех проглотим.

– Конечно, – я услышал голос коршуна, – они вас, мы их, а охотники нас.

– А охотников? – спросил я.

– А охотников – сами охотники, – раздался голос доктора Зака.

– Не ешьте себя, коллега, – продолжал доктор Зак, – существовайте, как все, наслаждайтесь жизнью по возможности и принимайте лекарства, чтобы самому с собой в ладу быть, а то...

– А то что? – поинтересовался я.

– А то запутаетесь в жизни. Сколько всего непонятого кругом. Никто не знает, то ли верить, то ли нет, то ли любить, то ли ненавидеть, то ли думать, то ли пустить всё на самотек.

Доктор помолчал, а потом добавил:

– Я, например, не люблю рыть тоннели, а обожаю думать, но вам сейчас это делать не советую.

Я явственно увидел мышиный хвостик, торчащий у доктора из-под белого халата.

– Доктор, – заметил я, – у вас хвостик плохо побрит.

– Да... – доктор Зак посмотрел на меня внимательно, изучающе и с большим соболезнованием, а потом произнес:

– Вам, как коллеге и старому другу, могу сказать, что страшно не люблю свой хвост. Но спасибо за замечание. Обязательно его побрею. А вы ложитесь спать. Вам нужен отдых.

Я увидел, как доктор взмахнул двумя широкими ястребиными крыльями и выпорхнул в окно.

Я зашел в туалет.

– Я тебя люблю и все прощаю, – внезапно услышал я голос моей любимой подружки. Я оглянулся и увидел её, маленькую, симпатичную, хрупкую, нежную. Я хотел ее взять на руки и поцеловать, но она убегала, играя моими чувствами, что причиняло боль и страдания.

– Доктор Зак, – сказала дежурная медсестра, – там наш больной психиатр за мышью гоняется.

– Мышь? Никогда у нас мышей не видел, – задумчиво произнес доктор.

- И в любви ей объясняется, – с улыбкой добавила она.
- В любви? – доктор внезапно стал серьезным.
- Это замечательно в плане прогноза, – заключил он после долгого размышления, во время которого медсестра ожесточенно красила себе губы, – значит, нужно ожидать скорого выздоровления.
- А если мышь не ответит взаимностью? – ехидно спросила медсестра.

Доктор Зак почесал кончик носа.

Внезапно открылось окно, и подул холодный осенний ветер, полный дождя и странных вопросов, не решенных ещё с лета.

Вечер был необычным. Он возник внезапно, вобрав в себя доктора Зака, с его больной поясницей и размышлениями о жизни. Зак не был к этому готов. Блуждая в потемках, он пытался найти выход и вскоре уткнулся головой в нечто упругое и теплое. По ощущениям, это был живот. Психиатр, уткнувшийся в темноте головой непонятно в чей живот, представлял интерес для науки. Доктор не растерялся. Он потрогал живот пальцем, а потом спросил дрожащим голосом: «Кто это?»

Однако ответа не последовало. Живот был настоящий, по всей вероятности, женский. И тут доктор Зак почувствовал, что захлебывается. Вода лилась в уши, ноздри и все оставшиеся дыры, открытые для изучения мира.

«Не бойтесь, – услышал он шепот, – не бойтесь, дышите ртом».

Доктор Зак открыл рот скорее от страха, чем от чего-то другого. И вдруг почувствовал такое спокойствие, что полностью расслабился.

«Вы во чреве матери», – прошептал голос.

«Да нет, – прохрипел доктор, булькая, – я шел домой после работы, и вдруг что-то случилось».

Нечто сильно сжало со всех сторон. Было неприятно, даже больно. Он заметил, что сопротивляется, хотя и не понимал, почему. Стало страшно. Он понял, что падает вниз головой на письменный стол. Краем глаза он успел заметить, что это был стол, заваленный рецептами, недоеденными яблоками и обрывками разных сумасшедших идей.

– Нет! – закричал он и почувствовал шлепок по заду.

– Доктор, доктор, – раздался испуганный голос рядом с его влажным ухом, – что с вами?

Открыв глаза, он увидел себя полулежащим на столе. Доктор Зак с шумом дышал, фыркая, как жеребенок. Прямо перед ним стояла его больная, Прохорова-Джонсон, и расстёгивала розовую кофточку. Он испуганно посмотрел на нее.

– Сисю дать? – ласково спросила женщина и, вытащив большую белую грудь с розовым соском, протянула её доктору. Он заволновался, хотел оттолкнуть грудь, замахал руками и ногами, а затем ощутил во рту теплый сосок и, к своему удивлению, начал посасывать.

«Я сошел с ума», – подумал он.

«Плевать, мне так хорошо!» – мелькнула другая мысль.

Доктор Зак недоверчиво смотрел на Прохорову-Джонсон, боясь, что она устанет и отберёт сосок. Но она и не собиралась. Введя сосок поглубже в рот, она погладила его по голове и начала петь песенку. Доктор подумал, что сумасшествие бывает разное, и ему крупно повезло. Могло быть намного хуже. Он никак не мог понять: а что же будет дальше?

– Все будет хорошо, – заверила Прохорова-Джонсон и поцеловала его в лоб. Доктор Зак ей верил. Он не хотел анализировать. Молочко было теплое, жирное и возвращало силы, истраченные в поисках правильных диагнозов и лекарств.

«А может, это сон? – подумал он. Но все было реально. – Если я понимаю, что я сумасшедший, значит, я еще нормальный!» – решил он.

– Да не волнуйтесь, доктор Зак, – прошептала Прохорова-Джонсон. – Ведь вам хорошо», – она поправила сосок для лучшего оттока молочка и продолжала петь.

«Плевать. Будь что будет», – решил доктор и жадно продолжал сосать. В первый раз в жизни он очутился в мгновении, за которым простиралась пугающая неизвестность.

«Человеческое сознание, – подумал он напоследок, – это неразрешимая загадка. Никто не знает, что реально, а что – нет».

Доктора клонило ко сну, но ему хотелось сосать грудь и слушать песенку. Впервые за пятьдесят лет он почувствовал, что у него всё есть для счастья.

Дорога была тяжелой. Последние мили давались плохо, я периодически терял направление. Я не понимал, куда надо идти. Где он, мой дом? Я знал местонахождение двухэтажной кирпичной коробки, в которой спал и ел. Но был ли это дом? Я устал и присел рядом с фонарным столбом. В машинах проезжали люди. Многие из них, вероятно, спешили домой. Я посмотрел на женщину, шагавшую по мостовой, и позавидовал зародышу, который либо рос в ее матке, либо появится там в будущем. У зародыша будет – или уже есть – дом.

«Интересно, – мелькнула мысль, – а если он не считает матку домом? Где же его дом тогда? Откуда он пришел?»

Девушка подошла и, улыбаясь, произнесла мягким голосом:

– Хочешь меня?

– Хочу, – ответил я, не успев подумать, – очень.

– Сто пятьдесят в час, – предложила она.

Я кивнул.

– Идем к тебе, – она улыбнулась.

– У меня нет дома... или есть... – задумчиво сказал я.

– Хочешь ко мне? – спросила она, – я живу рядом.

– К тебе? – удивился я. – У тебя есть дом?

– Есть, – уверенно ответила она. – Но не мой, я арендую.

– Можно в машине, – добавила она, увидев, что я задумался.

– Хорошо, – согласился я, – но моя машина стоит возле дома, а я не знаю, где он. Точнее, не могу понять, что это такое – мой дом.

– Пошли в мою? – она приподняла бровь.

– Пошли.

Девушка твердой походкой пошла вперед, и я устремился за ней. В машине было тепло. Мы устроились на заднем сиденье. Она сняла трусы и повернулась задом. Я придвинулся поближе и почувствовал, что проваливаюсь к ней в промежность. Я закричал от страха тоненьким голосом и с головокружительной скоростью пролетел между ее ягодиц, во влагалище, а оттуда – в матку, где, больно ударившись о внутреннюю

стенку, свалился вниз. С сильно бьющимся от страха сердцем, я огляделся вокруг: было ощущение чего-то знакомого, уже виденного, похожего на дом, где жил давно.

Кто-то рядом кашлянул, я вздрогнул.

– Не бойся, – послышался знакомый голос, – возьми пость, запей соком и ложись спать.

– А кто это? – поинтересовался я, шевеля сухим языком.

– Если бы я знал, кто я, – объяснил голос, – никогда бы в неё не свалился. А теперь сижу и маюсь уж которое столетие.

– Столетие? – я ущипнул себя за бедро, не веря в реальность происходящего.

– Не терзай себя! – буркнул человек, – это реальность. Ты же домой хотел! Отдыхай.

Из темноты показалась высокая фигура, лица не было видно.

– Хватит храпеть! – закричала вдруг фигура женским голосом. Моя барабанная перепонка лопнула, выпустив поток ненужной глупости. Рядом лежала жена с перекошенным от бессонницы лицом. Было два часа ночи. Я встал, оделся и вышел во двор. Оглянувшись, я увидел двухэтажную кирпичную коробку.

– А дом где? – спросил я черного кота, с ухмылкой смотрящего на меня с крыльца. В глазах кота сверкнуло изумление.

– Дом? – удивленно спросил кот, – а где его нет?

– Коты разговаривают, – убеждал я психиатра в приемном отделении, – разговаривают. К ним подход нужен.

– Конечно, разговаривают, – соглашался доктор, – а вам нужно отдохнуть. У нас вы будете себя чувствовать как дома.

Двое полицейских взяли меня под руки, и я оказался в новом доме. Чисто. Решетка на окне. Коричневый халатик на хилом, измученном вопросами волосатом теле. Труссы носить разрешается. Тапочки – зеленого цвета, с помпончиками. Дом пахнул лекарствами, суетой, кашей, задумчивыми психиатрами и все знающими агрессивными социальными работниками.

Я сел на кушетку и подумал о доме. Где он? Через несколько минут, часов, а может быть, и лет я осознал, что дома в этом мире нет. Мне стало спокойно. Только хочется временами забраться к медсестре под юбку и отдохнуть от шума машин, идиотизма начальника, крика жены, таблеток, поиска смысла жизни, выхлопных газов и самого себя.

Я нашел в кармане сто пятьдесят долларов, но от проклятых таблеток так растолстел, что в машину не влезаю. Однажды я не проснулся. Так и не удалось с толком потратить деньги. Здесь, дома, хожу и всем рассказываю о том, каким я был идиотом. Искал, спрашивал, интересовался, с котами и с докторами разговаривал, храпящих жен слушал, в пробках торчал, в то время как все, что надо было сделать – это лечь на траву, закрыть глаза и слушать пение птичек. Ведь они же пели о доме.

– Ты не хочешь меня, – полувопросительно, полуутвердительно прохрипела жена. Я глядел на потолок, следя за движениями большой мышки, медленно ползущей в направлении угла.

«Но ведь мыши не ходят по потолку, – сказал я себе, – они бегают по полу».

Жена посмотрела на мышь и закричала от ужаса.

Я внимательно посмотрел на потолок и вдруг понял, что это был пол. А мы лежали на диване, на потолке. Рядом торчала люстра.

– Это все потому, что ты меня не хочешь, – жена ударила меня кулаком по щеке и стала плакать. Мне не нужны были проблемы: ни недовольная жена, ни мышь на потолке, ни торчащая рядом люстра. Мне нужно было отдохнуть. Немедленно. Я встал, пошел налево, повернул направо, двинулся прямо и вышел на лужайку. Лег на траву, закрыл глаза и приготовился поспать, как вдруг услышал голос жены:

– Ну почему ты меня не хочешь?

Открыв глаза, я увидел ее, лежащую рядом; на её плече сидела мышка. Вид у обеих был недовольный.

– Нет! – закричал я, побежал вперед и, больно ударившись лбом, упал вниз.

Когда очнулся, то увидел, что лежу на кушетке. Рядом стоял доктор Зак и задумчиво листал историю болезни.

– Мышь, – произнес доктор, – жена, – добавил он минуту спустя, – так... люстра... пол с потолком перепутали. И давно это началось?

– Сегодня утром, – вздохнул я.

– Жизнь, – объяснил психиатр, – ваша жизнь запуталась, необходим отдых. Мозг пытается защититься от абсурда.

– От чего? – не понял я.

– От абсурда, – объяснил доктор, – он рождается, когда начинаешь интенсивнее работать, больше покупать, быстрее бегать от себя, дольше смотреть телевизор и меньше спать.

– Так, значит, я родил абсурд? – спросил я. – Тогда почему же я не в родильном отделении?

– Родильное отделение, – доктор показал пальцем на окно, – это мир, в котором мы живём.

– Значит, мы все время находимся в состоянии беременности? – изумился я.

– Вы начинаете выздоравливать, – улыбнулся доктор Зак, в то время как я ощупывал свой живот.

– Я шёл по лабиринтам, пытаюсь куда-нибудь выбрать-ся. Дороги были извилистыми, неожиданно раздваивались, а иногда становились безумно узкими. Идти было сложно. Препятствия в виде острых камней так надоели, что хотелось закончить изнурительную ходьбу. Я пытался остановиться, но было страшно стоять в одиночестве, в неопределенности. Какая-то сила гнала меня вперед.

Было трудно понять, где перёд, а где зад. Я пытался сопротивляться силе и страху, цепляясь пальцами за колючие холодные мокрые камни, из которых были построены стенки тоннелей. Я боролся со своими ногами, продолжающими автоматически двигаться вперед.

В такие моменты я задавался странным, пугающим вопросом о смысле происходящего. Вопрос бился внутри черепа, перед глазами появлялся туман, становилось тяжело дышать, хотелось всё бросить и бежать, бежать, бежать... Казалось, я потерял ориентировку. Было неприятно: я не понимал, куда и зачем иду.

До боли вцепившись в камни кровоточащими пальцами, я смотрел на бесчисленные тени, подобно моей, бегущие с разной скоростью в различных направлениях. Тени здорово подпирали с боков. Меня отрывало от стены, как пиявку от кожи, и несло куда-то с такой силой, что сопротивляться было бессмысленно. Я видел, что тени, так же, как и я, пытаются присосаться к стене, но падают и исчезают в темноте.

Однажды я умудрился забраться туда, где было темно, пахло сыростью, мышами, деньгами, машинами, домами, женскими духами, лекарствами от запора и импотенции и страшной будничностью. Я завис высоко от пола и задумался дольше обычного. Мое сознание в виде вопроса уткнулось в стену, сделанную из плотного прозрачного материала.

Внезапно я осознал идиотизм всего происходящего, а затем увидел надежду. Она была маленькая, похожая на крохотный уголек, едва-едва мерцающий огоньком в темной печи. Уголёк

стал разгораться сильнее и наконец запылал ярким пламенем. Я испугался, попытался прыгнуть вниз – и оказался в вашем офисе, доктор Зак... Что со мной произошло?

– Жизнь, – ответил доктор и, взяв рецептурный бланк, начал писать назначение.

– Что? – не понял пациент.

– Что? – поднял глаза доктор.

– Вы сказали: «жизнь», – больной нервно хрустнул пальцами рук.

– Обязательно на пустой желудок... – доктор думал о вкусной бараньей косточке, уверенно водя авторучкой по бумаге.

Доктор Зак не спал несколько ночей. Каждый раз, когда он засыпал, ему снился белый медведь. Доктор видел себя голым, сидящим на плывущей в океане небольшой льдине. Белый медведь выныривал из воды, плыл к нему, залезал на льдину, скалился и грозно требовал таблеток для поднятия настроения. Доктор говорил, что он не в офисе и у него нет рецептурных бланков и авторучки, на что медведь сильно сердился и кусал его за пятку. Доктор Зак просыпался с болью в пятке и от волнения не мог заснуть до утра. Пятка болела настолько, что стало тяжело ступать на ногу, и он решил пойти к врачу.

– Здесь след от укуса, – сказал доктор Коган, внимательно осмотрев ногу. – Кто это? Собака? Кошка?

– Белый медведь, – услышал себя доктор Зак.

Доктор Коган с улыбкой посмотрел на коллегу, но тот не улыбался. Он сидел с заплаканными, красными от слез и бессонницы глазами. Улыбка сошла с лица доктора Когана, и он тихо спросил:

– Медведь? Белый?

– Да, – прошептал доктор Зак, глотая слезы.

– Где же вы в городе медведя нашли?

– Не знаю, – ответил Зак, – сам пытаюсь понять. – Ему не хотелось рассказывать доктору Когану всю историю, потому что тот был специалистом по ногам. А специалистом по голове был он, доктор Зак. Ему не надо было долго думать, чтобы прийти к выводу, что у него с головой явно не ладилось.

Поблагодарив доктора Когана, он надел ботинок и вышел из кабинета, твердо решив не спать, чтобы не встретиться с белым медведем.

«Следы укуса, – вертелось в голове, – как же это может быть?»

Он решил установить в спальне видеокамеру и снимать себя во время сна. Всю ночь доктор Зак боролся со сном, но к утру уснул. Проснувшись, тут же побежал к камере, прокрутил ее обратно и стал смотреть. К ужасу и удивлению, он увидел себя,

проснувшегося среди ночи и кусающего собственную пятку. Самым неприятным было то, что он ничего не помнил.

«Боже, – подумал доктор Зак, – что же происходит? Что еще я делаю во сне, о чем не знаю?»

Весь день он ходил расстроенный. Вечером долго сидел за письменным столом, листая учебники психиатрии в попытке найти метод лечения, но потом устал и заснул. Во сне к нему на льдину пришел медведь и потребовал таблетки.

– Это мне нужны таблетки, – объяснил доктор Зак. – А ты здоров. Я сам себя кусаю за пятку. А ты здесь ни при чем. Тебя нет. Убирайся!

– Что за чушь! – прохрипел медведь. – Я тебе покажу, как меня нет!

Он бросился к Заку и со всего размаху стукнул его лапой по лицу. Доктор скорчился от боли и попытался проснуться, чтобы прекратить избиение самого себя. Но не тут-то было. Медведь что есть силы лупил его по всем частям тела и требовал таблеток.

– Где же я тебе их возьму? – отчаянно прокричал доктор Зак и заплакал.

– Роди, – медведь еще раз ударил доктора.

– Я не женщина, – оправдывался доктор.

– Мне все равно, – выл медведь и продолжал его бить.

«Если я не проснусь, то сам себя убью», – подумал доктор Зак. Он резко дернул ногой и, проснувшись, обнаружил себя сидящим за рулем автомобиля. Доктор не на шутку испугался. Он не помнил, как встал утром и как очутился в машине.

День шел за днем. Каждую ночь доктор Зак получал взбучку от белого медведя. И просыпался все позже и позже, пока наконец не проснулся поздно вечером. Он не помнил ничего из того, что делал целый день. Доктор Зак хотел в отчаянии закричать, но внезапно уснул.

– А-а, – сказал медведь, выплюнув сардину, – наконец-то ты мой. Теперь я буду бить тебя по морде без перерыва, пока не дашь лекарство.

Доктор Зак оглянулся: вокруг был смертельно холодный океан. Он и медведь стояли напротив друг друга на маленькой льдине. Доктор заплакал и, внезапно ощутив прилив ярости,

ударил медведя кулаком в ухо. Медведь заскулил, доктор Зак изо всей силы ударил его в другое ухо и укусил за нос.

– Нет! – закричал медведь, выплюнул зуб и прыгнул в воду, поклявшись больше не вылезать на проклятую льдину. Доктор Зак чувствовал себя гигантом. Победителем. Он внезапно проснулся и увидел себя верхом на жене.

– Да что это с тобой? – испуганно пролепетала она, – виагры наелся, что ли?

Доктор вытер пот со лба и соскользнул на влажную простыню. Жена чуть дышала от удовольствия. Он встал с кровати, надел трусы, майку, вышел из дома, сел в машину и поехал. Он не знал, куда едет, но чувствовал, что его ожидает новая жизнь, без белого медведя на плывущей в безбрежном океане льдине. Доктор уверенно смотрел вперед.

Солнце вставало и затапливало его страх ярким малиновым цветом. Внезапно доктор Зак услышал рычание, и ему захотелось, чтобы оно осталось только плодом его воображения...

Утро ворвалось в психиатрический офис, брызнув свежестью на нос доктора Зака. Он сидел за столом, внимательно слушая пациента, вот уже полчаса подбирающего слова для рассказа.

– У меня на жену аллергия, – наконец произнес он, – как ее вижу, кожа покрывается прыщами. Аллерголог считает, что мне нужен психиатр.

– А где прыщи? – спросил доктор. – Можно посмотреть?

– Конечно. Вот, – пациент подошел к доктору и, приблизив лицо, так широко открыл рот, что тот увидел все пломбы. Прыщей не было.

Доктор отстранился, сел глубже в кресло и, чтобы не нюхать тепловатое дыхание, предложил больному присесть.

– Нет, не вижу прыщей, – прокомментировал доктор Зак.

– Они невидимые, – пояснил тот, – и большие. Такие большие, что не могу понять, где ухо, а где прыщ. И потом... – продолжал он, – они в основном внутри прячутся: в почках, печени, желудке. Не дают жить, дышать, пить и... – больной помедлил, – они еще и разговаривают со мной, доктор, эти прыщи.

– И что они говорят? – Доктор Зак уже практически поставил диагноз.

– Они советуют лечиться, – объяснил больной.

– От чего? – искренне поинтересовался доктор.

– Прыщи говорят, что жена целиком состоит из пыли и её нужно... ну, это... пылесосом!

– Пылесосом?

– Да, чтобы аллергии не было. Я так и сделал, – продолжал он. – Пока она спала, я его включил и ее туда... ну, это... всосал.

– Жену? – уточнил доктор Зак.

– Конечно, – подтвердил пациент.

Вдруг он начал плакать:

– Доктор, я боюсь, она там задохнется.

Он внезапно вытащил пылесос и положил его на стол перед носом доктора Зака.

– Извините, – начал было доктор, – но...

– Такая хорошенькая, такая хорошенькая... – продолжал больной шепотом, оглядываясь по сторонам. – Такая мордочка, лапки...

Он открыл пылесос, оттуда выскочила маленькая мышка и прыгнула доктору Заку на ширинку.

– Ой! – вскрикнул доктор.

– Ее зовут Лолита, – представил больной и схватил доктора за ширинку, пытаясь поймать мышку.

– Ой! – снова вскричал доктор Зак и вскочил, как ошпаренный.

Больной прыгал под столом, пытаясь поймать грызуна. Доктор Зак стоял в растерянности, со вспотевшим лбом, и не знал, что делать. Вдруг пациент выпрямился. Его лицо сияло восторгом. В вытянутой руке он держал белую мышку. Сев в кресло, он чихнул и продолжил:

– Простите, доктор. Я все выдумал. Про прыщи и жену. Чувствую себя одиноким. Никого, кроме мышкы, у меня нет. Хотелось с человеком поговорить. А с кем в наше время можно побеседовать? Только с психиатром!

– Так вы нормальный? – удивился врач, не совсем понимая собственный вопрос.

– А вы? – спросил, в свою очередь, тот.

– Я? – переспросил доктор.

Мышка тихо пискнула и пошевелила лапкой. Пациент нагнулся и чмокнул губами мышиный носик с такой теплотой и нежностью, что доктор Зак икнул. Он попробовал вспомнить, кого и когда так целовал в последний раз, но не смог.

– Нормальный ли я? – спросил вслух психиатр. – Вряд ли!

– Это вы о чем? – пациент посмотрел на него с недоумением.

– Это о нормальности и ненормальности, – объяснил доктор Зак, икнув в очередной раз. И, наморщив лоб, он с надеждой посмотрел в будущее.

Доктор Зак сидел на скамейке в парке. Сначала он читал газету, потом стал мечтать непонятно о чём и вдруг обнаружил, что лежит на травке совершенно голый, без очков, с сачком для ловли бабочек в руках. Он страшно перепугался, вскочил на ноги и увидел, что находится высоко в горах. Кругом – ни души.

– Доктор Зак! – вдруг услышал он голос, доносящийся откуда-то, – какое лекарство посоветуете принимать?

Доктор моментально все понял и расстроился. Иногда, общаясь с пациентами, он как бы одновременно находился и с ними, и в своем воображаемом мире.

«Надо отсюда поскорее выбраться», – решил доктор Зак, не совсем понимая, что будет делать. Он вновь услышал голос больного:

– Чем больше думаю о начальнике, тем сильнее болит живот, и тем хуже становится погода.

– Да, интересно, – заметил доктор Зак, с трудом сохраняя спокойствие.

– Расскажите о погоде, – попросил доктор, лихорадочно бегая туда-сюда.

– Погода, доктор, действует на нервы. А нервы будят по ночам, вызывая голод.

– Голод, голод... – повторял психиатр, в отчаянии пытаясь найти выход в привычный мир.

– А кушать нечего, – не унимался больной, и доктор Зак явственно услышал плач: – Холодильник пустой. Последний кусочек куры съел вчера.

Рыдание было настолько сильным, что вспугнуло коз. Они вздрогнули и исчезли в большой дыре скалы, возвышающейся вдалеке.

– Плохо, все плохо, – продолжал скулить пациент.

– Плохо, – на ходу бросил доктор Зак и с разбега прыгнул в расщелину вслед за козами.

Он оглянулся: кругом была темнота. Доктор Зак протянул руку, чтобы не наткнуться на что-нибудь, и вдруг нащупал

грудь. Грудь была явно женская, теплая и правильной формы.

– Доктор, – снова услышал он голос больного, – собака на нервы действует. Лаает и лаает...

– Это ты? – раздался вдруг приятный молодой женский голос.

– А кто ты? И где я? – спросил доктор Зак, щупая тело руками.

– О чем это вы, доктор? – удивился пациент.

Психиатр понял, что окончательно запутался. Ему стало страшно.

– Доктор, – заскулил больной, – куда вы идете? Там окно, вы сейчас упадете.

– Да? – испуганно прошептал доктор Зак, чувствуя рядом дыхание молодого тела.

– Иди сюда, иди... – услышал он тот самый женский голос, и решительно шагнул вперед.

– Ой! – испуганно вскрикнул пациент.

Но доктор был в свободном падении.

– Тебе хорошо? – услышал он её ласковый голос.

Он ощутил себя в объятиях той недоступной, нереальной красивой женщины его мечты.

– Очень, очень хорошо! – признался доктор.

– Доктор из окна вывалился! – крикнули сверху.

«Конец, – подумал Зак, – но хороший».

Он наслаждался любовью, ожидая удара головой об асфальт. Удара не было.

«Не могу же я столько лететь!» – подумал доктор Зак.

«А, может быть, все наоборот? – продолжал размышлять он. – Мир, где живу я и мои больные – выдуманный. А этот, в котором я падаю, охваченный любовью – настоящий».

Поняв, что разобраться он не в состоянии, доктор отдался судьбе, точно знающей, что к чему.

– Покажи мне себя, – попросил он женщину. Доктор знал, что она сбросила одежду, но в темноте ничего не видел.

– Не принимай это идиотское лекарство от бессонницы, – вдруг услышал он другой женский голос, – а то никак не можешь проснуться.

– Нет. Это был не сон... – пробурчал доктор Зак, но был не в состоянии открыть глаза.

– А что же это было? Чуть грудь не оторвал! – недовольно проворчала жена.

Доктор Зак плакал. Но жена слез не видела. Его веки были плотно сомкнуты.

Доктор Зак открыл письмо и прочитал:

«Здравствуйте, дорогой доктор. Я живу в лесу. Выгнал медведя из берлоги, обложил стенки картофельными коробками, утеплил старыми тряпками, и получилось сносно. Утром ухожу на работу в госпиталь. Пациентов люблю. Особенно детей и стариков. На прошлой неделе ездил на симпозиум, но простудился, потому как ходил босиком по мраморному полу. Женился недавно на женщине среднего роста, без особых претензий. Пока справляюсь. У меня еще остался запас ваших таблеток. К нам в гости приходят волки, лисы, медведи, козы и инопланетяне.

Иногда бывает грустно. Я вспоминаю время, проведенное в больнице, и в душе расцветают розы. На них много колючек, которые жена обламывает пальцами. Да, забыл сказать: у меня родилась дочь. Год назад. Ей уже восемнадцать, и мы хотим её выдать замуж. Нет ли у вас свободного доктора? Сейчас идет дождь. Мы сидим в нашем трехэтажном доме возле океана. Пьем вино, которое я сам делаю из лунных камней. Вчера мы продали берлогу, на вырученные деньги купили молоток, с помощью которого построили этот дом.

Доктор Зак, если вы думаете, что всё, что я написал – бред, то это неправда. Это не просто бред, а бред изысканный и неповторимый. Я знал, что вам он понравится. Вы же любите необычное.

Жизнь скучная: с утра катаюсь на красном пони по облакам, днем охочусь на бегемотов в Гималаях, по вечерам – на тигров в Манхэттене. Инопланетяне... Ой, как они надоели, не знаю, куда деваться. Бред. Все время на бред тянет. Почему? Наверное, потому что скучно. Всё в летающей тарелке обыденно: каша, селедка, картошка, черная икра. Опять бред. Доктор Зак, почему я не могу нормально жизнь описать? Наверное, потому, что писать нечего. Ночь-день, опять день. Динь-динь-динь-динь. Лето, март, Венера. Опять чушь».

Доктор Зак всё перечеркнул и начал писать сначала. Он любил получать от пациентов письма. Но иногда ему подолгу никто не писал. И тогда он писал себе сам. Писательский зуд не позволял расслабиться.

– Я думал, что бежал по прямой, но оказалось, что это была не прямая, а кривая, и я вернулся туда, откуда начал путь. В процессе размышления осознал, что бежал не я. Истинный я лежал в комнате на диванчике, связанный проволокой по рукам и ногам. Во рту был кляп.

Кровать была в квартире без номера, квартира – в доме, стоящем на улице без названия, в неизвестном городе, на неведомой планете. Доктор Зак, – больной умоляюще посмотрел на доктора, – помогите найти меня, связанного, лежащего неизвестно где. Ведь это же я, настоящий я, а тот, кто перед вами сидит – робот, движимый бредовой идеей.

«Интересно», – подумал доктор. Он представил себе, что истинный доктор Зак лежит, связанный по рукам и ногам неизвестно где, и ему стало не по себе.

– Я вас понимаю... – продолжал больной. – Давайте вместе нас разыщем, – предложил он.

– Видите ли... – многозначительно произнес доктор Зак, отодвигая пациента туда, где-то должен был стоять, и возвращая себя на место доктора. – Видите ли... – он пытался найти слова, чтобы лучше выразить ускользающую мысль. – А куда вы, собственно, хотите идти? Где вы хотите нас искать?

– Да ерунда все это, – вдруг буркнул больной, – взбрело в голову. Лучше выпить, закусить – и к девчонкам.

– Думаете? – неожиданно для себя спросил доктор Зак. – А как там чувствуют себя связанные, лежащие неизвестно где?

– А вы таблеточку дайте, чтобы не думать, – попросил больной.

– Таблеточку можно, – согласился доктор.

– Думать плохо, – высказал глубокую мысль пациент. – От думы – печаль.

– Но ведь без мыслей человек превращается в животное, – возразил психиатр.

– А чем животному хуже? – поинтересовался больной и почесал за ухом.

Остаток вечера и ночь доктор Зак думал о том, чем животному хуже. Его осенила интересная мысль: у человека, в отличие от животного, есть жена, машина и долги. Доктор заснул. Ему приснился человек, удивительно похожий на него, лежащий на маленьком диване, связанный проволокой. Человек умоляюще посмотрел на доктора Зака и попросил: «Отвяжи».

- А жена, машина, долги? – поинтересовался доктор.
- Отпусти! – умолял лежащий на кровати человек.
- А дети, пенсия? – продолжал доктор Зак.
- Отпусти, пожалуйста!
- А страховка на жизнь? А место на кладбище в рассрочку? Человек на кровати плакал. Доктор тоже.
- А чем животному хуже? – спросил доктор Зак, на секунду прекратив всхлипывать.
- Мне не хуже – мне лучше, – услышали они голос барана.
- А чем тебе, баран, лучше? – одновременно спросили они.
- Трава сочная! – ответил баран и весело заблеял.
- Наверное, жить надо проще, – подытожил доктор Зак, – вино, закуска – и к девчонкам...
- Развяжи, – снова попросил лежащий. Доктор Зак не знал, что делать. Он замер в нерешительности.

– Доктор, я так её любил, что перестал быть самим собой. Время шло, и тот, в которого я превратился, изменился до неузнаваемости. Так продолжалось долго, пока я, наконец, отчаявшись, не спросил себя: а кого я люблю?

Я потратил дни и ночи в поисках ответа, но так и не мог понять. С чего я взял, что вообще кого то люблю без памяти? Я запутался до такой степени, что потерялся. И бродил в лесу, в темноте. Была глубокая ночь, судя по ярким звездам. Кругом лежал снег до пояса. Справа выл голодный волк, слева дремал нервный медведь.

Я стоял босиком на снегу, раздетый, в пиджаке и галстук, с чашкой горячего кофе в руке, даже не пытаюсь понять, что произошло. У меня не оставалось ни сил, ни желания. Я полностью отдался в руки судьбе, которая выглядывала из-под сугроба и манила к себе. У нее были нежные женские руки, которые грациозно извивались, как две изящные змейки. Несмотря на потерю памяти, руки показались знакомыми. Я бросился к ним, схватил за запястья и почувствовал, как меня потянуло вниз, где было тепло, уютно и безопасно. Я покорился судьбе и оказался втянутым в нечто, напоминающее матку, которую хорошо помню, поскольку это единственное, что помню. Там, внутри, меня охватил страх: я понял, что это пристанище временное, и скоро я окажусь там, где хожу без памяти босиком по снегу, под темным звездным небом, с чашкой горячего кофе в руках. Вдруг я почувствовал толчок.

Удар был настолько сильным, что, по всей видимости, спровоцировал сокращение матки, и я был выброшен к вам, доктор. Я растерян и не знаю, что делать: то ли анализировать случившееся, то ли плюнуть и лечь спать.

Доктор Зак пытался понять, что произошло с человеком. Перед ним возникли изящные женские руки, торчащие из-под снега рядом с медведем.

– Красиво, – произнес доктор Зак незаметно для себя.

– Доктор, – заметил больной после паузы, во время которой доктор Зак мечтательно откинул голову в кресле и закрыл глаза, – вы считаете, что мне нужны таблетки?

Доктор Зак спал. Он устал от навязчивой мечты влюбиться, от желания перекрасить или перестроить – словом, каким-то образом изменить жизнь – и оказаться под ночными звездами. Мечта настолько измотала, что он стал забывать, кому и что сказал. Ему был необходим сон, долгий отдых, чтобы восстановить силы и объяснить пациенту, зачем нужны таблетки, когда жизнь запутывается до такой степени, когда воображаемое становится реальностью. И вообще, кто сказал, что реальность не является чьим то воображением, которое, в свою очередь, меняется в зависимости от настроения? Но даже с восстановленными силами доктор Зак всегда путался во всем этом. Он много думал, вместо того, чтобы работать день и ночь, а на вырученные деньги покупать больше хлеба и колбасы.

«Ах, как хорошо положить колбасу поверх хлеба, запить горячим чаем, лечь в тепленькую постель и заснуть», – подумал доктор Зак во сне. Но судьба обделила доктора обыкновенным человеческим счастьем.

Больной послушал храпение доктора, встал, походил, лег под кресло, свернулся калачиком и заснул. Ему было спокойно с доктором. Чувствовалось что-то родное, что невозможно описать словами, но можно попытаться лечить.

Доктор Зак лежал и смотрел в окно. Рассвет означал хлопоты, боль в желудке, кашель и ожидание чуда, которое вот-вот должно произойти. Ему казалось, что чудо уже здесь, только он не может его рассмотреть; точнее, видны отдельные черты, но целостный образ размыт. Было ясно, что оно женского рода, поскольку, даже будучи невидимым, излучало фермоны, поднимающие орган доктора Зака, давно забытый им в суете будней.

Он посмотрел вокруг и заметил шкаф, тумбочку, кровать, на которой лежала слегка храпящая жена, мягкие тапочки под кроватью, таблетки от бессонницы на полу. Чудо было рядом, стоило протянуть руку и прикоснуться...

Доктор Зак встал с постели, вытянул руки и стал щупать воздух. Жена повернулась на спину и продолжала спать с открытыми глазами. Он вдруг почувствовал, как кто-то нежно коснулся спины. Доктор испугался. В поэтическом воображении предстала картина, где он, доктор Зак, сошел с ума и находится в глубоком психозе. Ему слышится замечательный нежный и звонкий голосок. Возникло видение: его везут на «скорой» в больницу, где будут пичкать лекарствами, от которых появятся головная боль и расстройство желудка. Касание становилось все сильнее и настойчивей. Кто-то уже легонько коснулся губами шеи. Невидимые руки обхватили тело сзади. Левое ухо затрепетало от тёплого дыхания незнакомки. Доктор Зак представил себя буйно помешанным, несвязно орущим, привязанным к кровати ремнями. Рядом стоят врач с серьезным лицом и медсестра со шприцем.

Нежная, легкая рука обхватила живот и медленно поползла вниз.

– Обернись, – вдруг он услышал шепот, – я здесь.

– Нет! – неожиданно для себя истерически закричал доктор и, сорвавшись с места, бросился из спальни на улицу. В трусах, взволнованный, с трясущимися руками, он прыгнул в машину. Немножко успокоившись, он решил вернуться. Осторожно

озираясь по сторонам, он вошел и сел на пол. В комнату вошла жена.

– Голоса? – поинтересовалась она, зевая.

Он удивлённо взглянул на нее.

Жена направилась в туалет, на ходу расстегивая халат.

– Нервный стал! Дотронуться до тебя нельзя: орешь, как бешеный! – недовольно буркнула она перед тем, как закрыть дверь.

Открыв глаза, Билл с удивлением обнаружил, что лежит голый на опушке леса. Холодный ветер швырял в лицо охапки осенних листьев, а громадный жук тщетно пытался забраться на кончик носа. Билл помнил, что мгновение назад лежал в кровати, слушая рассказ жены Евдокии о начальнике. Он не мог понять, что вытащило его из теплой постели, бросив на холодную поляну. Билл посмотрел вверх: над головой кружилась любопытная ворона. Дрожа от холода, он встал и побрел в сторону леса. Надо было бы бежать в панике по холодной, промерзшей земле и кричать: «Спасите!!»

Но бежать не хотелось. Он не понимал, почему. Маленький еж выполз из норки и, посмотрев на Билла хитрыми глазками, шмыгнул носом.

Пошел дождь, усилился ветер. Рваные тучи цеплялись за верхушки сосен. Крикнул филин. Послышался странный звук. Билл обернулся и увидел оленя. Олень посмотрел на него изучающим взглядом, а потом сказал:

– Справа от тебя съедобный гриб.

Билл понял, что сошел с ума. Странно, как он этого не понял раньше. Но как же он сошел с ума, если знал о том, что сошёл с ума? То, что происходило с ним, не было сном, но и не было реальностью или мечтой, страхом, стихами, вином – не было ничем, что было знакомо раньше. Он снова посмотрел вокруг – олень, ветер, дождь, грибы, плесень на деревьях, ежик. Стало холодно.

– Пошли, – сказал олень и побрел, грациозно перебирая ногами по зыбкому мху.

– Куда? – хрипло спросил Билл.

– Туда, куда ты всегда хотел попасть, – объяснил рогатый.

– А куда я всегда хотел попасть?

– Туда, где будет хорошо, – объяснил издалека олень.

– А где будет хорошо?

– Здесь.

Билл всматривался вдаль, но оленя не было видно. Он скрылся в тумане влажного утра.

– Ты где? – крикнул Билл.

– Здесь я. Ты чё толкаешься? – услышал он голос Евдокии и почувствовал, как его нос уткнулся в ее широкую лопатку. Билл лежал в теплой постели и плакал. Евдокия включила свет.

– Ты чего? – испугалась она. – Опять желудок?

– Нет, – признался Билл, – олень.

– Чего-о? – удивилась Евдокия, – приснилось, что ли?

– Да ничего! – раздраженно крикнул он и, спрыгнув с кровати, голый, бросился к входной двери.

– Господи! – жена испуганно подпрыгнула на кровати.

Билл стоял на крыльце, опутанный знакомыми рваными осенними облаками и чувствовал, что олень рядом. И он его обязательно разыщет, если разрешит себе бежать голым по улицам славного города, невзирая на спешащих людей, знающих и уважающих порядок. Он стоял в нерешительности, не обращая внимания на тревожно бегущих к нему пожарников, полицейских и санитаров, обеспокоенных его желанием узнать, где же то место, где хорошо.

На окно села голубая бабочка и пристально посмотрела на Коганова. Он не ожидал такого взгляда и растерялся, уронив на пол книжку о смысле существования, который искал вот уже столько жизней. Бабочка перевела взгляд на упавшую книжку, и Коганов почувствовал облегчение. Он не переносил тяжелых пристальных взглядов однодневных бабочек. Казалось, они пытаются укорить за то, что их однодневная жизнь насыщена более глубоким смыслом, чем его, Коганова, сорокалетняя. В глубине души Коганов завидовал бабочке. Он желал быть таким же легким, счастливым, веселым, так же красиво махать крыльями и собирать пыльцу. Ему хотелось, чтобы соседи и другие двуногие говорили: смотри, какой замечательный Коганов – изящный, с разноцветными пятнышками на спинке, прелесть!

Бабочка плавно влетела в комнату через стекло, уселась на книжку и стала быстро поглощать смысл, грациозно шевеля усиками и поглядывая одним глазом на Коганова, как бы сочувствуя ему и одновременно показывая, что нужно делать, чтобы жить с пользой. Коганов лёг, положив голову прямо на пол в надежде подсмотреть детали процесса всасывания. Он сложил губы трубочкой и стал делать причмокивающие движения, пока не почувствовал легкость в животе. Она быстро распространилась по телу, и он почувствовал, что превращается в бабочку. Его охватил страх, потому что жить один день не хотелось.

Необходимо было заработать достаточно денег, чтобы обеспечить хорошую старость. Да и лекарство от запора нужно принимать хотя бы два дня, чтобы опорожнить кишечник, забитый сомнениями, мечтами, иллюзиями, заботами и суетой. А продвижение по службе? А перспектива жениться на женщине, образ которой сложился в воображении? А как же счастье, ожидающее где-то рядом? Вот только бы, наконец, расплатиться с долгами.

Наполненная смыслом, бабочка раздулась до таких размеров, что стала похожа сначала на кошку, потом на подушку, затем на облако и, наконец, крокодила.

Коганов смотрел на нечто, висящее в воздухе, что раньше было бабочкой. Это нечто разочарованно смотрело на Коганова. Он взглянул в зрачки бывшей бабочки и почувствовал, что она сожалеет о происшедшем. Может быть, поглощенный смысл ее тяготит? Вероятно, она ожидала другого.

Коганов встал, подошел к тому, что было раньше бабочкой, и протянул руку. Что-то влажное, непонятное, возмущенное, жесткое и разочарованное окутало кисть и сильно укусило за палец. Он отдернул руку, существо шарахнулось в сторону и вылетело в открытую форточку.

Коганов понял, что смысл не обязательно приносит счастье. Скорее, он доводит ищущего до такой стадии сумасшествия, что тот начинает кусаться и становится похожим неизвестно на что. Так зачем же он так долго его ищет? Он сел на пол, скрестил ноги и погрузился в себя.

Вечерело. Коганов открыл глаза. На окне сидела бабочка. В руках он держал книжку о смысле жизни. Бабочка смотрела на него тяжелым взглядом. Коганов всё понял и рассмеялся. Он отложил книжку в сторону и в первый раз, не задумавшись ни о чем, пошел на кухню, чтобы сделать бутерброд с колбасой. Масло приятно скользило вниз по пищеводу, доставляя столько удовольствия, сколько бы не доставила ни одна книжка о смысле жизни.

Пермутер проснулся рано утром от непонятного чувства. Оно странным образом опутывало шею и, обкрутившись вокруг ножки кровати, тянулось в ванную. Заинтригованный, он спрыгнул и побрел вдоль чувства, пытаясь разобраться в мироздании, выбросившем его утром из постели. Зайдя в ванную, Пермутер увидел, что чувство обвилось вокруг крана и уходило в зеркало. Он посмотрел туда, но ничего не увидел. Взгляд остановился, однако, на собственном изображении, смутившем его до глубины души. Пермутер смотрел на себя и видел, что выглядит пятнадцатилетним, а думает, как восьмидесятилетний.

Изображение покачнулось, движимое странным чувством, и выяснилось, что он выглядит, словно ему шестьдесят, а думает, как десятилетний.

Изображение качалось из стороны в сторону, вызывая в душе то радость, то разочарование. Он пытался понять, в чем дело, и почесал левое ухо, что позволило прийти к выводу, что его, Пермутера, по сути дела, нет, а есть разные изображения, меняющиеся в непредсказуемом порядке. Он пытался задержать изображение в одной точке, но это было невозможно.

Пермутер почистил зубы, опорожнил кишечник, умыл лицо, еще раз опорожнился, немного постоял, размышляя, и вышел из ванной. Он пошел назад вдоль странного, непонятного чувства и пришел не к кровати, а к маленькой люльке, возле которой стояла женщина, протягивающая к нему руки. Он прыгнул ей на грудь. Осторожно и бережно женщина положила его в люльку, засунула в рот соску, поцеловала в лобик и исчезла. Пермутер решил больше ни о чем не думать: ему было хорошо. Да и какая разница, что чувство материализовалось в женщину, ведь главное- неуловимо и непонятно. И стоит только о нем подумать, как оно тут же исчезает.

Рядом с люлькой прыгали люди. Они злились, не в состоянии вынести блаженства на лице Пермутера. Им тоже хотелось покоя.

Пермутер знал, что теперь уже ничто не сможет отвлечь его внимания от Мгновения. Непонятное чувство стало понятным.

Пермутер улыбнулся, не выпуская соску из детско-старческих губ, намертво сжатых в намерении изменить жизнь к лучшему.

Доктор Зак пришел на работу, сел на стул и посмотрел на настенные часы. Стрелки остановились, хотя время – нет. Это было видно по скорости летящих секунд, обрывающих осенние желтые листья. Это чувствовалось в порывистом ветре, бросающем их на оконные стекла, словно ветер торопился сказать доктору что-то важное. Ветер не хотел разговаривать на человеческом языке. Осенние листья скрывали важное в глубокой желтизне, приглашая доктора найти его. Он давно собирался заняться поисками, но всё откладывал, отвлекаясь на работу, лечение запора, оплату счетов, починку машины и розыски любви во Вселенной.

Большой кленовый лист внезапно ударил по стеклу. Доктор встал со стула, подошел к листу и стал в него всматриваться. Однако ничего не увидел и расстроился. Раздался стук:

– Можно?

Больной протиснул голову в дверь.

– Можно, – доктор Зак сел за стол и жестом предложил присесть.

Часы внезапно пошли. Это удивило доктора.

– Вы удивлены? – поинтересовался больной.

– Конечно, – ответил доктор, – часы то идут, то останавливаются.

– ...то снова идут, – подхватил пациент.

– ...то останавливаются, – добавил доктор.

– Получается, – продолжал больной, – что часы показывают неправильное время.

«А что показывает его правильно?» – спросил себя доктор Зак.

– Я за этим и пришел. Объясните, пожалуйста, – попросил больной, – вы психиатр и, наверное, знаете.

– Если б я знал, – заметил доктор, – я был бы не психиатром, а Богом.

– А вы ещё не Бог? – больной удивлённо поднял брови.

Доктор Зак бросил взгляд на часы: они снова остановились. Он встал, подошел к окну и стал всматриваться в листья.

– Не видно? – тихо спросил больной.

– Нет, – доктор Зак вздрогнул. Ему внезапно показалось, что он что-то понял, но это длилось мгновение. Он обернулся, однако больного уже не было.

– Я здесь, – раздался голос из-под стола. – Мне стало страшно, когда я на вас смотрел.

– Почему? – удивился доктор.

– Да у вас был такой вид... – пациент внезапно замолк, лег на пол и уснул.

Доктор Зак любил неожиданные ситуации: из них рождались любопытные решения. Он закрыл дверь кабинета, сел на стул и тоже заснул. Ему показалось, что он и больной – две крохотные крупы, состоящие из ничего, влекомые чьей-то волей идвигающиеся во времени. Одна крупа считает себя психиатром, а вторая – пациентом, хотя на самом деле все это ерунда, простая, как мир, спрятанный в глубине желтого листа, который случайно приклеился к стеклу.

Детство у доктора Зака ассоциировалось с велосипедом, кроватью, туалетом и досками в прихожей. Это было время, когда доски превращались в велосипед, а туалет – в кровать. Часто все смешивалось, и получалась мышь, которая стояла возле печки и что-то рассказывала. Доктор Зак пытался вспомнить рассказ, но в зыбком тумане ушедших лет он растворился настолько, что в памяти остались лишь обрывки мышиных фраз. Он запомнил две: «Буду приходить каждую ночь» и «Спи спокойно».

Мышка обещание не выполнила. Она больше не приходила. Зак был на неё страшно зол.

Доктору снилось, что он опять маленький и не хочет расти. Рядом стоит мышь, посыпает его удобрением и поливает водой, чтобы быстрее рос.

– Иди к чёрту! – кричит ей доктор Зак, – обманщица! Не хочу взрослеть. Мне и так хорошо.

Мышь упирается, доктор начинает с ней драться и просыпается в холодном поту, размахивая в воздухе кулаками. Доктор Зак решил стать психиатром, чтобы разобраться в запутанном детстве, но в результате запутался ещё больше. Теперь кровать, туалет, мышь, велосипед и доски слились воедино и превратились в нечто, застрявшее в пояснице и вызывающее боль. Боль усиливалась в понедельник и ослабевала в пятницу. Доктор Зак достал такие же доски, купил похожую кровать, поставил её в туалете, разделся, лег, расслабился и почувствовал, что становится маленьким. Он услышал, как скрипнула дверь, и увидел большую мышь.

– Доктор, – пискнула мышь, – я плохо сплю по ночам.

– Вот рецепт, – доктор протянул кусочек туалетной бумаги.

– Спасибо, но мне не помогают лекарства.

– Разве? – удивился доктор.

– Извини, что я не приходила... У меня депрессия от мышинной жизни. Обними меня, – попросила мышь, – мне холодно.

Доктор Зак обнял мышь и почувствовал облегчение: боль из поясницы ушла, а сам он стал увеличиваться в размерах и вскоре обнаружил себя, сидящим на велосипеде в ванной, с досками в руке.

Доктор внезапно осознал, что если бы обнял мышь раньше, то ему и психиатром не надо было бы становиться, чтобы разобратся, что к чему. Но он об этом не жалел. Ведь его ждало столько пациентов. Только бы мышей на всех хватило.

Доктор Зак устал. В офис вошёл последний пациент. Взглянув на него, доктор понял, что предстоит необычный разговор. Хотя, возможно, разговора не будет, а произойдет что-нибудь нестандартное. Вошедший сел в кресло и стал пристально смотреть на психиатра, с комфортом откинувшегося на стуле.

– Слушаю вас, – доктор взял авторучку.

– А можно не писать? – больной поднял густые брови, наспуленные от нерешённых проблем.

– Не совсем понял, – доктор Зак переложил левую нижнюю конечность направо, а правую верхнюю – налево.

– Вот вы конечности перекладываете, – заметил наблюдательный пациент, – а дождь на улице все равно идет, несмотря на то, что зарплату никто не получил, и я весь день ел сыр.

«Так», – доктор Зак подумал о всевозможных диагнозах. Однако ветер сомнений принес одни вопросы, которые так повлияли на волосатое тело доктора, что оно стало влажным, порозовело и, заблестев лысиной, многозначительно уперлось в потолок.

– Я вижу, вы размышляете, – заметил больной, – это хорошо; а для психиатра, передвигающего конечности так, как это делаете вы, это хорошо вдвойне.

– Почему? – доктор Зак поймал себя на мысли, что думает о бутерброде с сыром.

– Я тоже люблю сыр, – усмехнулся больной.

Доктор вздрогнул:

– Откуда вы знаете, что я думаю о сыре?

– Да вы только что мне целую лекцию прочитали о том, как хорошо для поднятия настроения взять батон, разрезать пополам, намазать густо маслом, положить как можно больше сыра и проглотить, запив чаем.

– Да? – удивленно спросил доктор Зак.

– Я вам предлагаю, доктор, – продолжал больной, – отдохнуть, а то вы, видимо, устали и не помните ничего. А психиатр, который ничего не помнит, мне не нужен. Мне нужен психиатр,

который не только ничего не помнит, но и молчит. И не только молчит, но и не виден. И не только не виден, но и... – пациент замолчал и уставился на зеленовато-желтый осенний лист, порывом ветра случайно занесенный в открытую форточку.

Лист покружился по комнате и медленно опустился на лысину доктора Зака. Пациент улыбнулся. Доктор тоже.

– Вроде бы чепуха, – заметил пациент, – а приятно. Даже смешно. А смех расслабляет и восстанавливает организм, измученный суетой.

Психиатр открыл рот, чтобы что-то сказать, и почувствовал, как лист сползает ему на левое ухо.

– Умоляю вас, – прошептал больной, – сидите, не шевелитесь, не говорите. Дайте листу полежать. Мне это так помогает.

Он с блаженной улыбкой смотрел на лист. Доктор почувствовал, что пациент действительно выздоравливает.

– Доктор, – прошептал он опять, – не думайте ни о чём, умоляю! Мысли раскачивают вашу голову слева направо и снизу вверх, и я боюсь, что лист упадет.

– Может, мне вообще исчезнуть? – предложил доктор.

– А вы можете? – с надеждой спросил больной.

Доктор Зак чихнул.

Кленовый лист упал на пол.

Пациент встал.

– Вот вы дергаетесь, доктор, – произнес он гневно, – говорите странные вещи. Чихаете. Думаете о лекарствах. Пугаете осенние листья. А время бежит. А время бежит...

– Ну и что? – доктор Зак немного растерялся и сидел, покрытый испариной задумчивости.

– Ничего, – больной направился к выходу.

– Подождите! – крикнул врач. – А лекарство?

– От чего? – перед тем как исчезнуть, пациент повернулся к нему лицом.

«От чего? – задал себе вопрос доктор Зак. – Чушь какая-то! – с раздражением подумал он. – Чушь! Но ведь может быть, в ней и скрыто то, что он ищет всю жизнь?»

«Может быть», – после некоторого раздумья решил доктор Зак, сел на стол и взял телефон, чтобы комунибудь позвонить.

Но вскоре понял, что никому звонить не надо. Нужно подождать, чтобы позвонили ему. Но этот нужный «кто-то» не позвонит, доктор точно знал. Не позвонит, по крайней мере, до того времени, пока он, доктор, не поймёт, что любая чушь – смысл. А любой смысл – чушь.

Надо было ехать домой, мазать булку маслом и класть сверху сыр. Доктор Зак внезапно заснул. Больной вошёл в офис, поднял с пола кленовый лист, положил доктору на лысину, сел на стул, блаженно улыбнулся и с облегчением произнес:

– Ну, наконец-то, доктор.

Пациент так расслабился, что-тоже уснул. Глубоко. Первый раз за много лет. И там, во сне, встретил доктора Зака.

– Хорошо? – поинтересовался доктор.

– Хорошо, – ответил больной.

– А что – «хорошо»? – полюбопытствовал психиатр.

– Опять вы за старое, доктор! – возмутился пациент.

Доктор Зак дернул четырьмя конечностями и исчез в темноте подсознания.

Доктор Зак всю жизнь искал, однако совершенно не имел понятия о том, что ищет. Иногда он находил нечто, что, как он считал, и было искомым, но со временем убеждался, что опять ошибся.

Однажды он понял, что предмет его поиска находится не в материальном, а в духовном мире, и дать искомому словесное определение невозможно. Несмотря на сложности, остановить поиск он не мог, потому что в момент остановки терял цель и смысл. И тогда ему становилось грустно и скучно.

Доктор Зак сидел в кабинете, смотрел на пациента и думал о том, что и психиатром он стал, потому что считал, что это поможет в поиске. Доктор искал это Нечто в больных, самом себе, в холодной осени, тревожно бьющей дождем по оконным стеклам, в дыме костра и осторожной походке уличного кота. Поиск оканчивался ничем. Доктор расстраивался, но ненадолго, так как сам процесс поиска был не менее интересен, чем его результат. На душе всегда было беспокойно. Это, с одной стороны, побуждало к действию, а с другой – утомляло.

Доктор увидел, как в окно заглянула ворона. Она сидела неподвижно, уткнув два черных глаза в центр его лба. Сначала это позабавило, но потом стало раздражать.

– Секунду, – сказал он пациенту, подошел к окну и постучал в том месте, где сидела птица. Она улетела. Доктор Зак сел в кресло и почувствовал, что ему не хватает вороны.

Он слушал больного, жалующегося на начальника, и сердился на себя за то что вспугнул магическую птицу. Тут доктор заметил, что ворона снова села на прежнее место и устала в переносицу пациента. Тот замолчал и стал рассматривать ворону, нервно потирая руки. Доктор Зак подошел к стеклу и стукнул по нему ногтем, пытаясь обратить ее внимание на себя. Ворона посмотрела на доктора, потом на больного, снова на доктора Зака, опять на больного – и каркнула.

– Я люблю животных, – заметил пациент.

– Это не животное, это птица, – поправил доктор Зак.

– У меня был кот, – продолжал больной. – А у вас жил кто-нибудь?

Доктор Зак подумал, что одно время у него жила жена, но кота не было.

– Нет, – ответил он. – Никто.

– Так вы для того и стали психиатром, чтобы разобраться, почему у вас никто не жил?

Ворона смотрела на доктора, явно ожидая услышать ответ.

– Вот так, – обратился доктор к вороне. – Я никому не мог уделить внимания из-за отсутствия времени. Я находился в поиске.

– А я всем уделял столько внимания, что не имел возможности искать, – подхватил больной. – Поэтому я и стал пациентом. Но я ищу...

Ворона с сочувствием смотрела на обоих.

– А что же вы ищете? – поинтересовался психиатр и, не выдержав напряженного вороньего взгляда, икнул.

– Покоя, – ответил больной.

– А я – беспокойства, – доктор Зак вышел за рамки обычной беседы доктора с больным, что делал неоднократно.

Ворона несколько раз ударила клювом по стеклу, замахала крыльями и каркнула. Доктор достал из кармана брюк кусок сыра, открыл окно и протянул его птице. Ворона взглянула на доктора с такой благодарностью, что-тому на мгновение показалось, будто он нашел то, что искал.

– Хорошо вороне, – заметил больной, – она может есть сыр. Ей никакой холестерин не страшен.

Птица взяла клювом сыр и улетела. Доктор Зак улыбнулся.

– Мой кот быстро бы её поймал, – заметил пациент.

Но доктор его не слышал. Он вдруг оказался совсем рядом с тем, что искал. Были видны очертания этого неясного предмета, но подойти поближе он не решался, боясь разочароваться. Лучше всего было стоять рядом, надеясь.

Доктор Зак был убеждён, что у людей нет свободы выбора, и они являются марионетками высших сил, действующих по плану. Поэтому их нельзя разделять на плохих и хороших, злых и добрых, умных и глупых, психически больных или здоровых. К ним нужно относиться с сочувствием, понимая, что каждый человек, как и падающий осенний лист, пролетает по своей траектории и ударяется о землю в нужный момент в заранее известном месте.

Он думал об этом, слушая больного, который жаловался на плохой сон.

– Попробуйте извлечь пользу из бессонницы, – посоветовал доктор.

Больной покрутил носом, собрал оба глаза в одну удивлённую точку и высунул язык.

– Посмотрите на прекрасный мир в лунном свете, – доктор Зак мечтательно глянул на потолок. – Все спит. Тихо. Замечательное время поразмыслить о смысле жизни и о цене суеты, в которой утонуло человечество.

– А утром идти на работу? – скептически заметил больной, засомневавшись в способности психиатра мыслить реальными категориями.

– А может быть, вы, подумав, захотите поменять работу и изменить жизнь так, чтобы больше времени оставалось для занятий любимым делом, – доктор Зак глубокомысленно приподнял левую бровь.

Больной почувствовал в словах психиатра глубокий смысл, но, к сожалению, смысл находился на недостижимой для среднего пациента глубине. Был необходим акваланг. Больной пошарил глазами по офису, пытаясь его найти.

– Да-а... – задумчиво продолжил доктор Зак, – вот так...

Он встал, обошел вокруг стола по часовой стрелке, потом против неё, а затем, остановившись в центре офиса, встал на голову, явно нарушая стандарты общения врача с пациентом.

– Стояние на голове, – пропыхтел доктор, – улучшает циркуляцию крови в мозгу, позволяет расслабиться и сконцентрироваться на главном.

Больной подошел к доктору Заку и встал на голову рядом с ним.

– А что же это – главное? – поинтересовался больной, шевеля ушами.

– Тишина, – объяснил доктор и закрыл глаза.

– А я думал – деньги, – удивился пациент.

– Деньги – тоже хорошо, – согласился доктор. – Вообще все хорошо. Ничего плохого нет.

– Вы думаете? – в голосе больного звучала надежда.

– Я уверен, – соврал доктор Зак.

Они долго стояли на голове. Уже стемнело, когда доктор Зак вспомнил, что он – психиатр.

Вставать на ноги обоим не хотелось. Они понимали, что лучше неуверенно стоять на голове, надеясь на лучшее, чем уверенно – на ногах, но без особой надежды. Стояние на голове помогло осознать, что ни лучшего, ни худшего нет. Одна волна идет за другой, одна волна накрывает другую, и не нужно ни на что серьезно реагировать. Достаточно просто встретиться в психиатрическом офисе, постоять на голове и разойтись в разные стороны, где каждый будет шагать по своей, уже давно кем-то размеченной траектории, ведущей, в конечном итоге, в одну точку, из которой все и вышли. Так что можно расслабиться и почаще не спать под луной, освещающей землю, где задумчивые психиатры сталкиваются лбами со своими психиатрическими пациентами.

Доктор Зак потерял счет дням, зимам, годам, седым волосам, выпитым рюмкам валерьянки, съеденным салатам из огурцов, непрочитанным книгам, незнакомым женщинам, невиденным странам и неоткрытым законам природы. Он смотрел на цветок в горшке и пытался увидеть, как тот растет. Но цветок рос незаметно. Так же незаметно пролетало время, увлекая за собой шагающего под столом кота. Время крутило Землю и подталкивало счастье к кончику нешведского носа доктора Зака. Счастье исчезало, как только доктор пытался на нём сосредоточиться. Оно тут же соскальзывало вниз, цепляясь за солнечные лучики. Доктор заметил: как только обращаешь внимание на счастье, оно тут же исчезает. Он и психиатром стал для того, чтобы разгадать причину этого явления. Однако это не помогло, и он больше не желал заниматься психиатрией, а хотел расслабиться, ни о чём не думать и быть счастливым.

Лето сменялось зимой, зима – незнакомой женщиной, та – выпитой валерьянкой, валерьянка – тихим шорохом ходящего под столом кота, а кот – упавшим за горизонт солнцем. На смену солнцу приходила кровать, снотворное, эротический сон, поллюция и яйца всмятку.

«Вот-вот я стану счастливым», – думал доктор, слушая жалобы больных.

Устав от напряжённого ожидания, доктор Зак однажды сорвал с себя одежду, лёг на пол и расслабился. Освободившись от мыслей, он почувствовал, что сам исчезает, а счастье приближается, освещая блеклые стены офиса.

Доктор Зак открыл глаза и увидел, что ещё один день прошёл.

– Да-а... – задумчиво сказал он мухе, обалдевшей от вида голого доктора.

– Мне не нужен психиатр, – пискнула муха, – мне нужна хорошая помойка.

– А мне что нужно? – поинтересовался доктор.

– Психиатр, – уверенно ответила муха.

Доктор Зак не удивился тому, что муха разговаривала. Это было ерундой по сравнению с тем, что наше счастье – это отсутствие нас самих.

Васильева-Джексон пыталась рассказать засыпающему доктору Заку, что не может испытать оргазм из-за таблеток от депрессии.

– А зачем вам нужен оргазм? – поинтересовался доктор, пытаясь вспомнить, что же он забыл дома. Это было что-то необходимое для человеческой внешности. Наконец, вспомнил: расческу.

– Как зачем? – удивилась женщина, покрывшись легкой испариной.

– Вы о чем, простите? – спросил доктор. Мысль о том, что он непричесан, вызвала зуд в носу и легкое подергивание большого пальца левой ноги. Палец сильно потел, а этого доктор Зак не любил.

– Об оргазме, – Васильева-Джексон закинула ногу на ногу, обнажив высокое красивое бедро. Доктор Зак услышал слово «оргазм», посмотрел на бедро и забыл о потном пальце.

«О чём это она?» – подумал он, пытаясь сосредоточиться, но бедро путало и без того запутанные мысли.

– Доктор, – кашлянула пациентка, – мы говорили...

– Да, – быстро нашёлся он. – Вам необходимо сосредоточиться на лечении и оставить оргазм на время в покое.

– Вы думаете? – эта перспектива её явно расстроила.

– Я не думаю, – доктор Зак мысленно прошёлся вверх по её бедру, – я знаю.

– Но мужу нужен оргазм, – продолжала Васильева-Джексон шепотом.

– Чей? – поинтересовался психиатр.

– Ну... мой, конечно же, – смутилась она.

– А что, ему своего мало? – спросил врач, шаря рукой в ящике письменного стола в поисках авторучки.

– Не знаю, я никогда не спрашивала.

– Да? – доктор Зак почесал кончик носа, зависающий большим крючком над большой верхней губой. – А вы вообще мужа о чемнибудь спрашивали?

- М-м-м, – пациентка задумалась.
- А вы его когда-нибудь видели? – доктор продолжал спрашивать, чувствуя легкое щекотание в носу. Это служило предвестником интересных мыслей.
- Да, – неуверенно ответила она.
- А как он выглядит? – психиатр чихнул.
- Он... ну, такой... – женщина задумалась.
- Вот видите, – поучительно заметил доктор, – дело не в оргазме. А вы уверены, что он у вас был? – внезапно спросил доктор и почувствовал, что почти проснулся.

Процесс просыпания у него временами затягивался на многие часы, дни, месяцы, а иногда и годы. Просыпаться было трудно, доктор часто застревал в сновидениях, где начинал анализировать ситуацию. Это помогало общаться с пациентами, поскольку как его, так и их сны, грезы, видения, пересекались в различных плоскостях пространства и времени, что позволяло им лучше понять друг друга. Иногда он просыпался довольно внезапно, разбуженный чем-то чрезвычайно интересным. Так произошло и сейчас.

- Кто, муж? – переспросила Васильева-Джексон.
- Нет, оргазм, – доктор нервно перекинул ноги справа налево, а потом наоборот.
- Вы думаете, его не было? – вид у нее был сконфуженный.
- Оргазм – это ритмическое сокращение матки и стенок влагалища в ответ на сексуальное возбуждение, – блеснул интеллектом доктор Зак. – Я думаю, – продолжал он, – дело не в муже, не в лекарстве, не в оргазме, а в том... – он замолчал, внезапно вспомнив про не выключенный дома телевизор.

Васильева-Джексон вытерла мокрые ладони о ручки кресла.

- ...а в том, что вам необходимо начать жить по новому.

Психиатр удовлетворенно фыркнул левой ноздрей. Он всегда так делал, когда чувствовал, что его советы настолько глубоки, что требуется далеко не средний ум, чтобы достичь хотя бы половины их глубины.

Воцарилось молчание.

- С кем жить? – растерянно прошептала Васильева-Джексон. В ее зелёных зрачках вспыхнула надежда на чудо.

– Понимаете, – продолжал объяснять доктор, – человек часто доходит до такого состояния, что перестает понимать, кто он, что он и зачем. Люди и предметы вокруг превращаются во что-то привычное и бесформенное. Мозг работает в автоматическом режиме. Человек двигается не в результате осознанного акта, а по инерции. В таком состоянии совершенно не понятно, где муж, где оргазм, где лекарство, а где вы сами.

Доктор Зак замолчал, дав женщине возможность наслаждаться философской грандиозностью высказывания, а также великолепием его ума в целом.

– Поэтому для того, чтобы понять, где мужья, оргазмы и прочие состояния ума, брошенного в топку суеты, – он сделал паузу, любуясь красотой сказанного, – нужно сделать что-то такое, что приведет вас к осознанию себя.

Доктор почувствовал, как его потянуло в один из снов, где он увидел себя главнокомандующим главной еврейской доисторической армии.

– Доктор, – услышал он через некоторое время тихий голос, – доктор, вы мне можете помочь?

Он внезапно увидел Васильеву-Джексона. Она плакала, нервно теребя дрожащими пальцами край юбки.

– Конечно, – чихнул он, – вам необходимо начать медитировать. В результате исчезнут мысли, и появится ощущение самой себя.

– А кто же я? – жалобно протянула она.

– Вы – никто, – доктор почувствовал, что слишком умен для нее, поэтому поправился: – то есть, я хотел сказать, что вы по сути – ничто; я имею в виду, что вы...

Он осознал, что не может выразить гениальную мысль. Прошло полчаса. Доктор Зак смотрел в окно и все еще подбирал слова. Женщина уснула прямо в кресле. Он хотел разбудить пациентку, но понял, что нужно дать ее маленькому мозгу возможность отдохнуть от величия его интеллекта.

Вечер накрыл офис тёмным покрывалом. Доктор Зак всё еще сидел в кресле. Как можно было в словах выразить гениальность Вселенной, стремящейся донести до больных суть через обыкновенного психиатра?

«Надо будить», – подумал он и заснул.

Вопрос о мужьях и оргазмах полетал по офису, а потом, зацепившись за люстру, обмяк и потерял актуальность.

Тихо шумел ветер. Кошки неслышно ходили по улице. Природа берегла покой доктора Зака для будущих поколений женщин, потерявших себя.

Доктор Зак любил писать рассказы. В них он пытался выразить то, что у него накопилось в результате общения с окружающей средой. На бумаге написанное казалось вычурным, непонятным, странным. Высказываемые доктором мысли могли быть поняты только такими же мистическими особями, как и он, но таких было мало. Эти индивидуумы отличались склонностью к мистицизму, затворничеству и критике.

Доктор иногда слушал больных и превращал их мысли, одежду, фразы, жен, мужей, детей, собак и кошек в розово-фиолетовых говорящих бабочек. Эти бабочки сидели на желто-зеленых осенних листьях, которые, в свою очередь, превращались в летающих слонов. Слоны метались в поиске смысла жизни, запутываясь в паутине времени.

На бумагу падали пациенты с половым бессилием от антидепрессантов, с болью в животе – от невозможности вернуться в прошлое, да и само прошлое, вместе с будущим, с нетерпением ожидало приёма у психиатра. В результате многочасового выброса мыслей на бумагу доктор Зак чувствовал себя опустошенным, и его организм снова начинал копить информацию, которая поступала не только через грустные уши, но и через глаза, обращённые внутрь. Силы организма были задействованы в процессе творчества, и это затрудняло контакт с внешним миром.

Нужно было слушать больных, носить одежду – это доставляло неудобства, отвлекало от творчества. Доктор находился в раздраженном состоянии. Больные старались его избегать.

Тонны исписанной бумаги лежали в разных углах комнаты, храня в себе тяжесть переработанной жизни.

Доктор сидел за столом и выбрасывал в мир крючковатые мысли, как вдруг услышал писк. Он посмотрел на пол и увидел маленькую мышку. Она сидела и пристально смотрела на доктора.

– Дай сыра, – попросила она и шевельнула хвостиком.

Пересмотрев тысячи больных, выслушав миллионы жалоб, полетав по таинственным лабиринтам психиатрической магии,

заглянув в темные уголки подсознания, доктор ничего не боялся. Говорящая мышь для него была обыкновенным явлением. Таким же заурядным, как прыгающие по потолку голубые кузнечики или прозрачная женщина, тихо зовущая его, доктора Зака, по ночам полетать по Вселенной и заняться астральным сексом. Он посмотрел на мышь и заметил укоризненным тоном:

- Не мешай, я работаю. Я творю, я сочиняю.
- Дай сыр, и я уйду, – грызун встал в позу.
- Нет сыра, – доктор продолжал писать, сравнивая вчерашнюю широкобедрую пациентку с прекрасной утренней росой, медленно сползающей с изумрудного листа, склонившегося над белым грибом, сотканным из мечты пурпуровой бабочки, – продукта, похожего на молоко любимой женщины, простоявшее год на солнце.

Мышка стала громко плакать. Доктор сжалился и переработал ее в философскую мысль, висящую на празднично украшенной елке в доме одного из своих больных. Он последовал за мыслью, влез на елку и оттуда увидел город: большой, шумный, в огнях, заботах и тревогах. Доктор переделал город в сено, бросил его на доски в амбаре, стоящем в лесу, и пошел спать.

Доктор Зак был доволен. Рабочий день закончился. Он что-то где-то создал. Он и сено переработает в читателей, а их – в деньги, на которые купит больше бумаги. Спокойной ночи.

Доктор Зак искал ключи от машины. Наконец он потащил своё тело в туалет, где и нашёл их лежащими на сливном бачке. Доктор испугался.

«Автомат, – подумал он про себя, – нет, даже не автомат, а раб. Раб своего ума и тела, которые действуют автоматически, толкая меня по будням, хлопотам, проблемам, суете, спешке и бессмыслице».

Он сел в машину – и через секунду увидел, что сидит в кресле у себя в офисе. Его глаза тоскливо блуждали по красноватому носу больного, а уши от уныния свернулись в трубочки, слушая рассказ пациента о храпящей любовнице и чересчур активной жене. Доктор Зак наблюдал за тем, как его рука пишет название лекарства на рецепте. Он прислушался к тому, что говорил, и понял, что совершенно с этим не согласен. Попытался высказать свою, индивидуальную точку зрения на лечение, но пришёл к выводу, что ее нет, а есть лишь желание ее иметь.

Доктор размышлял про все это, пока его тело раскачивалось взад-вперед в кресле, а рот говорил о побочных эффектах лекарства. Внезапно он разволновался, поскольку осознал, что прожил уже почти полвека, являясь послушным рабом ста шестидесяти фунтов мяса, мозга и костей, которые вертят им, как хотят, и даже не дают возможности выразить себя. Он вдруг почувствовал ненависть к своему рабовладельцу и понял, что если не удастся его победить, то, по крайней мере, можно попробовать убежать от него.

– От себя не убежишь, – тихо, почти плача, заметил пациент.

Доктор Зак внимательно посмотрел на говорящего, а потом многозначительно спросил:

- А куда бежать?
- Туда, где хорошо, – объяснил больной.
- А где хорошо?
- Наверное, там, где нас нет, – предположил больной.

– Точно, – согласился доктор и вдруг увидел себя, сидящего за столом и пишущего рецепт.

«Вот и свобода! А теперь что делать?» – размышляла суть доктора Зака, видя, как больной взял рецепт и вышел из офиса. Тело доктора натянуло на себя плащ, взяло в руки зонтик, выключило свет и покинуло помещение. Суть доктора Зака летала по офису, пытаясь понять, кто она такая, каково её мнение по поводу внешней политики и психиатрии, нравится ли она женщинам, нужно ли откладывать деньги на пенсию и принимать пилюли от запора. Было непонятно, что теперь делать, к чему стремиться, кому и что доказывать, что и во что вкладывать и вообще как жить дальше. Стало страшно.

Суть осознала, что находится в моменте, там, где нет ни вопросов, ни ответов, ни прошлого, ни будущего, нет рук, ног, головы – ничего нет. А есть только Нечто.

– Начальник на нервы действует, – прохрипело Нечто и чихнуло.

– Что? – не понял доктор Зак.

Нечто начало увеличиваться в размере и постепенно приобрело форму теплой, нежной женской груди. Розовый сосок торчком смотрел ему в рот.

– Оставь меня, я спать хочу! – громко буркнуло Нечто и приобрело форму любимой женщины.

Он проснулся в середине ночи, встал и до утра с тоской наблюдал, как его волосатое тело поглощало батон с килограммом сыра, в то время как глаза пожирали глупую телевизионную комедию. Почувствовав себя бессильным, доктор заплакал. На плач прилетела однодневная бабочка, села на стол и внимательно посмотрела на часы, висящие на стене.

«Она знает, сколько ей осталось жить», – подумал доктор.

– Ничего я не знаю, – бабочка взмахнула крыльями, – просто через минуту мне нужно лететь.

– Куда? – поинтересовался доктор.

– Откуда я знаю?!

– А зачем лететь? – не переставал спрашивать насекомое доктор Зак.

– Да не знаю, – раздраженно фыркнула она. – Я просто бабочка.

«А я психиатр», – подумал доктор и с удовольствием расслабился.

«Как вкусно», – думал он, тщательно пережевывая хлеб с сыром. Он понял, что раз он ест бутерброд, то в этом есть большой смысл. Бабочка стартовала со стола и исчезла, повинаясь чьей то воле.

Доктор Зак растерянно смотрел на больного. В голове доктора проносились сотни возможных диагнозов, лекарств, вопросов и ответов. Пациент, невзрачный с виду, сидел глубоко в кресле, ковыряя длинным пальцем в носу. Он вздыхал, шмыгал носом, плакал и смеялся; жаловался, радовался, подпрыгивал в кресле, временами зависая в воздухе. Иногда он сильно вжимался в кресло и становился невидимым. Глаза пациента вращались по кругу, не останавливаясь ни на чём.

Информация о больном поступала в небольшую кучеряво-носатую голову психиатра, где подвергалась анализу, в результате которого у доктора сжимался кишечник, подворачивался ноготь большого пальца правой ноги, и выступала большая капля пота выше кончика носа.

Доктор Зак не мог поставить диагноз. Симптомы были расплывчатые, непонятные. Доктор не любил неопределенности, хотя она была его профессией. Он любил целовать молодое нежное женское тело и есть мороженое.

Неопределенность вызывала у него желание прыгать на левой ноге и петь песенку о кузнечике, который любил бабочку, но был худеньким и не мог высоко прыгать, чтобы ее достать. А бабочка любила жука. Это была настоящая трагедия. Доктор Зак любил трагедии, потому что они позволяли ему платить счета.

Больной внезапно стал разговаривать разными голосами и переливаться всеми цветами радуги. Дождь начал стучать по окну, пытаясь сказать доктору, что он должен расслабиться, отказаться от логики и воспринимать жизнь такой, какая она есть.

Пациент вскочил на ноги, прыгнул на стол и запел песню бойца Красной Армии, пойманного в плен израильской разведкой. Доктор Зак растерялся. Он встал, походил по комнате, сел в кресло и закрыл глаза. Ему показалось, что в психиатрии, как и в жизни, возможно многое. Он открыл глаза

и внезапно увидел пациента. В черных зрачках больного была мольба о помощи. Доктор Зак подошел и положил свою руку ему на плечо. Тот улыбнулся и мгновенно заснул.

«Я гений», – подумал доктор и заметил, что дождь перестал стучать по стеклу, увидев, что психиатр наконец-то понял, чего от него хотела природа.

Психолог Мишугин проснулся ночью в квартире и понял, что хочет походить по дому. Он вышел в трусах в коридор и пошел вдоль соседних квартир. Остановившись возле одной из дверей, он осторожно постучал. Никто не хотел открывать в поздний час.

«Что я делаю?» – подумал он и постучал более настойчиво.

Наконец послышались шаркающие шаги, и раздался испуганный и гневный мужской голос: «Кто там?»

– Это я, серый волк, – прохрипел Мишугин, почему-то улыбаясь.

«Что это я такое говорю? – удивился он, – какой волк? Что я здесь делаю? Что происходит?»

Психолог понимал, что самое логичное действие – перестать быть серым волком, пойти домой и лечь спать, но по какой-то причине сделать этого не мог. В воспалённом мозгу зашевелилась безумная мысль:

«А может быть, я волк?»

«Какой волк? Какая чушь! – тут же подумал Мишугин, – откуда у меня такие мысли?»

И вдруг появился страх: «Неужели я заболел? Но чем?»

В голове пронеслись сотни диагнозов, но ни в одном из них не упоминался психолог, считающий себя серым волком.

– Какой, к черту, волк? – прохрипел хозяин. – Сейчас полицию вызову.

Внезапно раздался женский голос:

– Кто там?

– Псих какой-то, – объяснил мужик. – Говорит, что он волк, серый.

– Какой волк? – удивилась женщина.

– Откуда я знаю, – возмутился мужчина, – спроси сама.

– Что вам нужно? – женщина была взволнована.

– Пирожки, которые испекла бабушка, – крикнул Мишугин и в изумлении закрыл ладошкой рот.

– Иди, звони в полицию, – прошептала женщина.

За дверью послышался шум.

– Слушай, – говорил мужчина, – а голос-то знакомый. Вроде как я его уже слышал.

– Слышали, – крикнул психолог. – Конечно, слышали. Хватит болтать, давай пирожки, а то дверь сгрызу.

– Ой! – вскрикнула женщина.

– Кто хочет пирожки? – вдруг раздался писклявый старческий голос сзади.

Мишугин обернулся и увидел бабушку лет сорока. Она смотрела на него через тройные очки.

– Хочу пирожки, – Мишугин пошел по направлению к бабушке.

– Иди сюда, – она втащила его в квартиру и посадила на стул.

– Я серый волк, – представился психолог и чихнул. Все происходящее казалось сном, над которым он не имел контроля. Он чувствовал, что сходит с ума. Горло сдавило, язык прилип к нёбу. Мишугин заметил, что глупо улыбнулся, оскалил зубы и, высунув язык, стал часто дышать.

– Да вижу, вижу, – тихо мямлила бабушка, – сиди спокойно, сейчас пирожки принесу.

Он сделал невероятное усилие, чтобы встать и убежать к себе домой, но только и смог, что сползти с кресла и встать на пол, опираясь на локти и колени.

– На, поешь, – бабушка поставила на пол тарелку, в которой была гора аппетитных горячих пирожков с мясом и капустой.

«Бабушка-то ненормальная, – подумал психолог Мишугин, – за волка меня принимает. Наверное, у нее старческий психоз».

Он открыл рот, чтобы посоветовать ей лекарство, и прохрипел:

– А не боишься, старая, что я тебя съем?

Мишугин услышал, что сказал, и вспотел так сильно, что пол под ним стал влажным.

– А чего мне бояться, серый? – спокойно ответила бабуля, – ты же психолог. А потому и волком быть можешь, и оборотнем, и спящей красавицей. Ешь лучше и не говори много, а то

у меня в квартире для волка температура высокая. Вон ведь как взмок весь; ешь.

Мишугин нагнул голову к тарелке и укусил горячий пирожок.

«А может, я волк?» – промелькнуло в голове.

Мысль уже не казалась сумасшедшей. Внезапно на душе стало так хорошо, что он перевернулся на спину и задергал ножками и ручками.

В комнату вбежала маленькая девочка, разбуженная шебуршанием психолога.

– Вот, волк к нам в гости пришел, – бабушка гладила Мишугина по продолговатой голове, – кушать хочет.

Девочка улыбнулась, подбежала к психологу и пощекотала его по животу маленькими пальчиками. Он так возбудился, что стал еще сильнее кататься на спине и даже несколько раз чихнул, что привело бабулю и внучку в дикий восторг.

– Пожалуйста, позвоните в «скорую», – Мишугин внезапно вернулся в реальный мир, – я сошел с ума, я волк.

– Не волнуйся, пирожки кушай, серый, – попыталась его успокоить бабушка, – расслабься, никто тебя обидеть не хочет.

– А разве все волки – психологи? – спросила девочка бабушку, ласково теребя Мишугина за ушками.

Но бабушки уже не было. Она ушла на кухню принести новую порцию пирожков, потому что он уже все проглотил.

Мишугин улыбнулся девочке и щелкнул зубами.

– А он нас не съест? – вскрикнула она испуганно.

– Нет, – хрипло успокоил психолог, – я только пирожки хочу.

Девочка села в кресло, внимательно посмотрела на Мишугина, стоящего на четвереньках, и жалостливо произнесла: «Бедный, несчастный волчонок. Ты не рад, что в человека всю жизнь играл?»

Он подумал над её словами и заплакал. Вдруг раздался звонок. Девочка открыла дверь. На пороге стояли мужчина, женщина и двое санитаров.

– Вот, – мужчина показал толстым пальцем с большим золотым перстнем на психолога, стоящего на четвереньках и с высунутым языком.

– Всю ночь будил, – скрипнул зубами мужик, – и выдавал себя за серого волка.

– Он, – подтвердила женщина, – свихнулся... вяжите психа.

– Волк не свихнулся, – возмутилась девочка, – он просто психолог.

– Я не знаю, кто я!!! – хрипел Мишугин.

Бабушка вошла в комнату с тарелкой, полной пирожков.

– Он волк-психолог, – подтвердила бабушка.

– Да больная она, – объяснила женщина санитарам, – ничего не слышит и не видит. Вяжите её.

– Не трогайте бабушку, вас психолог съест, – крикнула девочка.

– А еще людей лечит! – возмущенно произнес мужчина, – самому лечиться надо. Волком по ночам бегает и спать не дает.

Мишугин почувствовал гнев и едва сдерживался, чтобы не укусить их обоих.

– Вон глаза какие красные, злющие, – продолжал комментировать мужчина. – Хватайте его быстро, – посоветовал он санитарам, – а то нам всем плохо будет.

– Не трогайте серого психолога, – попросила бабушка, – дайте ему свободу.

– Да, – девочка заплакала.

– Психолог может быть волком, – произнес один из санитаров.

– Но волк не может быть психологом, – добавил второй.

– Да псих он! – заорали мужчина и женщина одновременно.

– Я не псих, – неожиданно для самого себя сказал Мишугин, – просто в детстве в волка недоиграл. А отсюда у меня все психологические проблемы. Я и психологом стал, чтобы от них избавиться. Столько лет зря убил! А всего то надо было – в волка чуть чуть поиграть.

Все молчали. Мишугин сел на зад и протяжно завыл. В соседней комнате кот от испуга потерял контроль над кишечником.

– Да он смеётся над нами, – заподозрила женщина.

– Он волк, – сказали девочка и бабушка в один голос. – Он не смеется.

– Ладно, – мужик махнул рукой. – Давайте его вязать. Я ведь тоже козлом быть хочу, но ведь не скачу ночью по коридору и людей не бужу.

Мишугин встал, отряхнулся и, подойдя к супружеской паре, сказал учительским тоном:

– Давайте все сядем в круг и будем играть, в кого недоиграли в детстве. А связать вы меня всегда успеете.

Тишину нарушила девочка, начавшая, как лошадка, скакать по комнате. Бабушка кукарекала, супружеская пара смотрела на санитаров, а те – на часы. Часы гоняли время по кругу. Было понятно, что рано или поздно оно приведет всех назад, к недоигранным петухам, овцам и курам. Было также очевидно, что кто-то болен, только было не известно, кто здоров.

Доктор Зак любил ловить рыбу. Субботним утром он взял удочки, червяков и пошел к океану. По дороге он стал анализировать, почему любит рыбалку. И пришел к выводу, что забыл дома зонтик.

«Вроде бы два несвязанных события, а что-то между ними есть общее», – размышлял он, думая о вчерашнем пациенте.

По дороге пробежал кот. Доктор Зак попытался вспомнить, что он думал о вчерашнем пациенте, и пришел к выводу, что дождя не будет, и можно смело шагать дальше, размышляя о чемнибудь. Думая о том, о чем ещё можно поразмышлять, доктор наконец пришел к берегу и, насадив червячка на крючок, закинул удочку. Сосредоточившись на поплавке, он обратил внимание, что ни о чем не думал, и от этого на душе было приятно.

«Так зачем же я все время думаю?» – подумал он в то время как поплавок утянуло под воду.

Он смотрел на утопленный поплавок и продолжал думать о том, что не думать – хорошо, а думать – плохо. Поплавок вынырнул на поверхность. Доктор дёрнул удочку: крючок был без червячка.

«И почему я так долго думал? – погрузился в размышление доктор, – почему, как все нормальные люди, не мог дернуть удочку сразу?»

«Да потому, что я – не как все нормальные», – решил он.

«То есть, – доктор Зак завершил логическую цепочку, – я ненормальный. Но я самый нормальный среди ненормальных, потому что я – психиатр», – последнее он произнес вслух.

Доктор Зак почувствовал, как нечто твердое уткнулось в спину. Он резко повернулся и увидел пистолет, упершийся в живот.

– Деньги, – попросил человек с грустными глазами. Доктор представил себя с пулей в животе, и ему стало тоскливо,

потому что пуля, безусловно, будет отвлекать от процесса размышления над чем бы то ни было.

– Денег нет, – признался он, – но могу дать рыбу, если поймаю.

Человек погрузился ещё сильнее и ударил его по лбу пистолетом. Доктор провалился в темноту и долго ни о чем не думал. Когда он открыл глаза, то увидел себя в офисе, сидящим в кресле и слушающим пациента.

– Не понял, – произнес он, – я же рыбу ловил...

– Совсем не спится, – пробубнил больной.

– И тот, – продолжал доктор Зак, – депрессивный... с пистолетом...

– И настроение плохое, – продолжал больной.

– Ничего не понимаю, – заключил психиатр.

– И я тоже, – согласился пациент.

Доктор Зак посмотрел на него, пытаясь понять, что случилось. «Я спал?» – спросил доктор осторожно.

– Спали и храпели, доктор, – ответил пациент, – но глаза у вас были открыты. Ноги ходили вокруг стола, а руки все время дергались, как будто вы удочку держали.

Доктор Зак погрузился в размышления о собственном диагнозе. Через час он очнулся и увидел, что больной ушел, а на кресле лежал желто-зелёный, весь в прожилках, кленовый лист, по которому ползла гусеница. Доктор сосредоточился, пытаясь сосчитать, сколько у нее ног, как вдруг услышал сзади сигнал машины. Он оглянулся и обнаружил себя за рулем. Нажал на газ, но машина не трогалась с места.

«Опять забыл заправиться», – подумал он.

Сзади сигналили.

«Спокойно, – сказал самому себе доктор, выйдя из машины, – каждый в этом мире двигается со своей скоростью».

– Эй ты, козел, – заорал кто-то.

– Я не козел, – возразил он, – я психиатр.

– Идиот, – крикнули сбоку.

– Я не идиот, – невозмутимо парировал доктор, – я много размышляю и пытаюсь разобраться в нагромождении проблем во Вселенной.

– Придуток, – прохрипел кто-то сзади и, попытавшись объехать машину доктора, врезался в фонарный столб.

Доктор посмотрел на столб и вспомнил, что давно ни с кем не знакомился, открыл записную книжку и стал искать телефон бюро знакомств.

Ветер, запутавшийся в верхушках деревьев, наблюдал за странным человеком. Доктор Зак любил ветер: он был спонтанен, легок и так же непредсказуем, как и сам доктор. И это их роднило. Доктор никогда не пропускал прогноз погоды, с нетерпением ожидая друга. А тот любил приносить подарки: то снег, то дождь, то боль в пояснице, дающую оправдание не пойти на работу, а полежать в кровати, размышляя об интересных делах, происходящих в психиатрическом многомерном мире.

Доктор Зак не признавал психотерапию.

«Разговоры, – считал он, – никому еще не помогли». Поэтому с больными он не разговаривал, а, пока они рассказывали истории, занимался китайской гимнастикой. Доктор мысленно водил энергию вверх и вниз по телу, насыщая органы праной. Труднее всего было насытить мозг. Он то и дело отвлекался на болтовню пациентов.

Доктор давал им возможность выговориться. Он считал, что кактусы в офисе обладали удивительной способностью поглощать человеческую речь и использовать ее для роста колючек. Кактусов было невероятное количество. Все они были с длинными колючками, на которые доктор накалывал бумажки с написанными планами на будущее. Все бумажки пожелтели от времени и высохли от потери надежды.

Несмотря на такое количество замечательных кактусов, часть рассказов пациентов застревала у доктора Зака в голове. С годами он научился спускать застрявшее по позвоночнику в крестец, а потом с облегчением выбрасывать наружу сильным выдохом. Поэтому голова у доктора Зака была большей частью пустой, что иногда давало возможность жить и радоваться. На определенном этапе лечения доктор говорил пациентам:

«Главное – это шум, который создает тишина, бьющаяся о время, спрятанное в кленовом листе».

Больные должны были идти домой и понять, что доктор имел в виду. Как правило, они не возвращались. Следуя только одному ему понятной логике, доктор Зак оценивал их исчезновение как выздоровление. Иначе и быть не могло. Так считал доктор, думая, на что купить еще один кактус.

Когда свет пробивается через железную сетку на окне, я встаю и подношу небритое лицо к зеркалу. Оттуда на меня смотрит нос. И если идти по горбинке наверх, то рано или поздно можно выйти к двум точкам: это глаза. Они не видны, поскольку покрыты густыми бровями, спадающими к подбородку. Сверху носа – поле морщин в виде глубоких насечек, которое время нарезало на коже лба. И кругом – щетина, похожая на репейник, растущий черно-синими полосами на впавших щеках.

Я внимательно рассматриваю нос. Хочу быть уверен, что на нем нет ни малейших признаков усталости, разочарования, бессмысленных надежд, и есть решимость посвятить длину и ширину процессу касания. Но об этом – отдельный разговор. Иногда я часами отдыхаю на кровати, ползая по складкам одеяла, а временами лежу между простынёй и старым матрасом.

Я пытаюсь понять что-то важное, состоящее из отдельных кусочков, которые никак не стыкуются друг с другом. Это меня злит, и тогда я тихо ползу вдоль стены, периодически останавливаясь в углах, то есть делаю четыре остановки. Когда я ползу, то всегда запрокидываю голову вверх, чтобы уберечь нос от ударов. Я протираю его несколько раз в час стерильными тряпочками, которые медсестры дают в бесчисленных количествах. Я также тщательно выскабливаю его изнутри – мне важно, чтобы в ноздрах было прохладно, свободно для прохождения воздуха, и росло достаточное количество волосинок, удерживающих больничную пыль.

Я внимательно слежу за тем, чтобы на нём не было никаких пупырышек, звездочек, крупинок, порезов и нарывов. Для поддержания оптимальной работоспособности носа необходимо, чтобы в воздухе поддерживались нужная температура, влажность и освещение. Главное, нос должен периодически отдыхать. Для этого я каждые два часа дышу открытым ртом минут по десять-двадцать. За это время в носу улучшается кровоснабжение и, соответственно, обмен веществ. Я внимательно слежу за содержанием в нём белков, жиров и углеводов.

Недавно у меня случился насморк. Это было страшной трагедией, потому что я не мог больше касаться. От малейшего прикосновения нос возбуждался и пищал. Я схожу с ума, когда он пищит – это знак того, что я теряю с ним связь. Между мной и ним есть особая связь, которая крепнет с годами. Наши отношения становятся всё более терпимыми и интимными.

Я чувствую, что мне хочется постоянно его гладить, ласкать и говорить нежные слова. В ответ на хорошее отношение он радуется отличной физической формой, и это поддерживает желание жить, а жить необходимо для того, чтобы касаться. Ведь касание определяет именно то, ради чего я появился на свет и ползаю по складкам шершавого одеяла.

Я внимательно осматриваю каждый миллиметр нежной кожи носа, каждую микроскопическую пору – нужно быть абсолютно уверенным в том, что все благополучно. После нескольких часов тщательного осмотра я, наконец, опускаю зеркало и осторожно ползу навстречу свету, так настойчиво бьющему в решетку. Нежный свет напоминает что-то далекое, с трудом пробивающее себе путь в памяти, перегруженной лекарствами, больничным спертым воздухом, криками и стонами пациентов, медсёстрами, бегающими со шприцами, обшарпанными стенками, мухами, тараканами, врачами, которые задумчиво смотрят на нос, пытаясь поставить диагноз.

Я не помню, когда в последний раз видел человека, назвавшегося доктором. Разные люди время от времени открывали дверь, о чем-то спрашивали, но со временем все исчезали, и я давным-давно не слышал шороха шагов, приближающихся к убежищу. Иногда, правда, кто-нибудь, заблудившись в закоулках коридора, наталкивался на дверь и осторожно стучался. В таких случаях я выходил, брал заблудившегося за рукав и выводил, осторожно ведя мимо разбросанных повсюду полумантных столов, стульев и стройматериалов.

Когда я появлялся в психиатрическом отделении, никто не обращал на меня внимания: наверное, потому, что все ко мне привыкли, как привыкают к виду картины, вечно висящей на стене.

Никто никогда не спрашивал, кто я, откуда, чего хочу или не хочу. Я был частью больницы, которая без меня не могла

существовать. Иногда, когда я особо тщательно промывал нос и подрезал волосы внутри, меня называли доктором. В моменты насморка и покраснения на горбинке меня считали больным и предлагали гадостные пилюли, от которых в носу становилось сухо, и было тяжело касаться. Когда в результате усиленного брюшного дыхания через открытый рот горбинка носа смещалась влево, меня принимали за ремонтного рабочего, а вправо – за медбрата. Если нос немножко запотевал на кончике, родственники больных думали, что я социальный работник, и требовали скорейшей выписки их родных. Когда влага выступала пятнами на горбинке, меня путали с потерявшимся в отделении посетителем. Если пятна появлялись возле переносицы, то меня совсем не замечали, и чтобы обратить на себя внимание, я ложился на пол, чтобы кто-нибудь из медперсонала споткнулся.

Окраска носа тоже имела значение. При покраснении прибежал врач и говорил, что нужно готовиться к выписке, потому что состояние далеко от критического, родственники скучают, а страховка не хочет оплачивать пребывание в госпитале. На мой вопрос, каким образом окраска носа связана с состоянием здоровья, доктор отвечал, что психиатрия – не точная наука и не всегда в состоянии выяснить причину заболевания, но вполне может, по внешним признакам, определить момент выписки.

Когда нос становился зеленоватым, медсестра бежала со шприцем, чтобы сделать укол, от которого нос в одно мгновение чернел. От черного носа у социальных работников начиналось волнение, и они, как бешеные псы, набрасывались с вопросами о том, кто меня в детстве изнасиловал. Голубоватый оттенок вызывал у врача чувство безнадежности, и он думал о переводе в государственный госпиталь на долгосрочное лечение, а фиолетовый цвет указывал на то, что я агрессивен, и мне нужно давать таблетки, потому что скоро начну лаять и кусаться.

Много лет назад я научился контролировать окраску носа. Путем специальных упражнений удалось подобрать такой цвет, что у окружающих возникло ко мне безразличное отношение. Это вполне устраивает, потому что дает возможность безграничного передвижения по территории и касания большого количества больных.

Временами я пытаюсь вспомнить, откуда я появился, и в памяти выплывает образ большой женщины. Я, маленький, как мячик для пинг-понга, лечу по длинному коридору, цепляясь за крючки и гвозди, шершавые обои, грабли, старую одежду, тазы и залежи газет. Пролетая вдоль стены, я впитываю запах одеколона, мышей, скипидара, досок и лекарств. Я запутываюсь в паутине и снижаю скорость. В лицо дует сквозняк из открытых дверей, где стоит мужчина, держа в руке что-то вроде лопатки. Я лечу прямо на него. Мужчина беспристрастно смотрит вперед отсутствующим взглядом. Взгляд проникает в меня, говоря, что я полечу в обратную сторону, но уже вдоль другой стены. Удар. Кричащая женщина. Больно руке. Ее тянут куда-то в холод. Снег бьет в глаза. Скрип колес. Вверх по ступенькам. Тихий кабинет. Человек в белом осторожно чистит стекла очков.

– Дайте ему что-нибудь, доктор, – просит женщина, обхватив стол могучими руками.

– Нос, – шепчет доктор, внимательно разглядывая моё лицо.

– И нос, – продолжает женщина, случайно обламывая кусочек стула. – И нос берите, – она внезапно выпрямляет спину, толкая грудями стол вперед. Доктор пытается удержать его хуленькими ручками, но стол уже прижал его намертво к стене.

– Ой! – кричит доктор.

Женщина прыгает из кабинета, опрокидывает цветок и секретаршу, прибежавшую на шум. Меня ведут по коридору, пахнет вопросами, ответами и неопределенностью. Угрожающая тишина бросается на ноги из углов и кусает до крови. Сердце часто бьется, предвкушая жесткое одеяло и маленькую миску с картошкой и макаронами. Я вползаю под одеяло и засыпаю.

Это было давно, но свежа память о докторе, прижатом к стене. Я еще слышу его крики о помощи.

Я тихо лежал на полу, вслушиваясь в разговор осенних листьев с ветром, когда услышал необычный шум и выполз из складки одеяла. Несколько человек приближались к двери. Они ругались, спотыкаясь о мусор в темном коридоре. Я сполз на пол и, подпрыгнув вверх, подлетел к двери. Положив перепончатое ухо на замочную скважину, я повернул носом вдоль двери, пытаясь вслушаться в разговор.

– Что здесь? – раздался женский голос, и я узнал заведующую отделением, которая путала меня то с кактусом, то с непонятно откуда забравшейся в отделение морской свинкой, то с модной женской прической. Один раз она даже назвала меня гороховым супом, хотя в этот момент все считали, что я усталый пациент-мусульманин, вернувшийся из Мекки.

– Не знаю, – ответил мужчина, в котором я узнал рабочего по ремонту госпитальных лифтов, – я наклонился, чтобы ботинок завязать, а тут один из больших меня то ли за футбольный мяч принял, то ли за козла, и ногой пихнул. Я в стенку провалился, и вот, смотрю: помещение какое то, мусор, пахнет всяким... Я испугался – и назад... Чуть на мышшь не наступил. Странная мышшка такая, с носом.

– Мышь с носом? – я узнал социальную работницу. Она любила показывать на меня пальцем и говорить пациентам по четным дням: «Не будете принимать лекарства, станете таким же». А по нечетным: «Если будете выплёвывать таблетки, то станете, как вот это».

– С носом, – подтвердил рабочий, – странная мышшь. Вот дверь.

Он остановился так близко, что я смог рассмотреть штаны, запачканные поцелуями нескольких поколений санитарок.

– Странно, – удивилась заведующая отделением, – откуда здесь дверь?

Она потянула за ручку, но открыть не смогла, так как я просунул туда швабру.

– Непонятно, – заключила медсестра.

– А ну-ка, – решительно сказал рабочий, я ощутил мощный удар и отлетел назад, сильно ударившись головой о кровать. Дверь слетела с петель. Сквозь облако пыли я смог различить три фигуры. Я сидел на полу, укрывая нос лапками, чтобы на него попало меньше пыли. Но это не помогало, и я, подпрыгнув вверх, несколько минут просто летал по комнате, ближе к потолку, временами садясь на обои. Они стояли с непроницаемыми лицами. Я продолжал летать, спасая нос от пыли и всякой другой отравы, поднявшейся в воздух после падения двери.

– Что это? – удивилась заведующая, показав длинным пальцем на железную кровать, накрытую шершавым одеялом, в складках которого я жил.

– Это кровать, – объяснил я, шлифуя кончик носа. Я пополз по обоям вдоль стены, повернув нос, как обычно, в сторону комнаты.

– А это? – поинтересовался мужчина, показывая на гору, составленную из миллиона маленьких влажных бумажек, аккуратно сложенных в углу.

– Это для ноздрей, – продолжал объяснять я. Спрыгнув на пол, я пополз на животе, чувствуя, что пришло время выдернуть из носа пару волосинок.

– А это? – в свою очередь спросила медсестра, указав на гору использованных щипчиков, разбросанных по полу.

– Для носа, – повторил я и сильно чихнул, повернув нос вбок, чтобы не ударить им об пол.

– Интересно, – снова вступила в разговор заведующая отделением, – странная комната. Мы о ней ничего не знали. А кто здесь живет?

– Я, – прыгнув на кровать, я взял зеркальце, чтобы наконец-то посмотреть на волосинку, торчащую из левой ноздри.

– Да, – заметила медсестра, – интересно...

– Я, – повторил я и, удачно выдернув волосинку, приложил к кончику носа влажную бумажку, необходимую для дезинфекции.

– Кто же здесь живет? – спросил рабочий и, подойдя к окну, двумя руками потянул за решетку, пытаясь ее оторвать.

– Не надо, – попросил я. – Эта решетка напоминает о нужности носа.

Я вскочил, подбежал к рабочему и стал дергать его за штанину, но внезапно осознал, что он меня не видит и не слышит. Я так удачно подобрал окраску носа, что стал недоступным для человеческого восприятия, что дало возможность беспредельного передвижения по территории и касания.

– Ладно, – заключила заведующая, – пошли назад; надо подумать, что со всем этим делать.

Они вышли из комнаты, а я забрался под рваные, грязные обои и задремал. Проснулся я уже утром следующего дня и понял, что

должен менять тактику. Надо выходить в люди, решил я, и силой воли поменял энергетические вибрации, получив новую окраску на переносице. Выхватив себя из-под обоев, я покатился в сторону отделения. Цвет был подобран настолько удачно, что первый же пациент принял меня за своего.

– Привет, – поприветствовал тощий больной, интеллигентно сморкаясь в цветок на окне, – ты откуда? Я тебя раньше не видел. Ночью привезли?

– Нет, – ответил я, – много лет назад. Я здесь живу.

Тощий посмотрел на меня скептически и снова спросил:

– Лекарство давно не принимал?

– Я не принимаю лекарства, – объяснил я.

– А что, – продолжал он, – электрошоком лечат?

– Я сам лечу, – уверенно ответил я. – Могу показать.

– Ну-у, – улыбнулся тот.

Я наклонился и коснулся его шеи своим великолепно очищенным, блестящим, благородным, без единой волосинки, носом.

– Нет, нет, – вдруг послышался истерический вопль медсестры, которая со всех ног бежала к нам с бледным испуганным лицом, роняя по дороге истории болезни, лекарства и всякие важные бумажки. На её лице было выражение ужаса, ярости, осуждения и возмущения. Из широко раскрытого рта на чистый паркет капала жёлтая слюна. Из лезущих на лоб глаз выползло безумие. Её руки двигались по кругу, как у пловца, одна за другой; она угрожающе выбрасывала кулаки. Маленькая мышка возле цветка так сильно вжалась в стенку от испуга, что там образовалась дырочка, в которую со всех сторон полетели потревоженные мошки, комары, блохи, тараканы и прочие жители психиатрического отделения.

– Нет, нет!!! – визжала медсестра, пытаясь остановить свое неуклюжее тело возле нас, но, пробежав по инерции ещё несколько метров по влажному полу, уткнулась лицом в громадный кактус возле окна.

– Нет! – она развернула к нам лицо с высоким лбом, расцарапанное интеллектом, – не касаться. Никому не разрешено. Запрещено. Читать госпитальные правила. Нельзя. Будете наказаны. Судить. Неприлично. Возмутительно. Полицию вызову. Выгоню на улицу. Врач лекарство добавит.

Все это она выкрикнула на одном выдохе, держа двумя руками трясущийся живот и брызгая слюной на стены и потолок, которые мгновенно окрасились в угрожающе темный цвет.

Солнечные лучи убежали в сторону, в противоположный угол, где собрались в один пучок на макушке у спящей старушки. Бабуля заулыбалась и, открыв беззубый рот, стала петь что-то цыганское. Мне показалось, что изо рта медсестры вырвалось пламя, готовое уничтожить любого, кто даже случайно прикоснется к кому-нибудь. Стало жарко, и я заметил, что цветок рядом с кричащей начал плавиться, капая зеленоватой массой на пол, где продолжал осуждающе шипеть. На моем лбу выступил пот и потек по направлению к носу, явно собираясь изменить его окраску. Быстро вытерев влагу рукой, я оглянулся и увидел, как ко мне со всех сторон со страшной скоростью бежали тени.

Я был настолько испуган, что забыл про бьющуюся в истерике медсестру. Поначалу мне показалось, что это – свора черных бешеных собак, готовых меня растерзать в клочья. Потом я заметил, что собакообразные постепенно становятся человекообразными, и у черных звериных тел отрастают руки, ноги, груди идвигающиеся во всех направлениях жирные задницы.

Вжавшись от страха в стенку, я вскоре начал узнавать социальных работников. У них были острые акульи зубы и лисьи носы, которые вращались по часовой стрелке, раздувая ноздри, и в противоположном направлении, сжимая их. На лицах, сидящих далеко за грудями, но чуть впереди задницы, было написано выражение счастья: наконец-то они унюхали что-то, похожее на грязное нижнее белье, принадлежащее их жертве. Вид их зубов и чёрных языков привел меня в обморочное состояние, ноги подкосились, и я почувствовал, что падаю между двух взволнованнодвигающихся грудей.

Мой нос шел впереди, и упав, я уперся им в твердый, готовый к социальному бою, возбужденный сосок. Потом была тишина. Я очнулся и заметил, что нахожусь в большой светлой комнате. Я сидел в мягком кресле за столом. Рядом виднелись головы главного врача, медсестры и социальной работницы. Главный врач посмотрел на меня высокомерно и поинтересовался:

– Может быть, вы объясните нам ваше безобразное поведение!?

Я заметил, что нос у меня начал потеть, и левая ноздря, слегка задрожав, выпустила на свободу три волоска. Я быстрым движением вырвал один.

– Прекратите паясничать. Ответьте на вопрос, – крикнула медсестра.

– Я не понимаю. О чем вы? – спросил я, чувствуя, что сейчас самое время исчезнуть, но от волнения я потерял способность контролировать себя и застыл в форме психиатрического пациента. Больше всего на свете мне хотелось забраться в одну из складок родного жесткого одеяла и забыться.

– Я здесь живу много-много лет, – начал я и через секунду почувствовал, что силы вернулись, и я могу собой управлять. Я окрасил нос в зеленовато-лиловый цвет, закрыл правую ноздрию и, подскочив в кресле, застыл в воздухе над столом. Мне внезапно захотелось с ними пообщаться. Я не совсем представлял, как выгляжу, поэтому был готов услышать любые комментарии.

– Это? – главный врач указал на меня пальцем, – сколько уже здесь находится?

– Много лет, – ответил я и, шлепнувшись на стол, осторожно положил нос параллельно пепельнице.

– А где оно размещено? – продолжал доктор.

– Мы нашли это в комнате за стеной, – начала объяснять медсестра.

– То есть оно здесь жило, а мы даже не знали? – удивился врач.

– Знали, – среагировал я на вопрос. Я свесил со стола малюсенькие ручки и положил длинные ножки в пепельницу.

– Конечно, знали, – еще раз сказал я, – больные-то выздоравливали.

– Не понял, – смутился врач, – оно, вот это... его лечили? Все молчали.

– Я сам всех лечил, – ответил я и, прыгнув на пол, побежал кругами вокруг стола.

– Что это за бред? – спросила заведующая отделением.

– Это не бред, – встряла в разговор социальная работница, – оно касается больных, нарушает закон и должно быть

наказано. Сегодня оно коснулось шеи одного из пациентов. Шея – интимное место!

– Я касаюсь, – объяснил я, – это мой метод лечения.

– Явная шизофрения, – заключил врач. – Почему оно не на лекарствах? Почему оно здесь так долго живет? И вообще, как это все могло случиться?

– Очень просто, – ответил я, – хотите увидеть?

И, прежде чем они открыли рты, я подлетел к врачу и коснулся носом его правой щеки. Врач подпрыгнул, как ошпаренный, мгновенно покраснел, открыл рот и стал тяжело дышать.

– Коснулся! Коснулся! – закричала социальная работница. Ее тело затряслось в судорогах, она закатила глаза, высунула язык и стала бить ножками по полу.

– Безобразие, – высказалась заведующая отделением, в то время как я подлетел к социальной работнице и коснулся носом ее ноги.

– Ах! – только и вскрикнула она, падая в обморок. Медицинская сестра вскочила и, пытаясь её подхватить, сама свалилась на пол. Главный врач пошатнулся и упал на медсестру. Я летал и касался всех носом, выделяя из ноздрей особое липучее вещество, которое сам изобрел. Сотрудники катались по полу, периодически выкрикивая слова: «Изнасиловали! Не трогать! Жаловаться! Закон!»

Я сидел на столе, с удовольствием наблюдая, как они склеивались в один комок. Ласково погладив ладошкой свой носик, я прыгнул вниз, но тут же отскочил в сторону, потому как рядом с моей головой щелкнули челюсти социальной работницы. Клубок внезапно стал увеличиваться в размере. Из него появились когти, острые клыки; страшные длинные щупальца простирались в стороны, стараясь схватить всё вокруг и затащить внутрь.

Я услышал хруст своих костей, и кровь брызнула во все стороны.

– Изнасиловали! Изнасиловали! – ревел клубок.

Я в отчаянии закричал и вырвался в белое пространство, ограниченное моей квартирой, головной болью, книгами и недоеденным бутербродом с сыром.

– Да, – сказал я самому себе, – психиатрам тоже кошмары снятся.

Весь мокрый от пота, я прошел в ванную, где писал и одновременно нежно гладил нос, тщательно вычищая его от пыли.

Затем вышел, поел, оделся и поехал на работу.

– Доктор! Доктор Зак! – медсестра была страшно взволнована, – больной на стенку упал, а там дыра...

У сестры был усталый и измученный вид. Мне захотелось коснуться носом её шеи, но потом я вспомнил про клубок, вздохнул и пошел по направлению к дыре. Я точно знал, кто живёт там, внутри.

Я склонился над носилками, на которых лежал мужчина.

– Я доктор Зак, психиатр, – представился я. – А вас как зовут?

Он открыл глаза и сказал:

– Звали. Я умер.

– Не понял, – смутился я.

– Это всё она виновата! – объяснил человек.

– Вы когда-нибудь ходили к психиатру? – спросил я, чихнув.

– Не верит, – он пристально посмотрел мне в лицо. Сзади подошли врач и два санитары.

– В морг, – попросил доктор и указал на больного тощим пальцем, похудевшим от стресса и бессонницы.

Санитары взяли за носилки.

– Он не мертв! – воскликнул я, – какой морг?!

Больной привстал на носилках: «Я мертв».

– Ах, он не мертв, – удивился врач. – Не этот, следующий.

Он показал тем же пальцем на соседние носилки.

Мой пациент схватил врача за рукав:

– Это я. Меня тащите.

Врач с удивлением посмотрел на меня.

– Это мой больной, – объяснил я.

– Я не больной, – продолжал человек, – я умер. Отвезите моё тело в морг, а меня оставьте здесь. Я подожду жену, чтобы сказать ей всё, что думаю.

– Я здесь, – вдруг раздался голос.

Все обернулись и увидели женщину.

– Всё умираешь?! – недовольно прохрипела она.

– Уже умер, – ответил мужчина уверенным тоном, – но он не видит.

Женщина посмотрела на меня.

– Он психиатр, – объяснил больной.

– А вы кто? – она повернулась к другому доктору и санитарам.

– Мне все равно, – буркнул доктор. – Дежурство закончилось, я иду домой.

Он улыбнулся и растаял в воздухе. Санитары, как кузнечики, попрыгали в разные стороны и исчезли.

– Ваш муж находится под наблюдением у психиатра? – поинтересовался я.

– Какой муж? – спросила она. – Вы о чем? Разве это можно назвать мужем?

– Вот, – я указал на мужчину, лежащего на носилках.

Она задумалась.

– Это ваша жена? – спросил я мужчину.

– Ну что ты хочешь? – возмутился мужчина, обратившись к ней, – я умер. Оставьте в покое.

– Не понял. – Я чувствовал, что запутался.

– Да что вам непонятно? – удивилась женщина.

– Он уже умирал в прошлом? – спросил я.

– Нет. Но я умирала все время, – объяснила она.

– Не ври, – оборвал ее мужчина. – Я ее поил, кормил, одевал, а она умирала.

– Подлец, – отрезала женщина, – это ты кого же поил, кормил и одевал, как ее зовут?

– Доктор, можно, я ее ударю? – больной посмотрел на меня умоляюще.

– Полицейский, – обратился я к стоящему возле двери человеку в форме, – здесь будет драка.

Полицейский подошел к женщине, надел на нее наручники и увел. Я даже не успел открыть рот. Через мгновение он привел её обратно, надел наручники на меня и потащил за собой.

– Куда вы меня тащите? Я доктор, – крикнул я.

Полицейский надел очки, протер стекла, извинился и потащил меня в наручниках обратно.

Муж с женой горячо спорили.

– Ты сволочь, – повторяла жена.

– Ты сволочь! – кричал мужчина.

Полицейский надел наручники на мужчину.

– Везите в морг, – приказал мужчина, – пусть она оставит меня в покое.

– В отделение его. На второй этаж, – попросил я полицейского.

– Я его домой забираю, – сказала женщина, – он еще пол не помыл.

– В чем дело? – к нам подошел человек в белом халате с рентгеновским снимком. – Я же просил этого больного изолировать. У него открытая форма туберкулеза.

Полицейский быстро ушел.

– Снимите наручники, – попросил больной, – я же мертвый.

– Идиот! – буркнула жена.

– Мне больно, – заплакал больной.

– Что здесь за цирк? – удивился человек в белом халате со снимком.

– В отделение его надо, психиатрическое, – объяснил я.

– Домой, – твердо сказала жена. – Мы идем домой.

Я почувствовал, что устал, сел и заснул. Когда я проснулся, то никого не было.

– А где эта парочка? – я спросил у проходящего мимо полицейского.

– Она в отделении, психиатрическом. А он дома полы моет, – объяснил он.

– Не понял, – смутился я.

– Она хотела умереть, если полы будут грязные, – объяснил полицейский, – пришлось ее в отделение отправить, на всякий случай.

– Так он же умер, какие полы? – удивился я.

– Доктор, вам нужно отдохнуть, – услышал я голос за спиной. Я обернулся, но никого не увидел.

– Кто это? – спросил я вслух.

«Ваш внутренний голос», – услышал я ответ в своей голове.

«Пора в отпуск», – решил я и зашагал в отделение.

– Доктор, вы куда? – спросил полицейский, – там же стена.

– Да? – удивился я.

– Вам налево, – подсказал он.

Я повернул направо и попал в туалет. Мне туда не надо было. Но я решил посидеть и подумать, что делать дальше.

– Доктор, – услышал я шепот. – Там больной. Мы ему давление стабилизировали, но он считает, что он крокодил. Нужна консультация.

Я тряхнул головой, выпустил остатки эротического сна и потащился в приемный покой. На кушетке сидел мужчина и смотрел на меня большими немигающими красными глазами с поволокой.

– Меня зовут доктор Зак. Я психиатр, – представился я, – как ваше имя?

– Крокодил.

– Хорошо, – согласился я, – вы когда-нибудь ходили на прием к психиатру?

– Вы смеетесь, доктор, – улыбнулся он, – зачем крокодилу психиатр?

– Да, – я кивнул, – вы когда-нибудь таблетки от психического заболевания принимали?

– Какие таблетки, доктор?! – больной сильно возмутился.

Он щелкнул зубами и сделал глотательное движение, запрокинув голову далеко назад. К нам подошла медсестра.

– Вы – крокодил? – спросила она его.

– Да, – пациент опять щелкнул зубами.

– Мне кровь взять надо, – объяснила она, – но я подожду, пока доктор с вами закончит разговаривать.

Она повернулась и уже собиралась уходить, как я ее догнал и тихо спросил:

– Извините, но какой же он крокодил? Он больной. Это непрофессионально.

– Что? – удивилась она. – Да фамилия у него Крокодил. Посмотрите. На истории болезни написано.

Я взглянул на историю болезни и прочитал: «мистер Яков Крокодил».

Я вернулся к больному. Что-то меня в нём настораживало.

– Я понимаю, мистер Крокодил, – начал я, – вы когда-нибудь в госпитале, в психиатрическом отделении лежали?

– Помилуйте, доктор, – улыбнулся больной. – Ну кто же крокодила в психушке держит?

– Да-а, – задумчиво протянул я, – а что вы в жизни делаете как крокодил?

– Живу в болоте, – уверенным тоном стал рассказывать он. – Жру дерьмо, пададь всякую. Лежу на животе, телевизор смотрю.

– Откуда в болоте телевизор? – с интересом спросил я, пытаясь установить диагноз.

– В любом болоте телевизор стоит для того, чтобы мы еще злее были. А то полицейские без работы останутся.

– Какие полицейские?

– Ну, которые нас, крокодилов отлавливают.

– Извините, – осторожно продолжил я, – а вы уверены, что вы крокодил? Ну, животное? В смысле, хищник и в настоящем болоте живете? Людей там едите и всякое прочее дерьмо... Или у вас фамилия такая, и вы про жизнь иносказательно рассказываете?

– Доктор, – больной скрипнул зубами, – вы сложно говорите. Что вы от меня хотите?

– Вы – животное? – я поставил вопрос прямо и добавил: – Земноводное, хищное...

– Да я его помню, – вдруг вступил в разговор пациент, лежащий под капельницей на соседней кушетке, – он здесь полгода назад был и говорил, что он – козерог.

– Это моей шестой жены фамилия, – объяснил мой больной, – я ее фамилию сначала взял, но потом передумал и свою оставил.

– Вы его не слушайте, доктор, – продолжал пациент на кушетке, – он вам лапшу на уши вешает. Ему пенсию по болезни держать надо, вот он и крутит.

– Идиот! Заткнись! – крикнул мистер Крокодил, щелкнул зубами, спрыгнул с носилок и, быстро перебирая маленькими ручками, вилля правой ногой, пополз к обидчику.

Тот схватил сапог с пола и, размахнувшись, запустил в мистера Крокодила. Мой больной поймал его зубами и стал остервенело терзать, мотая головой в разные стороны. На крик прибежали полицейские и санитары. Мистера

Крокодила положили обратно на носилки и пристегнули ремнем.

– Что с ним, доктор? – ко мне подошла медсестра.

– Ещё не понял, – ответил я, – то ли он крокодил, то ли мистер Крокодил, то ли все вместе. В отделение его, а там посмотрим.

Санитары взялись за носилки, но он невероятным образом выскользнул из-под ремней, упал на пол и залез под одну из кроватей. Санитары бросились его ловить. Один из них дико вскрикнул, потому что больной укусил его за палец. Кровать была привинчена к полу, и вытащить его из-под неё было тяжело.

– Укол ему надо сделать, чтобы заснул, – предложил я собравшимся на шум медикам из приемного покоя.

– А кто там? – спросили одновременно несколько человек.

– Крокодил, – объяснил я.

– Как? – одна из медсестер в испуге закрыла рот рукой. – Настоящий?

– Не знаю еще, – ответил я.

– А кто знает? – возмутился заведующий отделением.

– Я психиатр, а не бог, – парировал я, – вроде он крокодил, а вроде нет.

Медсестра со шприцем встала на коленки и заглянула под кровать, но тут же отскочила, потому что больной угрожающе зашипел и выбросил вперед левую ногу без носка.

– Я боюсь, – медсестра отступила назад. – Пусть кто-нибудь другой.

Все молчали, думая, что делать. Однако приемный покой есть приемный покой. Проблемы возникают каждую секунду. Поскольку пациент лежал спокойно, то все решили, что, в конце концов, он уснет, и его можно будет вытащить.

Через полчаса я заглянул под кровать, но там никого не было. Охранник, который взялся присматривать за больным, клялся, что не видел, как тот выполз. Присмотревшись внимательно, я увидел мистера Крокодила спящим под одеялом на кровати.

– В отделение его, – попросил я и стал оформлять документы.

- Может, в болото сбросим? – спросил один из санитаров.
- Да, – согласился я, – в болото, на третьем этаже. Там охрана есть, чтобы его привязать, если он от всей этой муры по телевизору кусаться станет.
- Доктор, – спросила медсестра. – Это вы иносказательно или в буквальном смысле?
- И так, и так, – я вздохнул и пошел смотреть девочку, прыгающую от радости. Ее мама считала, что она прыгает слишком высоко.

Я вошел в палату посмотреть на больного, которого привезли вчера ночью. Небритое лицо, большой нос, маленькие глаза и низкий лоб.

– Меня зовут доктор Зак, – представился я.

– Иди к черту! – рявкнул он и махнул рукой.

– А где он? – поинтересовался я.

– Где черт? Здесь... – больной показал под кровать, – он вас ждет.

– Откуда вы знаете?

– Он мне сказал. Днем, говорит, придет доктор Зак, пошли его сразу ко мне. Не бойтесь, доктор, – улыбнулся пациент, – лезьте туда.

Я стоял посередине комнаты, обдумывая план лечения.

– А как выглядит этот черт? – наконец поинтересовался я.

– Да вы лезьте, лезьте... – посоветовал больной, – сами увидите.

– И долго вы с чертом общаетесь? – продолжал я спрашивать.

– Доктор, – раздраженно буркнул он, – пока вы с ним не пообщаетесь, я с вами разговаривать не буду. А то неудобно: я ему обещал, что, как только вас увижу, сразу к нему пошлю. Он ждет.

Я понял, что сейчас разговаривать не стоит. Больной был агрессивен, и я решил сначала дать ему лекарство.

– Отдыхайте, – посоветовал я. – У меня для вас есть таблетки...

Из-под кровати внезапно донеслось рычание. Оно было угрожающим и требовательным.

– Это кто там? – с некоторым дрожанием в голосе спросил я.

– Черт. Сколько раз можно вам говорить? Залезайте туда, сами увидите. Черт недоволен, что вы медлите.

«Чушь какая-то, – подумал я, – откуда в психиатрическом отделении под кроватью может быть что-то рычащее?»

Я отошел подальше к двери, приоткрыл ее, чтобы можно было выскочить, если что, и, опустившись на колени и локти, стал всматриваться в темноту под кроватью. Дверь открылась, и в палату вбежала сестра, натолкнувшись на мой зад.

– Доктор?.. – удивленно вскрикнула она.

– Не мешайте ему, – объяснил больной, – он черта под кроватью ищет.

Я немного смутился.

– Да вот, – промямлил я, – что-то у него там рычит.

– Рычит? – удивилась она, – а вам не послышалось?

– И вы к черту идите, – посоветовал больной, – там для двоих места хватит.

Из-под кровати донёсся жуткий скрип. Сестра выронила из рук охапку бумаг.

– Ой! – вскрикнула она и прикрыла рот ладошкой.

– Он злой, – спокойно объяснил пациент, – но вас, доктор, не тронет. Я и за вас могу попросить, сестра.

Рычание повторилось, а потом перешло на протяжный вой. Мы быстро вышли из палаты, плотно закрыв за собой дверь.

– Доктор, – прошептала взволнованно сестра, – что же делать?

– Надо в охрану позвонить. Пусть они и разбираются. – Я обнаружил, что у меня слегка дрожат руки.

Охранники пришли через пять минут. Два здоровых бугая, Джек и Герасимов. Мы последовали за ними.

– Что у вас там? – спросил Джек у пациента и, приблизившись, опустил на четвереньки.

– Черт, – повторил пациент. – Черт. Он не любит, чтобы его отвлекали по пустякам. Вы тоже можете идти к нему, я не возражаю.

Джек встал на ноги и, посмотрев на нас без тени улыбки, уверенно сказал: «Там черт».

Воцарилась тишина, которая через несколько секунд стала бить по ушам.

– Я же вам говорил! – радостно воскликнул пациент и привскочил на кровати.

– Дай посмотреть, – Герасимов бесстрашно залез с головой под кровать.

– А я тебя вспомнил, – вдруг обратился пациент к Джеку, который под его кроватью увидел черта, – мы с тобой к одному психиатру ходим.

– Я тебя не знаю, – мрачно ответил тот, – ты ошибся.

– Да ничего я не ошибся. Мы вместе в очереди сидели, и ты мне рассказывал, что не хочешь принимать горькие таблетки.

Герасимов выполз из-под кровати, встал на ноги и быстро направился к двери.

– Вы куда? – только и успел я у него спросить.

– Вспомнил, что чайник дома на огне стоит. Расплавится. Скоро буду, – выдохнул он и исчез.

– Что здесь за шум? – в комнату заглянула заведующая отделением.

– Идите к черту, – посоветовал ей пациент, – вместе со всеми.

Заведующая вопросительно посмотрела на меня.

– Кто-то там под кроватью, – попытался я объяснить и показал на Джека, стоящего с серым лицом, – он видел.

– Что вы видели? – удивилась заведующая.

– Черта, – серьёзно ответил он.

– Вы что, разыгрываете меня? – у неё от возмущения покраснели щёки.

– Нет, – ответила медсестра, – я сама слышала...

– И я слышал, – добавил я.

– Не поняла... – заведующая нервно теребила пальцами воротничок.

– Оно... под кроватью, – продолжал я.

– Подержите, – заведующая дала мне в руки папку с бумагами и наклонилась лицом к полу.

– Ой! – воскликнула она и без чувств повалилась на пол, но через секунду очнулась, открыла глаза и встала на ноги.

– Забыла, – объяснила она, – врач прописал таблетки от давления и сказал ни в коем случае не наклоняться, так как можно в обморок упасть.

– Всё, – подытожил я, – посмотрю сам.

Преодолев страх, я засунул голову под кровать, но тут же почувствовал, как меня кто-то оттаскивает за ноги.

– Все, выключил чайник, – услышал я голос вернувшегося Герасимова, – вам нельзя, доктор, самому туда лезть. Мало ли какая там зараза. Это наша работа.

– Смешные вы все, – вступил в разговор пациент. – Я же говорю, там черт.

«Ч-черт. Черт там живет», – шептали больные, столпившиеся в коридоре возле двери.

Герасимов бросился на пол и скрылся под кроватью.

Воцарилась тишина.

– Сумасшедший дом, – прошептала заведующая, – каждый день цорес.

Я поднялся на ноги и отряхнул пыль.

– Я боюсь, – признался Джек, – он его... оно его... съест.

Медсестра нервно кусала ногти, сплёвывая кусочки на пол.

Внезапно раздался дикий вой, хруст ломаемых досок, рычание, шебуршание... потом все затихло.

– Нет! – вскрикнул Джек и пулей выбежал из палаты. Заведующая схватилась за сердце. Медсестра прижалась дрожащим телом к стене.

– Полицию надо вызвать. Срочно, – предложил я.

– Да он вашу полицию в одном месте видел, – спокойно произнес больной.

– Эй-эй, – я осторожно приблизился к кровати, – эй! Герасимов, вы живы?

– Заделал он его, – пробурчал пациент, – к себе утащил.

– Я с ума сойду... – медсестра открыла дверь и, пошатываясь, вышла из палаты.

– Давление... ухожу на пенсию, – тихо произнесла заведующая, – мне плохо, – она выпала в коридор вслед за медсестрой.

Я остался один на один с больным, который сидел на постели, торжествуя победу.

«Где же Герасимов?» – подумал я и, преодолевая страх, еще раз нагнулся и вдруг вскрикнул от адской боли в пояснице. Герасимов, весь в пыли, выскочил из-под кровати и, шатаясь от возбуждения, прохрипел: «Суп, суп забыл выключить... И свет оставил... и дверь не закрыл на ключ. Скоро буду, – он закашлял и выбежал из палаты.

Я застыл на полу, не в состоянии двинуться от боли. Дверь открылась, и вошли двое полицейских.

– Что случилось? – Один из них нагнулся, помогая мне встать.

– Черт! – буркнул я от боли в пояснице, когда попытался подняться.

– Я же сказал, а вы не верите! – торжествующе воскликнул пациент.

Из-под кровати донеслось рычание, и оттуда выбежала громадная черная собака. Она бросилась на пациента, стараясь лизнуть его в лицо.

– Моя собачка, – обрадовался он, – Чертом зовут.

За собаку все получили по голове, а я – по пояснице.

Пациент посмотрел умоляющими глазами и жалобно протянул: «Доктор Зак, дайте лекарство, чтобы я был счастливым».

Внезапно дверь с шумом раскрылась, и в офис вбежала женщина.

– Не нужен тебе психиатр, не нужно тебе лекарство. Пошли отсюда.

Женщина упала перед больным на колени, уткнувшись чувствительными крупными грудями в кресло. Пациент съёжился, побледнел и подтянул хрупкие ножки к узенькой впалой груди. Женщина схватила его, подняла на руки и понесла к выходу.

– Не надо, – взмолился тот, – отпусти, я хочу таблетку.

– Я тебя сделаю счастливым, – басом прохрипела она, но вдруг оступилась, задела ногой за ковер и с криком упала плашмя, держа пациента прямо перед собой, чтобы не сильно удариться. От грохота у меня заложило уши. Удар был настолько силен, что раскачал лампу и свалил оттуда заснувшую муху. Муха полетала туда и обратно, села в пустое кресло и снова заснула. Парочка лежала на ковре, не шевелясь. Я вскочил с кресла, но в это мгновение услышал кашель и кряхтение пациента.

– Доктор, вам ковер надо почистить, – откашливался он, с трудом выбираясь из-под теплого женского тела. Я подбежал к нему и попытался помочь, но он вежливо отстранил мою руку:

– Я сам. Привык уже. Она меня везде хватает и всюду роняет.

Женщина лежала и храпела.

– Не обращайтесь внимания, – продолжал больной, – она спит. Дайте таблетку для счастья, пока она не проснулась.

– Таких таблеток нет, – пытался объяснить я, – есть от депрессии.

Пациент внезапно вытащил большой нож, а потом расплакался: «Вас зарежу. Себя и ее. Не могу так жить. Дайте таблетку».

Женщина внезапно вскочила на ноги, обхватила его сзади за пояс, подняла в воздух и побежала к выходу. Но, не увидев двери, стукнулась лбом, упала и тут же заснула.

– Она ничего не видит, не слышит и не понимает, доктор. – Больной без остановки кашлял, пытаюсь встать на ноги. Он искал нож, который оказался воткнутым глубоко по рукоятку в дверь. Он попробовал его вытащить, но безуспешно. Тогда пациент сел на пол, вытащил из кармана пистолет, направил на меня и умоляюще застонал: «Вас убью, себя и ее. Дайте таблетку».

– Конечно, конечно, – я услышал, что мой голос дрожит. Женщина проснулась, схватила пациента за ноги, рванулась вперед, но снова упала, ударившись о дверь, и заснула.

– Послушайте, – сказал я, – вашей женщине нужен психиатр. Вообще ей нужно полное медицинское обследование.

– Это у нее от большой любви ко мне, – объяснил он, – что она во мне нашла?

– Как – что? – я старался отвлечь его внимание от пистолета, который тот держал в руке. – Интересный мужчина средних лет, уважаемый, умный...

– Не вешайте лапшу на уши, – попросил больной.

В этот момент женщина проснулась, встала во весь рост, уперла в бока кулаки, посмотрела на меня и прохрипела: «Я вам его не отдам. Он мой. Не надо его пичкать таблетками, а то он не сможет меня любить три раза в день».

– Я бы вам посоветовал обратиться к специалисту, – тихо сказал я и увидел, как в меня летит ваза, перед этим стоявшая на полу. В вазе сидел пациент с пистолетом в руке и с выражением скорби на лице. Я наклонил голову, и ваза, пролетев по воздуху, вылетела в открытое окно. Женщина вскрикнула от ужаса, сделала два гигантских прыжка и прыгнула вслед за вазой с тринадцатого этажа.

– Доктор, доктор Зак, – услышал я голос.

Я с трудом вернулся в трёхмерный мир, поднял глаза и увидел худенького пациента с маленькими ножками. Я припомнил, что я психиатр и нахожусь здесь, чтобы сделать его счастливым.

– А как ваша жена себя чувствует? – поинтересовался я шепотом, озираясь по сторонам.

Он побледнел и открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг я услышал сильный шум за дверью.

Доктор Зак осмотрел всех пациентов и сидел в кресле, на правив взгляд в неопределённость и пытаясь что-то понять. Это «что-то» ускользало от внимания, отвлекаемое мыслями о чем-то. Вконец запутавшись, он чихнул и понял, что так жить дальше нельзя, и нужно всегда в кармане иметь салфетку. Сунув руку в карман, он достал бумажку, на которой был написан номер телефона. Доктор сидел несколько минут, уставившись на номер, но никак не мог вспомнить, кому же он принадлежал. Доктор чихнул второй раз, скомкал бумажку и только собирался выбросить ее в открытое окно, как вдруг заметил, что рука остановилась, и у него внезапно появилось желание проверить, кому же принадлежит неизвестный телефон. Он поднял трубку, набрал номер и услышал приятный женский голос: «Алло». Голос был незнакомый.

– Извините, – произнес доктор Зак, – но...

– Где же вы ходите? – защебетал голосок, – мы тут уже все собрались. Давным-давно вас ждем и не можем без вас начать.

– Не понял, – шмыгнул носом доктор.

– Боже мой, – удивилась женщина, – что же вы не поняли?

Приезжайте немедленно. Тут столько всего вкусного.

– Меня зовут доктор Зак, доктор Зак, – произнес он почему-то шёпотом, дёрнув себя за правое ухо.

– Ну, конечно же, доктор Зак, ждем вас.

– Но... – замялся он.

– Так; никаких разговоров, и чтобы через пять минут был, – вдруг сказала женщина так строго, что у Зака вверх по позвоночнику пробежали мурашки.

– Вы меня путаете, наверно, с кемнибудь... – продолжал доктор.

– Сейчас я за тобой приду, – быстро ответила женщина, и раздалась короткая гудки.

Доктор Зак еще несколько минут смотрел на трубку, потом еще раз чихнул и вдруг услышал стук в дверь. Взглянув на часы, он удивился: был час ночи.

– Открой, Зак, открой, – просил за дверью знакомый женский голос.

Доктор почувствовал, что сильно возбуждается. Во рту пересохло.

– Кто вы? – прохрипел он, глядя на закрытую дверь. Перепуганное сердце билось о хрупкие интеллигентные рёбра.

– Да это же я, – отозвался вдруг низкий мужской голос, – это я. Не узнаешь?

– Кто – «я»? – едва слышно спросил доктор Зак, ощущая спазм мочевого пузыря.

«Давай дверь ломать, – услышал он другой голос. – Ломай дверь! – раздалась крики отовсюду.

Доктор схватил дрожащей рукой телефон, чтобы позвонить в полицию, но сигналов не было. Он хотел открыть окно и вырваться на пожарную лестницу, но ноги вдруг перестали повиноваться.

«Открой, открой!» – крики становились все громче и громче. Доктор почувствовал, что и руки перестали слушаться, и он, обессиленный, упал на пол. Дверь открылась, и в комнату вбежала громадного размера мышь. Она наклонила голову к доктору Заку и застонала: «Я тебя хочу».

– А я тебя – нет, – прохрипел доктор и почувствовал на лице ее усики.

– Нет! – закричал он и внезапно увидел перед лицом бороду, которая то приближалась, то удалялась, за ней потянулось лицо коллеги гипнотизёра, а сам доктор Зак лежал на кушетке в костюме.

– Вы интересный пациент, – произнес коллега, – записка с телефоном, женщина, дверь, мышь – и вообще все, о чем вы говорили в гипнотическом состоянии, позволяет прийти к выводу, что вы, во первых, любите приключения, во-вторых, еще больше любите свободу, а в-третьих, боитесь мышей и не доверяете им, то есть женщинам. Иными словами, мышь – это то, что покушается на вашу свободу, а свободным вы хотите быть, потому что... – Коллега задумался. Доктор Зак слышал биение собственного сердца, тиканье часов на столе, шум осеннего ветра и тишину, пробравшуюся из его грез в психиатрический офис. Внезапно он услышал храп. Коллега спал, так и не успев закончить фразу.

– Почему я хочу быть свободным? – спросил доктор Зак большую муху, sewшую на настольные часы. Муха каким-то образом влезла внутрь и, забравшись между секундной и минутной стрелками, остановила время. Доктор понял, что если у него отберут свободу, он не сможет себя полностью выразить как творческий человек. Ужас заключался в том, что он не знал, что хочет выразить. Он встал с кушетки и начал нервно ходить. Обеспокоенная муха вылезла из часов. Время пошло. Зазвенел пейджер на поясе доктора. Кто-то из больных захотел стать счастливее и требовал таблеток.

Доктор Зак ехал в машине в офис. Ветер раздувал спешащих людей в разные стороны. Доктор внезапно повернул налево, хотя надо было направо. Дорога привела в лес. Он вышел из машины и пошел по поляне в сторону болота. Там жила мышь. Доктор это точно знал. Хоть она и покушалась на его свободу, но она его хотела. У него не было в этом сомнения. Значит в нем, докторе Заке, есть что-то привлекательное для мышей. Его не понимают люди, но, может быть, поймут мыши. Впервые в жизни он совершил поступок вопреки здравому смыслу и логике. И, смело шагнув вперед, доктор провалился в болото по пояс.

– Помогите! – крикнул он, отчаянно барахтаясь в грязи. Пара ворон пролетела над головой. Они насмешливо каркнули и полетели дальше. Грязь уже была возле шеи. «Неужели это все?» – мелькнуло в голове.

– Нет, – раздался знакомый голос коллеги, – не все. У нас еще есть пять сессий. Но у вас уже наметился прогресс. Вы попробовали найти общий язык с мышью, которая покушалась на вашу свободу. Это означает, что вы готовы пожертвовать свободой ради того, чтобы найти существо, которое вас любит и понимает.

Доктор Зак опять увидел себя лежащим в костюме на кушетке в офисе. Брюки почему-то были грязные.

– А вы уверены, что я все это время лежал здесь на кушетке? – поинтересовался доктор Зак.

– Да, конечно, – улыбнулся коллега.

– Но вы спали, – возразил доктор, – и, кроме того, я не понимаю, почему я грязный? Или грязь – символическое свидетельство моего выздоровления?

– А как вы сами думаете? – раздался голос коллеги откуда-то снизу.

Доктор Зак посмотрел вперед, но увидел только ноги. Гипнотизёр стоял на голове.

– Я думаю, – продолжил он, не дождавшись ответа, – стояние на голове помогает увидеть все по новому и найти неожиданное решение в сложных ситуациях. В таких, например, как ваша. То, что вы изменили направление и поехали в лес, то, что вы тонули, говорит о том, что вы хотите уничтожить прошлое. Вы ищете нечто, способное вас понять и полюбить, ибо разочаровались в людях вообще и в женщинах в частности. Вы ищете мудрую мышшь. Вы ищете грызуна, чтобы поделиться с ним самым сокровенным. Важно понять, что вы и есть этот грызун. Вы самого себя в себе ищете, и вообще всё происходит внутри вас. Вы как психиатр это понимаете.

Коллега встал на ноги, подошел к окну и раскрыл его. Прохладный осенний воздух принес свежесть увядающих кленовых листьев. Гипнотизёр вдруг почувствовал радость и прыгнул в окно с двенадцатого этажа. Доктор Зак понимал, что и стул, и стол, и часы на стене, и муха, и коллега, и мышшь, и болото и он сам – всё является частями одного целого, которое называется жизнью. Он, доктор Зак, свято в это верил. И поэтому спокойно заснул в своем собственном сне.

Доктор Зак лежал на пляже, когда вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за нос. Прикосновение было приятным, он даже не открыл глаза. Кто-то стал осторожно ощупывать его щеки, шею, грудь, живот. Маленькие пальчики подобрались к самому интимному месту, но в это время раздался громкий неприятный мужской голос: «Нельзя».

«Ну вот, – подумал доктор Зак, – у нее есть мужик». Он приоткрыл глаз и увидел ребеночка, играющего с его плавками. К ребенку подошел папа и, легко взяв его на руки, унес. Мальчик стал истерически кричать, пытаясь вырваться из родительских объятий. Доктор закрыл глаза и через секунду снова почувствовал, как кто-то схватил его за нос. На этот раз он приоткрыл глаза, но никого не увидел. Он опять закрыл глаза и погрузился в размышление, в результате которого понял, что хочет, чтобы его кто-то дернул за нос; но почему? Он перевернулся на живот и вдруг пришел к неожиданному выводу, что чувствует себя одиноко, и поэтому его крючковатый нос постоянно за когонибудь цепляется. Но почему на него сел ребенок? Почему не вот эта длинноногая, голубоглазая?..

Доктор Зак перевернулся на спину, и его осенило, что ребенок предлагает ему вернуться в детство. У него тогда был нос, чтобы иметь насморк, на который подбегали папа, мама, бабушка, бабушка и все родственники. Ему, доктору Заку, тогда было хорошо, а теперь, даже если у него насморк, никто к нему не бежит, а нужно самому бегать за салфетками.

Пытаясь за когонибудь зацепиться, доктор Зак отрастил большой нос, с волосами сверху и внутри, с горбинкой, гордо выдающейся вперед. Доктор думал обо всём этом, когда снова почувствовал, как его дернули за нос. Он открыл глаза, но никого не увидел.

«Это я сам создаю ощущение в своём же носу, – решил он, – типичный случай в психиатрии. У женщины, которая хочет родить, но не может, часто вырастает живот». Доктор почувствовал, как его ноги подняли его же тело, которое

двинулось по направлению к океану. Там сидели мальчики и ловили рыбу.

– Клюет? – спросил он.

– Ни черта, – ответил один из мальчиков и сплюнул в воду. Доктор Зак нагнулся к воде и опустил туда нос. Разноцветные рыбы мгновенно бросились с разных сторон и стали отчаянно щипать его за нос. Мальчики дико пищали от восторга. Доктор чуть не плакал от боли и огорчения, что рыбы его ценят больше, чем та, длинноногая и голубоглазая. Вздыхнув, он направился к ней. Нос был красный, раздутый от соленой воды и рыбьих укусов.

Доктор сел рядом с девушкой и тихо сказал: «Вот я и пришел».

Она не шевелилась.

«Спит», – подумал доктор Зак. Оглянувшись вокруг, он осторожно вложил нос в раскрытую кисть её руки. Кисть даже не шелохнулась.

– Вы зачем мою куклу трогаете? – услышал он вдруг тоненький голосок девочки. Доктор Зак забыл, что плохо видел без очков. Он вынул очки из карманчика в плавках, надел их на кончик носа и действительно увидел большую куклу, в которую пытался запихнуть нос.

– Я хочу, чтобы меня кто-нибудь дернул за нос, – неожиданно для себя сказал доктор.

– А мороженое купите? – спросила девочка.

«И мне, и мне», – раздалось со всех сторон. Его обступили дети, требующие мороженое и готовые отодрать ему за это нос.

– Что здесь происходит? – кукла вдруг повернулась на спину, и доктор Зак увидел, что она живая. Он с горечью осознал, что уже не может отличить куклу от женщины. Он сидел на песке и думал, а дети в это время так и норовили ущипнуть его за нос.

– Брысь! – крикнула кукла.

Дети разбежались в разные стороны. Она подошла к доктору Заку.

– Как вам не стыдно! – возмутилась девушка, – взрослый мужчина, а что себе позволяете.

Она придвинулась к доктору поближе. Доктор Зак переживал, что она не обращает внимания на его нос. Все было банально и неинтересно. Люди их даже не замечали.

Доктор грустил и чувствовал себя одиноко. Он потолкал девушку носом, но та не шевелилась. Тогда он пошел по направлению к океану. Там жили рыбы.

– И именно это вы хотите, – подытожил психоаналитик.

– Что? – не понял доктор Зак, очнувшись в кресле.

– Вы хотите посредством носа почувствовать единство с миром. Вам не нужен секс. Попросите жену подергать за нос.

– Вы думаете? – неуверенно произнес доктор Зак, – и что случится?

– Расскажите в следующий раз.

Поздно вечером он дождался, пока жена ляжет под одеяло, и дрожащим голосом попросил: «Подергай меня за нос».

– А ты меня – за большой палец на левой ноге, – ответила жена.

– Значит, в этом и была причина наших ссор? – поинтересовался доктор Зак.

– Ты психиатр, тебе виднее, – сказала жена.

Их черный кот видел все. Но сейчас он смотрел на них с любопытством. Кот был один, но ему никогда не приходило в голову никого дергать. Он не чувствовал себя одиноким. Наверное, потому, что он не был человеком. Да еще и психиатром. А особенно его женой. Он просто был котом.

Кот сидел в темноте и тайно гордился тем, что стоит на более низкой ступени эволюции и не морочит себе голову всякой ерундой.

Доктор Зак и его жена с завистью смотрели на кота. Тот спал. Тихо и глубоко, без сновидений. Они не спали до утра, и никто, кроме сильного ветра, бьющего всю ночь по окну, не знал, почему.

Однажды Черепахеру сказали, что он смертельно болен и ему осталось жить шесть месяцев. Он лежал на больничной койке и смотрел в окно. Ветер раскачивал деревья.

Черепахер закрыл глаза и подумал, что через шесть месяцев будет темнота – и больше ничего. Стало страшно. Он встал, вышел из палаты и пошел по коридору.

«У меня есть всего шесть месяцев, – думал Черепахер, – теперь я буду делать только то, что мне интересно».

Он налил себе кофе, сел на стул и стал думать, что же ему интересно.

Он уже допивал второй стакан, но всё ещё не мог понять. Сколько Черепахер себя помнил, он всю жизнь делал то, что было интересно другим.

«Что же я люблю делать?» – он подошел к окну и постучал пальцем по стеклу. Потом решил позвонить матери.

– Мама, ты помнишь, что я любил делать, когда был маленький? – поинтересовался он.

– А почему такой странный вопрос?

– Мне просто интересно, – объяснил Черепахер.

– Ты любил мороженое, – ответила мама, надолго задумавшись.

– Нет, – пытался он объяснить, – любил ли я читать, писать, танцевать... что-нибудь такое...

Мама подумала: «Подожди, я спрошу у отца».

Она говорила о чем-то с отцом, потом подошла к телефону и сказала:

– Нет, он не помнит. Но знает, что ты не любил ходить в школу.

– Это потому, что вы меня заставляли, – объяснил Черепахер.

– Знаешь, – предложила мама, – позвони дяде Мосе. У него абсолютная память; может, он помнит?

– Дядя Мося, – спросил Черепахер, – чем я любил заниматься?

Дядя подумал:

– Не помню.

– Но ведь должно же было быть что-то, что я любил делать, – не отставал Черепахер. – Не мог же я всю жизнь заниматься нелюбимой работой?

– Почему? – удивился дядя Мося, – посмотри вокруг. Ты странный какой-то. Все так живут.

– А я не хочу, – Черепахер заплакал.

– А как ты себя чувствуешь? – поинтересовался дядя Мося, – ты нервный стал, может тебе к психиатру обратиться?

– У меня есть доктор Зак, – буркнул в трубку Черепахер. Спасибо. До свиданья.

Он подошел к окну, открыл его и высунул голову наружу. Ветер о чем-то шептался с деревьями. Он прислушался.

– Сюда, – услышал он вдруг, – сюда.

Черепахер выпрыгнул из окна и подошел к деревьям.

– Сюда, сюда, – донеслось сверху.

Он вскарабкался вверх по дереву, сел на ветку и почувствовал себя счастливым. Черепахер сидел и слушал ветер. Ему было хорошо и спокойно. Его вдруг озарило, что именно это он и любил делать, когда был совсем маленький. Он протянул руки кверху и попытался поймать ветер, но потерял равновесие и упал вниз. Когда он очнулся, то узнал, что болезнь отступила. Он знал, что теперь будет жить долго.

– Ешьте больше витаминов, – посоветовал доктор.

– Я лучше буду почаще на деревьях сидеть, – сказал Черепахер и распахнул окно.

– В прошлый понедельник шел сильный дождь, – начал рассказ пациент, в двадцать первый раз проверяя, застёгнута ли у него верхняя пуговица рубашки, – и поэтому я сидел дома. Конечно, можно было бы не сидеть дома, но поскольку шел сильный дождь, я решил все-таки остаться дома, потому что совершенно не хотелось вымокнуть, хотя у меня был зонтик. Зонтик был длинный, зеленоватого цвета, с белым наконечником. Он стоял в углу в прихожей, между тумбочкой и стулом. Его наклон к стене составлял сорок три с половиной градуса.

Я проголодался и решил пойти в магазин, несмотря на сильный дождь. Встал со стула, прошел в прихожую и стал одеваться: надел кальсоны, брюки, рубашку, пиджак, галстук. Потом нагнулся и, достав из-под тумбочки ботинки, сначала надел один на правую ногу, а потом второй – на левую. Тщательно завязав шнурки, я взял зонтик в левую руку и вышел из квартиры, правой рукой закрыв за собой дверь на три с четвертью замка.

Выйдя на улицу, я увидел, что дождь ещё шёл, и поэтому я раскрыл зонтик таким образом, что он не только закрывал голову, но и капли с него стекали так, чтобы ни одна не попадала на плащ. Я был доволен тем, что у меня качественный, надежный и недорогой зонтик. Дождь усиливался, и я держал зонтик под небольшим наклоном, примерно тринадцать с половиной градусов, немного продвинувшись вперед и вбок так, чтобы капли не попадали на ботинки.

Плащ хорошо закрывал меня от ветра со всех сторон. Все пуговицы были тщательно застегнуты. Плащ доставал до колен и был на тройной подкладке. Первая сделана из меха, вторая – из пуха, а третья – из хлопка. Поверх меха тщательно натянута кожа. Мне было тепло и сухо, тело дышало свободно и было раскованно. Я шел примерно в тридцати трех сантиметрах и одиннадцати миллиметрах от кромки тротуара. Я подсчитал, что это расстояние – самое благоприятное, потому что,

с одной стороны, не такое большое, а с другой – не такое уж и маленькое. В нижнем левом пятом с краю кармане плаща, во втором слое, у меня всегда лежала колбаса твердого копчения, аккуратно завернутая в бумажку. Она была разрезана на ломтики одинаковой толщины, девять миллиметров, которые были готовы к употреблению. Там же лежали салфетки и десять пластиковых ножей. Иногда я останавливался, доставал ломтик, клал его в рот, тщательно жевал, пока он не превращался в кашицу, которая таяла во рту двенадцать секунд, наполняя организм сытостью.

Дождь перестал. Я постоял несколько минут, думая, закрыть зонтик или нет, а потом забрался на дуб и начал лаять. Когда меня привезли в клинику, было уже поздно. Доктор внимательно выслушал мой рассказ о паутине, которая опутала мою жизнь и превратила меня в робота. Была только одна-единственная возможность её разорвать – начать лаять; это я и объяснил доктору.

– Почему? – поинтересовался дежурный психиатр и поднял правое ухо примерно на полтора сантиметра выше макушки медсестры, стоящей в трех метрах и двадцати сантиметрах от носилок.

– Гав-гав, – пролаял я, – не хочу больше жить в ящике.

– Понял, – произнес психиатр, – я все понял. Вы устали, у нас вы отдохнете несколько дней.

– Я не сумасшедший, доктор, – объяснил я, – я просто ненормальный.

За окном я заметил дуб, на который страшно захотелось влезть и залаять. Снова пошел сильный дождь. Я вытащил из-под больничной кровати зонтик и пошел шагом примерно в двадцать пять и три десятых сантиметра, ненавидя себя и проклятый зонтик, которому не хватало ровно семнадцати миллиметров, чтобы сбрасывать воду в сторону от моего полированного ботинка, нацеленного вперед, в строго продуманном, рассчитанном до мелочей направлении.

Дорога вела в неизвестность. И это было страшно. Так страшно, что я достал кусочек колбасы и начал его жевать, решив на этот раз сделать тринадцать жевательных движений.

Доктор Зак во время рассказа пациента считал оставшиеся до пенсии дни, умножая их на зелёные бумажки и вычитая налоги. Сумма получалась реальная, но он не хотел с ней мириться, и продолжал пересчитывать. Вконец запутавшись в математике, он посмотрел на больного, бесшумно раскрывающего рот. Доктор напряг внимание и услышал, как пациент повторял:

– Раз, два, три... раз, два, три...

«Прыжок, – подумал доктор Зак, – только куда?»

Ветер шелестел рецептурными бланками, забытыми на столе задумчивым доктором.

– Сначала шел снег, потом выглянуло солнце, начали падать осенние листья, снова пошел снег, а затем я очутился в вашем кабинете, доктор, – произнес больной.

– Да? – начал я, – а почему вы здесь? Я имею в виду, что вас сюда привело? Вы чувствуете тоску, печаль?

– Доктор, я пришел сюда, чтобы вылечить вас от депрессии.

– То есть как? – я от удивления откинулся на спинку стула.

– Я прочитал в газете статью, где говорилось, что все психиатры стали психиатрами потому, что страдали от депрессии, и решили понять, что же с ними не в порядке.

– Интересно, – заметил я. – Значит, вы решили мне помочь понять, что со мной не в порядке?

– Да нет, вы меня не поняли. Я пришел сказать, что с вами все в порядке. И вы все время заблуждались, думая, что с вами что-то не в порядке. Вы только осознать не можете, что вы нормальный.

– Почему? – ход мысли больного меня заинтересовал.

– Потому что не хотите. Вы боитесь. Вам с детства внушили, что у вас проблемы, и поэтому вы не такой талантливый или богатый. А на самом деле никаких проблем у вас нет. Вы совершенно беспроблемны.

– Не может быть! – удивился я, – у всех людей есть проблемы.

– Доктор, – перебил он, – вы хотите быть счастливым?

– Конечно. А кто же не хочет? – Я на мгновение забыл, что все-таки он пациент, а я доктор.

– Тогда поверьте мне: вы совершенны, так же, как солнце и звезды.

Он помолчал и добавил:

– Ни у кого нет проблем. Все это внушение, всеобщий гипноз. Нужно разгипнотизироваться.

– Интересно, как же это сделать?

– Необходимо вернуться в то время, когда вы еще не знали, что у вас есть проблемы. – После паузы больной добавил: – И отдохнуть там, раздевшись догола и сунув соску в рот.

– Любопытно, – я вспомнил, что имею дело с пациентом, хотя все еще никак не мог понять, чем же он болен. Догадки крутились в голове, словно в лабиринте извилин кружился и жужжал рой психиатрических мух.

– Вы понимаете, доктор, – продолжал он, – это единственный путь к свободе и счастью. Мы пошли неправильной дорогой с тех пор, как вынули изо рта соски и научились ходить. Пошли потому, что нам показали путь, ведущий в тупик. Люди, которые нам показали дорогу туда, знали о тупике, но внушили себе, что его там нет. Все запуталось...

Больной сидел в кресле с огорченным видом и смотрел на цветок на столе.

«А депрессия у него явная, – подумал я, – совершенно явная».

Взглянув на часы, я понял, что пора выписывать лекарство и отправлять его домой. Следующий пациент уже ждал в приемной. Я извинился, протянул рецепт и сказал, что меня заинтересовала беседа, и что у него безумно глубокие и интересные мысли.

Больной был явно расстроен. Он медленно встал, взял рецепт и, сгорбившись, вышел из кабинета.

День, собственно, прошел незаметно. Я пришел домой, попытался расслабиться и почитать книгу перед сном, но разговор о соске застрял в сознании и крутился там с большой скоростью. Что-то меня сильно тронуло в рассказе пациента. Я улыбнулся и уже был готов лечь спать, но понял, что мне нужна соска, иначе сойду с ума.

Удивившись самому себе, я снова оделся и поехал в магазин. Купив соску, приехал обратно, разделся полностью, сняв даже трусы и, засунув её в рот, расслабился, свернулся калачиком в постели и закрыл глаза.

Чувство необыкновенного блаженства моментально охватило меня. Я почувствовал себя маленьким, хорошеньким пупсиком, надежно защищенным от волнений, тревог и природных катаклизмов папой, мамой и кучей родственников. Мой мир был прекрасен, полон сказочно красивых цветов и красок, все было восхитительно, но главным было чувство полной защищенности и, конечно же, отсутствие проблем.

Я лежал, посасывая соску, и думал о том, каким же я был идиотом, что следовал дурацким советам родителей и общества, в результате чего-только обрёл много проблем. Стал психиатром, чтобы все их решить одним махом, и все еще решаю, в дополнение к миллионам проблем пациентов. А ведь я просто хотел быть счастливым. И для этого нужно было купить соску за пятьдесят центов, раздеться догола, лечь в кровать, засунуть её в рот и, свернувшись клубочком, расслабиться и закрыть глаза.

Не знаю, сколько времени я лежал в полном блаженстве, как вдруг почувствовал, что на лицо упало что-то холодное и мокрое.

«Что за черт», – подумал я и, открыв глаза, увидел, что лежу под дождем в корзинке. Корзинка оказалась коляской, которую везла молодая женщина. Она смотрела на меня, не отрываясь, и о чем-то думала. Я чувствовал, что завернут в пеленки так крепко, что не мог пошевеливать ни ручкой, ни ножкой.

«Где я? Что со мной?» – мелькнула в голове мысль. Я помнил, что мне сорок пять лет, я – психиатр, вроде бы недавно улёгшийся спать с соской. А что сейчас? Я попробовал что-то сказать, но соска глубоко сидела во рту, и я даже не мог ее вытолкнуть языком. Все, что я мог – это дышать носом и чувствовать на щеках холодные капли дождя. Мысли в голове мешались. Я не понимал, сон это или явь, но ощущение было такое, что это суровая действительность.

Было непонятно, что произойдет дальше. Женщина ничем не напоминала мать. Я так испугался и разволновался, что описался. На глазах у меня выступили слезы.

– Не плачь, – ласково произнесла женщина, – психиатры не плачут. Они дают таблетки от плача другим людям.

Я понял, что сошел с ума. Последнее время я много работал. Недосыпание, слабая нервная система – все сыграло роль, и теперь начались слуховые и зрительные галлюцинации. Однако странно было то, что я все это понимал, потому что у больных с острым психозом обычно отсутствует самокритика.

Женщина продолжала на меня смотреть и, наконец, сказала:

– От ваших таблеток у меня не получается секс. Я имею в виду оргазм.

«Господи, – подумал я, ощутив, что сильно потею от волнения, – Господи, ну кто-нибудь, сделайте же мне укол, чтобы кошмар кончился».

Я почувствовал сильную боль в ягодице, резко дернулся всем телом и вдруг увидел, что лежу на кровати лицом вниз. Меня держали за руки двое здоровенных санитаров. Медсестра сделала укол. В комнату, которая была палатой психиатрической больницы, вошел врач. Санитары и медсестра вышли. Врач посмотрел на меня и произнес учительским тоном:

– Коллега, жить без проблем невозможно. Когда у человека нет проблем, он пытается их выдумать, чтобы у него была связь с реальной жизнью. Иначе человек чувствует себя потеряннным в космических флюидах и растворенным в бесконечности потока времени и пространства. Это и есть начало психоза, и путь к нему лежит через соску. С такой ранимой нервной системой её сосать нельзя. Вам необходимы мучения, страдания, желания, бессонница и разочарование в любви, иначе – дорога в психушку, где вы и находитесь сейчас.

Доктор вздрогнул, снял очки, протер их пальцем, снова надел на кончик носа и добавил:

– Никаких сосок. Работать семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки, стоять в пробках на дорогах четыре часа в день и не иметь времени ни на что.

– Доктор, – прошептал я испуганно, – как я здесь оказался? Что произошло?

– Вы пытались в парке, – объяснял доктор, – влезть в коляску, которую везла одна из мамаш, и уговаривали младенца подвинуться. Она, конечно же, вызвала полицию... Попробуйте поспать. Вы утомлены и нуждаетесь в отдыхе. Завтра, если все будет хорошо, мы вас выпишем.

Он кашлянул, высморкался в салфетку, улыбнулся и вышел.

Я сидел полуголый в полутемной комнате и грустно смотрел на решетчатое окно, через которое проглядывал свет проблемного мира. Надел брюки, вышел в коридор и походил взад-вперед, решая, что же теперь делать, как вдруг увидел соску. Она была старая, разжеванная до предела и лежала в углу, видимо, случайно оброненная кем-то из посетителей психиатрического отделения. Я нагнулся, схватил её и побежал обратно в палату.

Тщательно вымыв соску горячей водой с мылом, я засунул ее в рот и, свернувшись калачиком, укрылся одеялом. Чувство полного блаженства накатило теплой, успокоительной волной. Мне было все равно, где я, что со мной; моё будущее и прошлое. Хотелось еще раз пережить прекрасное чувство благополучия и безопасности.

Я быстро вошел в зону между сном и бодрствованием и вдруг обнаружил, что вместо пустой старой соски держу во рту что-то живое, родное и теплое. Открыл глаза и, к своему величайшему изумлению, увидел себя на руках у медсестры, с которой работал в одном отделении. Я сосал её грудь, а она заботливо прижимала меня к себе.

– Доктор, вы такой замечательный психиатр. Я вам нравлюсь? – медсестра наклонила к моей щёчке чувственный носик.

«Конечно», – хотел ответить я, но не смог, потому как рот был полон молочка. Я находился на вершине счастья.

– Доктор, доктор, – ласково говорила она, поправляя сосок так, чтобы он находился прямо в центре маленького рта, – а вы на мне женитесь?

«Конечно», – я кивнул головой в знак согласия.

Ее лицо засветилось от счастья. Она еще крепче прижала меня к обворожительной груди. Я почувствовал боль в ягодице и понял, что сейчас, наверное, окажусь в психушке, с иглой в заднице. Настроение у меня ухудшилось, я попытался вытолкнуть сосок изо рта и сказать сестре, чтобы она меня никому не отдавала. Однако она быстро встала и выпустила меня из рук. Потом был удар. Я открыл глаза и обнаружил себя лежащим в кровати у себя дома. Было уже утро. Рядом валялась соска.

«Неужели это был сон? – подумал я, – с медсестрой, психиатрической больницей...».

Я встал с постели расстроенный. Все многочисленные проблемы опять нахлынули на меня. Я посмотрел на соску, сунул ее в рот, но заботы никуда не исчезли. Я вышел из дома и уже был готов пойти к машине, как вдруг увидел девушку, везущую коляску с младенцем. Не совсем понимая, что делаю, я подошел к девушке и осторожно спросил:

– А можно мне пососать вашу сиську?

– Я сейчас не могу, – вежливо ответила девушка, – но вы можете лечь рядом сыном, и через полчаса я вас обоих покормлю.

Она подвинула ребёнка в сторону, освободив место в коляске. Я оглянулся по сторонам и быстро влез внутрь.

«Интересно, – подумал я, – а кому достанется больше молочка? Мне или ему?»

Я недовольно взглянул на её сына.

– Доктор Зак... – внезапно я услышал голос и, вынырнув из глубины астрального мира, увидел пациента, посоветовавшего сосать соску.

– Доктор, – взволнованно произнес он, – у вас был такой отсутствующий вид... мне прямо не по себе стало.

– Соска... – попытался объяснить я.

– Понимаю, – он кивнул.

Мы долго сидели молча, не чувствуя никакого напряжения, как это могут делать люди, хорошо понимающие друг друга в мире придуманных проблем.

Изя проснулся среди ночи и почувствовал себя одиноким. Чувство шевелилось в груди и ползло наверх, где сжимало горло так сильно, что становилось трудно дышать. Стало страшно, ему показалось, что он умирает.

Он взглянул на жену Басю и тихонько потряс ее за плечо. Она не чувствовала себя одиноким и спала глубоко. Изя лежал на усталой спине, тяжело дышал и думал о людях, которые его окружали. Если их так много, то почему ему одиноко? Он вдруг ощутил, как одиночество стало раздуваться. Оно стремилось вырваться наружу. Он страшно испугался и стал тряссти Басино плечо сильнее.

– Бася! Бася! Я боюсь!

– Что такое? – она открыла глаза.

– Мне одиноко! – Изя дрожал под одеялом, трясся взмокшим длинным посиневшим носом.

– О, Боже! – Бася встала с постели. – Я то думала, что-то серьезное! Ну и напугал! Завтра же иди к доктору Заку, пусть дозу поменяет. Думаю, еще полтаблетки перед сном не помешают.

– Мне одиноко! – он внезапно заплакал, роняя слезы на смятую бессонницей простыню.

– Изя! – Бася смотрела тоскливым и практичным взглядом все знающей о жизни женщины. – Все одиноки! Это нормально! Жизнь такая! И что из того? Это же не значит, что все должны лежать, мокрые от страха, трясти носами и плакать? Думаешь, ты особенный? Поговори с папой, мамой, с детьми! Все чувствуют одно и то же! Мы заняты делом и спим по ночам! А ты не спишь и плачешь! Спи!..

– А я могу от этого умереть? – продолжал волноваться Изя.

– Нет! – улыбнулась Бася. – Может, в прошлом столетии люди и погибали, но не сейчас! Лекарства есть! Никакое одиночество не страшно!

– Но я боюсь! – Изя продолжал дрожать, скрипя сухими от проблем суставами.

– Ты чувствительный! – Бася повернулась спиной. – Дай поспать часок.

Изя подумал над Басиными словами и пошел в ванную, чтобы умыть взволнованное, перепиленное временем лицо. Он вдруг почувствовал, как одиночество стало громадным и сильно ударило изнутри по худосочным интеллигентным рёбрам. Казалось, он раскалывается на миллионы кусочков.

– Бася! Бася! – он выбежал из ванной. – Оно вырывается наружу!

Бася опять проснулась, и тут же заметила, как что-то непонятное, беловатого цвета, густое, шарообразное, вылезает из его широко открытого, просящего о помощи, рта.

Рано утром они были в кабинете доктора Зака, который отчаянно старался проснуться в заполненном бесконечными пустыми хлопотами мире.

Доктор с интересом наблюдал, как Изя становился всё меньше и меньше, в то время как облако выросло в размерах, уже почти полностью скрывая его от взволнованного взгляда Баси.

– Я думаю, двух таблеток утром натошак будет достаточно, – доктор Зак протянул Басе рецепт, и в этот момент Изя исчез.

– Вы знаете, – обратился доктор Зак к Басе, – некоторые формы одиночества настолько сильны, что вызывают полное исчезновение. Это известный в психиатрии феномен.

– Он не может просто так исчезнуть! – истерически воскликнула Бася.

– В городе есть несколько мест, куда его можно будет пристроить в таком виде, – заметил доктор – Он там будет жить, окруженный похожими облачками. А сейчас мы ему оформим пособие по инвалидности. Вы хоть деньги сможете получать, пока он будет ждать койку.

Доктор Зак протянул руку к одной из тысяч бумажек, разбросанных по столу, и начал писать.

Внезапно окно распахнулось от сильного ветра, который ворвался в кабинет. Схватив облачко, ветер унес его с собой.

– Держи! – вскрикнула Бася, вскочив с кресла.

Но было поздно. Облачко исчезло в ясном небе.

Доктор Зак перестал писать.

– Я думаю, – задумчиво произнес он, – страховка на жизнь должна вам выплатить деньги.

– Наверное, – Бася плакала, пытаясь вспомнить, где Изя держал документы на страховку.

А Изя летел навстречу большим облакам. Он больше не чувствовал себя одиноким. Позади остались люди, Бася, таблетки и доктор Зак. Ему было хорошо и спокойно.

В самолете, который летел рядом с ним, возле окна сидели мальчик и папа.

– Папа! Папа! – воскликнул мальчик и показал на одно из облаков. – Смотри! Похоже на человечка.

– А это и есть человечек! – уверенно подтвердил отец.

Папа смотрел на облачко, исчезающее вдаль, и чувствовал, как зависть начинает разъедать его душу.

– Не забудь, завтра у тебя встреча с доктором Заком, – напомнила папе женщина, сидящая рядом.

Но папа ее не слышал. Он был весь в себе, стараясь что-то понять и найти ответ. Ему необходимо что-то такое сделать, чтобы было не так... Он старался подобрать слово...

– Одиноко... – подсказала женщина, которая за долгие годы супружеской жизни научилась читать его мысли.

Доктор Зак понял, что предстоит иметь дело с интеллигентным человеком. Это было видно по тому, как задумчиво больной глядел на муравья, устало ползущего по полу в поисках кусочка сыра, ежедневно роняемого доктором Заком.

– Вы знаете, кем я был в прошлой жизни? – негромко спросил пациент, подняв глаза к тому месту, где у доктора предположительно должен был находиться третий глаз.

– Да, – доктор откинулся в кресле, приготовившись услышать интересную историю.

– Поедателем трав. Точнее – травопоедателем.

– Травопоедателем... – растянул доктор Зак, пытаясь вдуматься в значение слова. Перед мысленным взором предстало нечто среднее между саранчой и динозавром.

– Я был жуком... – пациент продолжал рассказывать о своём интересном прошлом, – насекомым... – он развел руками, обозначив шар больших размеров. – Это насекомое, то есть травопоедатель, был довольно счастливым, беззаботным, радостным существом. Оно имело одну причину для беспокойства – как бы не родиться человеком в следующей жизни. Знаете, доктор... – больной мечтательно зажмурился, вытянул маленькие, скрюченные артритом ручки с длинными, давно нестриженными зелеными ногтями, вытянул губы трубочкой и зашевелил носом, странно его вытягивая и меняя в размере – я блаженствовал на полянке, зарывался в высокую травку и пожевывал её с таким наслаждением... Ням...!

Доктор Зак почувствовал, что у него начала в избытке выделяться слюна.

– Я балдел от травы, доктор! Сочная, нежная!.. Ласковая!.. Ням! Ползание под лучиками солнца по теплой земле доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие! Если бы вы были жуком, вы бы меня поняли! А кем вы были? – внезапно оживился пациент.

– Думаю, что птицей, – неожиданно для себя ответил доктор – Я в детстве любил сидеть на ветках.

– Вам этого не хватает? – больной шмыгнул носом, его живот упал на пол, а голова стала медленно вращаться по часовой стрелке, что сильно укачивало доктора Зака.

Доктор потер нос, стараясь скрыть смущение. Он мечтал время от времени посидеть на дереве.

– А вы? – доктор продолжал кашлять. – Тоскуете по жизни жука?

– Конечно! – пациент подпрыгнул, зависнув на мгновение в воздухе.

Внезапно лицо больного помрачнело, а взгляд потух.

– У меня, доктор Зак, есть всё! Деньги, женщины, красивые дома – всё, о чем мечтает смертный. Только...

– Не можете стать жуком, – закончил фразу доктор Зак. – Правда?

– Да, – жалобно протянул пациент и съезжился, уменьшившись в размерах до шара, вокруг которого крест-накрест лежали тонюсенькие ручки и ножки.

– Ну-ну!.. – попытался успокоить доктор. – Взгляните на вопрос по другому... Что хорошего в наше время в жизни жука? Ползает по траве, опыленной пестицидами. По человеческой грязи, которую приносят дождь и ветер. Рядом крутятся жуки-мутанты, невменяемые от полученной радиации. А птицы, обезумевшие от потепления? Вы бы в этом аду не продержались и недели!

– Да, понимаю, – больной вытер влажный нос салфеткой, – но даже день прожить жуком – красиво! Ни с чем не сравнимая свобода и острота ощущений!..

– А что такого уж страшного в жизни человека? – доктор Зак поразился наивности своего вопроса.

– Ничего! – пациент кинул на доктора быстрый цепкий взгляд. – Просто у меня всё жучье – душа, мечты, желания, отношение к жизни, точка зрения, нервы, кровь, плоть. Я выгляжу человеком, но это обманчиво! – выпалив всё это, больной с диким треском свалился на пол.

Он пополз, вращая ручками и ножками, как колесами. Нос вытянулся в хоботок, который обнюхивал и подхватывал заплутавших в кусочках сыра муравьев. Шурша по полу, он полз в направлении доктора Зака. На счастливом лице больного был

виден рот, который стал намного шире, обнажив ряд острых зубчиков, способных перегрызть любую травку, или даже ножки письменного стола доктора Зака.

Доктор откинулся в кресле. В голову ничего путного не шло. Случай был необычный. Выражение счастья и блаженства на лице пациента привело его в большую задумчивость.

«Если ему так хорошо быть жуком, – подумал доктор, – он должен им и оставаться».

Доктор Зак вздрогнул, испугавшись своей мысли. Как он, грамотный психиатр, может так рассуждать?! Необходимо было дать больному таблетки и вернуть его в нормальную, рационально мыслящую человеческую форму. Но что-то мешало это сделать.

Пациент не был агрессивен, никому не мешал. Он не кричал, не ругался, не кусался, не рвал на части стол, не прыгал на окна, не задавал вопросов и даже не лизал стены. Бывший мужчина был счастлив, и его радость так осветила кабинет, что стали видны маленькие трещинки на стенах. Доктор заметил, как его рука подняла трубку, а голос попросил секретаршу вызвать скорую помощь.

Через несколько часов доктор Зак обнаружил, что его тело надело плащ, село в машину и поехало в парк. Там оно нашло дальний, никому не видимый уголок, где влезло на дерево, открыло рот и сказало: «Чик-чирик!» От наслаждения у доктора Зака закружилась голова. Ветка хрустнула, и он полетел на землю.

Доктор лежал под грудой кленовых листьев, и думал: «Почему я не могу быть человеком и наслаждаться жизнью в полной мере? Почему для этого нужно обязательно стать птицей, жуком или носорогом?»

Ветер приятно обдувал лицо. Думать не хотелось. Хотелось просто быть. Кем угодно, только счастливым.

Доктор Зак время от времени подрабатывал, проводя прием больных в тюрьме. Это было неплохо с точки зрения заработка и позволяло больше ценить свободу.

Пройдя по тюремным коридорам он, наконец, вошел в кабинет, где его ожидал пациент, сидящий на стуле. Вид у пациента был довольно грустный.

Длинный нос и густая копна черных волос делала его похожим на неарийского ворона. Ворон был не согласен с устройством цивилизации и это проявлялось в блеске живых черных и злых глаз. Доктор Зак попытался присесть на неприятный, холодный, металлический стул, и в это время услышал голос:

– Да, доктор. Да! Там было так здорово! Так здорово! В том месте, где я жил! Вы даже не представляете! Как прекрасно! Как замечательно! Ямм! – больной закрыл глаза и дернулся телом в оргазмической судороге.

– Да, пожалуйста! – Доктор Зак тоже дернулся, но не от оргазма, а потому, что стул был жесткий и обжег холодом важнейшую часть тела.

– Доктор Зак! – продолжал больной – Мне нравилось жить в контейнере для мусора. Там было так тепло, просторно!.. Можно открыть крышку чтобы проветрить... Кругом полно белков, углеводов, витаминов – всего, что желаете для хорошего здоровья. Но, главное, – там никто не причинял душе беспокойства. Чтобы не встречаться с людьми, открывающими крышку люка, я забирался в дальний темный угол и закапывался в приятный тёплый мусор, становясь невидимым и бесшумным.. Как было здорово расслабленно сидеть на куче мусора, глубоко дышать для успокоения нервов и смотреть в темноту... Волнующую, немного пугающую и манящую!..

Все, с кем я был знаком вне контейнера, постепенно ушли из памяти. Они исчезли, унеся боль разочарования в людях, мерзость, злость, недоверие и прочую дрянь. Ох, как хорошо пах мусор! Разве можно сравнить его аромат с мерзким запахом людей?! Мусор испускал флюиды откровенности, неподкупности,

решимости, доброты – всего того, что недоступно людям, всегда окруженным вонью жестокости. Но все-таки кто-то из злостных двуногих не стал терпеть моё мирное существование и вызвал скорую помощь, полицию и пожарников, как будто я был чудовищем, террористом, угрожающим их бессмысленной жизни. Зачем? Чем я мешал? Насколько всё же завистливы и мелочны двуногие! Они не могут позволить другим наслаждаться жизнью! Поэтому я и убежал из их мира в тихую стихию! Как я их ненавижу! Мелочные, завистливые клопы! Да я бы тысячу их не променял на крыску, забежавшую в контейнер полакомиться тепленьким кусочком замученного цивилизацией сыра... Короче, доктор Зак, они поместили меня туда, где собираются все те, кому люди завидуют – в психушку. Кретины-доктора надели на нас коричневые халаты и стали пичкать лекарствами, чтобы превратить в таких же мизерных существ, как и они, живущих в злых, колючих, мерзких, вопящих, хрипящих каменных коробках.

Как эти так называемые нормальные люди нам завидуют!

Посмотрите на их лица, когда они по утрам тащатся на работу! Как им хочется друг друга оскорбить! Какие они ко всему безразличные! Они никогда не смогут так радоваться жизни, как это делаем мы, выброшенные по воле счастливого случая на обочину замученного проблемами общества.

Я бежал из плена, сокрушая в порыве счастья кустарники!.. Назавтра двуногие бились в истерике о крышку контейнера, обнаружив меня внутри спящим.

Они ликовали, когда приехала полиция! Лица, крики! Это было всё, что ничтожества желали в жизни, чтобы чувствовать себя счастливыми!

Потом была решетка, и я целый месяц работал, убирая улицы от разбитых камней. Когда пытка закончилась, под покровом ночи я бежал к контейнеру, предвкушая сладость предстоящего отдыха. Прыгнув внутрь, я чуть приоткрыл крышку, чтобы убедиться, что вокруг нет никого, кто мог бы помешать. Я видел свет лампочек в окнах. Боже мой! Странные, непонятные, абсурдные люди! Заколдованные, они живут в странном сне, бродят по кругу, постоянно жалуясь, печальясь, тревожась о проблемах, которые сами себе создают.

Посмотрите, доктор Зак, на их жалкие, трясущиеся от страха постареть, идиотские маски, искаженные морщинами! Как их механические рты судорожно проталкивают в желудочные жернова тонны витаминов! Как глаза ищут нежирную натуральную курочку! Больные! Они не понимают степени своего несчастья! Сколько раз я вздрагивал, разбуженный ночью криками и стонами, доносящимися из каменных коробок! Они орут от кошмаров, в которых видят свою дневную жизнь!..

Меня снова поймали, доктор. На этот раз притащили в суд, где на меня нахлынуло вдохновение рассказчика и артиста. С силой, сочно, с блеском и воображением я рассказывал судьбе о великолепии мусорного контейнера, о благословенной жизни в нем, о спокойствии, тишине, сладком крепком сне без лекарств, о теплоте и сочувствии кошек и собак, которые долгими зимними ночами, согревали меня своими телами, не прося взамен пару сотен долларов.

Судья слушал внимательно, открыв рот, из которого прямо на важные бумаги капала слюна. Обвинитель дико орал и требовал моего заключения в тюрьму. Однако судья распорядился по другому, и через несколько дней я опять лежал в контейнере, на теплых подгнивших листиках капусты, и играл с зажеванной куклой, наслаждаясь тишиной и покоем. Однажды я услышал сильный скрежет, как будто одна из крысок настойчиво просилась внутрь. Я осторожно приоткрыл крышку и увидел судью. Он стоял в хорошем костюме, с прекрасной свежей стрижкой, гладко выбритый, побрызганный дорогим одеколоном. В руке он держал небольшой чемоданчик, на лице была написана твердая решимость изменить жизнь к лучшему раз и навсегда. Я открыл крышку, от всего сердца обрадовавшись компании, и разрешил ему присоединиться. Судья не заставил себя долго ждать и в мгновение ока прыгнул внутрь, как будто за ним гналась стая голодных уголовников. Рот у него был по-прежнему открыт, но не от удивления, а возбуждения и предвкушения новой радостной жизни.

Через несколько минут мои привыкшие к темноте глаза могли различить довольное, улыбающееся лицо судьи. Он был совершенно не похож на злого старикашку в суде. Судья пользовался большим авторитетом, и через пару дней, рано утром,

открыв крышку, я увидел обвинителя, защитника, секретаршу, старых соседей, владельцев магазинов на соседней улице, двух собак и кошку мэра, хотя самого мэра города не было видно, но чувствовалось, что и он где-то рядом.

– Залезайте! – крикнул я, почувствовав, что соскучился по обществу. – Здесь столько места, все поместимся!

Вот так, доктор Зак, потихоньку, понемногу мусорный бак стал заполняться новыми людьми, которые, без всякого сомнения, чувствовали себя прекрасно. Контейнер был заброшен таблетками от депрессии, поскольку они больше были не нужны. Люди обрели человеческую внешность и спокойствие, расслабленно ползали с блаженными улыбками, от всей души приветствуя друг друга. Атмосфера стояла настолько приятная, что вскоре прямо из мусора начали расти цветы; они пробивали себе дорогу к солнцу, проделывая в крышке контейнера дырки, через которые на нас, счастливых обитателей нового мира, проливался свет и тепло. Все подружились и целовались, обнимая друг друга. Это была замечательная коммуна, где каждый старался внести свою лепту. Население росло, и мы решили расширяться. Среди обитателей мусорки нашлись люди разных профессий – строители, инженеры, врачи, кто угодно. Все бросились на улучшение и без того прекрасных жилищных условий. Постепенно великолепный контейнер стал увеличиваться в длину, ширину и высоту. Ох, как все самоотверженно трудились на благо мусорника! Внутри не было ни одного вора или мошенника. Бывшие полицейские, судьи с адвокатами, психиатры – все круглыми сутками лежали на замечательных огрызках и арбузных корках, пожевывая перегнившие чудесные капустные листья. Как все были расслаблены! Даже мышки, глядя на нас, теряли способность к передвижению и падали без чувств, утомленные бессмысленной беготней. Доктора лежали отдельной кучкой, впервые в жизни наслаждаясь отсутствием трезвонящих телефонов. Я был в большом почете, носил медаль первооткрывателя, восседал на самой теплой куче мусора, в самом тихом месте, погруженный в nirvanу. Скоро, доктор Зак, контейнер стал большим, я бы даже сказал – громадным. В нем появились дороги, дома из железобетона, магазины, заправочные станции, грузовики

и полицейские машины. Кто-то кричал, стрелял, кто-то кого то тащил в суд. Самолеты перелетали от одной кучи мусора к другой. Кто-то по кому-то выпустил ракету... Непонятно, когда все это превратилось совсем не в то, что мне хотелось.

Я сидел внутри громадного контейнера, забравшись в маленькое помойное ведро, которое обнаружил около одного из кирпичных домов. Люди бегали по улицам и воровали мусор друг у друга. Доктора, полиция, судья и адвокаты работали не покладая рук, кладя в карманы заработанные гнилые зеленые капустные листья.

Через некоторое время я снова стоял перед судьей. Это был тот же старикашка, но уже со злым лицом и усталыми глазами.

– Ты мне обещал! – заскрипел он.

– Я ничего не обещал! – ответил я и вскоре очутился здесь, доктор Зак.

Как бы мне хотелось снова залезть в маленький теплый контейнер, и в нем перенестись на необитаемый остров, где много белого песка, чаек, изумрудные волны, пальмы и тишина.

– А где ваш контейнер? – услышал доктор Зак свой собственный голос.

Доктор Зак с любопытством слушал историю. Ее рассказывал человек с прямоугольным черепом. Глаза больного, расположенные, казалось, в самой глубине черепа, увлекали доктора за собой в тоннель, где просматривалось нечто, не поддающееся психиатрической классификации.

– Всё помню, – говорил больной, – как будто это случилось вчера. В 7 утра на центральную площадь маленького городка опустилось нечто зигзагообразное, сверкающее, похожее на тарелку с множеством окон, в которых можно было различить инопланетян. У них были длинные головы и большие глаза, с интересом смотрящие на нашу скучную жизнь. Тарелка была настолько громадная, что перегородила движение на улице. Всё было так внезапно, что я поперхнулся куриной косточкой, что, конечно же, не улучшило настроения. Шум, доносящийся из тарелки, действовал на нервы и напоминал о том, что я должен идти к зубному из-за плохой погоды, а антисемитизм всегда связан с остывшим чаем. А холодный чай я не люблю. Понимаете, доктор?

– Конечно, – доктор Зак кивнул головой, и на стол упала бумажка от конфеты.

– Вот, – пациент вздохнул и продолжал. – Я встал рядом с тарелкой и стал наблюдать за инопланетянами, которые меня раздражали. Как можно в упор разглядывать нас, незнакомых им людей? Где культура? А если нет культуры, мне становится грустно, потому что ходить босиком неприятно из-за голодного желудка.

– Понимаю, – доктор Зак потрянул головой, пытаюсь понять, что же там застряло. Но ничего не падало, хотя было ощущение, что вот-вот упадет. Доктор Зак запустил в волосы руку и стал шарить.

– Какой-то старикашка, – продолжал пациент, – махал палкой. «Мне к урологу надо! – кричал он, брызгая средневековой слюной. – Пропустите! У меня железа! Какого черта дорогу перегородили?! Летите обратно на свою дурацкую планету, дайте к урологу пройти!..»

«Господи! – молодая женщина с ужасом смотрела, как инопланетянин махал ей из окна платком. – Я сегодня опять на работу опоздаю! Шеф меня уволит! Что делать?..»

«Вы, женщина, – продолжал орать старичок, – поговорите с идиотами! Может, они вас послушают! Объясните уродам, что моя простата дороже их жизнью! Я им согласен заплатить 50 центов!»

Перед тарелкой образовалась колоссальная пробка из машин, поверх которых прыгали нервные люди, грозя пальцами инопланетянам, друг другу и правительству.

«Черт! – ругнулся кто-то. – Зарплата уже десять лет одна и та же!.. Ни одна тарелка не может ее изменить!.. Ничто в мире!»

Двое полицейских выскочили из машины и стали кричать смотрящим на них инопланетянам:

«Ваши права! Ваши права!»

Тарелка вздрогнула и выпустила пар, в котором полицейские мгновенно растворились.

«Пропустите! Простата! – истерически вопил старичок, совершенно потеряв терпение. – Дайте дорогу!»

«Да прекратите плевать! – молодая женщина крикнула ему в неслышащее ухо. – Подумаешь! Другую себе поставите! А меня уволить могут!»

Она плакала.

Выбежавший из тарелки инопланетянин протянул ей носовой платок.

«Спасибо... – всхлипнула она. – Пожалуйста, уберите вашу посуду, мне на работу надо...»

«Не могу, – инопланетянин смущенно завил хвостом. – Мы завтракаем сейчас, а когда мы завтракаем, мы не работаем. А когда мы не работаем, мы едим.»

«Завтракают они! – раздались крики из толпы. – Потом позавтракаете! Убирайте металлолом! Нам на работу надо! Деньги зарабатывать!»

«Потом нельзя! – объяснил инопланетянин. – Потом обед будет! А затем ужин!»

«Да что вы с ними разговариваете! – вмешался старичок. – Бей их! Спасай простату!»

«Спасай простату!» – подхватила толпа, кинулась на тарелку и стала ее толкать.

«Да хватит толкать! – заорали инопланетяне. – Не толкайте машину! Мы горячий кофе прольём на штаны, а в штанах орган размножения!..»

Но народ не слышал. Все были жутко возбуждены тем, что не могут начать работать по той причине, что дурацкая тарелка, преградила путь к благосостоянию.

Внезапно тарелка стала расширяться и вскоре поглотила толпу внутрь себя. Затем она неспешно оторвалась от земли и полетела над городом, явно собираясь улететь в бесконечность космоса.

«Простата!» – кричал старичок.

«Работа!» – рыдала девушка.

«Страховка!.. Машина!.. Дом, долги! ... Боль в суставах... Запор... Дом престарелых... Работа!.. Работа!.. Работа!» – все истерически рвали друг на друге волосы.

От волос у инопланетян началась страшная аллергия, они покрылись сыпью, стали кашлять, чихать и потеряли управление машиной. Тарелка, доктор, рухнула на землю. Все погибли, включая меня. Умершие побежали на работу. Ничто не может остановить нас платить долги. Да, доктор Зак! Тел нет, но долги же есть, а они живут вечно.

– Да, – доктор Зак кивнул головой и на стол выпал фантик.

– Вот такая история, – больной тяжело вздохнул. – Я ее, конечно, придумал, потому что не хочу есть морковку, которую везде раскидал по дому из-за отсутствия интересной женщины.

Он плакал.

– Мне страшно, доктор Зак, вот я и выдумываю, чтобы хотя бы в фантазиях найти утешение.

– Вы думаете, что вы инопланетянин? – услышал свой голос доктор Зак, пытаясь определить, куда отнести пациента в плане психиатрического диагноза.

– Я точно не знаю, – откашлялся пациент – но медицинской страховки у меня нет.

- Нет?! – пискнул в отчаянии доктор Зак.
- Но я заплачу наличными, – успокоил он.
- Вы – инопланетянин! – снова услышал себя доктор, смело перешагнув границу между психиатром и пациентом.

Ги нашел друга. Точнее – подругу. Ею оказалась красивая девочка с длинными каштановыми волосами и голубыми глазами. Она пришла из его сна. Девочка пахла одуванчиками и улыбалась, излучая изумрудный свет на потертые временем сероватые стены палаты. Вскоре она исчезла и больше не появлялась. Ги скучал, сидел один в темноте, горько плакал и просил её вернуться. Он решил её разыскать в собственном сне. Поиски могли быть долгими, поэтому Ги месяц собирал таблетки, а потом их все проглотил, поскольку решил, что это позволит во сне долго ходить, бродить и искать.

Он её сразу увидел. Очаровательная девочка появилась, но уже не улыбалась и выглядела необычно грустной, даже разочарованной. Увидев его, она развела руками.

– Ну, что ты наделал! Теперь ты вряд ли сможешь вернуться обратно в свой мир, в палату, где ждут лекарства и врачи!

– А я и не хочу, – Ги стало весело. – Я хочу остаться здесь. Ты мне нравишься. Ты мой друг.

– Я всего лишь продукт больного воображения. У тебя неправильно работает мозг. Я слышала, как доктор Зак говорил это твоей маме.

– Мне наплевать на мозг! – Ги твердо настаивал на своем. – Я хочу быть с тобой.

– Но это невозможно! – девочка печально смотрела на него. – Клетки твоего мозга умирают, отравленные большой дозой лекарств.

– А мне все равно! – Ги продолжал улыбаться, чувствуя себя хорошо. – Я хочу быть с тобой.

– Пойми же!.. – девочка коснулась рукой его плеча. – Я не-реальная. Доктор Зак лучше знает. Он психиатр. И потом, – она посмотрела на наручные часы, – наверняка ты уже умер. Мне нужно идти.

– Нет, нет! Пожалуйста! – Ги плакал. – Не уходи. Мне там без тебя плохо. Я не умру, пока ты со мной.

Он хотел, чтобы девочка обняла его, поцеловала, погладила по голове и сказала что-нибудь ласковое.

Она протянула руку, чтобы обнять Ги. Он внезапно ощутил сильную боль в плече. Ги открыл глаза и увидел медсестру, делающую укол. Его ноги и руки были привязаны ремнями к кровати.

– Почему?! – закричал он.

– Он еще спрашивает! – медсестра встала с постели. – А кто носился как бешеный по коридору, со всеми дрался, царапался и кусался?

– Я не помню, – Ги чувствовал себя сконфуженным.

– Как дела? – доктор Зак вошел в палату.

– Я видел девочку. Отпустите меня – попросил Ги.

– Она тебя пыталась убить? – поинтересовался доктор.

– Нет-нет! – Ги пытался высвободить ноги и руки. – Но она сказала, что я умер.

– Ты считаешь, что ты мертв? – доктор Зак поправил галстук, который забыл дома.

Ги посмотрел вокруг и увидел обшарпанные стены, решетчатое окно, высоко висящую лампочку, медсестру с выражением глубокой усталости на лице. Снаружи слышался шум, создаваемый непонятно куда бегущими нормальными людьми. Ветер дул уныло. Вдали крикнул больной, хлопнула дверь. Все было мертво, абсолютно мертво без девочки, и он был частью мертвого мира.

– Ха! Я мертв! – Ги кивнул головой.

Доктор Зак улыбался. Он знал, что лекарство, введенное в тело Ги, вернет его обратно к нормальной жизни, даже если ребенок этого не хочет. И все, что возникло в фантазии Ги, уйдет навсегда, оставив реальность, в которой общество велит всем жить.

Доктор Зак не любил общество. Он его терпеть не мог. Он не любил лекарства. Доктор любил фантазии. Но ведь ему нужно было зарабатывать на хлеб. поэтому доктор никому не рассказал про девочку с длинными волосами и голубыми глазами, которая десять минут назад пришла к нему в сон, когда он задремал в кабинете, и сказала, что волнуется за Ги.

Доктор Зак с интересом смотрел на пациента. Больной на-поминал попугая, попугай – пальму, пальма – кусочек океана и женщину. Доктор Зак пытался вспомнить, какую, но пациент мешал сосредоточиться, рассказывая историю.

С трудом вернувшись в реальный мир, доктор высморкался, чтобы прочистить горло, хотя говорить и не собирался.

– Доктор Зак, – продолжал пациент, – в тот злополучный день я как обычно работал в офисе, когда внезапно услышал голос, доносящийся из компьютера.

«Ты! – бросил мне в лицо голос. – Какая у тебя безобразная дырявая рожал!»

– Но, доктор, мне было необходимо своевременно закончить проект, поэтому я продолжал работать, несмотря ни на что. Мое лицо называли жутким, страшным, похожим на унита-таз, грязным, нудным, но я не мог прервать работу, нужно было успеть. Ведь если б я закончил проект вовремя, мне бы прибавили к зарплате 10 центов. А при моем бюджете это громадная сумма.

Я так долго игнорировал наглый голос, что мне, в конце концов, сделалось плохо, и я заплакал.

«Что случилось?» – поинтересовался шеф, вызвав меня к себе в офис.

«Голос! – объяснил я. – Голос из компьютера называет меня свиньей, страшным ублюдком».

«Значит, – произнес шеф серьезно, – вы не можете установить нормальные производственные отношения с инструментом. Плохо. А, между прочим, это ваш пятый компьютер. Я, – продолжал он менторским тоном, – серьезно прошу вас посетить психотерапевта и наладить с машиной отношения. По всей видимости, у вас с ней межличностные проблемы».

Выйдя из офиса, я почувствовал себя совершенно потер-янным.

Я сел за рабочий стол и снова услышал:

«Ну что, скотина? Назад пришел? У меня от твоей рожи рвота!»

«Ты чувствительный, – заметил коллега, видя мои страдания. – Я тоже слышал от компьютера постоянную ругань. Игнорируй его, да и все! Машина явно хочет тебя подразнить! Ей скучно, вот она и забавляется.»

«Как я могу игнорировать издевательство?» – удивился я.

«Очень просто! – Коллега вытащил из кармана пиджака флакон с таблетками – Одна на пустой желудок, и дурацкий голос будет бежать без оглядки!»

«А побочные эффекты?» – поинтересовался я.

«Ничего серьезного! Просто не хочется заниматься сексом, да и все! Но зато ты спокоен и продуктивно работаешь, платишь долги, а на оставшиеся деньги покупаешь мороженое... Да и что такое секс, в самом деле? Что такое секс по сравнению с работой? Работа – это всё, а секс – ерунда, и до свиданья! Кончил и сплюнул!»

«Конечно! Конечно!» – поддержали коллеги.

Все повынимали из карманов флакончики с таблетками:

«Если бы не они, мы не смогли бы работать и потеряли бы жен, дома, машины и долги. И что бы в жизни осталось?»

Коллеги согласно шумели.

«Кто смог бы вынести пытку – глазеть по восемь часов в день на дурацкий экран и слушать глупости?!» – крикнул кто-то.

«Конечно! Конечно! – доносилось отовсюду. – Спасибо зелененьким таблеточкам!»

– Я, доктор Зак, одолжил пилюльки и стал потихоньку их глотать. И уже через пару дней услышал ангельский женский голосок, доносящийся из компьютера. Голосок часами рассказывал о том, какой я умный, талантливый, сексуальный, сильный, красивый... Это было совершенно противоположное тому, что я слышал от ближних.

Я внезапно обнаружил, что влюблен в компьютер. Однажды я просидел на работе всю ночь. Я стал часто пропускать обеденный перерыв и, по свидетельствам сослуживцев, ходил со счастливым, глупым, расслабленным лицом.

Шеф снова вызвал к себе, кашлянул и прохрипел:

«Я думал, что вы измените поведение, однако вы по-прежнему испытываете межличностные проблемы. Что – психотерапия не помогла?»

«Я влюбился в компьютер, – признался я, чувствуя, что краснею с ног до головы. – Он, то есть она, такая сексуальная, ласковая...»

«К психотерапевту – немедленно! И чтоб я вас больше в таком состоянии не видел! Наденьте на лицо маску серьезности и ответственности!» – заорал шеф.

Я вышел от него в расстроенных чувствах.

«Я тоже был влюблен, – признался один из коллег. – Но это вредило производственным отношениям и пришлось принимать вот это».

Он вытащил из кармана флакон с красными таблетками.

«Сейчас я чувствую себя замечательно. Я больше ничего и никого не люблю!»

– Я попросил у него несколько таблеток и проглотил их сразу. И, – пациент с опаской оглянулся по сторонам, – когда все ушли, я убил его, то есть её... Молотком.

Доктор Зак взглянул на внезапно покрасневшие уши пациента и вздрогнул.

– Я его... её... так... так... – больной выразительно показал, как он разбивал компьютер молотком. Глаза у него так блестели, что доктору Заку пришлось слегка зажмуриться.

– Но... – пациент внезапно обмяк и сложился в трубочку, – с тех пор у меня по ночам кошмары: я вижу, как за мной гонится чертов компьютер и пытается стукнуть по голове тем же молотком.

– Я выпишу таблетки, – доктор Зак начал что-то быстро писать – будете принимать перед едой три раза в день, и всё будет в порядке.

– Что будет в порядке? – пациент удивленно посмотрел на доктора.

Доктор Зак на мгновение перестал писать.

– Что в порядке? – переспросил он больного и снова увидел в нём попугая. Попугай напомнил песочек, пальму и женщину с нежным голоском. Она говорила доктору Заку красивые слова. С нею он ощущал себя молодым, храбрым, красивым,

умным и сильным. Доктор не мог вспомнить её имя. И вообще – где он с ней разговаривал?.. Медленно в памяти появился компьютер. Да, конечно! Женщина, живущая в Майами. Он ей заплатил. Да-да, кредитной картой. И видимость на экране была хорошей.

– Зак! – донеслось до него издалека.

Он поднял глаза и увидел жену.

– А больной? – вырвалось у доктора.

– Что? – жена с тревогой посмотрела на его сползшие на подбородок очки.

Доктор Зак с трудом сдерживал улыбку, слушая маленького, худенького пациента, рассказывающего о жирах и их вреде для организма.

– Когда я ем курицу, – говорил пациент, – то держу в правой, нет, в левой руке, замечательно отточенный нож, исключительно острый нож. Я ищу на птице жир. Этим баснословно острым ножом я срезаю весь жир. Абсолютно весь, будьте уверены, без остатка! Но это только начало. Потому как он, проклятый жир, ловкий, коварный и беспощадный враг! Ненавидное создание, которое хочет меня убить!

Я вынимаю из кармана увеличительное стекло, которое купил за большие деньги специально для работы с птицей, и начинаю не спеша, чрезвычайно медленно водить им по поверхности курицы, выискивая спрятавшегося врага. Враг, доктор, коварен, хитёр и умён и, как я уже говорил, может прятаться где угодно.

Затем, выскоблив, вычистив мерзость из потаенных уголков птички, я беру микроскоп и режу курицу на мельчайшие, едва заметные глазу кусочки. Кладу их под стекло и начинаю медленно, чрезвычайно неторопливо соскабливать частицы жира. Я использую для этой цели микроинструмент, который применяют в практике глазные врачи. В среднем мне требуется дня три-четыре, чтобы, сидя по десять-двенадцать часов в день, завершить качественную работу по очистке. Знаете, доктор, в результате кропотливой, нечеловечески сложной работы мне удается сохранить более или менее хорошее здоровье. У меня нет серьезных проблем, не считая высокого давления, артрита, диабета, болей в сердце и спине, перемен в настроении и опухолей там и сям.

Пациент закашлялся, и доктору Заку показалось, что из горла больного выскочила частица жира. Выплюнув что-то изо рта на пол, тот продолжал:

– Недавно я прочитал статью в научном журнале о том, что уровень холестерина в крови не столько зависит от жира,

который мы едим, сколько от работы печени. Эта новость привела меня в шок. Мне не нужна идиотская печень, которая доставляет столько проблем. Я посетил хирурга и попросил его, чтобы он мне её вырезал. Но тот замахал руками и послал меня к вам, чтобы вы высказали мнение. Доктор Зак! – пискнул пациент, и одним прыжком оказался у ног доктора. Прижавшись лицом к его ботинку, больной быстро зашептал:

– Ну, пожалуйста, скажите, что я нормальный! Я более нормален, чем те идиоты, которые имеют чертовы печени, доставляющие столько проблем! Пожалуйста!

Больной начал целовать ботинки доктора и ухватил за штанину, почти разорвав её длинными скошенными набок желтыми ногтями.

– Ой! – вскрикнул доктор Зак.

– Да, – шептал больной, глядя на отпрыгнувшего доктора, – Я покинул беспомощного, ничего не понимающего хирурга и, взяв в правую, нет, в левую руку нож, решил вырезать себе печень. Но тут жена вызвала скорую. Она, доктор, меня не любит! Она в сговоре с печенью и я думаю, что они – любовники! Я гонялся за женой с ножом, потому что у неё на всём теле выступали большие куски жира. И вообще – она была похожа на курицу. Жена забила под кровать. Было очевидно, что её туда затащил жир, который хотел от меня спрятаться. Но не тут-то было – я прыгнул под кровать с ножом, микроскопом и микрохирургическими инструментами, чтобы раз и навсегда покончить с проблемой. Но тут два бугая-санитара схватили меня за ноги и швырнули в машину, будто я сам был отравленной птицей.

– Доктор! – пациент снова прыгнул к доктору Заку, пытаясь ухватить его за воротничок рубашки.

Но тот был начеку и, отскочив в сторону, схватил телефон, чтобы вызвать скорую.

– И ещё, – пациент полз к нему на животе, – у меня в голове мозг, а в нём много жира. Вода и жир. Я про это прочитал в том же журнале. Доктор Зак! Я хочу убрать жир, а воду можно оставить. Вы понимаете... Если моё тело состоит из жира, холестерина, то я не хочу жить!..

Пациент сидел на полу и истерически рыдал.

– Забирайте тело, возьмите его!..

Санитары увели больного.

Он появился в офисе доктора Зака через пару недель после выписки из госпиталя.

Сев в кресло, пациент улыбнулся.

– Вы знаете, доктор, я убил холестерин!

Доктор Зак поднял брови.

– Посмотрите! – он указал пальцем на окно. – Облака! Это мертвый холестерин. Он уплывает от нас навсегда!

– Любопытно! – заметил доктор. – Очень любопытно!

Вечером доктор Зак с коллегой вышли из здания на улицу. Пошел дождь.

– Чертовщина! – коллега с неудовольствием взглянул на небо. – Сколько гадости падает на голову! Вся таблица Менделеева!..

– Да нет, – улыбнулся доктор Зак. – Это холестерин.

Доктор Зак пришел домой и, дрожа от нетерпения и возбуждения, приготовил омлет из десятка яиц. Он намазал кусок хлеба толстым слоем масла, и с удовольствием съел, запив тремя стаканами жирного молока. Доктор откинулся в кресле и почувствовал, что расслабился, впервые за много лет отчаянной борьбы с самим собой.

– Лучше один раз хорошо умереть, – подумал он, – чем много лет плохо жить...

Маленькая, серенькая, невзрачная женщина сидела в кабинете и тихонько неслышно плакала. Её слезки капали на пол и тут же, отскочив наверх, рассыпались на множество разноцветных шариков. Доктор Зак заинтригованно следил за шариками, пытаясь понять, что же происходит в его жизни, почему он сидит здесь вместо того, чтобы в солнечный день валяться на пляже...

– Я проснулась оттого, – начала рассказывать свою историю пациентка, – что почувствовала, что что-то явно было не то. Ощущение было странное, оно пряталось под ложечкой, напоминая, что нечто потеряно безвозвратно, и предстоит новая жизнь. Я поднялась, прошла в ванную, где стояла перед зеркалом, рассматривая проблемы, медленно ползущие вниз по морщинам, нацарапанным по лицу временем. Нос, уши – все вроде было то, но тем не менее, чувство, что что-то случилось, не оставляло. Выйдя из ванной, я подошла обратно к кровати, забралась под одеяло, и только хотела прижаться к мужу, как вдруг почувствовала странный холод, исходящий от его тела. Я дотронулась до него пальцем и ощутила нечто совершенно нечеловеческое, как бы пластмассу. Это Нечто было округлой формы, гладкое. Оно медленно шевелилось. Вскрикнув от ужаса, я включила свет, откинула одеяло и чуть не потеряла сознание. На простыне лежала громадного размера капсула. Знаете, доктор, похожая на те, витаминные. Белая, она переваливалась с боку на бок. Внутри был виден порошок, а снаружи написано: «Раз в день, натошак».

– Доктор, – пациентка зарыдала, – я боялась, предчувствовала, что этим всё закончится! Сколько раз я просыпалась от кошмарного сна, в котором видела Соломона в виде таблетки, сидящим в банке и жалующимся на погоду!.. Я видела его в виде клизмы! Это было невыносимо! А однажды, – пациентка перешла на шепот, перестав плакать, – он был натуральным помидором. Соломон сидел на грядке, красный и беспомощный! Я его сосала, но без удовольствия!

– Доктор! – пациентка снова начала всхлипывать, и доктор Зак протянул ей пачку салфеток, которые держал в огромных количествах по причине хронического интеллигентского насморка. – Я сидела на кровати ни живая, ни мертвая, дрожа от страха, разочарования, обиды, злости. Внезапно я услышала низкий голос, доносящийся изнутри этого... ну... витамина:

«Я достиг цели!»

– Ты счастлив? – поинтересовалась я, пытаюсь унять дрожь.

– Мне девяносто лет! – хрипнула капсула. – Я дожил! Я победил! Мне девяносто!

– Ты счастлив, наконец? – не отставала я.

– Мне девяносто лет! – повторяла капсула. – А скоро будет сто! Сто десять! Сто тридцать! – продолжала хрипеть она, катаясь с одного края кровати на другой.

Мне показалось, что оно... она... он... упадет на пол и разобьется. Мне не хотелось это... ловить.

– Катя! Катя! – быстро стреляла словами капсула. – Посмотри, как быстро я это сделал! Помнишь, как я бегал, прыгал! Сколько раз ставил клизму и отчаянно чистил печень, почки, простату и мозг! А тонны витаминов, гормонов, трав, которые я съел! Катя, я завершил колоссальную работу! Моя жизнь была подчинена одной цели, и я ее достиг! Мне девяносто!»

– Но вчера тебе было пятьдесят? – удивилась я.

– Да! Но я ускорил темп путем замещения тканей тела витаминами! Ты это можешь сделать тоже! Нужна воля к жизни! А ты плачешь! Ты что – не рада за меня? Ты должна быть горда тем, что у тебя такой муж! Я сейчас попытаюсь сам себя скушать. Там внутри такой запас питательных веществ, что позволит жить вечно».

Капсула резко дернулась и со страшным грохотом упала на пол.

Порошок разлетелся повсюду. Внезапно окно распахнулось резким порывом ветра, и в комнату влетела стая воробьев. Они набросились на порошок и стали его клевать, отчаянно скандаля друг с другом. Я хотела их разогнать, замахала руками, но им всё было нипочем. Они были настолько увлечены мужем, что не обращали на меня внимания. Я поскользнулась, упала и потеряла сознание. А когда пришла в себя, доктор Зак,

то увидела громадную птицу, аккуратно собирающую остатки порошка на листок бумаги, который она стащила с письменного стола Соломона.

– Не хочу! – кричал порошок голосом мужа. – Хочу дожить до ста!

– Хватит! – раздраженно буркнула птица. – Мне детей нужно витаминами кормить.

Птица, хладнокровно завернула порошок в бумажку, зажала ее в лапках и вылетела в окно.

– Хочу жить до ста пятидесяти! – кричал Соломон.

Доктор Зак смотрел на женщину взглядом мыслителя. Он пытался понять, почему она плачет.

– А почему вы плачете? – поинтересовался доктор, выписывая лекарство.

Женщина взглянула на доктора и перестала рыдать.

– Вот видите, – доктор Зак протянул рецепт, – может, и лекарство вам не понадобятся, но на всякий случай вы его выкупите и храните на полочке.

– Вы думаете, понадобится? – осторожно поинтересовалась женщина.

– Ну, знаете, – помедлил доктор Зак, – а вдруг птенцам еда не понравится?

– Но ведь птица же обратно не прилетит? – с надеждой в голосе спросила женщина.

– Не знаю, – признался доктор. – Я же не ветеринар. Всякое бывает.

Ги стоял возле окна и смотрел на птицу. Обыкновенная, маленькая, серая, невзрачная, она сидела на ветке и глядела на Ги. Птица взмахнула крыльями. Ги взмахнул руками и подпрыгнул. Мальчик почувствовал зависть к птичке. Он подумал, что та может летать на большие расстояния в своем психиатрическом отделении. Ги был абсолютно уверен, что вне больницы находится госпиталь, большой как мир, заполненный миллионами сумасшедших, передвигающихся в железных коробках. Там не было маленьких кактусов, как у него в отделении, зато виднелись леса, пустыни, горы и океаны.

Он завидовал птице – у неё было больше свободы.

А что мог сделать Ги? Пройти туда-сюда, два метра вперед и метр назад?

– Я хочу улететь! – мальчик начал кричать, бегать по комнате и махать руками, подпрыгивая на бегу.

В палату ворвались санитары, и через минуту Ги лежал, связанный по рукам и ногам, а медсестра делала ему укол. Он видел, что тупые, бесчувственные работники меньше всего думали о том, чтобы спросить его, почему он хочет улететь. Нет, они сразу же решили, что маленький, щупленький, тщедушный ребенок хочет убить, задушить, зарезать, и с ним нужно бороться как с диким зверем.

«Интересно, – думал мальчик, – а знает ли птица, что она птица? Счастлива ли она оттого, что может далеко летать?»

Ги предпочел бы не знать, что он человек и страдает одной из придуманных доктором Заком болезней. Интересно, птицы тоже страдают болезнями головы, слышат голоса и чувствуют, что весь мир ополчился против них?

Ги внезапно стало смешно, и он громко рассмеялся.

Это напугало медсестру, и она подумала, что ребёнку необходим еще один укол.

Ги представил себе, как доктор Зак подходит к птице и спрашивает:

– Ну, как ты спала прошлой ночью?

Через некоторое время мальчика отвязали от кровати.

Он подошел к окну и посмотрел на птицу. Та всё еще сидела на ветке и продолжала изучающее разглядывать Ги. Внезапно она несколько раз сильно взмахнула крыльями, но не улетела.

Птица выглядела худой, болезненной, вялой и испуганной. Создавалось впечатление, что у нее было явно не все в порядке с головой.

Ги увидел, как большие птицы веточками прикрутили её к стволу дерева. Беспомощная птичка плакала, всё еще продолжая смотреть на Ги.

Мальчик уже не чувствовал зависти.

Доктор Зак вошел в палату и хмыкнул, пытаясь привлечь внимание ребёнка, захваченного птичьей драмой.

– Доктор Зак! – обернулся к нему мальчик. – А птицы болеют головой?

– Конечно! – доктор Зак улыбнулся, языком пытаясь достать застрявший между зубами кусочек лука. – Все и всё в мире могут быть больными на голову.

– А вы можете лечить птичьих головы?

– Я бы никогда не взялся за это, – серьезно, после некоторого молчания произнес доктор. – Ни одна страховая компания не заплатит за лечение птички. Но если бы пернатая мне заплатила наличными, то я, может быть, подобрал бы ей хорошее лекарство...

– Чтобы она снова смогла наслаждаться полётом? – поинтересовался Ги.

– Конечно, – кивнул вроде бы здоровой головой доктор Зак. – Но полет в самом начале лечения должен быть не быстрым, не против ветра и близким к земле. Также птичка не должна сильно махать крыльями, потому как в противном случае у неё может начаться обострение.

– Но ведь если она станет так летать, – задумался Ги, – то не будет больше птичкой. Она станет вашей пациенткой, доктор Зак.

Пошел сильный дождь.

Ги снова взглянул на птицу. Та была по-прежнему привязана к дереву. Отчаянно хлопая крыльями, она боролась с сильным дождем, холодным ветром и жестокостью. Ги внезапно стало её жалко, и он заплакал.

– Ги, что случилось? – доктор Зак протирает носовым платком очки, сквозь которые его задумчивый психиатрически-проницательный взгляд падал на страдающий болезнями головы окружающий мир.

– Вот, – Ги хотел показать пальцем на птичку, но внезапно увидел, что дерева там нет, а есть серая, обшарпанная госпитальная стена с ползущим по ней всезнающим психиатрическим пауком.

Ги ошеломленно посмотрел на доктора.

– Всё будет в порядке, – успокоил его доктор Зак. – Потребуется немного времени, чтобы лекарства начали действовать.

– И тогда я смогу летать? – поинтересовался мальчик.

– Извини, Ги, – доктор Зак надел очки на кончик задумчивого носа, устремленного в центр земли. – Я должен идти.

Он вышел из палаты, аккуратно закрыв за собой дверь.

Ги взмахнул руками и подпрыгнул.

Он махал руками и прыгал, пока в полном изнеможении не свалился на пол. Мальчик с удивлением обнаружил, что никто на него не прыгает и не привязывает к кровати.

Через стекло в двери были видны мелькающие лица медицинского персонала.

Доктор Зак был в хорошем настроении, поскольку закончил писать удачный, с его точки зрения, рассказ о мальчике, любящем летать по психушке.

Доктор убедил медицинский персонал в том, что Ги не похож на хищную птицу и не посягает ни на чью свободу, что летает не быстро, прижимается низко к земле и не сильно машет крыльями. Он – птица, которая осторожна, осмотрительна и знает своё маленькое тихое место в большом сумасшедшем доме.

Ги плохо себя чувствовал, глотая разноцветные таблетки, которые в него засовывал доктор Зак. Он мог прекрасно концентрироваться во время занятий в школе при больнице, но больше не чувствовал себя счастливым, способным радоваться майскому жуку и утренней росе. Медперсонал восторгался тем, как он себя хорошо вел, какой был улыбчивый, спокойный, веселый и довольный. Ги отлично учился, задавал учителям правильные вопросы, не грубил и не повторял каждую секунду, что ему нужен друг.

Ги, несмотря на похвалы и собственную улыбку, пожаловался доктору Заку, что не чувствует себя счастливым.

– Ты, Ги, – менторским тоном произнес доктор, в очередной раз поправив галстук, который забыл дома, – хочешь постоянно пребывать в состоянии радости. Это ненормально! Посмотри вокруг. Люди так не живут. У них есть чувство ответственности, семья, работа, долги.

– Они скучны, ваши люди! – Ги обычно махал на доктора рукой и шел спать.

– Скучны! – обычно хотелось согласиться доктору Заку, но он понимал, что должна существовать граница между гениальным психиатром всех времен и народов и маленьким мальчиком с серьезным лицом.

Ги начал выплевывать лекарства и снова испытал неповторимое ощущение возбуждения и счастья. Он радовался солнышку, маленьким паучкам, ползающим по обшарпанным больничным стенам, кактусу, гордо распустившему колючки в коридоре, слабому ветру, проникающему сквозь железные прутья решетки на окне, попискиванию мышки по ночам под кроватью и ножкам медсестры, там и сям мелькающим перед его пытающимся проникнуть в глубину мироздания взором.

Он не мог сосредоточиться на занятиях в школе, постоянно спорил, и везде искал друга. Учитель пожаловался на Ги доктору Заку и попросил его сделать что-нибудь, чтобы ребёнок, наконец, успокоился и стал послушным.

Доктор Зак вызвал мальчика к себе. Ги выглядел довольным.

По какой-то причине доктор не мог начать разговор и чувствовал себя неловко. Так неловко, что начал протирать бумажной салфеткой очки, которые забыл дома в пальто.

– Ты не можешь сконцентрировать внимание, – начал доктор.

– Зато я счастлив, – возразил Ги, – только мне не хватает друга.

– Тебе необходимо быть более внимательным в школе, – продолжал доктор. – А то... – доктор Зак замолчал, обдумывая фразу, – ты не сможешь стать полноценным членом общества.

– Чем? – удивился Ги – Зачем мне становиться членом? Ваши члены имеют развитый интеллект, образование, но совершенно не выглядят счастливыми. Я вижу их угрюмыми и озлобленными, когда они торопятся куда-то по утрам, пробегая под окном. Я не хочу быть таким, как они! Кому нужно их образование?!

Доктор Зак шмыгнул носом.

Он не знал, как возразить, и чувствовал себя пригвожденным к стенке.

– Посмотрите вокруг, – Ги пытался воззвать к здравому смыслу психиатра. – Кругом войны. Образованные члены с хорошей концентрацией убивают друг друга.

Ги замолчал и пристально посмотрел в задумчивые, пронизательные глаза доктора, – Доктор Зак, я хочу быть счастлив. Попросите всех оставить меня в покое. Моё хорошее настроение не ускорит кончину погибающей цивилизации, стремящейся к процветанию.

Доктор Зак внезапно почувствовал боль в желудке. Это отвлекло его от разговора с Ги и он на секунду стал счастливее.

– О'кей! – доктор услышал свой голос. – Если будешь продолжать выплевывать лекарства, то я тебе сделаю подарок.

Доктор Зак сам не понял, что сказал.

Кто-то открыл его рот и его же голосом произнес нечто совершенно безумное. На мгновение ему показалось, что слова

были сказаны маленьким мальчиком Заком, который был всегда счастлив, с радостью лазал по деревьям и ловил бабочек.

– А я знаю! – воскликнул Ги – Ты со мной хочешь сыграть в шахматы!

Он схватил доктора за рукав и, вытащив из палаты, повел за собой по коридору.

– Доктор любит использовать для лечения пациентов игры в сочетании с лекарствами, – объяснила происходящее медсестра студентам медикам.

Доктор Зак улыбался – впервые за долгое время.

У Ги накопились вопросы, и он постоянно искал ответы. Однажды он сидел в комнате отдыха вместе с другими пациентами и пытался найти ответ на один из мучивших его вопросов.

– Я не могу понять одну вещь... – начал Ги.

– А я ничего не могу понять, – перебил его кто-то. – Ты везучий! Подумаешь! Одну вещь! Мне смешно!

– Послушайте! – продолжал Ги.

Все замолчали, поскольку мальчик всегда интересно рассказывал о необычных вещах.

– Вот! – Ги чихнул. – Восемь часов в день человек живёт между хлопковым одеялом и простыней – в ящике, сделанном из хлопка. Два часа он сидит в ящике из металла. Восемь часов он проводит на работе, в ящике, сделанном из пластмассы. Остальное время он убивает в кирпичном ящике, который называется домом. Жизнь – это прыжки из одного ящика в другой, пока человек, наконец, не попадает в деревянный, где остаётся навсегда. И это он называет свободой!..

Все молчали, обдумывая услышанное.

– В кирпичном ящике, – продолжал Ги, – человек думает о пластмассовом, в металлическом – о кирпичном и пластмассовом, в пластмассовом – о хлопковом и кирпичном. Самым смешным является то, что о самом главном – деревянном – человек не думает или, по крайней мере, старается не думать. Он его боится и потому быстро перебегает от одного ящика к другому, как бы пытаясь убедиться в том, что следующий ещё не деревянный. Противно! Я не хочу такую жизнь! Хочу свободу!

– Но ты же должен где-то жить! – вмешался доктор Зак, случайно услышавший разговор.

– Я хочу жить на планете Земля! – заявил Ги.

– А дождь? Снег? Тайфун? Ураган? – поинтересовался кто-то. – Как ты себя тогда будешь чувствовать?

– Живым! – не моргнув глазом, ответил Ги.

– Но ведь ты можешь заболеть? – не унимался тот же больной. – Тебя могут отравить, убить на улице...

– Это всё намного интереснее, чем жить в ящиках! – Ги твердо стоял на своем.

Все молчали, включая доктора, который сейчас думал о своем доме как о грудe кирпичей.

– А мы сейчас тоже в ящике? – спросила маленькая бледная женщина в сером халате, стоящая возле окна.

– Конечно! – Ги кивнул. – Но... – он сделал многозначительную паузу. – Самый главный ящик находится здесь! – и он постучал себя костяшками пальцев по курчавой голове. – Его мы строили долгие годы и находимся там всё время. Собственно говоря, – Ги ещё раз постучал себя по лбу. – Мы и есть этот ящик!

– А из чего он сделан? – поинтересовался худенький старичок, ударив себя по лысине пластмассовой чайной ложкой.

– Из мыслей, памяти и страха, – объяснил Ги – Это он заставляет нас жить в других ящиках. Это он виноват!..

– Да-да! – крикнул кто-то. – Вот почему я оказался в психушке!

– Да-да! – согласились многие – Это он!

– Поймите, – спокойно продолжал Ги – что ящики из металла, кирпича и прочего – воображение, иллюзия! Он – Ги опять постучал себя по голове, – заставляет нас думать, что ящики реальны! И как только мы так думать перестанем, то сразу обретем свободу!

Все молчали. Доктор Зак был настолько поглощен разговором, что совершенно забыл, что ему нужно сделать обход. Он думал над последней фразой, произнесенной Ги, даже не замечая, что ковыряет в носу...

Наконец раздался чей то тихий голос:

– Ги, посоветуй как жить дальше.

– В психиатрии много лекарств, которые позволят вам хорошо себя чувствовать в любом ящике, – заметил доктор Зак, но тотчас пожалел о сказанном, поняв, что произнес глупость.

– Мы не хотим больше принимать лекарства! – выразил общее мнение Ги.

– Вы должны! – все услышали голос медсестры. – Обязаны принимать лекарства, назначенные доктором! Вот и все!

– А я хочу быть свободным человеком, – так же твердо произнес Ги – Свободным!

Больные оживились и возбужденно зашумели, обсуждая друг с другом ящичную тему.

– Всем немедленно разойтись по палатам! – приказала медсестра, испугавшись, что больные выйдут из-под контроля.

Доктор Зак закашлял. Он со вчерашнего утра себя неважно чувствовал – продуло, пока ехал в металлическом ящике по направлению к пластиковому.

Ги бесстрашно смотрел в глаза медсестре, лицо которой покрылось красными пятнами.

– Ги! Немедленно в палату! – скомандовала она.

– Да! – поддержал её доктор Зак, зная, что и сам не в состоянии противиться сильному женскому началу, которое может быть разрушительным.

Ги в упор глядел в лицо медсестре, которая отвела взгляд, воткнув его, как гвоздь, в стенку.

Доктор Зак смотрел в окно.

– Люди! – усмехнулся Ги – Неужели вы действительно счастливы в коробках?

Большая птица парила высоко над городом, озирая с высоты коричневого цвета ящик, именуемый психиатрической клиникой.

Может, птица и не обладала человеческим интеллектом, но она совершенно не завидовала людям.

Её влажные томные глаза блуждали, как бы ища, на чем остановиться, и наконец, уткнулись в нос доктора Зака. Доктор почесал кончик носа ногтем, взволнованно покрутился на стуле, шумно вздохнул и кашлянул вдогонку выдохнутому воздуху.

– Доктор, – тихо начала женщина. – Я проснулась тем памятным утром и почувствовала себя одиноко. Оглянувшись, я заметила, что мужа нет рядом.

Женщина перевела взгляд с кончика носа доктора Зака на муху, летающую вокруг лампы. Муха вздрогнула, а затем камнем упала на пол. Доктор Зак с удивлением посмотрел на муху, потом – на маленькую женщину, похожую на мышку.

Ему стало не по себе.

Муха не подавала признаков жизни, а женщина продолжала:

– «Пупокман! Пупокман, где ты?» Я встала и обошла весь дом, заглядывая в отдаленные уголки, но он не отзывался. Позвонила его друзьям, на работу, но никто ничего не мог сказать. Пупокман не пришел домой и на следующий день. Знаете, доктор Зак, я просидела на кровати всю ночь, не сомкнув глаз, стараясь вспомнить его лицо, но у меня ничего не получалось. Вспоминалось размытое белое пятно на темном фоне и борода... Впрочем, в бороде я не была уверена, это могло быть что угодно...

Муха на полу зашевелилась, видимо, заинтересовавшись рассказом.

– Я даже, доктор, не смогла вспомнить, как выглядит его тело. Ну, размеры... вес... рост – я не помнила ничего!.. Такое впечатление, что он никогда не существовал в моей жизни!..

Женщина нервно теребила пальцами воротничок блузки.

– Я помнила, что привыкла к присутствию Пупокмана в постели. Он должен был называться мужем...

Пациентка умолкла, глядя вдаль.

Доктор Зак заметил, что глаза у нее были небесно-голубые и довольно большие.

«Может, она не найдет мужа» – с надеждой подумал он. – «Нет, я же её врач» – тут же осадил он себя с некоторым

разочарованием. Голубые глаза созерцали цветок на письменном столе, отчего листья его приподнялись и стали похожи на стрелки, а муха, очухавшись, вылетела в окно, спасая жизнь.

– Я пыталась понять, когда видела Пупокмана в последний раз, но... Я помнила, как вскакивала каждое утро, бежала на кухню, глотала кофе и мчалась на работу, где, как психотерапевт, лечила клиентов, запутавшихся в жизни. Доктор Зак, я испугалась, что, по всей вероятности, не разговаривала с Пупокманом и не видела его вечность... И он, возможно, стал другим человеком, завел новые привычки, дом, а, возможно, и женщину, детей... Понимаете?..

– Конечно, – доктор Зак кивнул головой, размышляя, на какое лекарство её посадить.

– В общем, через несколько месяцев и я решила завести себе мужчину, т. е. тело, такого же размера, цвета и запаха, как у Пупокмана. Хотя, как я уже заметила, я плохо его помнила. Но однажды, – женщина перевела взгляд на дырочку в стене, из которой вылез таракан. Таракан остановился, уткнувшись во взгляд женщины и потом внезапно, как угорелый, побежал обратно внутрь стены.

– Так вот, – продолжала она. – однажды утром я проснулась и увидела рядом с собой два тела. Каждое было аккуратно завернуто в одеяло и храпело. «Это Пупокман вернулся!» – подумала я тогда. Но у меня не было времени взглянуть, потому что я убежала на работу, чтобы лечить запутавшихся в жизни пациентов. Знаете, доктор Зак, какие у меня тяжелые больные...

– Конечно, – доктор Зак уверенным почерком выписывал рецепт.

– И так продолжалось долго. Очень долго, доктор. Каждый раз, когда я хотела отвернуть одеяло и посмотреть, мне надо было убежать на работу. Я была в таком отчаянии!! Вы понимаете меня?

– Конечно, понимаю! – Доктор Зак уже дописывал третий рецепт.

– Несколько месяцев тела в постели менялись. – Женщина плакала. – Одни мужчины появлялись, другие исчезали. Я это понимала по меняющимся размерам тел, укрытых одеялами. Я всегда подозревала, что одно из них принадлежало Пупокману.

Женщина продолжала всхлипывать.

– А что вас так расстраивает? – откровенно спросил доктор Зак, дописывая рецепт на четвертое, самое сильнодействующее лекарство.

– Я боюсь, доктор! – женщина прижала руки к груди. – Я боюсь, что однажды проснусь и не найду в постели ни одного мужчины, то есть тела...

– Вот! – доктор Зак протянул ей пачку рецептов. – Принимайте, как написано, и страх уйдет.

– Вы думаете, все будет хорошо? – женщина снова взглянула на кончик носа доктора.

– Конечно! – уверенно кивнул головой доктор Зак, почесывая кончик носа. – Все будет хорошо, особенно если будете меньше волноваться.

– Да как же мне не волноваться! – женщина нацелила на доктора Зака голубые глаза. – Ведь старость надвигается!

Доктор Зак упал на дно её глаз, однако заметил, что у него внизу ничего не пошевелилось. «Действительно, – подумал он. – Старость надвигается».

Доктор Зак внимательно смотрел на пациента, что-то бубнящего себе под нос, одновременно смеясь и плача.

«Я так не умею», – с огорчением подумал он.

– Я дух, – наконец, выдохнул пациент со странным облегчением, – И больше никто!

– Понимаю, – заметил доктор и подумал, что ничего не понял и вряд ли до конца поймет в профессии, по степени таинственности способной соперничать с черной и белой магией.

– Хорошо. Расскажите подробнее про дух, – попросил доктор, сложив ручки на животе, по причине пятидесятилетия выскочившем наружу, как бы говоря: «А вот и я! Заждались?!!»

Пациент чихнул, покрутил руками и ногами по и против часовой стрелки, сморщился и продолжал:

– Я встал с постели, позавтракал, сел в машину, поехал на работу, приехал обратно, поужинал, съев много жареной картошки с луком и колбасой, влез на жену и заснул. Я делал это триста шестьдесят пять раз в году, пятьдесят лет подряд и потом жена, дети и родственники собрались на мои похороны сказать последнее «до свидания». Я лежал в гробу и чувствовал, что сейчас встану, позавтракаю, пойду на работу, вернусь домой, съем жареную картошку с колбасой и луком и влезу на жену. Я лежал и внимательно слушал, что они говорили.

– Сегодня, – говорил мой друг, – я хочу сказать много хороших слов об Измаиле.

Мой друг сильно задумался, почесал затылок и другие важные влажные места, вытер рукавом вспотевший от размышлений лоб, открыл рот и продолжил:

– Он был человеком, который просыпался утром, – друг снова умолк.

Я услышал трогательные всхлипывания, такие нежные, что мне стало любопытно узнать, кто же так меня любил.

Я приподнял голову и увидел своего пса. Он сидел в стороне от всех и отчаянно скулил, глядя на кусок колбасы, торчащий из кармана одного из моих родственников, которого лечили от ожирения и связанного с ним отупения.

– ...завтракал, – продолжал друг. – Завтракал хорошо, много, яичница, лук, хлеб с маслом, чай с вареньем и лимоном, кусок курицы, кофе и булочка, творог и макароны... много макарон.

У друга горели от возбуждения и голода глаза, когда он перечислял продукты, которые я любил употреблять на завтрак.

– ...одевался, – вставила дочь. – Медленно одевался – костюм, рубашка, галстук, ботинки... Хорошо одевался.

Дочь старалась придать много чувства и смысла слову «одевался».

– Ехал на работу, – вступила в разговор жена, еле державшаяся на ногах. Невозможно было понять, то ли она падает на землю от горя, то ли от чрезмерного счастья. – Ехал, ехал на работу, – уверяла всех жена, как будто окружающие сомневались. Они вообще ее не слышали, погруженные в размышления о бренности жизни, приносящей смерть вместо выигрышного лотерейного билета.

– Ехал на работу, – несколько раз повторила супруга...

– Да, ехал, работал... – подхватил кто-то.

– Работал, работал, работал, – зашумела толпа. – А после работы ехал домой...

– Домой, домой! – кричали все.

– Ехал домой и смотрел телевизор, – продолжал старший сын. – Всегда смотрел...

– ...и ел жареную картошку с луком и колбасой! – закричала жена.

Жена плакала от счастья, понимая, что теперь, наконец, выбросит сковородку и на кухне перестанет пахнуть жареным луком. – А потом залезал на меня, – жена показала, как я это делал.

– И засыпал, – подытожил друг.

И тут я не выдержал, открыл глаза и спросил:

– И это всё?

– Конечно! – раздраженно ответила жена. – Ты лежи тихо и не двигайся! А то мы ничего от страховой компании не получим. А я уже, знаешь, сколько потратила на похороны? Чтобы ты тут лежал и рот не открывал, – зашипела она.

– Конечно, Измаил, – лучший друг наклонился и поцеловал холодными губами мой горячий лоб. – Лежи и не двигайся. Я твоей жене предложение сделал. А она согласилась. Вот так.

– Мой дорогой! Мой дорогой!.. – разносились повсюду голоса. – Мой дорогой поедающий завтрак водитель автомобиля. Смотрящий телевизор, жующий картошку с луком, забирающийся на жену и засыпающий на ней!..

– Э, нет! – я привстал в гробу. – Я пришел к выводу, слушая вас, что я и не жил совсем!.. Я решил ещё пожить в свое удовольствие!

– Что ты! Что ты! – толпа родных и родственников ринулась на меня и стала заталкивать обратно в гроб, убеждая в том, что на том свете мне будет намного веселей. Я разозлился, доктор Зак, выскочил из гроба, сбросил с себя этих противных мух, пошел домой и лег спать.

Утром я встал, позавтракал, поехал на работу, приехал с работы, съел жареную картошку с луком и колбасой, влез на жену и заснул.

– Что же мне делать, доктор Зак? – пациент плакал. – Как изменить жизнь?

– У меня есть хорошие таблетки. – доктор Зак выписывал рецепт.

– Но я ведь дух, доктор, меня никто не видит!

– А я? – доктор Зак удивленно поднял брови.

– Вы психиатр, доктор, вы не человек.

– Да? – удивился доктор. – Никогда об этом не задумывался. В любом случае, – продолжал он, – вот рецепт: натошак одну таблетку и придете через месяц.

– Прощайте! – расстроено прошептал дух. – А я думал, что вы поможете.

– Конечно, помогу, – доктор Зак улыбнулся. – Дайте лекарству время. Обычно улучшение наступает через две недели.

Дух исчез, прихватив рецепт.

Доктор Зак сел в машину и поехал домой. Он чувствовал, что сейчас поест картошки с луком, а потом влезет на жену. Но жены не было. Влезать было не на кого. Тогда он влезет на кровать. Настроение испортилось. Пошел дождь.

Неожиданно для себя он на повороте поехал направо, хотя надо было налево.

Доктор решил начать новую жизнь. Пока не поздно.

Херов проснулся оттого, что почувствовал боль в желудке. Будучи мнительным, он побежал к доктору.

– У вас опухоль в желудке. Злокачественная, – врач укусил яблоко и стал громко чавкать. – Жить осталось месяца три, я думаю, если повезет...

– Если мне не везло всю жизнь, – огорченно произнес Херов. – То не думаю, что сильно повезет сейчас. Доктор, – прошептал он, озираясь, – я знаю, на какие компании надо ставить. У них скоро всё пойдет наверх.

– На какие? – доктор остановил недожеванный кусок яблока во рту и покрутил его языком.

– Я скажу, если дадите мне ещё три месяца, всего шесть

– Помилуйте! – доктор чуть не поперхнулся, – Я же не Бог! Могу дать два с половиной.

– Хорошо, – согласился Херов и протянул доктору бумажку с названиями компаний.

Вечером Херов, усталый от потрясения, приехал домой.

– Привет, Киса! У меня опухоль в желудке. Злокачественная. Жить осталось пять с половиной месяцев.

– Хорошо! – Киса мыла посуду с остервенением. – Есть время, чтобы хорошо инвестировать и дождаться результата. Я верю в наши компании. А ты меня научишь инвестированию?

– Если будешь готовить пять с половиной месяцев...

– Я не служанка, – Киса швырнула вилки в раковину. – Могу это делать месяц.

Вечером Херов позвонил маме.

– Мама! – он потерял голос от переживания. – Мне осталось жить пять с половиной месяцев.

– Ты сделал завещание в отношении вложений? – Мама ела сыр и пила молоко с медом.

– Да.

– Хорошо, сынок!

– Скажи, а что произошло вчера с «Майкрософтом»?

Херов провел на телефоне два часа, в подробностях объясняя, что произошло на бирже, и после решил выйти на улицу прогуляться.

Когда вернулся, то увидел, что жена пляшет от восторга.

– Наши компании взлетели вверх! – кричала она. – Ура!

Через пять с половиной месяцев Херов не умер. Он вернулся к доктору, который обнаружил у него в животе кусок колбасы трехгодичной давности.

– Я всегда верил, что хорошее вложение – лучшее лекарство от болезней, – доктор жевал то же самое яблоко.

Херов внезапно почувствовал, что ему плохо. Было ощущение, что он сейчас умрет. Сердце страшно забилось в груди, давление упало, лицо позеленело...

– Что случилось? – доктор выплюнул семечку.

– Если бы я умер и жена вложила деньги, полученные со страховки на жизнь, то я бы стал мультимиллионером.

– Я пока не убиваю пациентов, – улыбнулся доктор. – Но если будете есть жирное мясо, пить, курить и не станете заниматься спортом, то, пожалуй, вскоре появится шанс.

Херов пришел домой и съел громадный кусок жирной говядины, намазав его густо маслом. Потом он выпил стакан водки, закурил и, к своему глубокому разочарованию, почувствовал себя великолепно.

– Не этим надо заниматься, если хочешь делать деньги! – раздраженно буркнула жена. – А в спортивный клуб ходить и бегать, бегать, бегать!..

Ги захотелось выйти из пыльного тараканьего убежища и полежать на травке. Медсестра была в плохом настроении по причине хронической усталости, связанной с отвратительным настроением.

– Нужно было три дня назад написать заявление о том, что хочешь полежать на травке. Тогда у нас было бы время подумать и мы бы тебе ответили в письменном виде. Вот так.

Медсестра блеснула правым глазом. Ги показалось, что она сейчас взлетит в воздух. Он был уверен, что она робот, запрограммированный неземным разумом с целью его, Ги, воспитания.

«Наверное, инопланетяне меня хотят завербовать. Им нужно чтобы я лежал на травке и высматривал детали земной жизни», – решил Ги.

Через неделю медперсонал собрался за столом, заваленном кучей бумаг – письменных просьб от больных. Очередь дошла до Ги.

– Он ещё мал, – проскрипел социальный работник, – может потеряться в высокой траве. А меня будут винить. Нет, я считаю, это нецелесообразно. Надо еще лет десять подождать. Подрастет, и мы хотя бы сможем видеть его уши. Это уже нечто, за что можно схватить, привязать и отодрать.

– Согласна, – поддержала медсестра, расстроенная по поводу окончания последних в жизни месячных. Она переживала, что не успела по-настоящему попрощаться с ними из-за больших пробок на дорогах, в которых провела большую часть жизни.

– Его покусают пчелы! – медсестра свела брови вместе. – Они сейчас агрессивны, а он любит все и всех дразнить.

– Согласен, – вставил себя в разговор учитель физкультуры. – Я не могу за ним все время бегать. К тому же я вижу плохо, да и голос надо беречь – беру уроки пения.

Доктор Зак внезапно почувствовал потребность высказаться. Он взглянул на коллег, смотрящих на него выпученными от жизненной рутины глазами.

– М-да! – доктор Зак почесал то место, где должен быть третий глаз. – Настроение у Ги хорошее. Он не слышит голоса, принимает лекарства, активен. Он настолько стабилен, что это волнует. Что могло стать причиной резкого улучшения?

– Он нас дурачит! – чихнул социальный работник.

– Он хочет помять траву! – медсестра сверкнула левым глазом.

– И убежать, – добавил учитель физкультуры, – разрушив мой голос. А я хочу стать учителем пения. Знаете, как хорошо и приятно петь? – обратился он ко всем.

Все молчали, соображая, что же хорошего в пении.

– При чем здесь пение? – нарушила тишину медсестра. – Я думаю, что он выплевывает лекарства и притворяется, а на самом деле у него острый психоз и неизвестно, что он там в траве хочет делать, Может, клад копать?

– Клад, – искренне заинтересовался учитель физкультуры. – Где?

– Он опасен! – твердо сказала медсестра. – Я считаю!

Она хлопнула карандашом по столу и разбудила муху, дремавшую на потолке, которая стала, как заведенная, кружить над головой доктора Зака, напоминая ему счастливое детство в Советском Союзе.

В это время Ги умудрился убежать из госпиталя, затерявшись в толпе больных.

Он прыгнул в траву и глубоко в ней зарылся. Хотелось посмотреть на кузнечика вблизи. И он увидел его – большого, зеленого, стоящего на длинных вытянутых лапках, и шевеля усиками, внимательно разглядывающего Ги.

«Он может прыгать куда угодно, – подумал мальчик – никто у него не требует заранее написать заявление».

Ги стало так завидно, что он заплакал.

– Не плачь! – он внезапно услышал голос кузнечика. – Я могу пойти в больницу вместо тебя! А ты полежи и отдохни от придурков!..

– Спасибо. – Ги почувствовал, что устал, и тут же, расслабившись, уснул.

Кузнечик прыгнул прямо на стол, за которым сидел медперсонал, обсуждая отвратительное поведение Ги.

– Посмотрите! Надо же! – медсестра указала длинным худым пальцем на кузнечика, – нас не боится.

– Боюсь! – Кузнечик подпрыгнул в воздух. – Вы едите друг друга! А меня и подавно сожрёте!

Медперсонал психиатрического отделения был в шоке.

Они не ожидали, что кузнечик может выражать мнение в устной форме.

Работники ожидали чек дважды в месяц, пробки на дорогах, головную боль, пенсию и тихое место на кладбище. Они надеялись прожить от шестидесяти до восьмидесяти и не быть наказанными за то, что изливали гнев на пациентов.

– Мне показалось, будто кузнечик сказал чушь! Пора, наверное, в отпуск. Устала! – призналась медсестра, покачивая двумя большими синими мешками под глазами.

– Да-да! – подтвердил учитель физкультуры. – И я слышал. Я устал!

– Если мы все уйдем отдыхать, то кто же будет лечить пациентов? – доктор Зак почесал то место, где у него в раннем детстве росли усы.

– Я люблю! – кузнечик высоко подпрыгнул – Солнце, травку, но главное – отсутствие вас всех!

– А он наглый! – крикнула медсестра и, прыгнув на стол, стала его ловить.

– Лови его!

– Привязать к кровати!

– Не пускать на улицу!

Все бегали по комнате, пытаясь поймать кузнечика, который с наглой улыбочкой легко ускользал.

«А почему я не ловлю кузнечика?» – подумал доктор Зак.

– Да потому что ты не такой как все! – вспомнил он слова матери. – А был бы как все – всё было бы как у всех.

Ги хотел спать, но не мог. Он проснулся, сел на кровати и стал петь. Медсестра ворвалась в палату и, позеленев от гнева, завопила:

- Спать! Немедленно спать!
- Не хочу.
- Тогда не пой!
- Но ведь я это делаю тихо! Никто не слышит!
- Нет! – медсестра грозно топнула ногой.
- А могу я петь только в голове? – улыбнулся мальчик.
- Нет, спать!

Ему показалось, что сестра громко зашипела, свернулась кольцом, высунула язык и поползла к нему.

- А могу я петь во сне?
- Нет!

Медсестра была горяча, температура в палате повысилась и мелкие жучки-паучки, сидящие на стенах, поползли внутрь, чтобы охладиться.

- А могу я дышать? – Ги хотелось её подразнить.
- Нет!
- Я не хочу спать!

Ги почувствовал, что медсестра ему надоела. Он решил почитать интересную книжку про то, как мальчик нашел друга на крыше дома. Друг умел летать и приносил ему всякие интересные вещи, а мальчик его кормил вареньем.

– Ложись на кровать и закрой глаза! – скомандовала сестра. В её голосе слышалось отчаяние по поводу несостоявшейся личной жизни, плохой погоды и боли внизу живота.

- Нет! – тоже крикнул Ги и засмеялся.
- В госпитале есть правила! – продолжала орать сестра. – Их надо соблюдать!
- Когда я закрываю глаза, мне становится одиноко, а я этого не люблю! – признался мальчик.
- А ну, спать!

Медсестра накалилась до такой степени, что он почувствовал запах её паленого нижнего белья.

– Всё! – хрипела она. – Больше у тебя не будет привилегий! Не пойдешь на улицу, не будешь играть после обеда! Запрещается...

Медсестра замолчала, стараясь вспомнить, что ещё можно запретить.

– А тебе запрещается быть счастливой! – спокойно произнес Ги. – Оставшиеся до пенсии двадцать лет ты будешь ездить на работу, вечерами валяться на диване и жаловаться мужу на жизнь. А на пенсии ты будешь такая усталая, что не сможешь ходить, и еле живой от тоски муж будет тебе носить в постель прокисшее молоко трехмесячной давности!..

– Спать! – закричала она.

– Работать! – засмеялся Ги.

Внезапно медсестра заплакала. Она вытерла слезы и исчезла, закрыв за собой дверь.

– Люди, в принципе, добры! – обратился мальчик к маленькому пауку, сидящему на стенке и обливаемому потом от жары. – Они лишь притворяются жестокими.

Паучок задумался над словами Ги, но понял, что думать в принципе нечем. Но это не беда, зато он умеет плести паутину. И, – самое интересное, – сам туда никогда не попадает! Не то, что некоторые люди!

Прекрасным воскресным утром Ги гулял в парке, слушая птичек. Он беседовал с зеленой травкой и благодарил солнце за то, что оно ласково греет его лицо, измученное тяжелыми взглядами медицинских работников. Внезапно он увидел здание, на котором было написано: «Спортивный клуб».

Мальчик почувствовал, что ему хочется войти и посмотреть, что там происходит.

Ги вошёл и увидел людей с озабоченными, усталыми, обесиленными, грустными, потертыми, рваными и серьезными лицами. Все прыгали, бегали и кувыркались. Всё это напомнило Ги сумасшедший дом, в котором он периодически жил, наблюдая подобные сцены.

– Интересно! – Он сел на пол и начал наблюдать, пытаюсь понять суть.

В конце концов он решил встать и подойти к бегающе-прыгающей части человечества.

– Привет! – Ги обратился сразу ко всем.

Никто не обратил на него внимание. Все были сосредоточены. Казалось, механизмы – продолжение их извивающихся тел.

– Я смотрю, – начал рассуждать Ги, – и думаю: сколько вам платят за эту тяжелейшую работу?

– Мальчик! – улыбнулся один из тех, у кого на голове торчала металлическая штанга. – Мы это делаем бесплатно!

– Могу дать доллар, если вынесете мусор из моей комнаты! – предложил Ги. – Это же лучше, чем ничего, верно?

Все молчали, отчаянно брызгая друг на друга усталым потом.

– Ну, так как? – не отставал мальчик – Если не хотите денег, то, что же хотите?

– Мы хотим быть здоровыми, – ответил худенький мужчина с большой гирей, торчащей из маленького зада.

Рядом стоял тренажер, по которому бежала женщина. Ги отчетливо видел, что она едва сдерживает слезы. У нее было серо-зеленое, землистое лицо, усеянное задумчивыми морщинами

и доведенное усталостью до такой степени, что напоминало кисель.

Он почувствовал к ней жалость.

Ги подошел поближе и ясно увидел, что она покрыта ржавой тоской.

– Вы знаете, – обратился он к ней – если такие усилия требуются для того, чтобы оставаться здоровым, то я предпочту быть больным!..

– Мальчик! – обратился мужчина, накачавший живот до такой степени, что казалось, он вот-вот родит резиновую грушу. – Мы хотим жить долго!

– Зачем? – Ги доверчиво смотрел наивными детскими глазами, полными вопросов о смысле человеческого существования.

Беременный мужчина, услышав вопрос мальчика, заметно занервничал, отчего его живот увеличился в два раза. Ги охватил страх.

– Ты еще мальчик! – брызнула потом бегущая, – маленький, чтобы задавать такие вопросы! Вырастешь – поймешь!

Она была похожа на взмыленную лошадь.

«Странно! Ни одна лошадь сама себя не гонит! Очень странно!» – думал Ги.

– Я не понимаю, что я должен понимать! – признался он. – Что нужно перевернуть тонны металлолома для того, чтобы жить долго?

– Пожалуйста! – умоляюще прохрипел кто-то. – Покажите ребенку выход! Он, видимо, заблудился!

– Я не заблудился! – улыбнулся мальчик. – Это вы заблудились, если не можете ответить на простые вопросы!

Бегущая женщина резко остановилась, с трудом сползла с дорожки и без сил упала на пол. Она лежала с белым лицом, перебросив зелёный язык через костистое плечо. В её глазах гасли последние искорки жизни.

Ги дотронулся до её плеча и почувствовал, что оно было холодным, как мороженое.

– Вы думаете, что будете долго жить? – поинтересовался Ги, сев на пол рядом с её обмякшим телом.

– Слушай, мальчик! – он услышал хриплый голос другой женщины, похожей на хорошо упитанного римского гладиатора. Её

ноги тянулись через зал, закручиваясь восьмёркой на шее мужчины с красно-синим лицом, который пытался поднять гантелину в десять раз больше, чем он сам. – Мы просто хотим хорошо себя чувствовать!

– Странно! – Ги пытался понять логику, но не мог.

– Я хорошо себя чувствую, – сказал он, – когда разглядываю кузнечиков, слушаю травку и птичек, бегаю босиком под дождем или играю с солнечными лучиками-зайчиками. Я никогда не думал, – продолжал он, – что для того, чтобы хорошо себя чувствовать, нужно зайти в плохо пахнущее пыльное помещение, сделать усталое и злое лицо, переложить кучу металла с места на место, а потом сделать вид, что за тобой гонятся, и бежать неизвестно от кого до полного изнеможения. Я не хочу быть таким, как вы, когда вырасту!

– Пожалуйста! – раздались крики. – Уведите мальчика! Мы здесь тренируемся, а он – нет!

– Но зато я счастлив, а вы – нет! – возразил Ги.

Кто-то схватил его за руку:

– Я покажу выход!

– Вы им выход покажите! – Ги показал на бегающе-прыгающий народ.

Через секунду мальчик очутился на улице.

– Извини, я нехорошо себя вел. Но я исправлюсь! Пожалуйста, не наказывай дождем и холодным ветром! – обратился он к небу.

Ги побежал в парк слушать птичек. Он прекрасно себя чувствовал.

Ги гулял в любимом парке, когда увидел старичка, сидящего на скамейке. Мальчику захотелось поговорить. Он сел с ним рядом и кашлянул, пытаясь вывести пожилого человека из состояния задумчивости.

– Здрасьте! – улыбнулся Ги.

Старичок посмотрел на него и что-то прошептал, очевидно, обращаясь к самому себе.

– А вам сто лет? – поинтересовался Ги.

– Нет! – пожилой человек мило захихикал. – Спасибо за комплимент! Мне далеко до ста. Мне девяносто девять.

– А вы были счастливы? – Ги посмотрел на птичку, которая настороженно повернула голову в сторону говорящих, заинтригованная глубиной обсуждаемой темы.

– А почему ты спрашиваешь? – Старичок ещё больше сморщил до предела морщинистое лицо, напомилавшее высохшую грушу.

– Но вы не ответили на вопрос! – настаивал Ги.

Улыбка исчезла с лица пожилого человека. Он выглядел раздраженным. Оглянувшись по сторонам, старик чихнул, пожевал и снова чихнул.

– Конечно! – наконец, буркнул он. – Я был счастлив!

– Один раз? – уточнил Ги.

– Нет! – Старичок расчихался. Его нос покраснел. – Наверное, больше.

– Два?

Пожилой человек злился. Было очевидно, что Ги действовал ему на нервы.

Старик поправил воротник тёплого плаща, и, вынув из кармана журнал, уткнул в него угрюмый нос.

– Я бы хотел сделать вас счастливым! – мальчик сидел, болтал ногами и насвистывал песенку. – Мне кажется, вам одиноко!

Старый человек отложил журнал в сторону. Он почувствовал давление в груди.

Ги смотрел на него, не мигая.

Пожилой человек заерзал, как бы пытаясь поудобнее устроиться в мире.

– Вы не возражаете, – спросил мальчик, – если я вас познакомлю с мамой? Она хорошая и вам понравится. – Ги вытащил кулак из кармана, раскрыл ладонь, и старичок увидел белую мышку.

– Ее зовут Катя, – познакомил их Ги. – А его, Катя, зовут...

– Исаак Моисеевич Иванов, – услышал старичок собственный голос.

Он уставился на мышку, не зная о чём говорить дальше.

– Возьми её, – настаивал Ги.

Не совсем понимая, что делает, Исаак Моисеевич взял мышку и в первый раз за долгое время почувствовал в руке живое. Иванов заметил, что ему хочется плакать, но он не хотел показывать слезы и сделал злое лицо.

– Я не люблю мышей! – Исаак Моисеевич с гневом посмотрел на маленькое создание, которое пискнуло и пошевелило усиками.

– А теперь, – продолжал Ги, – я тебя, Моисеич, познакомлю с папой. Вы станете большими друзьями.

Мальчик быстрым движением вытащил из другого кармана маленькую змею и поднес её к носу Иванова.

– Его имя Петя, – он представил папу Исааку Моисеевичу. – А его, Пётр, зовут Моисеич. Вы знаете, – Ги стал серьезным, – у меня умные, ответственные и заботливые родители.

Он положил змею Иванову на колено, и та поползла вверх к ширинке.

Исаак Моисеевич Иванов внезапно заплакал.

Он вспомнил, как маленьким мальчиком играл во дворе со щенком.

– Видите, – заметил Ги, – вы скучаете без родителей. А жениться хотите? Я могу интересную невесту показать.

Ги выхватил большого кузнечика.

– Нет! Нет! – Старичок вскочил и быстро зашагал прочь, на ходу утирая слезы.

– Отдайте маму с папой! – Ги вскочил на ноги.

Иванов остановился и обернулся к мальчику

– Но они мне тоже нужны! – вдруг сказал Исаак Моисеевич.

– Тогда, – предложил Ги – пошли вместе! У них будет двое детей!

Старичок улыбнулся от всей души – впервые за много лет.

Ги внезапно услышал, как зазвенел телефон, который Иванов забыл на скамейке.

Пожилой человек вернулся, взял телефон, сильно размахнулся и бросил его в пруд.

– Правильно! – воскликнул Ги, схватив Моисеича за руку.

И они, вприпрыжку, побежали вперед. Однако Иванов постоянно отставал, потому что часто останавливался, вынимал родителей из кармана и любовался ими.

Ги гулял по парку. Ему было скучно. Мимо проходили мужчина и женщина. Мужчина всё время целовал подругу, присасываясь к ней, как комар. У женщины не сходило с лица выражение блаженства, будто она получила продвижение по службе.

Ги прислушался к их разговору.

– Процент низкий! – шептал мужчина женщине в ухо, облизывая его шершавым языком. – Снова низкий! – он кусал её влажный носик. – Пора покупать! Покупать! – Он жадно втянул запах ее волос, шуршащих на ветру, как бы говоря: «Да! Да! Ну, конечно, пора!»

– Он даже ниже, чем в прошлом году! – женщина обняла его за талию, запустив руки в штаны.

– Жалко! – прошептал он. – В прошлом году он был еще ниже. Надо было покупать!..

Он упал на колени и стал отчаянно целовать её разорванные чулки.

– Красивые зеленые цветочки! – воскликнул Ги, внезапно появившись перед ними.

– Вот! – продолжал он, приблизившись вплотную. – Красивая красная птичка! С желтым воротничком.

Парочка остолбенело смотрела на мальчика, цветочек и птичку.

– Я думаю, – задумчиво произнес мужчина, встав на худенькие ножки – на будущий год процент будет ещё ниже.

– Ниже, чем ты думаешь! – женщина жевала мочку его уха, а он тщательно наматывал её волосы себе на правое колено.

– Посмотрите! – мальчик показал пальцем на бабочку. – Красивая!

– Вы ошибаетесь насчет процента! – Ги услышал голос бабочки.

– Не может быть! – ответили мужчина и женщина.

Он вытащил из кармана газету, протянул её бабочке и, размахивая руками, начал возбужденно рассказывать о последних новостях на бирже.

– Я не верю прессе! – гордо заявила бабочка. – Я верю в крылья!

– Ты посмотри на нее! – возмутилась женщина. – Она не верит!.. Вот увидит, что мы правы!

Женщина раздраженно топнула каблучком.

Мужчина приблизил лицо к крыльям бабочки и замер в восхищении.

– Ты её знаешь? – воскликнула женщина. – Ты уже встречался с ней?! Боже, как же я раньше не догадывалась! Ты уже обсуждал с ней процент в постели!

– Я не увлекаюсь дураками, – призналась бабочка – Я интересуюсь пылью и хорошей погодой.

– Посмотрите, – продолжал Ги – красивое солнышко и травка!..

Женщина посмотрела на травку, птичек, солнышко, открыла сумочку и достала баночку. Вытащив таблетку, засунула её в рот и стала лихорадочно озираться по сторонам.

– Где бы попить чего найти? – закашляла она, – эти чертовы таблетки от депрессии такие большие!

Мальчику стало скучно, и он решил пойти дальше. Но потом, оставив их позади, снова почувствовал себя одиноко и решил вернуться.

Женщина и мужчина шли навстречу со счастливыми лицами.

Ги сорвал большие листья, засунул их в уши и пошел рядом с ними. Он закрыл глаза и представил, что эти люди – его родители. Он почувствовал, что женщина обняла и поцеловала его, а мужчина поднял и посадил себе на плечи. Ги был счастлив. Внезапно он услышал шум и проснулся.

– Ги – раздался голос доктора Зака. – Я снижу тебе дозу, ты много спишь.

Мальчик посмотрел по сторонам и обнаружил, что лежит на кровати в палате с обшарпанными серыми стенами. Ему стало обидно, что это был сон. Он был готов шагать с листьями в ушах и закрытыми глазами вечно, только бы не чувствовать, что он один.

– Мне нужна та же самая доза, доктор Зак! Пожалуйста! – взмолился Ги.

Доктор Зак взглянул ему в лицо и почувствовал себя виноватым.

Пациент проснулся, полежал на кровати, встал и прошел на кухню. Там он постоял в раздумье пару минут, а затем пошел в туалет. В туалете он долго размышлял, смотря на зубную щетку, унитаз и мочалку. Потом он вышел и подошел к окну.

В окне мелькала суета. Это действовало на нервы.

Он взял телефон, набрал номер и, прокашлявшись, начал разговор.

– Здравствуйте, доктор Зак! Это Фишман. Я вышел на пенсию, но не совсем счастлив.

– Приходите в клинику, – предложил доктор, жуя грушу и думая о женщине с большой белой грудью, приснившейся прошлой ночью. – Мне нужно поменять вам дозу.

– А я ничего не принимаю, доктор!

– Извините, – доктор Зак доел грушу, – почему не принимаете?

– Я никогда не принимал лекарств.

– Фишман, вы мой пациент? – Доктор достал яблоко и тщательно вытер его давно не мытыми руками.

– Нет, доктор. Мы никогда не встречались. У меня не было времени к вам заскочить. Я все время работал, надеясь уйти на пенсию с парой долларов в кармане.

– Как вы про меня узнали? – Доктор Зак выплюнул твердую кожуру.

– Я и не узнавал. Набрал первый попавшийся номер.

– Но как вы узнали, что меня зовут доктор Зак и что я психиатр? Доктор перестал жевать.

– Потому что, – объяснил Фишман, – если всю жизнь работаешь, как верблюд, без отпуска, собирая цент к центру и мечтая о пенсии, то, когда, наконец, на неё выходишь, то первый человек, на которого наталкиваешься, является психиатром, доктором Заком.

Доктор Зак попытался разобраться в логике.

– Вышли на пенсию и не совсем довольны жизнью? Ну что же, приходите, поговорим, – предложил он.

– Я не знаю, доктор Зак, – как бы не слыша его, продолжал Фишман. – Мне кажется, что я был счастливее, когда работал. Я, пожалуй, вернусь на работу.

– А сколько лет вы работали? – Доктор Зак кашлянул, подавившись семечкой.

– Я вам наврал, доктор. Я ещё и не начинал работать.

Говорящий внезапно изменил голос, и доктор узнал Ги.

– Я не люблю подобных шуток, Ги, – раздражённо бросил в трубку доктор Зак. – Я не ребенок, а психиатр!

– Извините! – мальчик чувствовал себя виноватым. – Мне интересно разбираться в человеческом поведении. Я решил всю жизнь много работать, чтобы быть счастливым, когда выйду на пенсию. Но понял, что всё это – чушь и надо быть счастливым сейчас.

– Ты принимаешь лекарства, которые я прописал? – поинтересовался доктор Зак. – Мне кажется, что твое воображение выходит из-под контроля. Если бы все думали так, как ты, то бросили бы работу и стали бы счастливыми.

Доктор Зак вдумался в собственные слова и загрустил.

– Когда я стану большим, – ответил мальчик, – то выучусь и обязательно изобрету таблетки, которые помогут людям иметь такое же воображение, как у меня.

Доктор Зак не знал, что ответить. Это часто случалось, когда он беседовал с Ги.

Доктор был уверен, что у него больше жизненного опыта, чем у мальчика, но он часто не знал, что ему с опытом делать.

– Хорошо, Ги! Только, пожалуйста, не играй со мной больше таким образом, – попросил доктор.

– Ладно, – согласился мальчик. – Я просто хочу понять жизнь.

– Я тоже, – хотел ответить доктор Зак, но вспомнил, что необходимо соблюдать дистанцию между пациентом и врачом.

Доктор Зак положил телефон в карман и вышел из офиса на улицу. Он знал, что если не примет на ночь таблетку, то не заснет. Сколько раз он хотел отделаться от Ги как от пациента, передав его коллеге, но каждый раз не мог это сделать. Почему? Доктор Зак пытался это понять, сидя за рулем машины, едущей по дорогам большого скучного и шумного города.

Ги шёл по улице, и увидел женщину.

Она сидела в кафе и плакала, макая в слезы бумажные салфетки.

Мальчик решил привлечь ее внимание.

Он подошел поближе, стукнул в окно и улыбнулся.

Женщина перестала плакать и взглянула на Ги с удивлением и интересом.

Он стукнул в окно еще раз и подпрыгнул.

Женщина больше не плакала. Она по-прежнему с интересом смотрела на мальчика. Он заметил на её лице розочку, вот-вот готовую распусться.

Ги стал танцевать, прыгать на месте, улыбаться и что есть силы размахивать руками.

Женщина внезапно встала и ушла.

Ги почувствовал себя одиноко.

Он перестал прыгать и стоял возле окна, дыша на стекло.

Она вернулась назад с мужчиной. Мужчина сильно размахивал руками и кричал, широко разевая озлобленный рот.

Ги испугался за женщину и постучал по окну, но она на него не обратила внимания.

Тогда он постучал ещё сильнее, но ни мужчина, ни женщина не повернули головы.

Ги стал стучать по стеклу изо всей силы, но все было бесполезно.

Внезапно мужчина перегнулся через стол и со всего размаху ударил женщину по лицу.

Ги схватил камень и бросил в стекло.

Женщина истерически кричала.

– Что снова случилось? – поинтересовался доктор Зак, когда мальчика привезли на полицейской машине в психиатрическую клинику. – Ну, зачем ты ночью разбил окно в кафе?

Доктор Зак поправил упавшие с носа очки.

– Там мужчина дерется! – мальчик испуганно показал куда-то пальцем. – Женщину по лицу бьет!

– Ги – доктор Зак почесал правую половину носа, хотя чесалась левая. – Три часа ночи. Кафе давным-давно закрыто. Ты наверняка не принимал лекарства, которые я прописал?

– Мне хотелось, чтобы она там сидела и никуда не уходила...

– Почему? – доктор Зак искал глазами что-то, хотя и не знал, что именно.

– Потому что мне было одиноко. Мы бы могли подружиться. А мужчина пришел и как ей даст!

– Ты так сделал, потому что мужчина пришел? – доктор Зак икнул, поперхнувшись от собственной пронизательности.

– Да, – подтвердил Ги. – И еще она на меня не обращала внимания. Я обиделся.

– Нужно принимать лекарство, Ги, – учительским тоном произнес доктор Зак. – Это важно. Когда ты делаешь то, что велит доктор, ты не бьешь стекла витрин по ночам. И вообще, тебе не нужны друзья.

Доктор задумался на мгновение над тем, что сказал, и исправился:

– Я имею в виду, тебе нужны реальные, живые друзья, а не воображаемые.

– А как их, реальных, найти? – поинтересовался мальчик, трогая болящее от укола плечо.

Доктор Зак не ответил.

– Вот видите, – заметил Ги, – вы – доктор, а не знаете.

– Завтра мы тебя определим в группу детей с похожими проблемами, – попытокнул доктор. – с вами будет работать опытный психолог.

Дверь приемного покоя открылась и внутрь вошла женщина.

– Вот! Вот! – закричал Ги и замахал руками. – Она! Женщина, которая плакала!

– Ги, – успокоил его доктор Зак. – Это мама, не волнуйся!

Вслед за женщиной зашел мужчина.

– Вот он! Вот он! – продолжал кричать мальчик. – Он ударил маму!

Женщина и мужчина выглядели вполне довольными жизнью.

– Ты разве не узнаешь меня, Ги? – удивился мужчина. – Я твой отчим, Давид Петров.

Ги забрался под кровать и не хотел вылезать. Он увидел, что мужчина превратился в зелёного зубастого крокодила. Крокодил внезапно схватил доктора Зака за нос, подбросил его высоко вверх, открыл пасть и несчастный психиатр, дописывая рецепт, упал прямо в глотку хищному земноводному.

Женщина улыбалась. Ги явственно видел, что у неё на голове три ряда острых колючих рогов.

– Н-е-ет! – закричал мальчик и, закрыв голову руками, сжался в комок.

Ему сделали укол и он заснул.

Ги приснилось, что он стоит возле пустого ночного кафе и стучит в окно кулаками.

В лицо бил холодный осенний ветер.

Мальчик совершенно ясно видел, что в кафе никого нет.

– Да брось ты! Иди домой спать! – крикнул он самому себе.

Крик унёсся ветром ввысь, откуда, как верил Ги, на него когда-нибудь свалится счастье, и он найдет друга.

Ги гулял по психиатрическому отделению, когда увидел маленького старичка.

Худенький, щупленький, беленький, похожий на мышку, он сидел на полу и бился головой об стенку.

– Зачем ты стучишь? – мальчик остановился возле пожилого человека.

– Мне одиноко! – недовольно буркнул тот.

– И что? – поинтересовался Ги. – Помогает?

– Конечно, – старичок на мгновение перестал бить головой об стенку, а потом застучал снова, уже сильнее. – Очень даже!

Ги подошел к стене и слегка ударился об нее головой.

– А мне – нет! – сказал мальчик

– Должно помочь. Ударь сильнее и не один раз, – посоветовал старичок.

Ги ударил сильнее, но только вскрикнул от боли.

– Нет! – не согласился мальчик – Не помогает.

– Интересно, – Ги приложил к стене ухо. – Ты считаешь, что за стеной есть кто-то, кто поможет тебе не чувствовать себя одиноко? Хочешь, разобьем стенку и посмотрим, кто там сидит?

– Никого там нет! – раздраженно буркнул старичок.

Мальчик отошел, завернул за угол, прошел в другую комнату и оказался у той же стены с другой стороны. Он приложил ухо к стенке и услышал глухие удары. Ги стукнул пару раз в стенку ногой и приложил к ней ухо.

Старичок внезапно услышал, что кто-то ему стучит с той стороны. У него быстро и радостно забилось сердце.

Мальчик прибежал назад и увидел пожилого человека с совершенно обезумевшим от надежды взглядом.

– Я слышал! – он жевал пересохшие от чувства безнадежности губы. – Там, там!.. – Старик указал скрюченным артритом пальцем на стенку. – Там кто-то есть!

– Да! – подтвердил Ги. – Я тоже слышал.

– Он мне ответил! – старик широко открыл глаза, схватил Ги за руку и начал её трясти.

Ги снова ушел и стал стучать ногами в стенку.

Пожилой человек был счастлив.

Он больше не бился головой, а сидел на полу и шептал:
«Наконец-то! Наконец-то!»

Ги бил сначала ногами, а потом пустил в ход кулаки. Ему нравилось делать людям приятное.

Доктор Зак и медсестра проходили по отделению, когда увидели старичка со счастливым лицом, лежащего возле стены.

– Ну, слава Богу! – Доктор Зак ощутил профессиональную гордость. – Лекарства начали действовать!

– Нельзя лежать на полу в коридоре! – возмутилась медсестра. – Идите в палату!

– Нет! Никуда я не пойду! – буркнул тот и вжался телом в стенку.

Медицинский персонал бросился к нему, чтобы уговорить вернуться в палату.

Ги услышал с другой стороны шум и перестал стучать.

Пожилому человеку сделали укол и отвели в палату, где он немедленно заснул.

Когда он проснулся, то сразу же услышал стук.

Ги жил в соседней палате.

– Он там, за стеной, – прошептал старичок мальчику, когда они сидели за обеденным столом.

Ги начал стучать в стену в определенное время.

Пожилой пациент ложился на кровать, минут за двадцать до начала стука, и с нетерпением ждал. Он ходил по больничному коридору, сияя от радости.

Доктор Зак и весь персонал были ошеломлены магической силой лекарства, только что выкинутого на рынок фармацевтической фирмой.

Однажды доктор Зак вызвал к себе в офис Ги.

Мальчик зашел и увидел женщину, которая его родила.

– Мы едем домой, – женщина схватила его за руку. – Доктор Зак говорит, что тебе намного лучше.

– Нет! – закричал Ги и попытался освободиться, но женщина держала его мертвой хваткой.

– Нет! Мне нужно бить в стенку! – продолжал кричать Ги. – Отпусти!

Но что мог сделать маленький щупленький Ги против гигантской мускулистой женщины, которая его родила?

Женщина хотела домой, её там ждал мужчина.

Старичок через пару дней затих, сморщился и стал отказываться от еды.

– Глубокая депрессия, – доктор Зак объяснил состояние старичка студентам. – Лекарство не помогает. Будем пробовать электрошоковую терапию.

Внезапно все услышали громкий звук, как будто кто-то стучал в стенку с другой стороны.

– Кто может стучать? – поинтересовался доктор Зак.

– Не знаю, там пустая палата, и она заперта, – сестра выглядела растерянной. – Давайте проверим.

Она зашла в палату, но в ней никого не было.

Сестра удивлённо пожала плечами и вышла.

Старичок улыбался.

– Ну, слава Богу, – сказал доктор Зак студентам медикам, взглянув на него – Наверное, лекарство начинает действовать.

– Как дела? – спросил Хренман жену, придя поздно вечером с работы. Он был так зол на начальника, испытывал такую ярость, что был готов грызть зубами мебель и рвать в клочья простыни и одеяла.

– Хорошо, – Эльвира чувствовала такую ненависть к Хренману, что едва держалась на ногах и была, в свою очередь, готова сломать руками металлическую кочергу, стоявшую рядом с камином.

Эльвире хотелось схватить бутылку водки, недопитой Хренманом вчера вечером, и разбить ее о его глупую, лысую, безобразную, почти прямоугольную голову.

– Ну? – большой живот Хренмана упал на диван.

– Погода холодная, – Эльвира включила телевизор, прыгая в глубину электронного идиотизма в тщетной попытке спастись от одиночества.

– Ненавижу начальника! – Хренман открыл холодильник.

– Спина болит! – Эльвира подошла к холодильнику и закрыла его.

– Хочу другую работу, – Хренман снова открыл холодильник.

– Вынеси мусор из гаража, – Эльвира захлопнула дверцу холодильника..

– Ненавижу жизнь! – Хренман опять открыл холодильник.

– И я ненавижу, – Эльвира закрыла его.

Их сын Вася пришел из школы домой и с интересом наблюдал, как родители балуются с холодильником.

Потом он подошел к нему и ударил ногой по дверце.

Хренман немного подумал и ударил Васю кулаком в лицо. А Эльвира ударила Хренмана и Васю, соответственно, правой и левой ногой.

Хренман поднял холодильник и швырнул его о стенку.

Эльвира заплакала.

– Пошли вы все к черту! – Вася убежал, бросив в маму хлебницей, а в папу – кофемолкой.

Хренман схватил Эльвиру за шею и зашипел:

– Срочно к доктору Заку!

– В ваших головах не хватает определенных молекул, – профессионально объяснил доктор, посадив их в кресла напротив себя. Затем он выписал рецепты и добавил:

– Мало молекул – плохо, много – плохо, а остальное – хорошо!

Через месяц Хренман пришел с работы. Он выглядел отлично: расслабленный, мягкий, с улыбочкой. Он несколько часов невозмутимо наблюдал за тем, как Эльвира со спокойным видом вытирала обеденный стол.

– Меня уволили! – рассмеялся он.

– Хорошо! – улыбнулась Эльвира

– Разбил машину вдребезги, – продолжал смеяться Хренман.

– Хорошо! – Эльвира все ещё вытирала стол.

– Тут я зашел к доктору, – с довольным видом произнес Хренман. – А он говорит: «У вас в голове опухоль! Жить осталось месяца два».

– Здорово! – Эльвира тщательно оттирала пятнышки на столе. Из ее улыбающегося рта выкатилась струйка слюны.

– А я ухожу! – вдруг выпрямилась Эльвира, улыбаясь от уха до уха. – Я нашла другого. Он моложе, умнее, сильнее, красивее и богаче, и у него больше чем у тебя!

– Прекрасно! – Хренман лениво потянулся к холодильнику, чтобы достать кусок жирной колбасы.

Вася внимательно слушал разговор родителей. В отличие от них он не принимал лекарства, потому что они были горькие.

Он подошел к холодильнику, поднял его в воздух и стукнул им по головам Хренмана и Эльвиры. И убежал на улицу.

– Ой! Здорово! – рассмеялась Эльвира, снимая с носа сыр. – Трудно поверить, – добавила она, – всего одна маленькая таблеточка, а так приятно!

Хренман вытаскивал селедку из волос.

Он завидовал Эльвире. Ему уже двух таблеток едва хватало, чтобы сохранять душевное равновесие. Он подошел к холодильнику и открыл его.

Эльвира закрыла холодильник.

Он открыл.

Они уже не улыбались.

Собирались грозовые тучи.

Доктор Зак вошел в палату, где лежал пациент. Дряблая кожа, серовато-зеленоватые мешки под глазами. Провалившиеся внутрь черепа глаза прятались в миллионах морщин, наструганных временем. Кожа обтягивала скелет, проступающий наружу странными зигзагами. Непонятно, как жизнь теплилась в изнуренном годами, заботами, дождями и солнцем теле.

Вчера больному исполнилось сто лет.

– Поздравляю, – Доктор Зак потряс руку скелету. – Откройте секрет, – доктор вонзил любопытный взгляд в узкий лоб старичка. – Вы, наверное, не курите, не пьете?..

– Курю, сынок, курю! Три пачки в день, пять сигар, да еще трубку! Много курю!

Больной так тяжело и часто дышал, что доктор Зак перепугался.

– Не бойся, сынок! – уверил пациент. – Ничего со мной не случится! Вечно буду жить!

– И водку не пили? – продолжал любопытствовать доктор.

– Ой, пил! Ой, как пил! И пью! По стакану три раза в день – на завтрак, обед и ужин! Плюс графин вина и иногда бутылочку коньяка... Каждый день!

– Да ну?!

Доктор Зак даже зашатался от удивления.

– И физкультурой не занимался?

– Никогда!

Старичок с трудом поднялся с кровати, чтобы пойти в туалет.

– И никогда ни витаминов, ни какой другой гадости не принимал!

Доктор Зак с удивлением подумал о том, что у больного есть силы помочиться.

– У вас хорошие гены, – сделал предположение доктор.

– Да что ты, сынок!

Доктор Зак слышал кряхтение старичка, то ли снимающего, то ли надевающего штаны.

– Родители молодыми умерли, от всяких раков и сердечных заболеваний!.. А братья и сестры и до тридцати лет не дожили!.. Всех болезни свели в могилу!..

– Ничего себе! – доктор Зак вытер мокрый лоб повлажневшим рукавом рубашки.

Он проглатывал жуткие количества витаминов, не курил, не пил, занимался спортом, однако чувствовал себя больным, ощущал, что вот-вот умрет.

Доктор понимал, что вряд ли доживет до преклонных лет, если будет, как сумасшедший, бегать с одной работы на другую в надежде заработать больше денег, которые нет времени тратить.

Он задумчиво перелистывал историю болезни.

– А что же вас привело в госпиталь?

– Да вот! – больной вышел из туалета со спущенными штанами. – Первый раз в жизни вместо овощного магазина в приемный покой угодил! А доктор меня и спрашивает: «Чего вы сам с собой разговариваете?» Ну, я и ответил, мол, с голосом в голове беседую. Не успел оглянуться, как оказался в психушке...

– А что за голос? – Доктор Зак почувал родную стихию.

– Голос короля, – прошептал пациент и пугливо оглянулся, проверяя, не подслушивают ли их.

– Любопытно! Доктор присел на краешек кровати. – О чем же с вами король говорит?

– А он всю жизнь говорит одно и то же: будешь жить долго. Сам тебе скажу, когда твое время придет.

Доктор Зак поговорил с больным о том, о сём, вышел из палаты, вернулся в кабинет и написал назначение. Старичок через пару дней перестал слышать голос, а через неделю умер.

Доктор Зак был сильно расстроен.

Он хотел добровольно отдать врачебную лицензию, но после долгих размышлений передумал. Лицензию не отдал, но жизнь поменять решился. Он больше не принимал витамины, не бегал, как нервный пони в спортивном зале, но самое главное – стал много размышлять, прежде чем назначать или отменять больным лекарства. И часто, засыпая, думал о том, что отдал бы в жизни многое, а может быть, и всё, чтобы услышать голос короля.

Петухер проснулся ночью оттого, что под кроватью что-то хрустело, скрипело, жевало и мычало.

Он неохотно свесил голову и увидел то, что, собственно, и ожидал. Там сидел на корточках громадный, волосатый, клыкастый и вонючий монстр. На Петухера в упор смотрели два громадных красных глаза, дополняемых квадратной челюстью с тремя рядами клыков.

Из пасти вырывалось пламя, и Петухер понял, отчего было тепло заднице.

Монстр выглядел злым, готовым растерзать его на части.

– Р-р-р! – Монстр приготовился откусить Петухеру главную часть тела.

– Ну, чего там? – Петухер почесал левую ягодицу и недовольно шмыгнул носом.

– Р-р-р! – протянул монстр и поднял громадную ладонь, чтобы затащить его под кровать.

– Слушай! – Петухер с ожесточением чесал нижнюю конечность. – Ты начинаешь действовать на нервы! Я хочу спать! Мне рано вставать и бежать на работу! А ты скребёшься и черт знает чем занимаешься! Тебе что – заняться нечем?

Монстр открыл пасть шире и замер в нерешительности.

– Да! – продолжал Петухер. – Если бы ты пахал по восемь часов в день, а потом три часа торчал на дорогах в пробках, тебе бы расхотелось шепуршать по ночам и делать дурацкие попытки пугать и без того сумасшедших людей!..

– Р-р-р-р! – монстр высоко подпрыгнул и принял свирепый вид.

– Эй! – Петухер окончательно проснулся и от этого ещё больше рассердился. – Ты наверняка меня не помнишь! В первый раз я тебя испугался, когда мне было года два. Но сейчас, оглядываясь на прожитую жизнь, я точно знаю, что ты, монстр, был самым нежным, беззащитным, милым, самым хрупким и романтическим созданием, которое я встретил на этом свете!

Монстр сидел на полу, сгорбившись, и не рычал. Он выглядел сконфуженным и растерянным.

– И ещё: – Петухер вошел в роль учителя, – Как я скучал, когда ты неизвестно куда исчез! По ночам я сидел на кровати и плакал, не видя твоей волосатой зубастой рожи! Ты у меня всегда ассоциировался с детством, птичками, солнцем, майскими жуками, игрой в футбол с мальчишками во дворе, купанием в море и свежими фруктами! Я считал тебя лучшим другом!

Монстр молчал. Погрустневший, с влажными глазами, он съёжился и походил на дыню, давно забытую хозяйкой в подвале.

– Я никогда в жизни, – Петухер закашлялся от висения вниз головой, – не встречал существа, даже отдаленно приближающегося к тебе по доброте и отзывчивости.

– Вот это да! – выдохнул монстр.

– Когда ты исчез, я встретил настоящих монстров! Внешне они были привлекательны, спокойны, никогда не злились и всегда говорили: «Здравствуйте! Доброе утро! Спокойной ночи!» У них были очаровательные улыбки, гладко выбритые лица, они любили рассуждать о любви, дружбе, свободе и братстве. Кто угодно мог влюбиться в их прекрасные лица и обаятельные речи. Невозможно было разглядеть в них монстров. А ведь они были хитрее, злее и сильнее, чем самый лучший из вас!

– Ну! – Монстр чихнул, надышавшись пыли.

– Да! – Петухер громко рассмеялся. – Ты и твои приятели – слепые и беспомощные котята по сравнению с ними!..

– Что-то я совсем запутался, или ты меня запутал! – Монстр соорил гримасу, пытаясь собраться с мыслями.

– Я прошел через настоящий ад прежде чем научился распознавать в милых созданиях подлинных монстров!

– Ты меня пугаешь! – Монстр съёжился ещё больше и подобрал копытца.

– Да-да! – продолжал Петухер. – Некоторые из них, особо опасные и злобные, овладевают нашей жизнью настолько, что мы становимся их рабами. Они диктуют куда идти, где жить, сколько работать и спать. Один из них – металлический, его имя «Машина» – он хватает по утрам, бросает в себя и трясёт до тошноты, заставляя дышать ядовитыми испражнениями. Третью жизни я провожу в кишках монстра, которого зовут

«Работа». Я бегаю внутри него по пластику и резине, спотыкаясь на каждом шагу о камни, которые называются «компьютерами» и «производственными отношениями».

Эти монстры долгие годы тщательно меня пережевывают, высасывая жизненные силы, превращая в старую высохшую кашку, которую вскоре выкинут в унитаз, снабдив туалетной бумажкой, называющейся пенсией!

– Боже мой! – Монстр побледнел. Казалось, он вот-вот свалится в обморок. Конечности его затряслись, а из носа выскочила сопля.

Петухер немного испугался и решил его больше не пугать.

Влада проснулась, разбуженная шумом, и выскочила из соседней спальни, где проводила ночные часы, спасаясь от Петухерова храпа.

– Ну что же это такое, в самом деле! – она возмущённо двигала большими, довольными жизнью грудями. – Ты бы хоть напоил монстра, накормил его! Лежит с голой жопой на диване, как животное какое то! А монстр – на полу! Вон какой симпатичный!

Влада показала пальцем туда, где у монстра находился интимный предмет.

– Вон живот у него какой плоский! Человек, наверное, давно не ел! – добавила женщина.

– Да! – подхватил Петухер, прикрыв зад одеялом. – Может, монстрик, тебе супчика налить? А денег одолжить не нужно? Мы рады помогать неимущим и беспомощным!

Костя, их сын, тоже проснулся и зарулил на велосипеде в комнату.

– Монстр! Монстр! – закричал он и, подбежав к сморщенному от неожиданности чудовищу, стал гладить его по квадратной голове. – Хороший! – протянул ласково Костя. – Хороший! Хочешь поесть? Я хочу, чтобы он у нас жил! – взмолился он. – Я буду его кормить и выгуливать. Он такой хорошенький!

Монстр внезапно заплакал, плечи его судорожно вздрагивали.

– Эх! – тихо и обиженно произнес он, уронив голову на мохнатую грудь. – Я-то думал, что ещё смогу вас напугать! Но теперь вижу, что ни на что не способен!

Он глубоко вздохнул и с отчаянием махнул рукой.

- На свалку пора!
- Ты нам дорог! – Петухер плакал от нахлынувших чувств. – Оставайся! Молоко в холодильнике, хлеб на столе.
- Нет! – Монстр встал и заполнил собой комнату. – Надо идти! Постараюсь найти работу. Вагоны пойду разгружать, ящики сколачивать, мясо рубить, а может, в цирк клоуном устраюсь.
- Мы будем рады тебя видеть в любое время, – Влада ласково потрепала его по мохнатой ноге, уткнувшись своей продолговатой лысеющей незадумчивой головой в его стальную бедренную кость.
- Да-да! Это твой дом! – поддержал её Петухер.
- Я не хочу, чтобы ты уходил! – плакала Влада. – Ты выглядишь усталым, – Почему бы тебе не поспать часок-другой?
- Монстр пошатнулся, свалился на пол и уснул.
- На следующее утро Петухер силком притащил его на прием к доктору Заку.
- Здорово! – поприветствовал его доктор. – Что – снова встретились?
- Монстр тяжело вздохнул и рухнул в кресло.
- Помнишь? – доктор Зак улыбнулся, – полвека назад я предупреждал, что если будешь сильно пугать, то я тебе дам лекарство?
- Помню, – монстр виновато смотрел в пол.
- Вот! – Доктор Зак протянул рецепт Петухеру. – Утром натощак после еды.
- А побочные эффекты? – насторожился монстр.
- Да, конечно! – доктор Зак что-то писал в истории болезни – Можешь превратиться в человека. Но зачем же ожидать плохого? Надо думать позитивно.

Егор, как обычно, вскочил утром с кровати, умылся, побырил, пописал, поел, почитал в газете про убийства, заел колбасой, запил чаем и, выскочив из дому, побежал к машине. Но вдруг остановился, потому что увидел бабочку, которая перелетала с цветка на цветок.

Егор ощутил, что его ноги прилипли к земле. Он сильно вспотел, внезапно поняв, что завидует бабочке. Страшной силы зависть пожирала изнутри, свирепо перемалывая грязными клыками печень и другие, пока ещё неплохо работающие органы стареющего тела. Он понял, что это мелкое, тщедушное насекомое, стоящее на гораздо более низкой ступени развития, имеет свободу выбора.

Бабочка могла лететь в любом направлении, с любой скоростью, на любое расстояние, а он, интеллектуально и духовно развитое создание, может ползти только по направлению к машине и ехать в только в одну сторону – на работу, со строго установленной скоростью и на определенное расстояние.

Как руководитель большой компании, Егор всегда считал, что может гордиться достигнутыми успехами, но сейчас ясно осознал, что это – чушь. Все успехи он отдал бы бабочке, посадил бы её за руль, а сам, голый, с перламутровыми крылышками и изящными усиками, летал бы от цветка к цветку.

Егор заплакал.

Ада смотрела в окно на плачущего Егора, который разговаривал сам с собой, стоя на коленях на травке.

Она выбежала на улицу.

– Егор, что случилось? Ты уже пятнадцать с половиной минут должен сидеть в машине! У тебя аллергия?

Егор вытирал лицо ненавистным галстуком.

Он встал и, роняя слезы на счастливых насекомых, побрёл к машине.

– Ты бы таблетки от аллергии принял! – крикнула вдогонку Ада, беспокоясь, чтобы он целым и невредимым доехал до работы.

– Эх! – Егор махнул рукой и уехал.

Он остановился на красный свет и, вместо того, чтобы поехать налево, повернул направо. Взволнованное сердце нежно затрепетало в вогнутой канцелярской груди.

Он вздрогнул от резкой боли в районе мочевого пузыря.

Внезапная боль приоткрыла новую страницу жизни.

Он ликовал.

Егор понял – вот зачем он долго учился, а потом работал день и ночь, отказывая себе во всех удовольствиях – чтобы затем все к черту выбросить на помойку и обрести свободу выбора.

Он доехал до аэропорта и купил билет в Австралию.

Там он забрался в отдаленный уголок пустыни, населенной лишь аборигенами, и целыми днями голый, в диком восторге бегал туда-сюда, ликуя и задыхаясь от счастья.

Прыгнув однажды в болото, он вдруг увидел, что окружен гигантскими аллигаторами.

– Но это мой выбор! – Егор что есть силы закричал в ухо одному из близко подплывших чудовищ. – Мой!

Аллигатор вздрогнул от боли в барабаной перепонке.

Он отплыл на расстояние, и оттуда с опаской поглядывал на Егора.

– А что дальше случилось, не помню! – сказал Егор доктору Заку, когда тот зашел в палату его проведать.

– Ада вас разыскала, – сообщил доктор – Она была обеспокоена тем, что вас долго не было на работе.

– А как я здесь оказался? – спросил Егор, осматривая палату психиатрического отделения.

– Ада вас сюда поместила. Вы же не работали две недели.

– И что? – Егор никак не мог понять логику.

– Ну-как? – продолжал доктор. – На работу не доехал, на работе две недели не был. На работу не позвонил. Кризис среднего возраста.

Егор вдруг увидел бабочку.

Она сидела на полу и в задумчивости посматривала по сторонам, решая, куда бы полететь.

– Доктор Зак, – поинтересовался Егор. – А вы не хотели бы на все плюнуть и начать сначала?

– Конечно! – доктор кивнул головой, – но куда плевать?
Куда ни плюнь – везде работа, дороги и боль в пояснице!..

– Ну а если уехать в Австралию?

– Я уже там был, – ответил доктор.

– Ну а в Антарктиду?

– И там был.

Доктор Зак улыбнулся.

– Повезло вам, доктор, Ада вас по всему миру не разыскивает!

Егор глубоко вздохнул.

– Разыскивает! – Доктор Зак продолжал улыбаться.

– Но вы хотя бы не в психушке!

– Почему? – удивился доктор. – Вы же видите – в психушке!

Доктор и Егор молчали.

Они думали.

А бабочка летала куда вздумается.

Зинаида проснулась, почувствовав, что что-то в её теле работает не так, как полагается по законам природы. С легкостью вскочив с постели в свои 95 лет, она побежала в ванную, взглянула в зеркало на гладкое розовое лицо и обнаружила на нём тревогу.

Повод для тревоги был: она вдруг увидела, что из обоих сосков катятся вниз струйки молока. Молоко было обильное, жирное, казалось, конца и края ему не будет. Оно ручьём стекало на пол, затапливая ванную.

Зинаида укусила себя за плечо – это был не сон.

– Господи! Помоги! – вскрикнула она. – Побегу сейчас же к доктору! Пусть сделает что-нибудь! А то квартиру затопит, где же я столько денег на ремонт возьму?!

Внезапно раздался звонок. Взглянув на часы, она опешила. Зинаида не любила звонков в дверь в три часа ночи.

– Кто там? – она подошла к двери.

– Мама, это мы!

Зина открыла дверь. На пороге стояли два сына близнеца – Давид и Моисей, обоим по 75 лет. Они улыбались.

– Мама! – Давид смущенно почесал нос грязным длинным ногтем. – У тебя молоко!

– Откуда вы знаете? – Зинаида была в шоке.

– Ты позвонила Моисею, – объяснил он, – а он перезвонил мне. Мы без отдыха ехали сутки в машине, не пили, не ели, не спали. Хотели быстрее к тебе. Ведь у тебя же есть молоко?

– Да! – Зинаида ощутила гордость. – Проходите! Осторожно, не промочите ноги, а то простудитесь! – она жестом пригласила их в квартиру. Они шли, старясь обходить большие лужи.

Дети, наконец, уселись на диван.

– Психиатр доктор Зак, – начал Моисей, – уверен, что наши серьезные психические проблемы возникли оттого, что мы не пили грудного молока. Мы застенчивы, необщительны, скромны, злы, раздражительны, депрессивны и импульсивны. Мы безответственные, нерешительные и незрелые – мы сумасшедшие, а всё потому, что недопили твоего молочка.

– Но у меня сейчас течет только из одной груди, – заметила Зинаида.

– А мы будем меняться! – предложил Давид. – Я буду первым.

– Нет! – не согласился Моисей. – Я первый!

– Мама! Кто будет первым? – взвизгнул Давид.

– Я вас люблю одинаково! – Зинаида выставила грудь соском вперед.

– Тогда я первый! – Моисей попытался поймать губами мамин сосок.

– Нет! – оттолкнул его Давид. Моисей свалился на пол, чмокая губами.

– Мама! – жалобно пролепетал Моисей. – Ты точно уверена, что у тебя в другой груди нет молока. Можно, я попробую?

Зинаида почувствовала, что молочко у неё вот-вот закончится, и забрала сосок у Давида, вцепившегося в её грудь скрюченными артритом пальчиками.

– Надо, чтобы поровну, – объяснила она ему учительным тоном.

– Мама! – Давид скептически смотрел на Зинаиду. – У тебя действительно хватит молока? Может, ты позвонила, чтобы на нас посмотреть, и мы гнали машину, не ели и не спали просто так?..

– Я не видела вас много лет, – уточнила она, стараясь нацедить хоть несколько капель. – Но не в этом дело. У меня полча-са назад было его столько, что я испугалась.

– Не давай больше молочка Давиду! – умолял Моисей. Он никогда тебя не слушался. К тому же у него высокий холестерин. А у меня со здоровьем хорошо! Мама, не трать на него молочко, у меня больше шансов ещё немного протянуть.

– Что?! – Давид со всего размаха ударил Моисея кулаком в лицо.

Моисей изо всей силы ударил Давида коленом в пах.

– Нет! – Зинаида плакала.

Дети дрались.

Вскоре сыновья обессилели и свалились на пол в полном изнеможении.

Зинаида ходила от Моисея к Давиду и обратно и в отчаянии выдавливала им в рот капельки молочка.

Вдруг она увидела, как её дети прямо на глазах стали нали-
ваться силой, превращаясь в мускулистых молодых богатырей.

– Мама! – воскликнули богатыри в один голос, выпив всё
молочко. – У тебя есть силы ходить?

– Еще есть! – Зинаида едва держалась на ногах.

– Тогда ступай за нами! – предложил Давид.

Она пошла за ними и оказалась в доме престарелых, где её
встретили радушно и выдали чистую простыню..

Зинаида посмотрела на сыновей и заметила, что они стали
уменьшаться в размерах, и вскоре стали похожи на новорож-
денных.

Она, уже посаженная в инвалидную коляску, подъехала,
схватила обоих и выехала из дома престарелых.

– Приходите через час! – крикнула вдогонку медсестра. –
Сегодня на обед вермишель с сосисками!

Но Зинаида ее не слышала.

Она была счастлива и ехала быстро, очевидно, забыв, что
земля круглая, и она вскоре опять очутится там же.

– Эта приятная женщина со старческим склерозом ведет
себя сегодня беспокойно, – обратился доктор Зак к медсестре,
наблюдая старушку в инвалидной коляске. – Наверное, её му-
чают галлюцинации. Увеличу-ка я ей дозу.

– У неё от лекарства, доктор Зак, из груди молоко течет, –
заметила сестра. – Это ведь побочный эффект, не правда ли?

– Да-да! – Доктор Зак рассеянно взглянул на часы. – Я ей
дам что-нибудь другое.

Рабинович лежал на песочке на пляже, загорал и старался ни о чем не думать. В голову лезли вязкие, липкие мысли о работе, больном желудке и вечной рутине. Океан не приносил ожидаемой радости и восторга. Крики чаек не приводили душу в трепет, а попки проходящих девочек напоминали о близкой старости, увеличивающейся простате и уменьшающихся в размере яичках.

Крики чаек стали действовать на нервы, а девушки заслоняли солнце, не давая лучикам упасть на его бледновато-тревожно-морщинистую кожу, покрытую пятнами вечных забот, прыщиками бессонных ночей и шрамами от таблеток, принятых в попытках унять волнение по любому поводу.

Он закрыл глаза, но тоска не исчезла. Рабинович достал бутерброд с колбасой, огурец, луковицу и протолкнул всё в кишку одним глотательным движением. Затем вынул термос и с силой лязгнул протезами по металлу. Он глубоко вздохнул, встал и решил пройтись вдоль берега, подставив встревоженное нерешительное лицо оптимистическому ветерку.

Внезапно он увидел двух маленьких голеньких мальчиков. Они строили замок из песка. Мальчики смеялись, прыгали, разбрызгивая жизнь на прохожих, утопающих в сомнениях и ожидании плохих новостей.

Мальчики выглядели такими счастливыми, что Рабинович внезапно ощутил укол зависти.

Дети не думали о проблемах, они были счастливы – здесь и сейчас.

Рабинович пребывал то в прошлом, вспоминая неприятный разговор с начальником, то в будущем, ожидая ещё одну беседу.

Рабинович так раздулся от зависти, что стал похож на пузатую рыбку с колючками.

Окружающие стали от него шараться, боясь напороться на ядовитые шипы.

Он присел на песок рядом с мальчиками с таким грустным лицом, что у одной из чаек началась истерика. Она стала громко

кричать и бегать как сумасшедшая по толстым женам отдыхающих.

– Эй! – обратился один мальчик к другому. – Дяде плохо!

Он подошел к Рабиновичу.

– Пошли замок строить! – мальчик схватил его за руку и потянул за собой.

Он шёл за мальчиком, ощущая в теле легкость. Рабинович внезапно, к своему удивлению, сорвал с себя всю одежду, включая плавки.

Вскоре он уже сидел и вместе с детьми строил одну из башен замка, воткнув длинный некитайский нос в песок.

Рабинович чувствовал себя счастливым – впервые за долгие годы.

Боль в спине исчезла.

Девушки вызвали сильную эрекцию, на которую жёны уставших от жизни отдыхающих слетались как мухи на конфетку.

Люди смотрели на радостного голого Рабиновича, вернувшегося в счастливое детство, и завидовали. Зависть вынула телефон и позвонила в полицию.

Полицейские приехали и увидели трех маленьких мальчиков, которые строили башню из песка.

Дети прыгали и кричали от восторга.

– Где он? – поинтересовался полицейский.

– Да вот здесь был только что, – шумела возмущенная толпа. – Детей хотел совратить!

– Это я! – маленький мальчик подошел к полицейскому.

Полицейский взглянул на его счастливое, полное энергии и оптимизма лицо и позавидовал. От зависти стало жарко. Он начал раздеваться.

Боря решил написать рассказ. Может быть, повесть. Ну, роман какойнибудь, в конце концов...

Он сел за стол, положил выдавшую виды, распухшую от тоски задницу на мягкую подушку, на которой обычно спала Валя, взял в руку карандаш и что-то написал.

Он прочитал написанное и оно ему не понравилось.

Боря не понял, что он хотел сказать.

Он опять нацарапал что-то такое, вроде бы интересное, но по прочтении снова ничего не понял и зачеркнул. И так он начинал и зачеркивал долго, пока не захотел в туалет. А там, сидя на унитазе, он ощущал поочередно гнев, ярость, беспомощность, беспокойство и тревогу.

Он вышел из туалета, забыв спустить воду, и стал в раздражении ходить кругами по комнате, понимая, что всё, что он сочинил в прошлом, он написал для других. Чтобы оно, написанное, им нравилось.

Боря натянул штаны, забыв про ширинку, и вышел на улицу, решив подышать свежим воздухом.

Он смотрел на лица прохожих и понимал психологию убийцы.

Он ненавидел всех и всё, поскольку потратил столько времени и таланта, пытаясь понравиться безмозглым, тупым, бездушным, злым существам, которые ничего высокого в искусстве не ценят, не видят и не понимают.

Зачем он это делал?

Он почувствовал себя таким жалким, что у воробья, смотревшего на него с ветки, на нервной почве отнялась правая лапка.

Боря вошел в парк. Он стоял перед всё в жизни выдавшим дубом, плакал и жаловался ему на судьбу, кусая губы и царапая ногтями кору.

– Нет! Нет! – закричал он белкам, прибежал домой, прыгнул на стул, схватил авторучку и твердо сказал огрызку яблока месячной давности:

– Все! С этой минуты меня больше не волнует никто! Я пишу только то, что хочу! Что считаю важным! Вне зависимости, нравится это другим или нет!

Он полчаса смотрел на лист белой бумаги, но так и не смог написать ни слова.

– Нет, это невозможно! – Боря вскочил, но затем упал на подушку, согретую Валиным дыханием, и в полном бездействии просидел перед чистым листом ещё час.

И так он вставал и садился, вставал и садился, но был не в состоянии выдавить из себя хотя бы слово.

В конце концов он настолько выдохся, что упал рядом со спящей на трех снотворных Вале́й, отчаянно храпящей из-за отсутствия подушки.

Через час он проснулся и вскоре с тревожно бьющимся сердцем опять сидел за столом и смотрел на чистый лист бумаги.

Внезапно он всё понял.

Лист бумаги, точнее – пустота листа, и была его сутью.

Он вскочил на стол и стал танцевать, чем вызвал у Вали желание повернуться с одного бока на другой.

Утром он был у издателя.

– Вот! – Боря протянул толстую пачку пустых листов. – Закончил только что!

Издатель взял пачку и начал внимательно и неторопливо её листать, пребывая в глубокой задумчивости.

– Ну, как? – через полчаса спросил Боря, вытирая взмокший лоб рукавом влажной рубахи.

– Вот это да! – Издатель сделал изумленное лицо. – Какая самобытность, глубина, острота и оригинальность! Я восхищен и уверен, что читатели будут в диком восторге! Сколько у вас знаний, мудрости! Невозможно поверить! И это вы?! Признаюсь, я вас по своей недалёкозоркости недооценивал.

Издатель выдержал многозначительную паузу:

– Я вижу ход ваших мыслей. Сколько здесь правды! Здорово!

Он посмотрел прямо в широко раскрытые глаза Бори и твердо произнес:

– Пишите, Борис, пишите побольше! Мир ждет ваших откровений! А я вам выпишу аванс. И пришлю по почте. Вам

больше не нужно будет тратить жизнь на простаивание в пробках и нудную работу.

По дороге домой Боря купил ещё несколько пачек бумаги и сложил их дома в стопочку на полу.

– Боря! – лениво протянула только что проснувшаяся Валя. – Звонил издатель и твердил, что тебе нужно показаться доктору Заку.

– Откуда издатель знает о докторе Заке? – удивился Боря, усевшись на пол рядом с пачками бумаги.

– Я тоже спросила. Он говорит, что сам у него лечится.

– Мне не психиатр нужен, – Боря ковырял в носу. – Мне читатель нужен.

– Я ему так и сказала, – Валя, пыхтя, вставала с кровати. – А он говорит, что ему писатели нужны.

– Если хочешь, – добавила Валя, – я тебе уступлю. У меня сегодня прием у доктора Зака в 2 часа. Иди ты, а я пойду на следующей неделе. Иди, иди, Боря! Я твои произведения вчера вечером читала. Тебе явно помощь нужна. – Валя шумела на кухне тарелками.

– Всем нам помощь нужна! – Боря вздохнул, посмотрел на пустой лист бумаги и крикнул:

– Так тебе чего – не нравится, что я написал?

– Почему? – раздался крик из кухни. – Нравится. Просто мне нужно знать мнение специалиста. Знаешь, в любом случае всегда необходимо выслушать второе мнение.

Но Боря не слышал. Он спал, утомленный творческим процессом.

Доктор Зак сидел в кабинете и дремал, закинув волосатые задумчивые ноздри за голову. Над правой ноздрей кружилась полусонная муха, обалдевшая от постоянных жалоб пациентов.

Доктору Заку меньше всего хотелось думать, его богатое психиатрическое воображение незаметно соскользнуло в подсознание, где превратилось в дуб, старый, гигантский и мудрый.

– Я дерево, я дуб, – подумал доктор, – я могуч, мудр и стар.

Он посмотрел вверх, оглянулся по сторонам и увидел, что из него тянутся ветки, распространяющиеся по Вселенной, а он восседает в центре, являясь начальником богов и началом всех начал.

Впрочем, он заметил, как внезапно открылась дверь кабинета, и вошел пациент, держащий в руках громадную электропилу.

– Нет! – доктор Зак съежился и убрал листья внутрь.

Пациент подошел ближе к доктору и схватил его рукой за ветку, похожую на громадный, горбатый и чувствительный нос.

– Вы мне своими дурацкими ветками заслоняете солнечный свет! – пояснил больной, помахав в воздухе пилой. У меня от этого депрессия. – Дайте я спилю вот эту, – он указал пилой на одну, начинающуюся ниже пояса и растущую вверх ветку, которую доктор ценил больше других. – А вы себе новую отрастите.

Он завёл пилу.

– Нет! – закричал доктор Зак, брызгая во все стороны желудями. – Нет! Пили любую другую!

– А мне эта мешает!

– Не надо! – Доктор Зак стал кидаться в него сухими сучками. – Не надо! Я психиатр! Я не дерево!

– А это одно и то же! – Больной подошел поближе и поднял пилу вверх.

– Нет! – протестовал доктор Зак. – Я психиатр! И еще пока человек!

– Пожалуйста, не отговаривайте меня, доктор! – пациент ударил пилой по ветке.

– Нет! Нет! – Доктор Зак попытался убежать, выдирая корни из земли, но не смог, поскольку они сильно цеплялись за истории болезней.

Пациент трудился с большим энтузиазмом, быстро отпиливая сук.

– Я тебе таблетку дам! Она лучше солнца! – взмолился доктор Зак.

– Нет! – пациент со всей силой еще раз ударил пилой по ветке, которая оказалась крепкой. – Зачем мне принимать дурацкие таблетки, доктор, а потом проводить остаток жизни в туалете? Я могу физически хорошо поработать и получить для лечения свет.

Доктор Зак хотел возразить, но понял, что больной, в принципе, прав.

Пациент внезапно ударил по главному стволу и стал ожесточенно пилить.

Доктор Зак плакал, роняя на землю пересохшие от страха веточки.

– Всё! – Пациент сел на пол, утирая пыль с лица. – Всё!

На него упали солнечные лучи, осветив груды опилок.

– Я выздоровел! – лицо больного озарилось счастливой улыбкой. – Ура! Мне хорошо! Ура!

Он схватил пилу и стал с ней танцевать.

– Доктор! Доктор!

Доктор Зак вздрогнул и открыл глаза.

Прямо перед собой он увидел печальное лицо маленького пациента в штанах, усыпанных опилками.

– На стройке работал, не успел переодеться – объяснил пациент в ответ на удивленный взгляд доктора.

– А там у вас есть дубы? – услышал доктор свой вопрос.

– Что? – больной повернулся ухом к пересохшим от волнения губам доктора.

– Почему для того, чтобы твой больной выздоровел, ты должен исчезнуть? – снова услышал свой вопрос доктор Зак.

– Что? – пациент напряг ухо ещё сильнее.

– Извините, – смутился доктор, всё еще ощущая быстрое биение взволнованного сердца.

– Не понял, – больной напряг второе ухо.

- Вы плохо слышите? – смущённо кашлянул доктор.
 - Да-да, доктор Зак! – Он начал стряхивать с брюк древесную пыль. – Шум, знаете ли, целый день пилю, пилю, пилю...
 - И что – не лучше? – поинтересовался доктор Зак.
 - Не понял! – Больной вставил слуховой аппарат.
 - Я тоже! – подумал доктор и вдруг почувствовал, что сидит на чем-то твердом. Он запустил руку под задницу и вытащил оттуда желудь.
 - Желудь! – изумленно произнес доктор Зак.
 - Что-что? – спросил пациент.
- Но доктор Зак его не услышал. Хотя слух у него был неплохой.

Ги сидел на полу в коридоре психиатрического отделения и чувствовал себя одиноко, потому что голоса исчезли благодаря замечательным таблеткам доктора Зака.

Доктор Зак проходил мимо и, заметив Ги, остановился, поправил на носу очки, забытые в машине, и расправил усы, которые вчера вечером сбрил как надоевшие.

– Ну? – Доктор наклонился, ощутив в поясице тяжесть прожитых в сильной задумчивости лет. – Как дела?

– Мне одиноко! – признался Ги. – Отдайте голоса! Зачем вы их у меня отобрали?

– Все хорошо! – уверил его доктор Зак, мучаясь от чувства вины, – Все нормально! Почему бы тебе не пойти в комнату отдыха и не посмотреть телевизор?

– Нет! – Ги шмыгнул носом – там скучно. Голоса были моими друзьями, а вы их отняли.

– Голоса опасны, – доктор Зак сдвинул брови в одну точку и стал похож на юного Будду, растерявшегося в процессе поиска смысла жизни в связи с отсутствием антидепрессантов.

– Почему? – Ги поднял на него голубые глаза. Мальчик услышал сопение доктора Зака, из носа которого многозначительно выпала волосинка, на конце закрученная узлом.

– Потому что они могли в любую минуту сказать плохое! – объяснил доктор.

– Но они не говорили ничего такого! – возразил Ги обиженно. – Они были хорошими!

– Что они говорили тебе в последний раз? – Доктор Зак склонил набок голову и стал похож на еврейский камыш, уставший качаться от ветра.

– Если я спрыгну с крыши, то попаду в рай, где будет хорошо и не будет одиноко! – ответил Ги.

– Вот видишь! – Доктор Зак склонил голову в другую сторону. – Вот почему они опасны!

– Но ведь может же такое быть, что я попаду в рай, если прыгну? – с надеждой спросил Ги.

Доктор Зак с трудом проглотил слюну, ощутив во рту вкус сомнения.

– Нет! – твердо отрезал доктор. – Нельзя себя убивать! Можно попасть в ад.

– Но я не могу понять, почему я должен туда попасть, если есть рай?! – Ги никак не мог уловить логики в возражениях доктора Зака. – Я знаю где ад, меня им не испугаешь.

– Где? – доктор Зак скорчил удивленную физиономию, хотя в точности знал, что имеет в виду мальчик.

– Здесь! – Ги обвёл рукой вокруг.

– Это не ад, – попытался уверить его доктор. – Это психиатрическое отделение!

– А что – есть разница?

Доктор Зак почувствовал себя неловко и кашлянул, стараясь отделаться от застрявшего в горле смущения.

– Ну, зачем я вам здесь нужен? – Ги почти плакал.

– Мы тебя любим, и будет большое горе, если с тобой произойдет плохое...

– А кто вы? Кто эти люди, что меня любят?

Доктор Зак ощутил легкое головокружение от чрезвычайной сложности вопроса.

– Женщина, которая живет в соседней комнате, не будет переживать, если я попаду в рай, – Ги задумчиво хрустнул пальцами. – Но она, если я исчезну, засудит вас на хорошую сумму, доктор Зак! Вот поэтому вам так важно не дать мне попасть в рай!

Доктор Зак открыл рот, пытаясь что-то сказать, но мысли смешались, не давая словам оформиться в достаточной степени, чтобы фраза прозвучала осмысленно.

– Все чувствуют себя немного одиноко, – наконец, выдавил из себя доктор. – Это нормально, ты привыкнешь.

– А я не хочу привыкать, – Ги серьезно взглянул в лицо доктору. – Одиночество ещё хуже, чем женщина в соседней комнате, которая с разными дядями кричит по ночам. Я боюсь!

Ги в страхе оглянулся вокруг.

– Чего ты боишься? – насторожился доктор Зак.

– Одиночества! Оно шипит и похоже на змею, которая вот-вот ужалит...

Доктор Зак попытался успокоить Ги и после пятиминутной беседы тот согласился пойти посмотреть телевизор.

Проходя мимо медсестры, доктор Зак произнес:

– Софа, посмотри, пожалуйста, там, в углу... Мне кажется, я видел змею.

– Что? – сестра в испуге уронила на пол поднос с лекарствами.

Но доктора уже не было.

Он не знал и не помнил что сказал.

– Я проснулся ночью, – начал рассказывать больной, – чесалась спина.

«Фаня! – Я повернулся к страдающей от бессмысленности и бессонницы жене. – Взгляни, что там!»

Фаня посмотрела, и у меня возникло ощущение, что она засомневалась в моей надежности, хотя, как мне казалось, вся система работала вполне нормально.

Когда мы пришли к врачу, то он, осмотрев мою заднюю поверхность, многозначительно посмотрел на Фаню и сказал.

«Конечно, в принципе, можно и поправить, но в целом, учитывая стоимость процедуры и отсутствие хорошей страховки, рекомендую достать нового...»

«Нового? – Жена с сомнением взглянула на доктора. – А этот?»

«Мы ему найдем применение. В крайнем случае, найдет себе экземпляр с таким же дефектом».

«Да, – она кивнула головой. – То, что вы предлагаете, имеет смысл. Теперь я уж наверняка куплю хорошую страховку на случай если у нового супруга крыша полетит, или там ещё чего».

«А со мной что будет?» – спросил я, но меня никто не слышал.

Две медсестры взяли меня под руки, отвели в комнату, окрашенную в белый цвет, и посадили перед компьютером. Мне объяснили, что я должен внести свои данные в систему поиска, указать причину и тяжесть заболевания, степень потери трудоспособности и новое финансовое положение. Компьютер подберет подходящий вариант супруги, с которой я бы мог спокойно дотянуть до того времени, когда пойду на металлолом, нужный для изготовления гинекологических щипцов.

Бывшая жена выбежала на улицу, охваченная желанием срочно достать новый, молодой, мускулистый, богатый и сексуальный экземпляр, но попала под машину и погибла. Тёща была расстроена, что не купила дочери хорошую страховку на

жизнь. Тёща плакала, не в силах смириться с огромной финансовой потерей.

– Очень интересный сон у вас был, – подытожил доктор Зак, дописывая рецепт.

– Мы – вещи, доктор, – пациент глубоко вдохнул, но не выдохнул, как будто у него внутри засорилось.

– Прочистить бы его надо – подумал доктор Зак, – но это уже в компетенции проктолога, а я – специалист по голове.

Доктор протянул рецепт и долго смотрел на дверь, закрывшуюся за пациентом.

Он заметил, что сидит перед компьютером. Данные были готовы, осталось их только внести.

«Интересно, – подумал доктор, – есть ли такие же психиатрические экземпляры, как и я, но только с большими сиськами?»

Доктор Зак любил большие сиськи. Но они стоили дорого. И приходилось много работать, слушая истории болезней.

Ги гулял в парке. На одной из скамеек он заметил сидящих в обнимку мужчину и женщину. Они были настолько счастливы, что от них исходило лучистое сияние. В этих лучах грелась бабочка.

Ги интересовало абсолютно всё и он ничего не оставлял без внимания. Ги было необходимо проникнуть в суть происходящего, иначе у него на душе было беспокойно.

Он подошел к парочке и удивлённо спросил мужчину:

– А почему вы счастливый?

Мужчина вздрогнул и бабочка, почувствовав холод, взмахнула крыльями и улетела.

– Я просто счастлив, – мужчина снова испустил сияние.

– Хороший мальчик! – сладенько протянула женщина, уставляясь на Ги громадными зелёными линзами, за которыми прятались маленькие шустренькие глазки.

– Я вот думаю, – продолжал Ги, – может быть, я счастлив, а может – и нет.

– А почему нет? – страшно удивился мужчина, выронив руку женщины. Её ладонь упала на скамейку, стукнув костяшками, и сидящий в траве жук перевернулся от испуга на спину.

– Потому что я не принимаю лекарства от депрессии. Они горькие и невкусные, – объяснил Ги.

Лица у сидящих в одно мгновение стали такими изумлёнными, что у Ги закружилась голова.

Мужчина открыл рот, выпучил глаза и потянулся взглядом к кончику носа, старательно нависшему над землей, как бы высматривая спрятанное там сокровище. Женщина побледнела и застыла в шоке, вращая сухим языком по обеим щекам, внезапно запавшим внутрь.

– Ты серьезно? – прошептали они испуганно. – Ты не принимаешь лекарства от депрессии?

– Нет.

– Как ты можешь? – отчаянно воскликнули они, – ты ещё маленький и не понимаешь чудовищной несерьезности своего поступка!

Оба покраснели красными пятнами от возмущения.

– Но я хочу быть счастливым без лекарств! – попытался объяснить Ги.

Женщина и мужчина засмеялись так громко, что разбудили муравьев, которые взволнованно забегали туда-сюда, думая, что начинается конец лета. С деревьев в самом деле начали осыпаться листья.

Согнувшись пополам, мужчина и женщина содрогались от истерического смеха, роняя слезы на землю – отсюда стала прорастать зеленая, свежая, оптимистически настроенная травка. Белки прибежали посмотреть концерт и обступили скамейку, ожидая хлебных крошек. Мужчина внезапно вскочил и отбежал за дерево, держась за ширинку. Женщина поскакала в другую сторону, но, не добрав, скрылась за кустами..

– А что? – удивился Ги. – Я сказал что-то смешное?

Мужчина прибежал обратно с пустым мочевым пузырем, женщина всё ещё лежала на траве, фыркая и отряхивая колючки.

– Ой, какой сладкий мальчик! – она кашляла от смеха.

– А что будет, если вы перестанете принимать лекарства? – Ги с интересом смотрел на смеющихся.

Мужчина и женщина переглянулись и начали снова корчиться в конвульсиях смеха.

С деревьев на землю посыпались пауки.

Обрадовавшиеся птицы слетались большими стаями, какая на головы боящихся думать о жизни прохожих.

Мужчина снова побежал за дерево.

– Вы знаете, – серьезно заметил Ги, – мне кажется, что вы принимаете слишком много лекарств.

Мужчина на мгновение перестал смеяться, открыл рот и с трудом выдавил:

– Он думает, что нам нужно меньше!

Они захохотали еще громче.

Ги постоял немного, глядя на их судороги, а потом пошёл дальше. Ему стало скучно.

Внезапно прямо перед ним появился большой пёс.

Собака склонила голову набок, высунула язык, и посмотрела на него, шумно дыша. Вид у неё был довольный.

– Ты тоже принимаешь лекарства? – поинтересовался Ги.

– Гав! – пролаяла она несколько раз и убежала.

Ги бродил по траве, пытаясь найти хоть одно живое создание, которое бы не глотало пилюли.

В конце концов, он встретил маленькую девочку, сидящую в траве и играющую с куклой.

– Ты принимаешь лекарство? – Ги подошел к ней и сел рядом.

– Мама! Мама! – крикнула девочка женщине на скамейке. – Тут один ненормальный мальчик думает, что я не принимаю лекарство!

Ги побежал по дороге.

Ему казалось, что все вокруг считают его сумасшедшим, совершенно другим, не вписывающимся в общепринятую картину мира.

Выбежав на полянку, он увидел лошадь. Она стояла с довольно скучным видом, лениво жуя траву.

– Ты ведь не принимаешь лекарств? – спросил ее Ги с надеждой в голосе.

– Только вчера начала! – устало протянула лошадь, глядя на Ги громадными черными блюдцами грустных глаз. – Доктор сказал, что пройдет дней десять перед тем, как оно начнет действовать.

– Ги! Ги! – внезапно послышался голос медсестры.

Открыв глаза, он увидел её счастливое лицо, излучающее такое количество тепла, что ему стало холодно.

– Пора принимать лекарство, – медсестра протянула таблетки.

– А почему я их должен принимать? – поинтересовался Ги.

– Потому что они полезны для тебя! – ответила сестра. – Ты будешь их принимать и станешь нормальным. Как все.

– А я не хочу как все! – возразил Ги. – Все сумасшедшие!

– Нет! – медсестра протянула стакан с водой. – Не сумасшедшие! Люди трудятся, ведут нормальный образ жизни.

Мальчик увидел ещё одну фигуру. Это был доктор Зак. Он вошел в палату поинтересоваться, как Ги себя чувствует.

– Ты, – начал доктор, – должен принимать таблетки, чтобы стать полноценным членом общества.

– А что это такое?

Доктор Зак открыл рот, чтобы объяснить, но потом снова его закрыл. Он чихнул, поправил на носу очки, снова чихнул, посмотрел в окно, глубоко вздохнул и почесал высокий умный лоб.

Ги проглотил таблетку и почувствовал, что сильно устал.

Мальчик опустил голову на подушку и тотчас уснул.

Во сне он увидел себя на другой планете. Его окружали инопланетяне, которые не были полноценными членами и не принимали таблетки.

Ги чувствовал себя среди них счастливым.

– Привет! – Даша красила губы. – Есть хороший шанс выиграть на бирже.

– Конечно! – Вася прыгнул в туалет.

– Я уверена! – Даша натягивала юбку.

– Абсолютно! Я тоже! – крикнул Вася из туалета. – У нас прекрасные шансы!

Даша на ходу жевала бутерброд с сыром, огурец и яйцо.

– Мы купили хорошие акции! У нас замечательные шансы!

– Конечно! – орал Вася.

– Я уверена! – Даша бежала к выходу.

– И я! – Вася полетел на кухню, чтобы схватить бутерброд. – Я уверен, я абсолютно уверен! – он оторвал зубами кусок колбасы.

– А кто это здесь прыгает? – Вася увидел маленького мальчика.

– Я думаю, что это наш сын! – Даша бежала вниз по лестнице.

– Вася! Где ты? – донесся голос издалека.

– Я в госпитале, Даша! Акции дорожают! Всё замечательно! Даша, как ты?

– Я здесь, Вася, в доме престарелых! Читаю про наши акции.

– А это кто прыгает, Даша!

– Это, видимо, наш внук, Вася!

– Да, акции растут быстро! А как твоё имя, женщина?

– Не помню! А твое?

– Я помню, что акции были хорошими, а сейчас?

– Я уверена, что вчера на завтрак был жареный кенгуру.

А ты что ел?

– А кто я? Чёрт! Не помню! Да какая разница, ведь главное, чтобы акции росли в цене. Правда?! А что ты не отвечаешь? Ах, её нет? Жалко! Жалко, что она не узнает, какие большие бананы выросли на моём кактусе.

Доктор Зак бежал по отделению, как вдруг наткнулся на маленького Ги, спрятавшегося между большим цветком и окном.

Мальчик рассматривал что-то за окном. Его лицо было таким счастливым, что доктор притормозил и расслабился.

Доктор внезапно почувствовал, что ему совершенно не хочется работать.

Хотелось сесть на мягкий песочек, откинуть в сторону проблемы, забыться в мечтах и согреться под нежным солнышком, а также поплавать в изумрудной воде рядом с голенькими туземными девушками.

– Ги! – поинтересовался доктор Зак – А что там за окном интересного?

– Вот! – Ги ткнул пальцем в стекло.

Доктор Зак посмотрел в окно, но ничего особенного не увидел.

– Птица! – добавил мальчик.

Доктор Зак некоторое время поводил рассеянным психиатрическим взглядом по деревьям, пока, наконец, не наткнулся на серенькую птичку. Она сидела на дереве и какала.

Доктор взглянул на счастливое лицо Ги.

– Это птица тебя делает таким счастливым?

– Да! – мальчик постучал пальцем по стеклу, чтобы привлечь её внимание.

Доктор Зак ещё раз взглянул на птицу и ощутил внезапную тоску по тому времени, когда он гонялся за уличными котами и ещё не нес на горбу мешок со всякими придуманными заботами.

– Солнце! – мальчик показал пальцем вверх.

Доктор Зак взглянул на пылающий шар и почувствовал боль в глазах. Он разозлился на себя за то, что забыл дома черные очки.

– Собака! – Ги кивнул головой на собачку, сидящую перед госпиталем на травке.

Доктор Зак почувствовал тревогу, вспомнив, как его в детстве укусил пёс, когда он, задумавшись о смысле жизни, случайно наступил на его кость.

– Девочка! – рядом с псом маленькая девочка играла в мячик.

Доктор Зак вспомнил, что давно не видел дочь, которая быстро выросла.

Ги показывал на разные вещи, которые делали его счастливым, и доктор Зак каждый раз испытывал тоску по далекому и утраченному.

– А что вас делает счастливым, доктор? – спросил Ги, внимательно посмотрев ему в глаза.

Доктор от смущения чихнул, поправил на носу очки, как обычно забытые дома в ванной, и, покрутив шей, спросил:

– А как эта птица делает тебя счастливым?

– Не знаю, – мальчик пожал плечами. – Просто смотрю на неё, и всё.

– Ты счастлив потому, что птичка красивая или она тебе что-то или кого то напоминает? – не отставал доктор Зак.

– Не знаю, – Ги снова пожал плечами.

Он внимательно посмотрел в потухшие глаза доктора и сказал:

– Доктор Зак! Вы так грустны! Может, вам начать лекарство принимать?

– Я уже принимаю, – услышал доктор собственный голос и вздрогнул. Надо было сохранять профессиональную дистанцию.

– Доктор! – Ги прижался носом к стеклу. – Ведь я же не сумасшедший, правда?

– Нет-нет! – Доктор Зак в упор разглядывал птицу на дереве. – Нет, ты не сумасшедший, ты просто слышишь и видишь то, что другим не слышно и не видно.

– Но если это делает меня счастливым, доктор, тогда оставьте меня в покое и выпишите. Я хочу уехать в лес, выкопать землянку на берегу озера и в ней жить.

– Я тоже, – услышал себя доктор Зак.

– Так поехали вместе, – предложил Ги.

– Что такое происходит? – подумал доктор. – Я пациент или психиатр?

– А какая разница? – мальчик дышал открытым ртом на стекло.

– Что – какая разница? – снова вздрогнул доктор, поняв, что ребёнок прочитал его мысли.

– А-а! – махнул рукой мальчик. – Пойду спать!

Доктор Зак вернулся в кабинет. Он никак не мог сосредоточиться на работе. Белый цветок на подоконнике не делал его счастливым. Почему? – думал доктор – Что такое в моей жизни произошло, что я не могу больше радоваться? Мысли, – догадался он, – мысли! Надо бы от них от всех избавиться. Это чёртовы мысли делают мир невидимым. А, с другой стороны, что это такое – психиатр без мыслей? Ведь я тогда не смогу работать, а ведь сколько денег надо платить за дом, машину, страховки?! А, с другой стороны, зачем мне все эти вещи нужны, если они не приносят счастья?

Доктор Зак тряхнул головой. Он почувствовал, что совсем запутался. Усталость взяла свое и он задремал. Во сне к нему пришла серенькая невзрачная птичка и чирикнула:

– Идиот! Посмотри, какая я красивая!

Доктор Зак смотрел на неё, пытаясь разглядеть талию, грудь, бедра, голубые глаза и черные волосы.

– Я же не баба, Зак! – обиделась птица. – Я – птица! Ты что – не рад?

– А чему радоваться? – Доктор Зак злобно усмехнулся. – Ты мне что – в клюве миллион долларов принесла?

– Да при чем здесь деньги? Ты что, мне совсем не рад как птице?

– Да рад я тебе! – махнул доктор рукой.

Он был зол. Ни во сне, ни наяву никто его в покое не оставляет.

– Первый раз я посетил психиатра, когда мне не было и трех лет, – больной начал вспоминать жизнь, насыщенную интересными встречами с разными специалистами в области медицины. – Я помню, – пациент сложил худенькие, изящные ручки на толстеньком животике – Мама объясняла доктору, что нужно что-то со мной делать, так как я не могу двигаться так же быстро, как и она. Я имею в виду – скакать, бежать, ползать и прыгать в разных направлениях одновременно. Я явно не вписывался в стиль её жизни и это мамочку раздражало. Она жаловалась, что я прыгаю не в ту сторону, в какую ей бы хотелось, и её не слушаю. Но я точно знаю – это не я, а она никогда не слышала, что ей говорят. Это мне надо было притащить её к психиатру, чтобы тот дал ей мешок лекарств. Доктор, я был маленький, несмышленный, шупленький и беззащитный птенчик!

Пациент выпятил живот и стал похож на майского жука, греющегося на солнышке.

– Я был маленьким созданием, мучимым дикой, неукротимой мамой. Я помню, доктор с мохнатыми бровями долго и задумчиво смотрел на маму, всё время облизываясь, а потом одарил её кучей комплиментов, смысл которых был в том, что она мужественная женщина, закаленная в боях со мной. Он ещё что-то добавил про её ноги, а потом протянул для меня рецепт. Она засунула мне таблетку в рот, и я стал прыгать в нужном ей направлении, что на время сделало её счастливой.

Я был разочарован и обижен. Это идиотское прыганье отвлекало меня от любимого занятия – разглядывания трескучих зеленых кузнечиков на лужайке. От идиотских таблеток я прыгал так высоко, что вскоре начал выбиваться из сил, еле еле поспевая за мамочкой, брызжущей во все стороны энергией. В очередном прыжке она схватила меня за руку и втащила обратно к озабоченному психиатру, который снова что-то промышчал про её ноги и, шумно дыша, удвоил дозу назначенных мне пилюль. Новая доза так подействовала, что мне всё время хотелось плакать. Маму это страшно раздражало, потому

что ей приходилось отвлекаться от прыжков и вытирать мне слезы. Совсем недовольная жизнью, она втощила меня назад к психиатру, помешанному на её ногах. Доктор начал говорить о поздней осени, холодном ветре и желании посидеть рядом с её ножками в тепле. Я хотел ему сказать, чтобы он забирал её ноги и, вообще, любую часть ее тела и дал мне возможность хотя бы на время отдохнуть от прыжков и плача. Но он меня не видел и не слышал, сосредоточившись на той части маминого тела, которая когда то использовалась для моего питания. Короче, он дал мне зеленых таблеток, которые убрали слезы, но заставили меня поминутно бегать в туалет.

Мысли исчезли. Улетучилось желание разглядывать кузнечиков и вся моя жизнь сосредоточилась возле туалетов, что привело мамочку в бешенство. Её прыжки стали не такими высокими и дальними, за чем последовали проблемы на работе и драки с толстым дядькой, который постоянно хотел храпеть в её кровати.

Плача, она втокнула меня в кабинет к дурацкому психиатру. Он попросил меня выйти. Я вышел и несколько часов слушал доносящееся оттуда фырканье. Мне казалось, что он с удовольствием кушает мамины ноги.

Впоследствии доктор выписывал мне пилюли разных цветов, но все они, в конце концов, перестали действовать.

Я опять начал думать о зеленых кузнечиках и мечтать, что в один прекрасный день стану таким же как они, и буду трещать в травке и наслаждаться жизнью.

Однажды мамочка дала мне синюю таблетку, от которой я начал бегать по кругу, а ночью мне приснился сон: я увидел громадного крокодила, похожего на доктора. Крокодил хотел меня съесть. Я так перепугался, что закричал от страха, прибежал к маме, прыгнул к ней в постель и увидел там шумно дышащего, обливающегося потом психиатра. С тех пор я начал заикаться.

Мама притащила меня к специалисту по лечению заикания, который, так же как и придурак-психиатр, неотрывно смотрел на мамины ноги, высоко поднятые кверху в сильном прыжке к потолку.

Таблетки так перепутали молекулы в моей маленькой голове, что однажды я очутился в офисе гипнотизера, которому удалось внушить мне чувство вины за то, что я выплевывал

эту гадость направо и налево. Позднее я видел этого типа в маминой кровати, хотя самой мамы там не было. Она, по моему, прыгала с одним психологом по просторам бескрайнего сумасшедшего города.

Пациент замолчал, и доктор Зак увидел маленькие слезинки, медленно ползущие вниз по пухленьким щёчкам.

Доктор хотел протянуть ему салфетку, но обнаружил, что все салфетки кончились: много стало за последнее время плачуще-скачущих пациентов в офисе доктора Зака.

– Я до недавнего времени прыгал высоко, – продолжал больной. – У меня ответственная, хорошо оплачиваемая работа, большой красивый дом, жена, дети, несколько машин в гараже...

Пациент задумался.

– Короче, – продолжал он, вытирая слезы рукавом пиджака. – Таблетки перестали действовать, и я чувствую, что теряю скорость и начинаю прыгать в неправильном направлении. Тут недавно прыгнул в отпуск, хотя надо было скакнуть на ещё одну работу. А позавчера, вместо того, чтобы прыгнуть в банк, чтобы взять больше денег в долг, я заскочил в пивной бар, где увидел интересную женщину и, вместо того, чтобы от неё отпрыгнуть, наоборот, как полный идиот, на неё прыгнул! И всю ночь продолжал на ней прыгать, хотя понимал, что прыгать нужно было на жене. Хотя на ней в последнее время прыгать стало больновато, она сейчас твердая, с острыми углами от похудения. Я даже один раз промахнулся и долбанулся нижней частью в пол.

– Сочувствую, – произнес доктор Зак, обдумывая план лечения.

– Иногда, доктор, – продолжал всхлипывать больной, – мне хочется улететь в лес, прыгать там по траве туда-сюда и ни о чём не думать. Но я боюсь...

– Чего вы боитесь? – доктор Зак почесал указательным пальцем глубоко в носу. Там было нечто, что мешало ему сосредоточиться на процессе обдумывания плана лечения.

– Сам не знаю. – Больной устремил глаза в потолок, поросший паутиной, в которой запутались миллионы жалоб встревоженных жизнью пациентов.

– У меня для вас есть хорошее лекарство, – подумал доктор, а вслух сказал:

– Да... Да... А у вас есть хобби?

– Люблю смотреть на кузнечиков, – пациент виновато улыбнулся, – они такие близкие, родные...

– Ну, так и смотрите почаще! Доктор Зак поймал себя на мысли, что иногда даёт больным полезные советы. Он закашлялся, слегка поперхнувшись собственным глубокомыслием, и принялся рассказывать больному о философии буддизма, специальных упражнениях для измученного больной головой тела, дыхательной гимнастике и так далее.

Из открытого рта больного торчали два длинных передних зуба, придавая ему сходство с насекомым. Доктор Зак никак не мог понять, с каким именно. И это его мучило целый вечер, не давая возможности уснуть.

Через некоторое время доктор Зак с сыном пошел в зоопарк.

– Папа! Папа! – закричал сын. – Посмотри, какой громадный кузнечик!

Доктор Зак взглянул на странное существо и понял, что потерял клиента с хорошей медицинской страховкой.

Было обидно. Но одновременно и радостно за бывшего пациента, расслабленно сидящего на полу клетки с довольным, радостным видом.

«Да! Никакие таблетки не принесут такого счастья!» – подумал доктор.

Он позавидовал больному и расстроился, вспомнив, как любил в детстве сидеть на ветке, воображая себя орлом, высматривающим добычу.

Не хватило у него смелости стать орлом!

Доктор Зак незаметно сунул маленькую таблетку в рот, схватил сына за руку и прыгнул с ним в сторону от клетки.

Доктор Зак вечером сидел в кабинете и, громко ругаясь матом, писал глупые бумаги для idiotских страховых компаний, чтобы получить за адский труд немного денег и, расплатившись с долгами, купить на ужин сыр хорошего качества.

В очередной раз ругнувшись, он вдруг услышал знакомый голос.

– Доктор Зак, это я, Шапиро.

Подняв глаза от проклятых бумаг, он увидел странный шар, меняющий цвет и размер. Шар лежал в кресле, где, по идее, должен был находиться зад пациента. Доктор Зак, конечно, много чего видел в психиатрической практике, но тем не менее нашел зрелище заслуживающим внимания.

– Шапиро? – удивился доктор.

– Да! – раздался голос. – Это я, Иван Шапиро! Я стал Виной. Я себя чувствовал настолько виноватым, что превратился в Вину. Даже не понимаю, как это случилось! Дайте таблетки, чтобы я опять стал Иваном.

– Таблетки? – Доктор Зак продолжал с изумлением рассматривать сверкающий шар.

– Да! Дайте что-нибудь! Хочу стать Шапиро! – в голосе звенели слезы. Шар дребезжал, хрустел и пищал, переливаясь всеми цветами радуги.

– Интересно! – продолжал доктор. – Большинство больных испытывает чувство вины в глубине души, а вот у вас оно снаружи! Любопытно!

– Вы думаете, я ещё человек? – хрупкая надежда едва теплилась в голосе Ивана.

– Конечно! У вас всё есть: мышцы, кровь, мозг и так далее... Сделайте рентген и увидите, что я прав! – попытался его успокоить психиатр.

– Я вам верю! – Шапиро тяжело вздохнул и сократился до размера маленького мячика.

– Вот возьмите! – Доктор Зак протянул Ивану-мячику рецепт. – Принимайте натошак после еды – раз в день.

Несколько дней спустя Иван собственной персоной появился в кабинете и бросил мясистую задницу в уставшее от неврологических проблем кресло.

– Вот видите, – доктор Зак отвлекся от матерной ругани. – Чувство вины ушло внутрь и теперь вы как все! Хотите таблетки, чтобы полностью избавиться от чувства?

– Нет-нет! – Иван отчаянно замахал конечностями и так затряс головой, что из носа выскочила большая сопля, которая укоризненно посмотрела на доктора Зака.

– Что вы! – махал он чем попало, – Что вы! Что вы! Как я могу жить без вины? А работа, семья, жена, дети? Точнее – жёны, дети, машины, дома, работы, работы, работы... У меня столько обязанностей, доктор! Столько обязанностей! Вы знаете, сколько времени и энергии родители, школьные учителя, преподаватели в колледже, жены и дети потратили, чтобы внушить мне это чувство?!.. А сколько сил я сам затратил, чтобы это чувство холить и лелеять, вскармливать и удобрять, отгоняя вредных насекомых?!.. И вы хотите, чтобы я всё разрушил? Что же будет тогда с моей жизнью?

– Да вы успокойтесь! – доктор Зак вытер пот со лба. Он всегда потел после плотного обеда – вы не волнуйтесь! Я же только предложил.

И тут прямо на глазах у изумлённого доктора Зака Шапиро начал исчезать, а вместо него в воздухе начал постепенно вырисовываться знакомый шар.

– Вижу, вы не следовали инструкции, как полагается! – укоризненно произнёс доктор.

– Да! – раздался виноватый голос Шапиро изнутри шара. – Не принимал. Виноват. Боялся побочных эффектов!

– Ну, что теперь делать будем? – психиатр задумчиво разглядывал шар, выглядевший разочарованным и беспомощным...

Доктор Зак внезапно почувствовал, что смертельно устал.

– Идите! Точнее – выкатывайтесь отсюда! И следуйте моей инструкции в течение двух недель, – буркнул доктор и, уткнувшись в бумаги, стал опять громко ругаться матом.

Шар плавно выплыл из кабинета.

– Доктор! – Через две недели Иван снова плакал, сидя в замученном кресле. – Мне так плохо!.. Я чувствую, что от ваших

таблеток чувство вины полностью исчезло!.. И снаружи и внутри! Я не знаю, как теперь жить!

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет влетела взъерошенная жена Шапиро. На её лице, покрытом красными пятнами, было заметно выражение, которое часто можно наблюдать на морде львицы, внезапно увидевшей рядом кошку. Женщина шумно и часто дышала. Её тело изогнулось и было готово к прыжку на интеллигентно выглядящего психиатра.

– Мой муж! – закричала она. – Что вы с ним сделали? Все из-за ваших дурацких таблеток! Он сидит целыми днями дома, пишет стихи, изучает дурацкий буддизм и ходит на работу только раз в неделю! – Раз в неделю! – вопила она, размахивая большими взволнованными грудями.

Доктор Зак испугался и немного отстранился, расслабив узел галстука.

– Да я вас судить буду! – бросила она психиатру, схватила Шапиро за причёску и выбросила его из кабинета вместе с собой.

Доктора Зака судили.

– Он не виноват! – доказывал его адвокат.

– Нет, виноват! – кричал адвокат жены Шапиро. – Он мог предвидеть последствия!

Доктор Зак ругался матом все время, даже во сне.

– Клиенту должно быть возвращено его чувство вины! – постановил судья. – Нельзя допустить, чтобы невинные люди страдали.

Жена Ивана плакала от счастья.

Доктор Зак потерял сон и аппетит.

Шапиро стал регулярно получать внутримышечные инъекции.

Доктор Зак плюнул и уехал в отпуск, чтобы отдохнуть от самого себя и нерешительных клиентов. Там, вдали от родной страны, сидя под пальмой, он познакомился с попугаем.

Попугаю было совершенно незнакомо чувство вины.

И доктор Зак твердо решил стать ветеринаром. И специализироваться на рыбах. По крайней мере, они не разговаривают.

Ги проснулся среди ночи и посмотрел на часы, висящие на стене. Он заметил, что стрелки двигаются странно.

Ги встал и подошел поближе.

Минутная стрелка сдвинулась с места и прыгнула вперед.

Ги стоял и внимательно наблюдал за прыгающей стрелкой, потом устал, лег в кровать и заснул.

Утром в палату вошла женщина, которая родила Ги.

– Ну, как ты? – спросила она, поправив изо всех сил сопротивляющиеся возрасту груди, тянущие усталое от забот тело к земле.

– Стрелка прыгает! – Ги показал на часы. – Интересно, мы проживаем жизнь прыжками, или двигаемся плавно, как бы перетекая из одной секунды в другую? Прыжок, – продолжал он, – и ты – отец, второй – дед! Третий – снова младенец!

– Нет! – объяснила женщина, – Ты живешь, учишься, работаешь, заводишь семью...

Ги стало ясно, что она его не понимает, и он замолчал.

Женщина посидела в палате, подкрасила губы, подтянула чулки и, тяжело вздохнув, вышла.

Ги пристально смотрел на часы. Он желал в глубине души, чтобы стрелка прыгала быстрее, тогда ему не надо будет так долго принимать чертовы таблетки. «Несколько прыжков – и всё в порядке! – думал Ги. – Может, в следующей жизни стану знаменитостью и не буду глотать дурацкие пилюли. Мальчик представил прекрасный замок на горе, в котором он живёт с девушкой с голубыми глазами и длинными черными волосами...»

– Я здесь! – Ги услышал голос за спиной.

Он обернулся и увидел её – такую, какой и представлял тысячи раз. Мальчик почувствовал, как сильно и радостно забилось сердце.

– Я – девушка, о которой ты мечтаешь! – Она улыбнулась и подошла так близко, что он уловил её нежное дыхание.

– Нет-нет, невозможно! – Ги не устоял на ногах и рухнул на кровать. – Доктор Зак сказал, что если я не начну принимать лекарство, то меня будут мучить галлюцинации...

– Но ведь ты принимаешь лекарство! – возразила она. – Значит, я – не галлюцинация!

– Может быть, я не принимаю нужную дозу! – предположил мальчик. – Я боюсь! Ведь когда у меня начинаются видения, мне делают уколы. Пожалуйста, уходи. Оставь меня.

– Я реальная, – девочка протянула руку. – Можешь потрогать.

Ги дотронулся до её руки кончиками пальцев, почувствовал тепло и испугался.

– Ты знаешь, – прошептал он, – я не могу отличить фантазию от реальности. Меня считают больным, опасным и запирают, как волка, чтобы я никого не кусал. Я боюсь, мне нельзя быть с такой девушкой, как ты, только если...

– Что – только если?

– Ты не такая же больная, как и я...

– Я нормальная. – Она села рядом и обняла мальчика.

– Если ты нормальная, – Ги плакал, – зачем я тебе нужен? Меня никто не может любить, потому что я... Потому что я...

– Я хочу быть твоим другом, – девушка положила голову ему на плечо.

Мальчик почувствовал, что в душе зарождается слабая надежда. Она была такая хрупкая, что всё на свете могло её уничтожить. Даже слабое дуновение ветра, доносящееся откуда-то сверху.

Ги показалось, что у него в сердце внезапно вспыхнуло крошечное пламя, пытающееся растопить льдину.

– Доктор Зак! – женщина, которая родила Ги, обратилась к доктору, натолкнувшись на него в коридоре психиатрического отделения. – Он опять беседует с воображаемой девочкой.

– Да-да! Подберу нужную дозу! – доктор Зак торопился в кабинет. Он не знал почему. Сев в кресло, он понял причину. Доктор закрыл глаза и представил голубоглазую девушку с длинными черными волосами. Он знал, что никогда в жизни её не увидит. Тем не менее, он жил надеждой. Она, как искорка, пыталась растопить большую льдину в душе доктора, столько лет всеми силами пытающегося казаться разумным.

Воскресным утром Шлимазл проснулся рано и сразу ощутил жуткую скуку. Она наваливалась тяжестью на тело, усталое от проблем, жареного лука и яиц всмятку. Организм трещал, гудел, зудел и требовал свежего воздуха..

Он решил пойти в зоопарк, где каждый раз вновь и вновь ощущал себя человеком.

Навстречу шли рабочие в коричневых комбинезонах. Поравнявшись со Шлимазлом, они схватили его за ноги, швырнули в клетку, подняли её на руки и понесли, не обращая внимания на его истерические вопли.

– Какого черта! – кричал он. – Рехнулись?! Что делаете?!

Шлимазл, как загнанный зверь, носился по клетке.

Глаза налились кровью, остаток волос встал дыбом, на лице мгновенно выросла густая щетина.

Шлимазл ползал на четвереньках, пытаясь просунуть лапу сквозь прутья и разорвать обидчиков в клочья. Из рта вырывался звериный рев, клетка содрогалась от ударов его нижних конечностей.

– Я не зверь! – кричал он. – Вас всех засужу! Полиция! Я человек!

Рабочие поставили клетку на землю и удалились, игнорируя орущего Шлимазла.

Постепенно вокруг клетки начали собираться зеваки. К решетке подбежал маленький мальчик и протянул между прутьями банан.

– На, ешь! – попросил ребёнок.

К мальчику подбежала женщина и, схватив его за руку, рванула в сторону.

– Брось на пол! – крикнула она – Он укусит!

Шлимазл поднял банан, снял кожуру и с аппетитом съел.

– Выпустите! – кричал он толпе, вытирая рот штаниной.

– Если ты в клетке, – заметил маленький старичок с добрыми глазами, – значит, есть на то причина. На все есть причина.

Шлимазл заплакал.

– Тебе не плакать надо, а благодарить работников зоопарка за большую, просторную и чистую клетку! Вот погляди на других – клетки маленькие, тесные и грязные. Ценить хорошее отношение надо, вот так! – утешал кто-то из толпы.

– Я не зверь! – кричал Шлимазл, разбрасывая банановую кожуру.

К нему подошел полицейский.

– Нельзя кричать в общественном месте! – он постучал палкой по железным прутьям. – Тревожишь животных. Им для здоровья нужен покой.

– Да вы что?! – Шлимазл бился о железные прутья волосатым телом. – У меня дом, жена, работа, водительские права! Я ничего противозаконного не сделал!..

– Это нужно доказать, – заметил полицейский. – За крики и разбрасывание банановой кожуры я тебя оштрафую!

– Мы верим! Не виноваты вы! – крикнули из толпы. – Поэтому вы сидите, едите бананы, наслаждаетесь жизнью, а мы, как сумасшедшие, пытаемся здесь, на свободе, убежать от самих себя.

– Посмотрите! – возмущенно прохрипела крупная женщина с решительным лицом и впередсмотрящими ушами. – Ему не надо рано просыпаться, чтобы бежать на дурацкую работу, он не должен часами торчать в пробках на дорогах, проклиная всё на свете!

– Конечно! – подхватил старичок с добрыми глазами. – У него всё есть. Еду приносят. Крыша, за которую ничего никому не должен, медицина и прививки бесплатно. А он жалуется! Позор!

– Возмутительно! – толпа зашумела.

– Несправедливо! – заметила женщина в черном берете и красных носках. – Ему все привилегии, а нам что? Платить за него налоги? Проклятый капитализм – чем меньше имеешь, тем беззаботнее живёшь!

Работники зоопарка подошли к клетке и швырнули Шлимазлу кусок сочного натурального красного мяса.

– Эй! – возмутилась толпа. Кто-то кинул в Шлимазла огрызок яблока. – Почему ему самое лучшее мясо?! А нам?

– Потому что он представитель редкой породы! – объяснил служитель зоопарка. – А вы – стадо глупых двуногих! Таких,

как вы, – миллионы, а он – один! Ещё где-то самка бегаёт. Мы её обязательно найдем и вместе их поселим, чтоб спаривались.

– Где самка? – заинтересовался разговором Шлимазл, разрывая зубами сочное мясо.

– А что в нём особенного? – спросил кто-то.

– Он иногда останавливается и задумывается, – пояснил рабочий и, размахнувшись, кинул Шлимазлу ещё один кусок.

– Ну!!! – зашумели все. – Вот это да! Теперь понимаем! Он наверняка уже в Красную книгу занесен.

Шлимазл глотал большие куски сырого мяса и смотрел на восторженные лица людей.

– Не хочу думать! – обратился он к толпе, перестав на мгновение чавкать – Хочу заняться бессмысленным бегом и стать таким же идиотом, как и вы... Отпустите!

– Он сумасшедший! – заметил кто-то. – Не понимает своей ценности! Правильно, что его в клетке держат! А то ненароком машина собьет! Что самка одна делать будет?

– Вы её поймайте сначала! – крикнул кто-то.

– Поймаем! Поймаем! – пообещали несколько человек с суровыми лицами.

– Хранить такое существо надо! Бережно хранить! – заметил старичок с добрыми глазами. – А как помрет, мумию сделать.

– Не надо из меня мумию делать! – возмутился Шлимазл. – Я не фараон! Я простой еврей! Задумчивый!

– Задумчивый – значит уже не человек! – возразила женщина с ушами, смотрящими назад в прошлое. – Ты – еврейское сверхсущество, и к человеческому роду не принадлежишь!

– Не хочу думать! – взмолился Шлимазл. – Отпустите! Хочу платить налоги, жить в пробках, лечить простатит и депрессию!

– Ему психиатр нужен! – посоветовал кто-то.

Доктор Зак вышел вперед.

– Что случилось?

– Дайте ему таблетки, доктор! – зашумели люди. – Жалко ведь – редкий экземпляр!

– Ясно вижу проблему, – начал доктор Зак, обращаясь к Шлимазлу. – Вам слишком хорошо, а от этого – плохо! Надо,

чтобы снова стало плохо, тогда будете мечтать о том, чтобы стало хорошо!..

– Не понял! – Шлимазл тер глаза, начавшие слезиться от обильной еды.

– Не надо понимать, – заметил доктор – Надо таблетки принимать!

Шлимазл спал.

Толпа ещё постояла, но пошел дождь, и вскоре все разошлись.

Доктор Зак вздохнул и отложил авторучку.

Он прочитал свой рассказ про Шлимазла и остался доволен. Правда, оригинальный конец так и не придумал.

«В следующий раз», – подумал доктор Зак и поехал в зоопарк.

Он любил волков. Смелые, сильные, одиночки, за себя постояят, везде выживут и кому хочешь глотку разорвут. Этих качеств доктору Заку не доставало. Он был волчьей противоположностью, и волки его за это обожали. Им не доставало его мягкости и неарийской задумчивости. Когда доктор появлялся в зоопарке, они его приветствовали дружным воем. На вой сбегались дети, и доктор Зак чувствовал себя моложе, что ему нравилось.

– Я был американским мужчиной – добрым, заботливым, любящим готовить еду и растить детей.

Я искал американку, обожающую драться на кулаках, гонять на мотоцикле, ловить рыбу и ругаться матом. Я встретил её. Она любила свой лишний вес, кухню и стирку. Вскоре я заметил, что у меня на щеках начала расти щетина, увеличились бицепсы, появились яички. Я не знал, что с ними делать. Пришлось проконсультироваться со знакомой женщиной.

Я со страхом наблюдал утренние эрекции и после каждой поллюции бежал к врачу, думая, что умираю.

На спине начала расти шерсть, приводящая жену в состояние экстаза.

В глазах появилось твердое выражение. Я боялся зеркала – оттуда на меня смотрело мускулистое, шерстяное чудовище, точно знающее, что хочет в жизни.

Я писал от страха в штаны, наблюдая, как жена варит щи, и трясся от изумления, когда она говорила о готовности кормить детей грудью. Я постоянно пребывал в полуобморочном состоянии, видя, как жена загружает белье в стиральную машину. Представляете, доктор Зак?

– Да, – доктор Зак кивнул головой. – Вы потеряли тот опыт, который позволяет мужчине выжить в современном обществе. Вы, наверное, сможете со временем адаптироваться и привыкнуть к жене. А если вы с ней разойдётесь и однажды встретите заведующую отделом в штанах, готовую баллотироваться в президенты? Что-тогда будете делать?

– Не знаю, – вздохнул пациент. – Давайте расскажу, что было дальше...

– Конечно.

– Короче, жена была ненормальной, и я пытался разобраться почему.

Я показал её лучшим специалистам. Они почистили ей кровь и печень. Не помогло. Вскоре она стала печь пироги, отчего у меня начали расти усы.

Я настоял на том, чтобы ей сделали хромосомный анализ. Все оказалось нормально. Доктора не могли помочь. От моих волнений супруге стало тоскливо. Пришлось её пристроить в группу поддержки женщин, страдающих депрессией из-за наличия женственности.

Я записался в группу для мужчин, заболевших от своей мужественности.

Ничего не помогало.

Люди смотрели на нас, как на отбившихся от стада черных овец. В конце концов, мы решили покинуть замечательный континент и уехать на далекий остров, чтобы начать жизнь среди похожих на нас абorigенов.

Всё было прекрасно, пока жена не съела странный фрукт. Она заявила, что начинает бороться за свои права. Купила член, сделанный из кожуры банана, вымоченного в кокосовом молоке и стала искать работу, заявив, что сидение дома с детьми делает жизнь невыносимо скучной. Мои яички снова уменьшились в размере. Я понял, что пора возвращаться.

– Теперь мы живем здесь, – вздохнул пациент. – Я – с бородой, но без яичек. Жена работает с утра до вечера, но печет пироги и стирает белье. Доктор, мы запутались... Помогите, а?

Доктор Зак поправил очки, поковырял в носу, почесал затылок и задумался над тем, какого размера у него яички.

Пациент ждал.

Доктор думал.

А земля вращалась по кругу, как будто ничего не случилось.

Больной сидел в кабинете и что-то внимательно рассматривал позади доктора Зака.

Доктор обернулся.

– Ничего там нет! – прохрипел простуженный пациент. – Я с детства люблю смотреть вдаль. Мне казалось, там, в океане, плывёт корабль, везущий сокровища. Наконец, он приплыл, привез мне и всем остальным вечно недовольных жен, дома, машины, много нудной работы, головную боль, геморрой и долги. Думая об этом, я, расстроенный, сидел на скамейке в парке, когда вдруг увидел парочку. У мужчины на плечах сидел маленький мальчик и улыбался. Вы себе не представляете, доктор, как я позавидовал ребёнку! У меня аж взмокли ладони, а по телу прошла дрожь. Я сидел, крутясь на месте, скрипел зубами, бессильно кусая губы до крови. Ребеночек наверняка видел корабль с сокровищами, плывущий к нему – мальчик был так радостно возбужден! Ах, как хорошо сидеть на плечах у любимого папочки!

А мне, доктор, уже пятьдесят. Я прожил жизнь и остался разочарован водным транспортом.

Какие у мальчика молодые, сильные, красивые родители! Они столько лет будут о нём заботиться! Как прекрасно, беззаботно, безмятежно детство! Ребёнку ещё долго не нужно будет просыпаться рано и бежать на ненавистную работу, на ходу глотая хлеб с колбасой.

Я чувствовал такую зависть, доктор, что едва сдерживался, чтобы не разрыдаться. Озлобленный, раздраженный, взволнованный, расстроенный, я полусидел-полулежал, согнувшись пополам. Меня буквально распирало от желания стать мальчиком на папиных плечах!

Вдруг я, к своему изумлению, почувствовал, что становлюсь легче и легче и поднимаюсь вверх. Потом, доктор, произошло нечто странное. Я увидел, что сижу на плечах, маленькими ручонками обхватывая шершавую шею. Вдали виднелось лазурное море. Ко мне плыл корабль. У мачты стоял капитан и что-то кричал.

Я прислушался и вдруг услышал: «Ты – сука!» Голос явно доносился из головы, которую я нежно обнимал.

«А ты сукин сын!» – женщина смотрела на мужчину с ненавистью.

Она схватила меня и попыталась сорвать с плеч мужчины. Но он не хотел отдавать и дернулся в сторону. Я почувствовал, что меня сейчас разорвут на части.

«Я тебя ненавижу!» – закричала женщина ему в ухо.

У меня закружилась голова. Она попыталась ударить мужчину по лицу, но промахнулась, и удар пришелся мне по спине. Я потерял соску и, испугавшись, заплакал.

«Это я тебя ненавижу!» – закричал мужчина и, развернувшись, хлопнул ей рукой по щеке, отчего я слетел и повис вниз головой, зацепившись пяткой за его ухо. Отбросив меня в придорожные кусты, они начали драться. Я сидел под большим кленовым листом и смотрел на беспомощно выглядящего пожилого мужчину с глупым лицом, который, согнувшись пополам, полулежал на скамейке. Мужчина смотрел на меня с завистью, и я сразу понял, что он – кретин. Я так ему завидовал! Он не сидел на шершавой шее. Его никто не рвал на части, не бил по спине и не скидывал в кусты. Этому придурку не надо было есть, писать и какать в определенное время. Его родители наверняка давно отдыхали в могиле, а не били друг друга по роже на дорожке в парке. Я так завидовал седому морщинистому хмырю, что почувствовал головокружение, а потом внезапно увидел свои длинные артритные ноги и руки, разбросанные по скамейке.

Рядом шла парочка. На шее у мужчины сидел улыбающийся ребенок.

«Дура!» – бросил мужчина женщине.

Я больше не завидовал мальчику.

Я подошел к парочке, взял ребенка и посадил себе на шею. Они обрадовались и начали бить друг другу морду.

«Ну? – спросил меня мальчик. – Привез тебе корабль сокровища?»

Я молчал, не зная, что ответить.

Не хотелось говорить правду, но и врать я не мог.

Пискман сидел в офисе и работал. Ему были нужны деньги. Много. Он не понимал, зачем нужно столько денег, но все кругом зарабатывали деньги. А он был как все. Это ему внушили с детства. Если бы все побежали в сумасшедший дом, Пискман бы к ним примкнул, и там, в доме, много бы работал, раскрашивая картинки.

Зазвонил телефон.

– Пискман! – раздался голос. – Тебе осталось жить один день.

– Кто звонит? – Пискман продолжал работать.

– Друг!

– У меня нет друзей! Работы много! – Пискман чихнул и вытер сопли рукавом пиджака.

– Это сын!

– Не было времени делать детей! Я всё время работал, – Пискман вытер рукав о кресло.

– Это отец!

– Он умер! – Пискман почесал зад. – Не мешайте работать!

– Я тот, кто тебя знает!

– Никто меня не знает! – Пискман начал сердиться. – Я всё время работаю и зарабатываю.

– Это твоя собака, – сказал раздраженный голос.

– У меня нет ни собаки, ни кошки. Некогда! Я работаю!..

– Это облако, солнце, звезды!

– Я не видел их! – Пискман чихнул. – Нет времени.

– Я часть тебя, – продолжал голос.

– У меня нет частей! – Пискман начал всерьез сердиться.

– Я – Пискман, который зарабатывает деньги.

– Я и есть Пискман, – заявил голос.

– Если ты Пискман, то я тебя не знаю. У меня не было времени с самим собой поговорить.

– Я сдаюсь, – произнес голос. – Ты не умрешь.

– Я знаю, на это нет времени. Я работаю.

– Ты счастлив? – тихо поинтересовался голос.

Но Пискман не ответил. Он не слышал. Он зарабатывал деньги.

После многих лет работы в психиатрической клинике доктор Коган, наконец, вышел на пенсию. Все годы он трудился в одном и том же отделении среди одних и тех же сотрудников.

В обеденный перерыв все собрались вместе, чтобы пожевать старые сплетни и попить кофе трехдневной давности.

– Доктор Коган вышел на пенсию, – вздохнул социальный работник. – Надо же! Неужели это правда?

– И главное, так внезапно, – удивился кто-то. – Никому не сказал. Взял и исчез.

– Серьезно? – удивилась медсестра. – Интересно... Просто так – взял, а потом – исчез.

– Не помню, – задумался медбрат. – Может, он и сказал что-то на прощанье...

– Да нет, ничего он не сказал, – медсестра поправила на носу очки. – Просто ругнулся пару раз и все. А затем исчез.

– Он никогда не ругался, – возразил социальный работник. – Вы путаете.

– Доктор Коган! Доктор Коган... – медбрат наморщил лоб. – Симпатичный доктор, с седыми волосами, высокий, задумчивый...

– Да нет, – рассмеялась медсестра. – Он маленький, черно-волосый и совсем не задумчивый.

– Да что вы? – возразил медбрат. – Я с ним много лет бок о бок работал.

– Да что вы! – удивленно протянула медсестра. – А я ещё больше вашего.

– Вы не правы, друзья! – социальный работник развел руками. – Доктор Коган не высокий и не низкий, не седой и не черноволосый. Он такой... ну... такой... – он пытался подобрать слова, но вдруг замолчал в недоумении. – Помню, он часто выглядел усталым. Особенно последние десять лет.

– Он энергичный был, – вмешалась в разговор уборщица. – Рыжеволосый, прыгучий, с волосатой грудью...

Все посмотрели на неё с удивлением.

- Спал он все время, – махнул рукой медбрат.
- Все молчали, глубоко задумавшись, стараясь вспомнить, каким был доктор Коган.
- А кто он был? – прервал молчание социальный работник. – Каким он был? Была ли у него семья? Был ли он счастлив? А что мы вообще про него знали? Он ведь работал с нами бок о бок двадцать пять лет!
- Помню, он по утрам говорил «привет!» – медбрат заёрзал на стуле.
- И пил кофе, – подхватила медсестра.
- Ничего никогда про себя не рассказывал, а мы и не спрашивали, – заметил социальный работник.
- А он вообще был? – прозвучал голос медсестры.
- А мы вообще есть? – поинтересовалась уборщица.
- Привет! – дверь открылась. На пороге стоял доктор Коган.
- Забыл часы – он держал под мышкой большие настенные часы с кукушкой.
- Высокий и седой, – медсестра поправила очки на носу.
- И рыжий, – добавила уборщица.
- Высокий и сонный, – продолжил социальный работник.
- Низкий и энергичный, – добавил медбрат, – с носом...
- Вы доктор Коган? – спросили все одновременно.
- А вы – те, с кем я проработал столько лет? – доктор Коган присел, стараясь удержать тяжелые часы. Вдруг из них выскочила кукушка и стала смеяться.
- А это что такое? – удивилась медсестра.
- Вы – сумасшедшие, – кукукнула кукушка.
- Нет! – возразили все одновременно. – Мы не сумасшедшие, это жизнь такая!
- Господи! – кукушка запрыгнула обратно в часы. – Доктор Коган, носи меня отсюда! Хватит, посмотрелась!
- Кукушка, – извиняющимся тоном произнес доктор Коган и тихо вышел, навсегда затворив за собой дверь.

В городе стоял переполох: кто-то заметил на крыше пожилого человека, который намеревался прыгнуть вниз. Родственники старичка стояли на тротуаре, плакали, звали на помощь. Они были крайне расстроены и разочарованы.

– Что случилось? – к ним подошел полицейский.

– Не знаю, – всхлипывала жена старика. – Он был чем-то расстроен – Она роняла слезы на фиалки, приспособившиеся жить в асфальте. – У него день рождения.

– Нет, мама, – возразила её дочь низким голосом, от звуков которого пошатнулся пробежавший мимо кот, с любопытством наблюдавший за происходящим. – Он весь вечер шутил.

– Он весь вечер жаловался! – вступил в разговор сын старичка, тряхнув пухлыми щёчками.

– Да нет! – брат стоящего на крыше протиснулся ближе. – Он спал, а шутил и жаловался я.

– Нет-нет! – жена пожилого человека теребила седые волосы, в надежде найти там проблески здравого смысла. – Он весь вечер любовался цветами в моей комнате!

– Мама, – пропищал сыночек, – в твоей комнате цветов нет уже лет десять. Там стоит аквариум, но в нем и рыб нет.

– А где рыбы? – удивилась мама.

– Я хочу, – прервал споривших полицейский, – чтобы вы посмотрели в бинокль и точно сказали, ваш это родственник или нет.

Он протянул им бинокль.

– Ой! – громыхнула дочка, и кот убежал навсегда, писая от страха. – Он маленький, весь морщинистый! Неужели это папа?

– А ну, дай посмотреть! – брат выхватил у нее бинокль. – Да-а-а, – медленно протянул он, – вроде рубашку я где-то видел. И сапоги. Мужские. Вроде наш мужик, грустный какой-то... на меня похож. Наверное, отец. Первый раз, знаете, внимательно рассматриваю, – извиняющимся тоном продолжал он. – Последний раз, помню, вблизи видел, когда он меня ремнём драл. Лет пятьдесят назад.

– Дай поглядеть – плакала жена – Боже, – она закрыла рот ладошкой, – худой! Как изменился! Где курчавые волосы, где мускулистая волосатая грудь!?

– Мама, – дочка подняла брови. – У него никогда не было такой груди!

– А ты откуда знаешь? – мама перестала плакать и зло взглянула на дочку.

– Потому что у меня такая грудь! – Дочь гордо подняла вверх маленькую грудь. – Я знаю, о чем говорю.

Тем временем к старичку на крыше осторожно приблизился полицейский.

– Ваша семья, – сказал он тихо, – волнуется. Хотите на них посмотреть? Очень приятные люди. – Он протянул бинокль.

Старичок приблизил его к глазам.

– Не припоминаю. Где я мог их видеть? Выглядят знакомо... Я хочу прыгнуть. Я люблю парить в воздухе. Не мешайте и не отвлекайте меня дурацкими разговорами.

– Пожалуйста, не делайте этого, – попросил служитель закона – Не надо!..

– Почему? – удивился пожилой человек. – Почему я не должен парить в воздухе?

Полицейский открыл рот, но, к своему удивлению, обнаружил, что не знает что ответить.

– Вы глупо выглядите, – засмеялся старичок и прыгнул вниз.

Полицейский стремительно нёсся вниз по лестнице, представляя себе окровавленное тело, расprostертое на асфальте. Он выбежал на улицу, однако никого там не обнаружил – ни покойника, ни его семью.

– И так каждую ночь, – рассказывал полицейский доктору Заку. – Один и тот же сон... снова и снова.

– Вы слишком много работаете, – заметил доктор – Я дам таблетки, они помогут расслабиться.

– Мне не нужны таблетки, – полицейский почесал в затылке. – Мне нужно понять, что я могу сказать пожилому человеку, чтобы тот передумал прыгать.

– Я не верю в разговоры, – доктор Зак выписывал рецепт. – Кстати, старичку тоже бы таблетки не помешали.

– Я все пытаюсь разобраться, доктор Зак... – продолжал полицейский.

– Одну таблетку утром натошак, – перебил доктор Зак, протянул рецепт и сделал такое лицо, что полицейский покинул офис через несколько секунд.

Доктор Зак сел в кресло, расслабил галстук, снял ботинки, носки, расстегнул ремень, ширинку, почесал рукой в голове, а потом попытался вынуть из неё все мысли. Он вдруг поймал себя на том, что думает о старичке.

Доктор задремал и увидел себя стоящим рядом с ним на крыше. Доктор оглянулся и увидел замечательные женские молодые загорелые и стройные ноги, избавляющиеся от чёрных, в сеточку, чулок. Доктор Зак рванул к ножкам, позабыв все на свете.

«Я тоже хочу!» – закричал старичок и с улыбкой полетел вслед за доктором.

«Вот о чём надо было бы полицейскому со старичком поговорить, – подумал доктор Зак во сне. – А родственников гнать в шею»

Лицо доктора успокоительно освежалось ветерком, случайно забежавшим в кабинет.

– Я любил быть один, доктор Зак, – пациент начал рассказывать историю. – Так любил, что одиночество стало единственной радостью и развлечением. Все свободное время я занимался только им. Кормил его, поил, удобрял, укреплял, оберегал от идиотов и плохой погоды. В конце концов, у меня выросло крепкое, сильное и могучее одиночество. Доктор Зак, я так им наслаждался! Придя с работы, я выключал радио, телевизор и телефон. Закрывал окна, выкидывал газеты, журналы, затыкал уши ватой, завязывал глаза черной повязкой и ложился, расслабившись, на удобный матрасик. Но меня всё равно мучили мысли. Они начинали жужжать как комары, нарушая одиночество. Назойливые, они стали меня донимать, и я решил построить стенку вокруг головы. Работа была трудная, но я справился. Стена была толстая, надежная. Мысли-комары разбивались о моё архитектурное сооружение. Однако надоедливые образы продолжали донимать! Картинки в голову забегали: то сиська коричневым соском замелькает, то бедрышко заблестит, то солнышко засветит. Решил я тогда ещё одну стенку построить, специально для этой порнографии. Лежал я без мыслей, без образов и пытался насладиться любимым одиночеством,, однако, продолжал ощущать тело. То нос зачесется, то пукнуть захочется, то внизу зашевелится. Тогда я, решительно и глубоко вздохнув, потратил несколько недель на постройку третьей стены. И, доктор Зак, в один из прекрасных солнечных весенних дней я полностью исчез, растворившись в любимом одиночестве. Как я тогда испугался, вам не передать! Сердце забилося, дышать не могу! Метался я между стенами, кричал, вытащил из ушей вату, сбросил с глаз повязку... а толку – никакого! Бегал я, бегал, а потом упал от усталости и заплакал.

«Эй! – вдруг услышал я голос жены. – Ты что – съел что-нибудь такое?»

«Помоги! – истерически кричал я. – Сейчас умру!»

«Что случилось? – продолжала она спокойным тоном. – Ты был замурован всю жизнь! Я устала колотить по дурацким

стенам, пытаюсь достучаться! Чего ты только сейчас заволновался? Надо было раньше пугаться! Больше бы толку было!»

«Не вижу! Темно, холодно, одиноко!!!» – продолжал я орать, чувствуя, что теряю голос.

«А ты и раньше ничего не видел и не слышал! – укоризненно буркнула супруга – Это не новость. И, вообще, не ори в два часа ночи. Дай поспать! Кстати, мог бы рожу перед сном помыть и зубы почистить».

«Так ты меня видишь?» – пропищал я со слабой надеждой.

«Конечно», – она повернулась на бок и захрапела.

– Да! – доктор Зак в задумчивости пошевелил кончиком носа. – И как же вам удалось выбраться?

– А там, в темноте, доктор Зак, я нашел банку с таблетками, которые вы жене прописали. И проглотил их все.

– Да? – Доктор Зак попытался вспомнить жену больного, но не смог. Он внезапно почувствовал, что устал. Хотелось заложить уши ватой, закрыть глаза повязкой и отдохнуть. Но стен он решил не строить. Хорошо быть психиатром – можно учиться на чужих ошибках.

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+»
предлагает:

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

*Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)*

<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

Доктор Ги Дзен

ЗАГАДКА ДОКТОРА ЗАКА

Издательство «Спутник +»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.

Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9 до 18)

Подписано в печать 24.08.2016. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,75. Тираж 50 экз. Заказ 851.

Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»